

24

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

**КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ**

**ФРИЦ
ЛЕЙБЕР**

**КЛИНКИ
ПРОТИВ СМЕРТИ**

Сборник
фантастических
произведений

Перевод с английского

МОСКВА

1 9 9 2

Составитель А. Белевцева

- Л42   **Лейбер Ф.**
Клинки против смерти: Сб. фантаст. произведений:
Пер. с англ./Составитель А. Белевцева. - М.: ФЕЯ,
1992.- 383 с. - (Мастера мировой фантаст.)
ISBN 8-86740-018-2

В сборник произведений видного американского фантаста Фрица Лейбера вошли повесть, роман и новеллы из "Саги о Фафхрде и Сером Мышелове", а также фантастические рассказы, отмеченные элементом мистики.

Л 4703010100-12 без объявл.
Ц66(03)-92

ББК 84.7США

ISBN 8-86740-18-2

© "ФЕЯ", 1992

© состав, Белевцева А. Г., 1992

© оформление, Любешкина Н. В.,
1992

От издателя

За свои более полувека творческой деятельности замечательный американский фантаст Фриц Лейбер получил все мыслимые премии и награды, присуждаемые в жанре фантастики. Достаточно сказать, что только премией "Хьюго" его награждали пять раз. Два года назад Американская ассоциация писателей-фантастов торжественно отметила 80-летие своего собрата по перу - как оказалось, одного из самых любимых не только почитателями жанра, но и профессионалами.

Фриц Лейбер родился 24 декабря 1910 года в Чикаго в семье актеров Шекспировского театра. Поэтому не случайно родители прочили ему актерскую карьеру. Однако попытки играть на театральной сцене, а потом и сниматься в кино особого успеха не принесли, да и в годы кризиса 30-х годов не сулили средств к существованию.

Будущий писатель поступает на философский факультет колледжа и заканчивает его, специализируясь на утопическом социализме. В годы учебы он активно участвует в кружке уже признанного тогда фантаста Х. Ловкрафта.

По окончании учебы Лейбер какое-то время преподает в колледже, после чего в течение пяти лет служит редактором в издательстве, а потом соредактором журнала Science Digest ("Научное обозрение"), работе в котором он отдал 12 лет жизни.

Первым произведением Фрица Лейбера, увидевшим свет, был рассказ "Черные агенты ночи", написанный еще в юности. За ним последовали и другие рассказы. Все это были истории ужасов с участием сверхъестественных сил.

Известность писателю принес первый роман из серии фантастических приключений Фафхрда и Серого Мышелова, который был опубликован в 1939 году.

В 1942 году читатели знакомятся с двумя новыми романами писателя - "Жена-колдунья" (позже по нему был снят фильм "Гори, ведьма, гори!") и "Собирайся, тьма!". Оба романа были связаны одной темой - традиционным проти-

востоянием сверхъестественного и современной науки и стремлением вместить их в общие рамки, создать своего рода всеобъемлющую науку. Даже если бы Лейбер больше ничего не написал, он все равно вошел бы в ряды ведущих писателей фантастического жанра как создатель действительно нового направления.

После этого Лейбер замолчал почти на пять лет. Потом - несколько рассказов, из которых только три увидели свет, в том числе "Девушка с голодными глазами", надолго определивший свое время; опубликованный только в 1949 году, заслуженную оценку он получил гораздо позже.

Пока "Девушка" ждала читателей, Лейбер делает новый виток: с одной стороны, он пишет горько-радостные рассказы для читателей "поры любви" ("Луна зеленого цвета", "Ведро воздуха"), а с другой - повергающие в ужас пророчества "И придет очарование", "Бедный Супермен", "Зеленое тысячелетие" (1953), "Игра в молчанку".

В 1957 году романом "Необъятное время", получившим премию "Хьюго", Лейбер начинает сериал "Война необъятного времени".

И снова три года молчания. Однако писатель не сидел сложа руки, и обложку ноябрьского номера журнала Fiction за 1959 год перечеркнули слова: "Лейбер вернулся!"

Действительно вернулся. На фоне многочисленных рассказов и повестей в 1964 году выходит, пожалуй, основной роман писателя "Странница", тоже отмеченный премией "Хьюго". Лейбер создает ряд произведений, которые представляют собой острую сатиру на действительность, облаченную в фантастические одежды. Это "Спектр бродит по Техасу" (1968), "Серебряные мудрецы" (в последнем случае это дань хорошо известной Лейберу изнутри издательской деятельности). На полках книжных магазинов появляются произведения из "Саги о Фафхрде и Сером Мышелове", романы "Корабль теней" ("Хьюго-70"), "Успеть на цепелин!" ("Хьюго-76"), авторские сборники рассказов.

Настоящий том знакомит читателей с двумя книгами из "Саги о Фафхрде и Сером Мышелове" - "Веселый город Ланхмар" ("Небьюла-70" и "Хьюго-71") и "Клинок против смерти", а также отдельными новеллами с теми же героями. Наряду с этими произведениями, написанными в жанре фэнтези, в сборнике представлены типичные для творчества Лейбера фантастические рассказы, где присутствует элемент мистики, в том числе блистательная новелла "И тогда Джо бросил кости..." ("Хьюго-68").

ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД ЛАНХМАР

Перевод
К. Королева

© перевод на русский язык,
Королев К.М., 1992

Fritz Leiber
ILL MET IN LANKHMAR
NEBULA AWARD STORIES SIX
New York 1976

Ни замок на массивной двери, ни сторожевой леопард, что лежал сейчас мертвым на пороге с петлей на шее, не помешали грабителям проникнуть в дом торговца самоцветами Дженгао. Забрав то, за чем приходили, двое воров, высокий и толстый, выскользнули наружу и зашагали по Монетной улице на восток. Двигаясь бесшумно, словно призраки, они мигом растворились во мраке ланхмарской ночи.

Восточное направление они выбрали не случайно, ибо на западе, на перекрестке улиц Монетной и Серебряных Дел Мастеров, находился пост стражников, которых никак нельзя было подкупить и которые неустанно несли караул, бряцая длинными пиками.

Сказать по правде, высокому и молчаливому Слевьясу, кандидату в мастера, и толстому, с бегающими глазами Фиссифу, вору второго класса, было глубоко наплевать на всяких там стражников. Все шло по плану. Их поясные сумки скрывали мешочки, под завязку набитые только чистой воды самоцветами, что означало, что повергнутому в беспомощность мощным ударом по голове Дженгао милостиво сохранили часть его богатства и где-то даже поощрили богатеть дальше - разумеется, на благо будущих грабителей. Едва ли не основной заповедью Гильдии Воров было не резать курицу, что несет золотые яйца.

Кроме того, компаньоны с облегчением предвкушали возвращение домой, не к жене - Арат упаси! - и не к родителям с детьми - помилуйте, Боги! - а в воровскую Обитель, ставку и казармы всемогущей Гильдии, которая была им обоим и отцом и матерью, - впрочем, женщинам заказано было даже переступать порог постоянно открытой двери дома на улице Коробейников.

И вдобавок приятно было сознавать, что, хотя они и

вооружены уставными кинжалами с серебряной рукоятью, их безопасность куда надежнее обеспечивают трое наемных убийц из Братства Душегубов. Один из них шел впереди, а двое других, главная ударная сила, - сзади.

А еще - вдоль северной обочины неслышно перемещалась какая-то уродливая тень с непомерно большой головой, и напоминала она то ли маленькую собачонку, то ли котопереростка, то ли огромную крысу.

Этот охранник внушал Фиссифу двойственные чувства. Встав на цыпочки, толстяк прошептал в ухо Слевыасу:

- Разрази меня гром, если мне по душе тварь, которую подсунил нам Хрисомило, как бы хорошо она нас не охраняла! Мало того, что Кровас решил - или его уговорили - принять услуги колдуна с паршивой, если не сказать больше, репутацией, так он...

- Заткни пасть! - прошипел Слевыас.

Пожав плечами, Фиссиф повиновался. Взгляд его блуждал по сторонам, чаще всего, однако, устремляясь вперед.

Там, почти перед самым пересечением с улицей Золотых Дел Мастеров, над Монетной улицей нависал мостик, который соединял между собой два здания, принадлежавших знаменитым каменотесам и скульпторам Роккермасу и Слааргу. Фасады домов украшали неглубокие портики, их фронтоны поддерживали чрезмерно массивные колонны причудливой формы, весь смысл которых был большей частью в их замысловатости.

Из-под мостика донесся короткий приглушенный свист. Он повторился дважды. Передний охранник давал знать, что не обнаружил ничего подозрительного и что на улице Золотых Дел Мастеров все спокойно.

Фиссифу, впрочем, условного сигнала было мало. Если говорить честно, он находил своего рода удовольствие, испытывая дурные предчувствия, по крайней мере до тех пор, пока не вернется в целостности и сохранности домой. Поэтому он продолжал внимательно приглядываться к очертаниям домов Роккермаса и Слаарга.

В высоком парапете мостика, что выходил на Монетную улицу, имелись четыре смотровых отверстия, между которыми располагались три глубокие ниши. В нишах установлены были - тоже для красоты - три гипсовые статуи - размером в человеческий рост. Они стояли тут так долго, что даже успели выветриться, а постоянно висающий над

городом смог раскрасил их в пепельные тона. Когда грабители направлялись к дому Дженгао, Фиссиф на всякий случай присмотрелся к статуям. И теперь ему показалось, что крайняя фигура справа неумовимо изменилась. Нет, не то чтобы неумовимо: изваяние мужчины среднего роста в плаще с капюшоном, который глядел вниз, сдвинув брови и скрестив на груди руки, словно потемнело. А еще Фиссифу почудилось, что статую как будто обновили - очертания ее стали гораздо резче. И он готов был поклясться, что раньше она была выше!

К тому же, у подножия громоздилась куча обломков, которой Фиссиф не помнил. Он задумался, и тот уголок его мозга, который настороженно отмечал вокруг любые несообразности, подсказал Фиссифу, что ему отнюдь не помешался глухой шум, услышанный им, когда они взламывали двери дома Дженгао. Из всего этого он заключил, что за каждой из статуй имеется отверстие, через которое статую можно толкнуть и обрушить на головы прохожих - в частности, на голову Слевься и его собственную, - и что крайнюю справа скульптуру сбросили, чтобы проверить, работает ли ловушка, а потом заменили похожей.

Что ж, когда они со Слевьсом приблизятся к мостику, надо будет не спускать глаз со статуй. Чуть которая из них станет крениться, он успеет отскочить в сторону. Стоит ли предупредить Слевься о возможной опасности? Тут надо поразмыслить.

Тем временем неусыпное внимание Фиссифа заняли портики с колоннами. Последние были массивными и высотой чуть ли не в три ярда, они отстояли друг от друга на разных расстояниях и сильно различались по форме и каннелюрам. Роккермас и Слаарг придерживались современных взглядов на архитектуру и всячески подчеркивали и выделяли незаконченность, произвольность и неожиданность.

Однако неожиданность неожиданности разнь: Фиссифу почудилось, что колонны - ни с того, ни с сего - стало на одну больше. Указать на новенькую пальцем он, естественно, не мог, но уверен был, что не ошибся.

До мостика оставалось всего несколько шагов. Бросив взгляд на изменившуюся статую, Фиссиф подметил в ней и новые отличия. Да, ростом фигура была пониже прежней, но сутулилась значительно меньше, а вместо хмурой задум-

чивости мыслителя на лице ее застыла презрительная усмешка самоуверенного и тщеславного умника.

Тем не менее, они со Слевьясом благополучно миновали статуи и нырнули под арку моста. И тут с Фиссифом случилось кое-что похуже, чем падение на голову каменного изваяния.

Одна из фигур подмигнула ему.

Серый Мышелов повернулся в своей крайней справа нише, подпрыгнул и ухватился за карниз. Бесшумно переместив тело на плоскую крышу, он свесился с нее как раз вовремя, чтобы увидеть выходящих из-под мостика воров.

Не колеблясь, он прыгнул вперед и вниз, нацелившись подошвами своих башмаков из крысиной кожи в плечо более толстого грабителя - впрочем, с таким расчетом, чтобы тот успел сделать еще пару-тройку шагов.

В тот же миг высокий вор поднял голову. Увидев устремившееся на Фиссифа человеческое тело, он обнажил кинжал, но решил предоставить своего спутника собственной участи.

Проявив неожиданную прыть, Фиссиф развернулся и тоненьким голоском закричал:

- Сливикин!

Башмаки из крысиной кожи ударили его в живот. Мышелову показалось, будто он приземлился на мягкую подушку. Голова Фиссифа глухо стукнулась о булыжник мостовой. Увернувшись от выпада Слевьяса, Мышелов перекувырнулся в воздухе и твердо встал на ноги, сжимая в руке длинный кинжал.

Однако Слевьясу, похоже, было не до него. Колени вора внезапно подломились, взгляд потускнел. Не издав ни звука, он рухнул на землю.

Одна из фигур портика сделала шаг вперед. Капюшон долгополого плаща упал на плечи его владельца, открыв обрамленное длинными кудрями юношеское лицо. Из-под свободных рукавов показались мускулистые руки с громадными кулачищами, силу которых Слевьяс тут же испытал на себе.

Стоя над распростертыми на мостовой бесчувственными телами воров, Фафхрд с Мышеловом настороженно разглядывали друг друга. Оба были готовы к драке, но пока выжидали.

- Сдается мне, нас привело сюда одно и то же, - проговорил Фафхрд.

- Сдается? Ты что, еще сомневаешься? - фыркнул Мышелов, свирепо меряя взглядом нового противника, который был на голову выше сраженного вора.

- Что ты сказал?

- Я сказал: "Ты что, еще сомневаешься?"

- Как любезно с твоей стороны, - благодушно произнес Фафхрд.

- Любезно? - переспросил с подозрением Мышелов, стискивая рукоять кинжала.

- Ну да, повторить свои слова перед лицом смерти, - объяснил Фафхрд. Не выпуская Мышелова из поля зрения, он поглядел на поясные сумки воров, потом перевел взгляд на Мышелова и сердечно улыбнулся.

- Попролам? - предложил он.

Мышелов заколебался - и сунул кинжал в ножны.

- Идет, - бросил он, опустился на колени, и тронул завязки на сумке Фиссифа. - Сливинкин твой.

С его стороны было вполне естественно предположить, что толстый вор выкрикнул имя товарища.

Фафхрд, стоя на коленях у тела Слевыя и не поднимая головы, проговорил:

- Этот... хорек, который был с ними... Куда он подевался?

- Какой еще хорек? - буркнул Мышелов. - Это была мартышка.

- Мартышка, - повторил Фафхрд. - Небольшая тропическая обезьянка, правильно? Что ж, может быть... Я никогда не был на юге... однако мне почему-то...

Молчаливое нападение с двух сторон едва ли удивило кого-то из них. Подсознательно оба они ожидали чего-то подобного.

Трое браво* атаковали их одновременно. Судя по манере нападавших, они решили, что их противники вооружены в лучшем случае ножами и трусоваты, как и все грабители с большой дороги. Поэтому они ошеломленно отступили, когда Фафхрд с Мышеловом вскочили на ноги, выхватили из ножен чудовищно длинные клинки и встали спина к спине.

---

* Браво - насмешливый убийца (итал.).

Мышелов легко парировал выпад своего противника в кварте*; меч браво просвистел в миллиметре от его левого виска. И тут же Мышелов сам перешел в нападение. Противник его понятился, отражая удар тоже в кварте. Слегка замедлив движение, кончик клинка Мышелова проскользнул в прореху в защите браво с изяществом благородной дамы, которая делает реверанс, а затем прыгнул вперед и вверх, отыскал щель между двумя пластинами латной рубашки, проник в грудную клетку, пронзил сердце и вышел у наемника из спины.

Тем временем Фафхрд, которого атаковали двое браво, отразил все их выпады в секунде и нижней приме** и, взмахнув мечом, что не уступал клинку Мышелова в длине и был тяжелее его по весу, снес полголовы тому из двоих наемников, что находился по правую руку от него. Отпрыгнув, он приготовился схватиться со вторым.

Но его опередили. Из-за спины возникла вдруг рука в серой перчатке; и окровавленное лезвие клинка Мышелова поразило последнего браво таким же приемом, как и первого.

Юноши вытерли кровь с мечей. Проведя правой рукой по плащу, Фафхрд протянул ее Мышелову ладонью вверх. Тот, сорвав со своей правой руки перчатку, ответил на рукопожатие. Не произнеся ни слова, парочка опустилась на колени и закончила то, от чего ее оторвали наемники. Лежавшие без сознания вору лишились своих мешочков с самоцветами. Достав из кармана куртки пару тряпок, Мышелов наскоро стер с лица слой сажи.

Потом он огляделся. Фафхрд кивнул. И оба быстрым шагом удалились в том направлении, в котором несколькими минутами раньше двигались Слевьяс, Фиссиф и их охрана.

Осмотревшись, они пересекли улицу Золотых Дел Мастеров и зашагали дальше по Монетной улице, как предложил жестом Фафхрд.

- Моя девчонка ждет меня в "Золотой Миноге", - объяснил он.

- Забираем ее и идем ко мне домой, - решил Мышелов.

- Заодно познакомишься с моей подружкой.

- Домой? - вежливо переспросил Фафхрд.

* Кварта - четвертая позиция в фехтовании.

** Позиции в фехтовании: секунда - вторая позиция, прима - первая.

- Ну да. Я живу в Туманном переулке, - сообщил Мышелов.

- В "Серебряном Утре"?

- За ним. Кстати, можно будет туда заглянуть.

- У меня внутри все пересохло.

- Я тебя понимаю.

Фафхрд остановился, снова вытер руку о плащ и протянул ее спутнику.

- Кличут меня Фафхрдом, - сказал он.

Мышелов ответил на рукопожатие.

- Серый Мышелов, - представился он. В голосе его слышался вызов, словно он ожидал, что над его прозвищем начнут насмехаться.

- Серый Мышелов, - повторил Фафхрд. - Что ж, сегодня ты прикончил пару крыс.

- Да, - согласился Мышелов, горделиво выпятив грудь и откинув голову. Потом смешно сморщил нос и позволил себе слегка усмехнуться. - Ты бы справился со вторым в два счета, - признал он. - Я украл его у тебя, чтобы ты знал, на что я способен. К тому же драка возбуждает меня.

- Да что ты говоришь! - фыркнул Фафхрд. - Как ни странно, меня она возбуждает тоже.

Мышелов понял, что снова улыбается. Интересно, чем так расположил его к себе этот верзила, что он и не вспоминает про свои обычные презрительные ухмылки?

Фафхрд спрашивал себя о том же. Всю свою жизнь он не доверял низкорослым людям, ибо знал, что его рост немедля воспаляет зависть. Однако этот коротышка был, похоже, исключением. Фафхрд мысленно попросил Коса, чтобы его новый знакомец понравился Влане.

Перекресток улиц Монетной и Блудниц, что в северо-восточной части города Ланхмар, освещался по ночам одиноким факелом, который отбрасывал конус света на булыжник мостовой перед дверью таверны. Из ночной тени в этот конус света вступила Влана, симпатичная девушка в облегающем платье черного бархата, из-под которого виднелись красные чулки. Украшениями ей служили висевшие на поясе кинжал с серебряной рукоятью и в серебряных же ножнах и расшитая серебром черная сумка.

Фафхрд представил девушке Серого Мышелова, который держался чуть ли не подобострастно. Влана сурово оглядела его и нерешительно улыбнулась.

Фафхрд развязал мешочек, позаимствованный им у выскога вора, и позволил Влане заглянуть в него. Девушка обвила руками шею Фафхрда, прижалась к нему и крепко поцеловала, а затем пересыпала самоцветы в свою сумку.

Фафхрд сказал:

- Ладно, я пошел утолять жажду. Расскажи ей, как все получилось, Мышелов.

Из "Золотой Миноги" он вышел, прижимая левой рукой к груди четыре кувшина с вином, а тыльной стороной руки вытирая губы. Влана нахмурилась. При виде кувшинов Мышелов причмокнул. Втроем они пошли дальше по Монетной улице. Фафхрду вдруг стало ясно, что Влану беспокоит что-то другое, нежели кувшины с вином и перспектива бессмысленной мужской попойки. Мышелов тактично ушел вперед.

Когда он отделился настолько, что превратился в серое пятно во мраке, Влана прошептала:

- В ваших руках были двое членов Гильдии Воров, и вы не перерезали им глотки?

- Мы убили троих наемников, - извиняющимся тоном проговорил Фафхрд.

- У меня счета не с Братством Душегубов, а с этой треклятой Гильдией! Ты клялся мне, что при любой возможности...

- Влана! Не мог же я допустить, чтобы Мышелов счел, будто я не в себе и жажду крови воров, а потому охочусь за ними.

- Между прочим, он сказал мне, что если бы знал о моей ненависти к ним, то распорол бы им глотки от уха до уха!

- Это он старался быть с тобой вежливым,

- Может быть, может быть. Во всяком случае ты не...

- Влана, замолчи!

В ее глазах вспыхнуло пламя. Потом она рассмеялась, скривив рот, словно собираясь расплакаться, но совладала с собой и улыбнулась почти весело.

- Прости меня, милый, - проговорила она. - Порой тебе, верно, кажется, что я схожу с ума. Иногда я и сама так думаю.

- Ладно, ладно, - буркнул Фафхрд. - Подумай лучше про камешки, которые нам достались. И смотри, будь поласковей с моим новым другом. Выпей вина, расслабься. Я намерен отдохнуть, потому что я этого заслужил.

Влана кивнула и стиснула его руку, ища у юноши поддержки. Они прибавили шаг, чтобы догнать едва различимого во мраке Мышелова.

Мышелов свернул налево и примерно полквартала вел их по улице Коробейников - до улочки, которая снова забирала к востоку. На ней было так темно, что хоть глаз выколи.

- Туманный переулок, - сказал Мышелов.

Влана фыркнула.

- В ночь вроде нынешней это название ему не подходит, - сказала она с неуверенным смешком, в котором слышались истерические нотки и который закончился приступом сдавленного кашля.

Отдышавшись, она выбранилась:

- Проклятый ночной смог! Ну и мерзостный же город ваш Ланхмар!

- Всему виной близость Великого Соленого Болота, - заметил Фафхрд.

В чем-то он был прав. Расположенный между Болотом, Внутренним морем, рекой Хлал и каналами, по которым вода Хлала бежала к пшеничным полям на юге, Ланхмар с его бесчисленными дымовыми трубами сам навлекал на себя бесконечные туманы и густое облако смога.

На полпути к улице Возчиков из мрака выступила таверна. Высоко над мостовой висела жестяная, покрытая сажей змееподобная тварь с разинутой пастью. Под вывеской виднелась дверь, занавешанная грязной кожей, сквозь которую пробивался свет факелов. Изнутри доносился шум и противно воняло дешевым вином.

Мышелов повел спутников вдоль восточной стены таверны. Им пришлось идти на ощупь цепочкой, касаясь одной рукой грубых и скользких кирпичей.

- Не свалитесь в лужу, - предостерег Мышелов. - В ней можно утонуть не хуже, чем во Внешнем море.

Постепенно проход расширился. Отблески факелов позволили им хотя бы как-то ориентироваться в темноте. Неподдалеку от задней стены "Серебряного Угря" возвышалось покосившееся строение довольно зловещего вида из черного от грязи кирпича и потемневшего от времени дерева. На четвертом этаже, под самой полуразрушенной крышей, сквозь щели в ставнях пробивался свет. За домом проступал узенький проулок.

- Аллея Костей, - сказал Мышелов.

Присмотревшись, Фафхрд с Вланой различили длинную, узкую и крутую, провисшую и начисто лишенную перил наружную лестницу, которая вела к освещенным окнам. Мышелов забрал у Фафхрда кувшины и начал подниматься.

- Когда я окажусь наверху, идите за мной, - крикнул он. - Думаю, она выдержит тебя, Фафхрд, но лучше забирайтесь поодиночке.

Фафхрд мягко подтолкнул Влану. Она быстро присоединилась к Мышелову, который стоял в дверном проеме, опершись рукой о большой ламповый крюк из ковкой стали, накрепко вбитый в камень стены. Хлынувший наружу из двери желтый свет не в силах был пронизать мрак ночи.

Мышелов посторонился, и Влана прошла внутрь.

Фафхрд начал подъем, держась как можно ближе к стене, чтобы в случае чего успеть за нее ухватиться. Лестница угрожающе потрескивала под ним, ступеньки ее слегка просели. Когда Фафхрду оставалось уже рукой подать до верхней площадки, одна из ступенек проломилась с глуховатым треском наполовину стгнившей древесины. Фафхрд осторожно опустился на четвереньки, чтобы равномернее распределить свой вес по лестнице, и затейливо выбрался.

- Не ругайся, - весело посоветовал ему Мышелов. - Кувшины в безопасности, а это главное.

Остаток пути Фафхрд проделал на четвереньках и так и заполз в дверь. Оказавшись внутри, он буквально задохнулся от изумления.

Его чувства можно было сравнить с ощущениями человека, который, стерев с дешевого медного колечка ярь-медянку, обнаруживает под ней сверкающий изумруд чистой воды. Стены помещения покрывали великолепные, расшитые золотом и серебром ткани; ставни на окнах отливали позолотой. Драпировки из той же ткани, что и на стенах, но темнее, скрывали низкий потолок, образуя нечто вроде шатра, на котором звездами сияли вкрапления золота и серебра. По комнате разбросаны были пухлые подушки; на низеньких столиках горели во множестве свечи. Запасные свечи аккуратно лежали на полках у стены, по соседству с многочисленными свитками, кувшинами, бутылками и эмалированными шкатулками. В большом очаге была установлена чугунная печурка с витиеватого литья топкой. Рядом с печуркой возвышалась пирамидка смоляных факелов с рас-

трепанными концами, которые служили для разведения огня, а также невысокая поленница и горка блестящего черного угля.

На низком подиуме вблизи очага стояла покрытая парчой оттоманка, на которой восседала худенькая и стройная девушка с бледным личиком в одеянии из плотного сиреневого шелка, отделанном серебром. Талию ее перехватывал серебряный пояс. Собранные в высокий пучок черные волосы удерживали серебряные шпильки с аметистовыми головками. Плечи девушки покрывала снежно-белая пелерина из меха ланхмарской ящерицы. Слегка подавшись вперед, она грациозным и в то же время каким-то неловким движением протянула Влане изящную белую ручку, которая едва заметно дрожала. Влана, стоя перед хозяйкой дома на коленях, взяла ее руку и, склонив голову, прижалась губами к тыльной стороне ладони девушки; при этом ее прямые темнорусые волосы упали ей на лицо.

Фафхрд молча поразился тому, что его подруга не ударила в грязь лицом в этой столь странной, однако восхитительной обстановке. Взгляд его задержался на видневшейся из-под платья Вланы ножке в красном чулке, и только теперь он углядел, что пол комнаты устелен многоцветными, с густым ворсом ковриками из Восточных Земель. Их было так много, что они лежали в два, три, а то и четыре слоя. Неожиданная догадка еще не успела созреть в мозгу Фафхрда, а его палец уже утаился в грудь Серому Мышелову.

- Ты - Похититель Ковров! - воскликнул Фафхрд. - Ты - Ковровый Жулик и Свечной Воришка!

Фафхрд имел в виду две серии нераскрытых краж, которые оживленно обсуждались ланхмарцами, когда они с Вланой месяц назад появились в городе.

Мышелов равнодушно пожал плечами, потом вдруг ухмыльнулся, лукаво сощурил глаза и пустился в импровизированный танец. Вприпрыжку он пересек комнату и очутился за спиной у Фафхрда. Сорвав с покатых плеч последнего длинный плащ с капюшоном, он аккуратно сложил его и бросил на подушку. Девушка в сиреновом платье нерешительно похлопала ладонью по кушетке рядом с собой. Влана приняла приглашение, но уселась несколько поодаль. Женщины тихо заговорили между собой, причем Влана открыла рот первой.

Мышелов тоже разоблачился и присоединил свой серый

плащ к плащу Фафхрда. Оба воина отстегнули от поясов мечи, и Мышелов придавил клинками одежду.

Лишившись оружия и плащей, они начисто утратили прежний воинственный вид и превратились в обычных молодых людей с открытыми, чисто выбритыми лицами. Несмотря на чудовищно развитые бицепсы и трицепсы, Фафхрд вряд ли уступал Мышелову стройностью фигуры, но вот его огненно-рыжие, спадающие на плечи волосы резко контрастировали с черными кудрями Мышелова. Одет был Фафхрд в коричневую кожаную тунуку, отделанную медной проволокой, а его новоиспеченный приятель - в грубую куртку из серого шелка.

Они улыбнулись друг другу. Однако ощущение того, что они на миг стали обыкновенными юнцами, сделало их улыбки несколько натянутыми. Мышелов прокашлялся, слегка поклонился и, по-прежнему глядя на Фафхрда, указал пятерней на оттоманку.

- Фафхрд, - произнес он, заинулся и продолжил: - Мой добрый друг, позволь представить тебе мою принцессу. Ивриан, милая, прими Фафхрда с почетом, ибо этим вечером мы с ним спина к спине сражались с троими - и победили!

Фафхрд шагнул вперед, наклонился, так что копна рыжих волос упала ему на глаза, и опустился на колени, точь-в-точь как Влана. Протянутая ему изящная ручка как будто уже не дрожала, но, прикоснувшись к ней на секунду губами, он ощутил легкое подрагивание. Держа пальчики Ивриан столь нежно, словно они сотканы были из паутины, Фафхрд пробормотал какой-то неуклюжий комплимент. Ему было не по себе.

Он не замечал того, что Мышелов испытывает те же, если не более сильные, чувства. Знаменитый вор молил богов, чтобы Ивриан не перестаралась, изображая из себя принцессу, и не оскорбила гостей мнимой холодностью и чтобы она не упала в обморок и не разразилась слезами. Ведь Фафхрд с Вланой были первыми, кого он осмелился пригласить в это роскошное гнездышко, свитое им для высокородной возлюбленной, - первыми живыми существами, если не считать двух попугайчиков, что щебетали в серебряной клетке, висевшей по другую сторону очага.

Несмотря на все его хитроумие и цинизм, Мышелову никогда не приходило в голову, что именно его потакание

любым прихотям Ивриан избаловало девушку, превратив ее в хорошенькую куколку.

Ивриан наконец улыбнулась. Облегченно вздохнув, Мышелов принес два серебряных кубка и две серебряные же кружки. Взяв с полки бутылку с лилового цвета жидкостью, он ухмыльнулся Фафхрду, откупорил один из добытых серебрянином в таверне кувшинов и наполнил вином посуду.

Вручив кубки женщинам, а одну из кружек Фафхрду, он произнес - на этот раз без запинки:

- Пью за величайшую из моих краж в Ланхмаре, добычу, которую мне волей-неволей придется поделить пополам, - тут он язвительно усмехнулся, - с этим длинноволосым детиной из варварских краев! - И на четверть осушил кружку, в которой плескалось разбавленное ликером вино.

Ополовинив свою кружку, Фафхрд решил не оставаться в долгу.

- Пью за самого нахального и жеманного коротышку из всех, с кем мне доводилось делить добычу! - провозгласил он, допил вино, улыбнулся, обнажив белые зубы, и протянул Мышелову пустую кружку.

Наполнив ее, Мышелов прикончил свою, отставил в сторону, подошел к Ивриан и высыпал ей на колени самоцветы, которые вытащил из сумки бесчувственного Фиссифа. Камни засверкали и заискрились точно лужица радужной ртути.

Ивриан вздрогнула и чуть было не уронила драгоценности, но Влана поддержала ее. Следуя указаниям хозяйки, Влана сняла с полки голубую эмалевую шкатулку, инкрустированную серебром, и девушки вдвоем ссыпали самоцветы в обитый изнутри синим бархатом ящичек. Покончив с этим, они возобновили разговор.

Допивая маленькими глотками вторую кружку, Фафхрд позволил себе расслабиться и стал внимательнее приглядываться к обстановке комнаты. Первоначальное его изумление при виде, так сказать, тронной залы в стенах сарая миновало, и теперь под внешней пышностью он подмечал следы разрушения и упадка.

Тут и там между драпировками проглядывало черное, сгнившее дерево, от которого исходил характерный гниловатый запах. Покрытый коврами пол довольно ощутимо просел. Сквозь щели в ставнях в комнату проникали струйки ночного смога, образуя на фоне позолоты призрачные черные арабески. Камни очага были оттерты от копоти и бле-

стели, однако скреплявший их известковый раствор почти повсеместно вывалился, равно как и отдельные камни.

Мышелов занялся печкой. Бросив в топку зажженный факел, он захлопнул дверцу и повернулся лицом к гостям. Словно прочитав мысли Фафхрда, он взял несколько ароматических свечей, зажег их и расставил по комнате в сверкающих мелких медных чашах. Заткнув кусками шелка самые широкие из щелей в ставнях, он сжал в руке свою кружку и тяжело поглядел на Фафхрда.

Но в следующее мгновение Мышелов уже с улыбкой тянулся к нему, чтобы чокнуться. Необходимость вновь наполнить кружки вынудила мужчин сблизиться. Едва шевеля губами, Мышелов прошептал:

- Отец Ивриан был герцогом. Я убил его. Он был жесток со всеми, даже с собственной дочерью, однако ты понимаешь - будучи герцогской дочкой, Ивриан не приучена заботиться о себе. Я горжусь тем, что со мной она живет богаче, нежели со своим отцом и всеми его слугами.

Фафхрд кивнул.

- Надо признать, наворовал ты достаточно, чтобы ей тут было хорошо, - дружески заметил он.

С оттоманки послышалось хрипловатое контральто Вла-ны:

- Серый Мышелов, твоя принцесса хочет услышать рассказ о вашем нынешнем приключении. И кстати, нельзя ли подлить нам вина?

- Да, Мышелов, пожалуйста, - присоединилась к просьбе Ивриан.

Мышелов поглядел на Фафхрда, получил ободряющий кивок и принялся рассказывать. Правда, сначала он наполнил кубки девушек. Содержимое первого кувшина уже иссякло, так что ему пришлось откупорить второй. После минутного раздумья он открыл все три кувшина и поставил один у оттоманки, другой - рядом с развалившимся на ковре Фафхрдом, а третий приберег для себя. Узрев эти признаки предстоящей попойки, Ивриан поежилась, а Влана цинично усмехнулась.

Рассказывал Мышелов мастерски, временами изображая кого-нибудь из участников схватки и позволяя себе лишь незначительные отступления от истины. Так, выяснилось вдруг, что хорек - или мартышка, - прежде чем убежать,

попытался выпарпать Мышелову глаза. Прерывали рассказчика лишь дважды.

Когда он сказал: "Я в мгновение ока обнажил Скальпель", - Фафхрд невинно поинтересовался:

- Тебе, видно, мало собственного прозвища, раз ты придумал кличку мечу?

Мышелов весь подобрался.

- Да, а свой кинжал я называю Кошачьим Когтем. Ну и что? Ты считаешь это детской забавой?

- Вовсе нет. У моего клинка тоже есть имя - Серый Жезл. Пожалуйста, продолжай.

А когда он упомянул про зверька неизвестного вида, который сопровождал грабителей (и едва не впился ему в глаза!), Ивриан побледнела и выдавила:

- Мышелов! Похоже, ты описываешь ведьмина прихвостня!

- Колдуньего, - поправила Влана. - Эти подонки из Гильдии чужаются женщин, если, конечно, речь идет не о требовании денег или удовлетворении похоти. Но их нынешний вождь Кровас славится своей осторожностью и потому запросто мог взять себе на службу колдуна.

- Вполне возможно. Я весь дрожу от страха, - зловеще проговорил Мышелов, хмуря брови и пользуясь случаем усилить впечатление от своего рассказа.

Когда он кончил, девушки со сверкающими глазами предложили выпить за их с Фафхрдом хитроумие и отвагу. Мышелов поклонился и криво усмехнулся, а потом с усталым вздохом опустился на ковер, вытер лоб шелковым платком и сделал большой глоток из кружки.

Испросив позволения Вланы, Фафхрд поведал избилующую приключениями историю их бегства из Холодного Края - он бежал от своего клана, она - от труппы бродячих лицедеев - и долгого пути в Ланхмар, где они обрели временное пристанище в актерской обители поблизости от Площади Мрачных Увеселений. Обняв Влану и широко раскрыв глаза, Ивриан с замиранием сердца слушала Фафхрда.

В своем повествовании северянин опустил лишь неуместное стремление Вланы отомстить Гильдии Воров за то, что члены ее замучили до смерти компаньонов девушки, а ее выгнали из Ланхмара, когда она попробовала заняться на городских улицах воровством. Это было до ее встречи с Фафхрдом. Разумеется, он ни словом не обмолвился и о своем - весьма

неосторожном, как ему думалось теперь, - обещании помочь Влане утолить жажду мести.

Сорвав в конце рассказа аплодисменты публики, он осознал, что в горле у него пересохло; но, попытавшись промочить его, обнаружил, что кружка пуста и кувшин тоже, тогда как у него еще ни в одном глазу. Наверно, сказал себе Фафхрд, винные пары выговорились из него, исчезая с каждым произнесенным словом.

Мышелов оказался в схожем незавидном положении. Правда, почему-то, прежде чем ответить на вопрос, он начал закатывать глаза и таинственно замолкать на полуслове. После очередной такой демонстрации он предложил Фафхрду пройтись с ним до "Угря", чтобы раздобыть еще вина.

- Но в нашем кувшине вина в избытке, - запротестовала Ивриан. - По крайней мере нам вполне хватит, - поправились она, когда Влана потрясла кувшин, который, как выяснилось, был почти пуст. - И потом - у нас полно всяких бутылок.

- Они все не годятся, милая, - объяснил Мышелов и погрозил ей пальцем. - Если хочешь быть здоровой и сильной, никогда не смешивай одно вино с другим.

- Знаешь, - добавила Влана, дружески похлопывая Ивриан по руке, - на любой вечеринке наступает момент, когда мужчинам, если они в самом деле мужчины, требуется уединиться. Глупость, разумеется, но такова их натура, и с этим ничего не поделаешь.

- Мне страшно, Мышелов! Меня напугал рассказ Фафхрда и твой тоже. Я уже словно слышу, как этот ваш хорек скребется в ставни!

- Лапочка, - икнув отозвался Мышелов, - от фафхрдова Холодного Края и тамошних чародейшек тебя отделяет Внутреннее море, Земля Восьми Городов и Тролльи Горы во всем их поднебесном великолепии в придачу. А что касается хорька и прочих якобы духов, они всего лишь домашние животные мерзких старушенций и женоподобных стариканов.

- Пускай себе идут, милая, - весело проговорила Влана. - А мы тем временем поболтаем и разберем их по косточкам, от затуманенной головы до беспокойных ног.

С неохотой Ивриан позволила убедить себя, и Мышелов с Фафхрдом выскользнули наружу, торопливо захлопнув за

собой дверь, чтобы в комнату не проник ночной смог. Девушки слышали, как они спускаются по лестнице.

Сидя в "Угре" и дожидаясь, пока принесут из погребка четыре заказанных кувшина, друзья потребовали себе каждый по кружке того же вина - или похожего на него - с ликером. В таверне стоял невообразимый шум, однако они ухитрились отыскать самое тихое местечко в дальнем конце стойки. Мышелов пнул крысу, которая высунула черную голову из дыры у пола.

Обменявшись восторженными комплиментами по поводу подружек, они заговорили о более серьезных вещах.

- Только между нами, - неуверенно произнес Фафхрд. - Как ты думаешь, нет ли доли истины в словах твоей красотки Ивриан, что та тварь, которая сопровождала Сливикина и другого вора, есть на деле колдуний прихвостень или, на худой конец, домашний зверек какого-нибудь чародея, обученный извещать своего хозяина или Кроваса обо всем, что происходит с теми, кого он охраняет?

Мышелов легкомысленно рассмеялся.

- Мой милый братец-варвар - не обиделся? - ты приду-мываешь всяких разных букв на пустом месте. Как, скажи на милость, это чудо-юдо может кого-то о чем-то извещать? Я не верю в говорящих животных - за исключением разве что попугаев и других птиц, которые... попугайствуют.

- Эй, ты, там! Где наши кувшины? Крысы что ли съели мальчишку, который пошел за ними? Или он умер голодной смертью, блуждая по погребу? Передай ему, чтобы пошевеливался, и плесни-ка нам еще!

- Нет, Фафхрд, даже если эта тварь как-то связана с Кровасом и после нашей стычки отправилась напрямик в Воровскую Обитель, что она им сможет рассказать? Они лишь поймут, что с ограблением Дженгао не все прошло гладко.

Фафхрд нахмурился.

- А вдруг пушистый паршивец все же сумеет описать мастерам Гильдии нашу внешность? - пробормотал он упрямо. - Тогда они устроят на нас охоту.

- Друг мой, - сочувственно проговорил Мышелов, - прости меня за резкость, но, похоже, вино ударило тебе в голову. Если бы Гильдии было известно, кто мы такие и где живем, они нашли бы нас давным-давно - много дней, недель, а то и месяцев назад. Или ты не ведаешь о том, что, коли ты

не член Гильдии, тебя ждет смерть под пытками за кражу на улицах Ланхмара?

- Ты зря так думаешь, - отозвался Фафхрд и, потребовав от Мышелова обещания молчать, рассказал ему о причине ненависти Вланы к Гильдии и о жгучем желании девушки отомстить.

Тем временем из погреба принесли четыре кувшина, однако Мышелов приказал снова наполнить глиняные кружки.

- И вот, - закончил Фафхрд, - в результате клятвы влюбленного и глупого мальчишки в южной части Холодной Пустыни я вынужден всячески отговариваться от ежедневных просьб объявить войну тем, кто не уступает в могуществе самому правителю Ланхмара! Ты наверняка знаешь, что у Гильдии свои люди во всех крупных городах этой страны. Я горячо люблю Влану. У нее ловкие руки и золотая головка, но что касается Гильдии, ее невозможно переубедить ни логикой, ни уговорами.

- Естественно, нападать на Гильдию открыто было бы безумием, и тут я с тобой полностью согласен, - сказал Мышелов. - Если ты не в силах отвлечь свою прекрасную подружку от подобных мыслей, тебе надо стойко пропускать мимо ушей все ее просьбы.

- Куда уж естественней, - убежденно согласился Фафхрд. - Надо быть идиотом, чтобы меряться силами с Гильдией. Конечно, поймав меня, они в любом случае живьем сдерут с меня шкуру - за вольное воровство. Но все равно: насканывать на Гильдию петушком, убивать без нужды ее членов - глупее ничего и не придумаешь!

- Насчет идиота - это еще слабо сказано! Не пройдет и трех дней, как ты окажешься во власти смерти. С теми, кто осмеливается нападать на нее, Гильдия расправляется вдесятеро круче, нежели с простыми вольными воришками. Так что - никаких уступок Влане в этом вопросе!

- Решено! - провозгласил Фафхрд, стискивая железной рукой каменное плечо Мышелова.

- Пошли, а то девчонки нас заждались, - сказал Мышелов.

- Вот хлопнем еще по кружке и пойдем. За тебя!

- Взаимно.

Влана и Ивриан, которые оживленно болтали между собой, испуганно вздрогнули, услышав топот ног по наруж-

ной лестнице. По ней словно неслись наперегонки вскачь мифические чудовища. Поскрипывало и постанывало дерево, дважды раздавался громкий треск проломившихся ступенек. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались двое мужчин. За ними по пятам стелился ночной смог. Дверь, закрываясь, рассекла его надвое.

- Я же говорил, что ты и оглянуться не успеешь, как мы вернемся! - весело крикнул Мышелов, обращаясь к Ивриан. Тем временем Фафхрд, не обращая внимания на злобещий скрип половых досок, устремился к Влане.

- Милашка, я чуть не умер с тоски! - воскликнул он и, как девушка ни отбивалась, заключил ее в объятия и принялся целовать куда попало. Слегка утолив тоску, он усадил девушку обратно на кушетку.

Влана нежно, хотя и несколько ошарашенно, улыбнулась Фафхрду, а Ивриан вдруг накинулась на северянина с упреками.

- Господин мой Фафхрд, - заявила она, уперев руки в боки и задрвав острый подбородок; глаза ее воинственно сверкали, - милая Влана рассказала мне об ужасной расправе, которую учинила над ней и ее друзьями Гильдия Воров. Прости мою откровенность, ибо мы едва знакомы, но мне представляется, что ты ведешь себя беечеловечно, отказывая ей в справедливом отмщении! И тебя, Мышелов, это касается тоже. Ты похвалялся перед Вланой, что готов ради нее схватиться со всеми ворами Ланхмара, а сам? Я не узнаю тебя. Или вовсе не ты убил моего отца?

Фафхрду стало ясно, что, пока они с Мышеловом пьянствовали в свое удовольствие в "Угре", Влана поведала Ивриан приукрашенную историю своих страданий, искусно сыграв на романтических чувствах наивной девушки. Еще он понял, что Ивриан сильно навеселе. На низеньком столике рядом с кушеткой стояла пустая на три четверти бутылка с лиловым вином из далекого Кайраэя.

Однако что ему оставалось делать, кроме как беспомощно развести руками и склонить голову ниже, чем того требовала высота потолка, под испепеляющим взглядом Ивриан и полным укора взглядом Вланы? В конце концов, как ни верти, а правы-то они. И кто его тянул за язык с этой клятвой?

Видя, что Фафхрд погрузился в раздумья, Мышелов решил ответить за них обоих.

- Послушай, крошка! - вскричал он, вприпрыжку перемещаясь по комнате и затыкая щели в ставнях. - И ты тоже, прекрасная госпожа Влана. За последний месяц Фафхрд здорово досадил гильдейским ворах. У него привычка поражать их в самое уязвимое место - в кошельки, что болтаются у них между ног. Кстати, нам всем не мешает выпить. - Он как раз разводил огонь в печи, и у него под рукой оказался один из принесенных из таверны кувшинов. Открыв его, он быстро наполнил серебряные кубки и кружки.

- Месть лавочника, - презрительно фыркнула Ивриан. Похоже было, что заступничество Мышелова лишь сильнее распалило ее гнев. - По крайней мере, Фафхрд, и ты, Мышелов, вы должны принести Влане голову Кроваса!

- Зачем она ей? Или ей хочется кровавых пятен на коврах? - с деланным недоумением справился Мышелов.

Фафхрд же, собравшись наконец с мыслями, опустил на одно колено и проговорил:

- Благородная госпожа Ивриан, я признаю, что поклялся моей ненаглядной Влане отомстить за нее. Но если мы с Мышеловом добудем Влане голову Кроваса, нам придется немедленно бежать из Ланхмара, ибо каждый прохожий на улице превратится в нашего врага. Да и тебя ожидает та же участь: ты утратишь всю эту красоту, которой любовно окружил тебя Мышелов, будешь нищенствовать вместе с ним и не познаешь покоя до конца своей жизни.

Слушая Фафхрда, Ивриан осушила свой кубок. Потом встала по-солдатски прямо и язвительно бросила:

- Значит, я буду нищенствовать? И ты смеешь рассуждать о вещах, сколько бы они там ни стоили, - она обвела рукой комнату; ее бледное личико покраснелось, - когда речь идет о чести? Ты дал Влане слово! О, неужели на свете не осталось рыцарей?

Фафхрд пожал плечами, хотя внутри у него все кипело, и отпил из кружки, чтобы унять пожар в груди.

Следующий удар нанесла Влана. Она мягко потянула Ивриан за платье.

- Сядь, милая, - ласково сказала она, - и не переживай так. Слова твои исполнены великодушия, и я чрезвычайно тебе признательна. Ты пробудила во мне чувства, которые я сама считала давно умершими. Но ты единственная из присутствующих здесь способна испытывать благородные

порывы. Мы трое - всего лишь воры. И разве удивительно, что некоторые из нас предпочитают собственную безопасность чести и верности слову и благоразумно отказываются рисковать жизнью? Да, мы все трое - воры, и я - одна против двоих. Так что, прошу тебя, не заговаривай боле о чести и безудержной храбрости. Садись и...

- Ты подразумеваешь, что они боятся Гильдии Воров, да? - воскликнула Ивриан. Лицо ее перекосила гримаса отвращения. - Я всегда думала, что мой Мышелов прежде всего благородный человек и лишь потом - вор, а он... Воровство - не грех. Мой отец грабил богатых путников и менее могущественных соседей, однако он был дворянином! Вы трусы! Отъявленные трусы!

Кончив говорить, Ивриан с презрением поглядела сперва на Мышелова, а затем на Фафхрда.

Для Фафхрда это было уже слишком. Побагровев лицом, он вскочил на ноги и стиснул кулаки, не замечая, что опрокинул кружку и что пол под его весом угрожающе закрипел.

- Я не трус! - возгласил он. - Я проникну в Обитель Воров, отрежу голову Кровасу и швырну ее к твоим ногам, Влана! Клянусь моим клинком, моим Серым Жезлом, что висит у меня на поясе!

Он похлопал себя по левому бедру, но не обнаружил ни клинка, ни пояса. Невольно задрожав, он огляделся, увидел лежащие поверх плаща пояс и меч в ножнах, ткнул в них пальцем, а потом подобрал с пола кружку, торопливо наполнил ее вином и залпом осушил до дна.

Серый Мышелов вдруг засмеялся радостным, мелодичным смехом. Все усталились на него. Пританцовывая, он приблизился к Фафхрду и с улыбкой спросил:

- А почему бы нет? Кто тут говорит о страхе перед гильдейскими ворами? Кого тревожит предстоящее плевое дельце? Ведь мы прекрасно знаем, что никто из них, даже Кровас со своими прихвостнями, не сравнится ни со мной, ни с Фафхрдом в ловкости и сообразительности. У меня только что возник план, как нам проникнуть в Обитель Воров и выбраться оттуда целыми и невредимыми. И мы с молодчагой Фафхрдом немедля его осуществим. Идешь со мной, северянин?

- Спрашиваешь, - буркнул Фафхрд, гадая про себя, не чокнулся ли его низкорослый приятель.

- Дай мне пару секунд, чтобы собраться, и пошли! - вскричал Мышелов. Схватив с полки мешок; он начал сваливать туда мотки веревки, бинты, тряпки, пузырьки с различными мазями - словом, все, что подворачивалось под руку.

- Вам нельзя идти сегодня, - забеспокоилась Ивриан. Голос ее дрожал; с лица девушки внезапно сошла вся краска.
- Вы... вы не в том состоянии.

- Вы пьяны! - резко сказала Влана. - Вы пьяны в стельку и потому, кроме смерти, вам в Обители Воров ничего не светит. Фафхрд, опомнись!

- Ну нет, - отозвался Фафхрд, пристегивая меч к поясу. - Ты желала увидеть у своих ног голову Кроваса в большой луже крови, и ты ее увидишь, хочешь ты того или нет!

- Не горячись, Фафхрд, - вмешался Мышелов, кончив набивать мешок и затягивая завязки на его горловине. - И вы тоже не горячитесь, госпожа Влана и моя прекрасная принцесса. Сегодня мы все разведем, а к решительным действиям перейдем завтра или послезавтра. Так что, Фафхрд, никаких стычек, слышишь? Что бы ни случилось, меча не обнажай. И надень свой плащ.

Фафхрд пожал плечами, кивнул и повиновался.

Ивриан облегченно вздохнула. Влана также как будто успокоилась, хотя повторила:

- Вы пьяны в стельку.

- Тем лучше! - уверил ее Мышелов с ангельской улыбкой.

- От выпивки у воина слабеет рука, которой он сжимает меч, однако она прочищает мозги и горячит воображение, а нам сегодня того и надо.

Влана с подозрением посмотрела на него.

Пока они обменивались замечаниями, Фафхрд снова наполнил было кружки, но Влана метнула на него такой взгляд, что он торопливо поставил кружки обратно и заткнул пробкой горлышко кувшина.

Мышелов взвалил на плечи мешок и распахнул дверь. Молча махнув девушкам рукой, Фафхрд вышел наружу. Ночной смог был столь плотным, что фигура северянина сразу словно растаяла в нем. Мышелов сделал ручкой Ивриан и последовал за Фафхрдом.

- Удачи вам, - тепло проговорила Влана.

- Будь осторожен, Мышелов, - выдавила Ивриан.

Мышелов, силуэт которого едва виднелся на фоне могучей тени Фафхрда, притворил за собой дверь.

Обнявшись, девушки стали ждать знакомого поскрипывания и постанывания ступенек, но его все не было и не было. Проникший в комнату смог уже успел рассеяться, а тишину по-прежнему ничто не нарушало.

- Что они там делают? - прошептала Ивриан. - Решают, с чего начать?

Влана недоверчиво покачала головой, высвободилась из объятий подруги, на цыпочках подкралась к двери и открыла ее. Спустившись на несколько ступеней, которые громко поскрипели под ее ногами, она вернулась и захлопнула дверь.

- Их нет, - ошеломленно сказала она.

- Мне страшно! - вскрикнула Ивриан и бросилась к Влане.

Та крепко обняла ее и один за другим задвинула три тяжелых дверных засова.

Тем временем на Аллее Костей Мышелов убрал в мешок веревку, по которой они с Фафхрдом спустились на землю, привязав один ее конец к ламповому крюку.

- Как насчет того, чтобы заглянуть в "Серебряного Угря"? - справился он.

- А потом сказать девчонкам, что мы побывали в Обители Воров? - не понял Фафхрд.

- Вовсе нет, - опроверг его догадку Мышелов. - Просто нас с тобой лишили посолки на дорожку. Разве ты забыл?

С лукавой улыбкой Фафхрд извлек из-под плаща два кувшина.

- Спрятал их, когда наливал кружки. Влана замечает многое, но, к счастью, не все.

- Нет, вы только на него посмотрите! - воскликнул Мышелов. - Я горжусь тем, что у меня такой друг!

Откупорив кувшин, они сделали по большому глотку. Мышелов двинулся в западном направлении, и после непродолжительных блужданий во мраке они вышли в еще более узкий и зловонный переулок.

- Чумной Двор, - сообщил Мышелов.

Оглядевшись, они быстро пересекли широкую и пустынную улицу Мастеров и очутились на другой половине Чумного Двора. Как ни странно, тьма немного рассеялась, и, запрокинув голову, можно было различить на небе звезды.

Однако ветра не чувствовалось; воздух застыл в неподвижности.

Озабоченные лишь успешным осуществлением задуманного, приятели с пьяной самоуверенностью не обращали внимания на то, что происходит у них за спинами. Между тем ночной смог там становился все гуще. Случись сейчас пролететь над Ланхмаром ястребу, он разглядел бы, как из всех кварталов города текут черные реки и ручьи, как они клубятся, завихряются и образуют водовороты - реки и ручьи зловонного ланхмарского дыма, что поднимается над очагами, жаровнями, каминами, кострами, печами для обжига, кузнями, пивоварнями, винокурнями, бесчисленными мусорными кострами, пристанищами алхимиков и логовами колдунов, крематориями, торфяными кучами углежогов и над многим другим... Ястреб увидел бы, что смог стягивается к Туманному переулку и нависает над "Серебряным Угрем" и покосившимся зданием за ним. Чем ближе к зданию, тем плотнее делается смог. Он выбрасывал призрачные щупальца, которые цеплялись за грубые угловые камни и за неровности стен.

А Мышелов с Фафхрдом, подивившись мельком появлению звезд, с опаской перебрались через улицу Лудильщиков, которую моралисты именovali улицей Безбожников, и добрались до того места, где Чумной Двор разветвлялся на два переулка.

Мышелов выбрал левую ветвь, которая уводила к северо-западу.

- Аллея Смерти, - сказал он.

Один поворот, другой - и впереди, не далее чем в тридцати шагах, показалась улица Коробейников. Мышелов остановился и шутливо ткнул Фафхрда кулаком в бок.

На другой стороне улицы Коробейников отчетливо виден был низкий дверной проем Обители Воров, выделявшийся на фоне грязных каменных блоков. К нему вели две выщербленные множеством ног ступени. Из проема на улицу вырывался оранжево-золотистый свет факелов. У входа не было ни охранника, ни даже сторожевой собаки на цепи. Отсутствие стражи производило зловещее впечатление.

- Ну и как ты собираешься пробраться туда? - хриплым шепотом осведомился Фафхрд. - По-моему, тут пахнет лопушкой.

С ноткой презрения в голосе Мышелов ответил:

- Да просто войдем в дверь, которой ты так опасаться.
- Он нахмурился. - Пожалуй, надо постучать. Во всяком случае не мешает подготовиться.

Увлекая скептически ухмыляющегося Фафхрда обратно по Аллее Смерти, пока улица Коробейников не пропала из виду, он объяснил:

- Мы притворимся членами Гильдии Нищих. Нищие входят в Гильдию Воров и подчиняются своим мастерам, которые сидят в Обители. Назовемся новыми членами гильдии, которые работают днем, так что ничего удивительного, что Ночной Мастер Нищих не знает нас в лицо.

- Ну какие из нас нищие! - фыркнул Фафхрд. - У них ведь у всех страшные язвы на теле или руки-ноги скрючены, если вообще они есть.

- Именно этим мы сейчас и займемся, - хмыкнул Мышелов, обнажая Скальпель. Пройгнорировав настороженный взгляд Фафхрда, равно как и то, что северянин отступил на шаг, Мышелов внимательно осмотрел клинок, а потом, решительно кивнув, отцепил от пояса ножны, вложил в них меч и быстро обмотал сверху донизу широкой полосой бинта, которую достал из мешка.

- Вот! - сказал он, завязывая узел на бинте. - Чем тебе не клюка?

- Чего? - удивился Фафхрд. - Зачем тебе клюка?

Мышелов извлек из мешка черную тряпку и перевязал ею голову так, что она скрыла оба его глаза.

- Потому что я слепой! - объявил он и сделал несколько неуверенных шагов, хватаясь рукой за стену дома и постукивая забинтованным клинком по булыжнику мостовой, причем держал меч за гарду*, благодаря чему рукояти из-под рукава совершенно не было видно. - Ну как, порядок? По-моему, неплохо. Ни дать, ни взять слепая курица. По-дожди ругаться, Фафхрд, тряпка-то прозрачная. Я все прекрасно вижу. И потом, мне вряд ли придется убеждать кого-то в Обители в своей слепоте. Ты, верно, знаешь, что большинство нищих и убогих попросту дурачат народ. А вот как быть с тобой? Ослепить тебя тоже - не годится, двое слепцов наверняка вызовут подозрение.

---

* Гарда - металлический вогнутый щиток на рукояти оружия для защиты руки в бою.

Вынув пробку, Мышелов обратился за вдохновением к кувшину. Фафхрд из принципа последовал его примеру.

Мышелов прищмокнул губами и сказал:

- Придумал! Подожди-ка левую ногу, Фафхрд. Держись, не надо на меня падать. Кому говорю! Ухватись за мое плечо, вот так. Подними ногу повыше. Меч твой мы замаскируем под палку - он толще моего и как раз подойдет. Вдобавок, ты сможешь держаться за мое плечо. И получится у нас, что хромой ведет слепого. Выше, выше ногу! Нет, похоже, придется ее подвязать. Но сперва отстегни меч.

Не трата времени даром, Мышелов забинтовал Серый Жезл и крепко обмотал веревкой согнутую пополам ногу Фафхрда. Опоенный вином, северянин совершенно не чувствовал боли. Опираясь на свою новоявленную палку, он то и дело, пока Мышелов трудился над ним, прикладывался к кувшину и размышлял.

Внешне план Мышелова выглядел безупречным, но все-таки в нем присутствовали отдельные изъяны.

- Мышелов, - позвал Фафхрд, - по совести говоря, мне совсем не нравится, что мы не сможем обнажить клинки в минуту опасности.

- Зато мы можем использовать их как дубинки, - возразил Мышелов с придыханием, затягивая последний узел. - Кроме того, у нас есть ножи. Поверни-ка, кстати, пояс так, чтобы нож оказался у тебя на спине, где его под плащом никто не заметит, а я сделаю то же самое с Кошачьим Когтем. Нищие не носят оружия - по крайней мере в открытую. Кончай пить, с тебя уже хватит. А мне нужна еще лишь пара глотков, чтобы дойти до кондиции.

- Как представляю, что мне придется туда ковылять... Конечно, прыгать я могу быстро, но все же прыгать - это не бежать. По-твоему, мы поступаем мудро?

- Ты сможешь освободиться в мгновение ока, - прошипел Мышелов раздраженно. - Неужели ты начисто лишен артистической жилки?

- Ладно тебе, - буркнул Фафхрд, допив вино и отшвырнув в сторону пустой кувшин. - Так бы сразу и говорил.

- У тебя излишне здоровый цвет лица, - заметил Мышелов, критически оглядывая северянина. Он вымазал Фафхрду лицо и руки серой краской, потом подмалевал черным морщин. - А одежда слишком чистая.

Выковыряв из щели между камнями мостовой грязь, он

измарал ею плащ Фафхрда и попробовал оторвать кусок полы, но материал оказался неподатливым. Пожав плечами, Мышелов взял под мышку свой полегчавший мешок.

- Твоя тоже, - сказал Фафхрд и, подогнув правую ногу, набрал целую пригоршню грязи. Выпрямившись единым рывком, он испачкал грязью плащ и серую шелковую куртку Мышелова.

Коротышка выругался.

- Драматическое правдоподобие, - объяснил Фафхрд. - Пошли, пока не протрезвели.

Ухватившись за плечо Мышелова, он споро поскакал в сторону улицы Коробейников, упираясь забинтованным мечом в булыжники и совершая большие прыжки вперед.

- Тише ты, болван! - негромко окрикнул его Мышелов, вынужденный, чтобы не отстать, семенить за ним со скоростью лошади; клюка его беспомощно тарахтела по камням. - Калека должен выглядеть убогим. Вот что вызывает у людей сочувствие к нему.

Фафхрд кивнул и слегка умерил прыть. Впереди снова мелькнула зловеющая дверь. Мышелов жадно приник к кувшину - и поперхнулся. Фафхрд выхватил у него сосуд, осушил до дна и небрежно швырнул через плечо. Кувшин загрохнул по мостовой.

Они пересекли улицу Коробейников, не останавливаясь, поднялись по двум выщербленным ступеням и вошли внутрь Обители Воров, наружная стена которой, как оказалось, имела поистине чудовищную толщину. Их взглядам открылся длинный и прямой коридор с высоким потолком, который заканчивался лестницей; по обеим сторонам его виднелись двери, из-под которых пробивался свет. Освещали этот коридор - сейчас пустынный на всем протяжении - укрепленные на стенах факелы.

Едва друзья переступили порог Обители, как каждый из них ощутил у своей шеи холод стали. Откуда-то сверху раздалась произнесенная одновременно двумя голосами команда:

- Стоять!

Несмотря на затуманенные вином мозги, приятелям хватило ума повиноваться. С изрядной опаской они посмотрели вверх.

Из большой и глубокой ниши над входом глядели на них изможденные, покрытые прамами и, иначе не скажешь,

омерзительные лица. Руки с шишковатыми пальцами сжимали по-прежнему приставленные к шеям приятелей мечи. Черные волосы охранников перехвачены были яркими повязками.

- Ходили, что ли, за дневной добычей? - справился один из стражников. - Вам повезет, коли ее сочтут достойной опоздания. Ночной Мастер Нищих в увольнительной на улице Блудниц, так что доложите Кровасу. Ну и воняет от вас, однако! Вымойтесь сперва, не то Кровас сварит вас живьем в кипятке. Пошли прочь!

Мышелов с Фафхрдом двинулись по коридору, старательно изображая из себя калек. Кто-то из охранников крикнул им вслед:

- Расслабьтесь, ребята! Здесь вам притворяться не нужно.

- Повторенье - мать ученья, - откликнулся дрожащим голосом Мышелов. Ногти Фафхрда предостерегающе впились ему в плечо. Походка друзей сделалась, насколько позволяла подвязанная нога Фафхрда, более естественной.

Ну и ну, подумалось Фафхрду, похоже, сам Кос - Повелитель Судеб прокладывает ему путь к Кровасу. Кто знает, без крови, быть может, нынче и не обойдется.

В этот миг до них с Мышеловом донеслись голоса, в большинстве своем резкие и грубые, и какие-то другие звуки.

Они миновали несколько дверей, у каждой из которых им хотелось задержаться, однако, памятуя о стражниках, лишь едва замедляли шаг.

А за дверьми творилось нечто весьма интересное. В одной комнате мальчишек учили срезать сумки и вытаскивать из карманов кошельки. Ученики подбирались к наставнику со спины, и если он слышал шарканье босых ног по полу или чувствовал прикосновение чужой руки или если по комнате разносился звон просыпавшихся свинцовых бляшек, которые заменяли монеты, виновника подвергали порке.

В следующей комнате молодежь практиковалась в пользовании отмычками. Часть группы прислушивалась к наставлениям седобородого старика, грязные руки которого ловко и уверенно разбирали на части хитроумного вида замки.

В третьей комнате помещалась столовая. Она была заставлена длинными столами, и оттуда исходили ароматные запахи, способные соблазнить даже тех, кто весь вечер

ублажал себя спиртным. Да, Гильдия заботилась о своих членах.

Пол четвертой комнаты был устлан матами. Здесь учили увертываться, уклоняться от ударов, подныривать, кувыркаться, падать - словом, отделяться от преследователей. Голос, в котором слышались нотки армейского сержанта, вразумлял кого-то:

- Нет-нет, не годится. Таким приемом ты не увернешься и от своей колченогой бабки! Я что, приказывал преклонить колена перед образами? Еще раз...

Добравшись до лестницы в конце коридора, Мышелов с Фафхрдом начали утомительный подъем. Утомительным он был потому, что прыгать по ступенькам на одной ноге - занятие не из легких.

Второй этаж в точности повторял собой первый, правда, роскошь его обстановки была столь же вызывающей, сколь и полное отсутствие оной внизу. С потолка, чередуясь, свисали лампы и филигранной работы кувшинчики с благоговениями. Стены скрывали расшитые драпировки, пол устилал ковер с густым ворсом. Коридор этот, как и внизу, тоже был совершенно пустынным. Вдобавок в нем царила мертвая тишина. Переглянувшись, друзья решительно двинулись дальше.

За распахнутой настежь первой дверью обнаружилась нежилая комната, в которой полным-полно было всякой разной одежды - богатой и простой, чистой и замызанной. Еще там было множество подставок для париков, на полках красовались бороды и прочие атрибуты воровского искусства. По всей видимости, эта комната служила костюмерной.

Мышелов прошмыгнул внутрь и схватил с ближайшего стола большой зеленый флакон. Откупорив его, он принялся. В комнате сильно запахло гарденией, к сладковато-гнилостному аромату которой примешивалось едкое амбре винного спирта. Мышелов sprysнул этими зловонными духами свой и Фафхрда плащи.

- Чтобы от нас поменьше несло навозом, - объяснил он, затыкая флакон пробкой. - Мне вовсе не улыбается быть сваренным заживо. Нет уж, увольте!

В дальнем конце коридора показались две фигуры и направились к ним. Мышелов спрятал флакон под плащ, прижав его локтем к боку, и они с Фафхрдом смело зашагали навстречу неизвестному.

Следующие три двери оказались запертыми. Подходя к пятой, приятели смогли как следует рассмотреть шедших навстречу. Одеты они были как благородные, но лица выдавали в них воров. Не скрывая отвращения, они брезгливо и с подозрением разглядывали Мышелова и Фафхрда.

И тут откуда-то послышался голос. Монотонной скороговоркой, которой обычно священники отправляют ежедневные службы или колдуны читают свои заклинания, он произносил слова на каком-то загадочном языке.

Двое богато одетых воров замедлили шаг у седьмой по счету двери и заглянули внутрь. Внезапно они замерли в напряженных позах, глаза их изумленно расширились. И вдруг побледнев воры сорвались с места и почти бегом промчались мимо Фафхрда с Мышеловом, словно те были всего лишь предметами мебелировки. Монотонный голос звучал, не умолкая.

Пятая дверь была заперта, зато шестая - открыта. Мышелов просунул в нее голову, задев носом о косяк. Внезапно на лице его появилось ошеломленное выражение, и он сдвинул свою черную повязку на лоб, чтобы лучше видеть. Фафхрд следом за другом перешагнул порог.

Большая комната была пустой - в ней не было ни людей, ни животных. Однако обстановка ее поражала воображение. Одна из стен почти целиком представляла собой гигантскую карту города Ланхмар, на которую, похоже, были нанесены все улицы и дома вплоть до последнего проулка и самой неприметной развалюхи. Кое-где были заметны подтертые места, а кое-где попадались таинственные разноцветные значки.

Пол комнаты был выложен мрамором, потолок отливал синевой ляпис-лазури. Две другие стены диковинностью не уступали первой. Одна из них была увешана различным воровским инструментом, начиная от громадной фомки, которой можно было запросто лишить опоры вселенную, до тонюсенького, словно волшебная палочка королевы фей, пруточка, явно предназначенного для того, чтобы похищать всякие безделушки с инкрустированных слоновой костью туалетных столиков светских львиц. На второй стене висели разнообразные затейливые, сверкающие, переливчатые предметы - по всей видимости, сувениры, напоминавшие о знаменитых ограблениях прошлого. Среди них была, к примеру, женская позолоченная маска, от красоты которой

захватывало дух, однако рдяные рубины на ней обозначали сифилитические язвочки. Был там и нож с лезвием, составленным из клиновидных алмазов, видно, острым как бритва. Впрочем, всего просто не перечесать.

Посреди комнаты стоял круглый стол из эбенового дерева и слоновой кости. К нему приставлены были стулья - все с прямой спинкой и мягким сиденьем. Один из стульев, повернутый лицом к карте, возвышался над остальными и, видимо, принадлежал Кровасу.

Мышелов шагнул было вперед, не в силах противиться искушению, но на плечо его опустилась тяжелая рука Фафхрда.

Нахмурясь и выразив тем самым свое неодобрение, северянин надвинул обратно на глаза Мышелову черную повязку и, ткнув палкой в направлении коридора, бесшумно запрыгал из комнаты. Разочарованно передернув плечами, Мышелов последовал за ним.

Едва они удалились, как из-за самого высокого из стульев показалась аккуратно подстриженная чернобородая голова и устоялась им вслед. Затем из-под стола возникла длинная, змееподобная рука. Изящный палец прижался к тонким губам, призывая к молчанию. Рука шевельнулась, давая знак четырем мужчинам в темных туниках, что притаились по двое у дверей, сжимая по кривому ножу в одной руке и по утяжеленной свинцом дубинке - в другой.

Фафхрд не проскакал и половины расстояния, что разделяло шестую и седьмую двери, когда из последней, откуда по-прежнему доносился монотонный и злоеющий речитатив, вылетел стройный юноша с позеленевшим лицом. Глаза его были широко раскрыты, руки зажимали рот, словно удерживая истошный вопль или рвоту; под мышкой у него торчало помело. Если бы не глаза и не лицо, в котором не было ни кровинки, юношу легко было принять за ученика волшебника, который решил слегка развеяться на свежем воздухе. Он промчался мимо Фафхрда с Мышеловом и кубарем скатился по лестнице. Каблуки его сапог, стук которых в коридоре заглушал ковер, звонко пересчитали ступени.

Фафхрд искося поглядел на Мышелова и пожал плечами, потом опустился на корточки, так что колено его подвязанной ноги коснулось пола, и осторожно заглянул за дверной косяк. Секунду спустя он поманил к себе Мышелова. По-

ловинка лица того высунулась из-за косяка прямо над головой Фафхрда.

Открывшаяся их взорам комната уступала размерами той, где висела карта. Ее освещали лампы, которые заливали все не обычным желтым, а бело-голубым светом. Темный мрамор пола поражал богатством узора. На стенах висели астрологические и антропомантические схемы и таблицы чередовались с магическими предметами; на полках теснились фарфоровые кувшины с загадочными ярлыками, стеклянные фляжки и флаконы причудливейших форм, в большинстве своем пустые, но иногда и наполненные разноцветными жидкостями. У стен, где сильнее всего сгустились тени, валялись в беспорядке всякие вещи, казалось, их выкинули и забыли убрать; кое-где виднелись большие дыры - не иначе норы крыс.

Посреди комнаты располагался длинный ярко освещенный стол на множестве крепких ножек с массивной столешницей. Мышелову сразу вспомнилась сороконожка, а затем - прилавок в "Угре", ибо стол этот выглядел так, будто за ним долгое время обедали, а потом еще упорно жгли огнем и травили кислотой.

В центре стола стоял перегонный куб. Темно-синее пламя поддерживало кипение густой черной жидкости, которая, впрочем, иногда поблескивала в огромном хрустальном кубе. Клубы дыма поднимались сквозь узкое горлышко куба и прозрачную ярко-красную насадку, становясь при этом угольно-черными, по узкой трубке перетекали в сферический хрустальный резервуар, который был даже больше куба, и сворачивались там в черные кольца. При взгляде на резервуар невольно казалось, будто внутри него беснуется громадная эбеново-черная змея.

С левого конца стола наблюдал за работой перегонного куба высокий человек с изуродованной горбом спиной. Он был одет в черный плащ с капюшоном, лишь слегка затенявшим ему лицо, на котором выделялись длинный заостренный нос и крохотный, едва заметный подбородок. Цвет лица у него был болезненно-серым, оттенка супеси. Щеки покрывала густая, коротко остриженная седая борода. Глядящие из-под покатого лба и кустистых седых бровей широко расставленные глаза то и дело перебежали с куба на лежащий перед человеком потемневший от времени свиток. Руки его, короткие и похожие на обрубки, с большими костяш-

ками и редкой порослью волос, то разворачивали манускрипт, то сворачивали его обратно. Видимо, человек, читавший нараспев записанный на свитке текст, знал его почти наизусть.

На другом конце стола, переводя глаза-бусинки с волшебника на куб, пристроился маленький черный зверек, при виде которого пальцы Фафхрда впились в плечо Мышелова, а тот судорожно сглотнул, причем вовсе не от боли. Зверек этот очень напоминал крысу, однако лоб у него был выше, а глаза - сдвинуты ближе. Передние его лапки, которые он непрерывно потирал, словно в предвкушении чего-то, казались уменьшенными копиями рук-обрубков колдуна.

Независимо друг от друга Фафхрд и Мышелов поняли, что перед ними та самая убежавшая тварь, что сопровождала Сливикина и его спутника, и каждому из них вспомнились вдруг слова Ивриан о колдовских животных и рассуждения Вланы о том, что Кровас может пользоваться услугами чародея.

Темп заклинаний ускорился. Бело-голубое пламя посветлело и отчетливо зашипело. Жидкость в кубе приобрела плотность лавы; на ее поверхности образовывались и громко лопались огромные пузыри. Черная лента в резервуаре извивалась, словно клубок гадюк в пору змеиных свадеб. В комнате явственно ощущалось присутствие кого-то незримого. Страх перед сверхъестественной сущностью стал уже почти невыносимым. Фафхрд с Мышеловом едва удерживались от того, чтобы не закричать. Разинув рты, они следили за происходящим; им чудилось, что стук их сердец разносится по всей Обители.

Голос колдуна поднялся чуть ли не до визга - и внезапно оборвался. Так бывает, если с силой ударить по барабану и немедленно прижать к его коже ладонь с растопыренными пальцами. Сверкнула яркая вспышка, что-то глухо грохнуло. На кубе появились бесчисленные трещины. Хрусталь сделался матовым, однако не лопнул и не распался. Насадка приподнялась над кубом, зависла на мгновение в воздухе и опустилась обратно. Среди клубов дыма в резервуаре образовались вдруг две черные петли, истончились и обернулись двумя черными колечками.

Колдун усмехнулся, позволил манускрипту скататься в

свиток и перевел взгляд с резервуара на своего зверька, который пронзительно верещал и подпрыгивал от восторга.

- Тихо, Сливикин! - прикрикнул колдун. - Твое время на подходе, - добавил он на ланхмарском просторечии. Фафхрд с Мышеловом с трудом разобрали, что он сказал, ибо говорил он быстро и голос у него был какой-то визгливый. Однако им обоим стало ясно, что со Сливкином они все перепутали. В минуту опасности толстый вор звал на помощь колдовскую тварь, а вовсе не товарища-человека.

- Да, хозяин, - откликнулся Сливикин столь же неразборчиво, разом опрокинув все размышления Мышелова насчет говорящих животных.

- Слушаю и повинуюсь, Хрисомило, - прибавил он пискливо.

- За дело! - резко скомандовал Хрисомило. - Смотри, не подведи, - мне нужны голые скелеты, на которых не осталось ни лоскутка плоти с пятнами от волшебного дыма и другими следами смерти от удушья! И не забудь о добыче! Ну, иди!

Сливикин, который кивком головы отмечал каждый приказ хозяйина, пискнул: "Положись на меня!", спрыгнул на пол и серой молнией метнулся в одну из нор.

Хрисомило, потирая свои отвратительные руки-культишки так же, как это делал Сливикин, довольно хихикнул.

- Мое волшебство вернуло то, что потерял Слевьяс!

Фафхрд с Мышеловом отодвинулись от двери - чтобы не быть замеченными. Увиденное и услышанное ими вселило в них чувство омерзения. Они искренне сочувствовали Слевьясу, кем бы он там ни был, и всем остальным жертвам крысopodobной твари - беднякам, трупы которых вскоре лишатся и следа плоти.

Фафхрд отобрал у Мышелова зеленый флакон и, переборов тошноту, как следует из него отхлебнул. Мышелов не смог заставить себя повторить поступок товарища и вполне удовлетворился ударившими ему в нос винными парами.

И тут он увидел за спиной Фафхрда, на пороге комнаты с картой, роскошно одетого мужчину, на поясе которого висел в инкрустированных бриллиантами ножнах кинжал с золотой рукоятью. Его запавшие глаза и изборожденное морщинами лицо свидетельствовали о том, сколь тяжко бремя ответственности, которое он взвалил себе на плечи. Черные, аккуратно подстриженные волосы и борода - улыбаясь, человек жестом подозвал Мышелова к себе.

Мышелов толкнул Фафхрду. Тот отдал ему зеленый флакон, который Мышелов заткнул пробкой и сунул под плащ.

Они сразу догадались, что зовет их не кто иной, как Кровас, Великий Мастер Гильдии. Ковыляя по коридору на одной ноге, Фафхрд снова подивился тому, как благосклонен сегодня к нему Кос-Повелитель Судеб. Мышелов же, которого мучили дурные предчувствия, вспомнил о том, что стражники у входной двери направили их к Кровасу, так что пускай даже события развиваются не совсем так, как хотелось бы, однако еще не все потеряно.

Но о том, что их ожидает засада, приятелям не подсказали ни настороженность Мышелова, ни природное чутье Фафхрда.

Сделав два шага, они оказались в руках вооруженных дубинками воинов, на поясах которых висели острые кинжалы.

- Все спокойно, Великий Мастер, - отрапортовал один из воинов.

Кровас развернул свой стул, уселся и принялся холодно их рассматривать.

- Что привело двух вонючих пьяниц-побирушек в покои мастеров Гильдии? - поинтересовался он тихо.

На лбу Мышелова от облегчения выступил пот. Обличья, которые он соорудил, пока выручали их и обманули даже Кроваса, хоть он и подметил пьяную ухмылку Фафхрда. Решив и дальше, сколько получится, изображать из себя слепца, он дрожащим голосом протянул:

- Стражники у двери на улицу Коробейников сказали нам, что Ночной Мастер Нищих отправился отдыхать душой и телом, и отослали нас к тебе, великий Кровас. Нам нынче повезло с добычей.

Мышелов порывлся в кошельке, не обращая внимания на то, что охранник сильнее стиснул его плечо, достал оттуда золотую монету и трясущейся рукой показал ее Кровасу.

- Хватит играть в игрушки! - бросил Кровас. - Или ты с пьяных глаз перепутал меня с каким-нибудь сердобольным прохожим? Сними с себя эту идиотскую тряпку!

Мышелов повиновался и застыл с улыбкой на губах, стараясь ничем не выдать вновь охватившего его беспокойства. Пожалуй, подумалось вдруг ему, план-то его был вовсе не таким уж блестящим.

Кровас подался вперед и спросил ровно, но настойчиво:

- Допустим, вас направили ко мне. Почему же, когда я заметил вас, вы предпочли улизнуть в соседнюю комнату?

- Мы увидели, как бегут оттуда отважные воры, - твердо ответил Мышелов. - Испугавшись, что Гильдии что-то угрожает, мы с моим товарищем поспешили туда, готовые положить свои жизни.

- Но то, что мы увидели и услышали, лишь сбilo нас с толку, - отважился вставить словечко Фафхрд.

- Я не с тобой разговариваю, пьянь! Будешь отвечать, когда спросят! - рявкнул Кровас и вновь повернулся к Мышелову. - Врешь и не краснеешь, мошенник! Нищие защищают воров - это ж надо до такого додуматься! Пожалуй, прикажу-ка я выпороть вас обоих за излишнее любопытство, за пьянство и за лживость.

Наитие подсказало Мышелову, что выручить их способны только нахальство и дальнейшая ложь, а никак не подобострастие.

- Я и в самом деле мошенник, господин, - согласился он. - Однако я вижу, что пришло время поведать тебе ужасную правду. - Он принял напыщенный вид. - Дневному Мастеру Нищих стало известно, что против тебя замышляют зло. Он подозревает одного из ближайших твоих помощников, которому ты, господин, доверяешь всей душой. Мастер рассказал нам о своих подозрениях и послал меня с приятелем охранять тебя от злодея.

- Что ты плетешь! - прорычал Кровас, но Мышелов заметил, что он побледнел. Великий Мастер приподнялся со стула. - Какой такой помощник?

Мышелов усмехнулся. Стражники с любопытством поглядели на него и слегка ослабили хватку. Те двое, что стерегли Фафхрда, тоже напряженно прислушивались.

- Ты требуешь ответа от доверенного лазутчика или от пленника? Если последнее, я предпочту не докучать тебе более своими домыслами, - холодно произнес Мышелов.

Лицо Кроваса потемнело.

- Эй! - позвал он. Из-за портьера, скрывавшей дверь во внутренние покои, выскочил юноша со смуглым лицом клешита. Из одежды на нем была лишь черная набедренная повязка. Он упал на колени перед Кровасом; тот приказал:

- Приведи сюда сперва моего колдуна, а потом - воров Слевьяса и Фиссифа.

Темнокожего юношу как ветром сдуло.

Кровас призадумался, а затем ткнул пальцем в Фафхрда.
- Что скажешь, выпивоха? Посмотрим, кто из вас больший лгун - ты или твой приятель!

Фафхрд, которого стражники по-прежнему держали за плечи, лишь усмехнулся и сложил руки на груди, так что замаскированный под палку меч оказался в висячем положении. Внезапно северянин нахмурился - острая боль пронзила его подвязанную левую ногу, о которой он, признаться, и думать забыл.

Выпрямившись во весь рост, Кровас взмахнул сжатой в кулак рукой, собираясь, видно, распорядиться, чтобы Фафхрда с Мышеловом подвергли жестоким пыткам, но тут в комнату вошел Хрисомило. Передвигался он быстрыми, семенящими шажками, и складки его плаща оставались неподвижными, словно он не шел, а плыл над мраморным полом.

Появление колдуна вызвало всеобщее замешательство. Взгляды всех присутствующих обратились на него. Люди затаили дыхание; Фафхрд и Мышелов почувствовали, как мелко задрожали руки на их плечах. Даже выражение лица Кроваса сделалось встревоженным.

Внешне равнодушный к подобному проявлению чувств, Хрисомило приблизился к стулу Кроваса и, улыбаясь тонкогубым ртом, легонько склонил голову, что, очевидно, заменяло у него поклон.

Указав на Мышелова с Фафхрдом, Кровас спросил резко и вместе с тем нервозно:

- Ты их знаешь?

Хрисомило утвердительно кивнул.

- Они заглядывали ко мне, когда я занимался тем, о чем мы с тобой договаривались. Не опасайся я испортить заклинание, я бы прогнал их, а потом известил бы тебя. Один из них - северянин, лицо второго выдает в нем пришельца с юга - должно быть, из Товилийса или из соседних краев. Оба они моложе, чем кажутся сейчас. Мне думается, они из числа вольных браво, услугами которых иногда пользуется Братство. А их нищенские обноски, разумеется, всего лишь неуклюжий маскарад.

Фафхрд зевнул, а Мышелов печально покачал головой, демонстрируя свое отношение к аналитическим способно-

стям колдуна. Он даже бросил на Кроваса предостерегающий взгляд, который должен был означать, что пресловутый заговорщик - не кто иной, как Хрисомило.

- Вот и все, что я могу тебе сказать, не заглядывая в их мысли, - заключил колдун. - Прикажешь принести лампы и зеркала?

- Погоди, - Кровас взглянул на Мышелова. - Отвечай теперь по правде, или ее добудут из тебя колдовством, а вас обоих заперют до смерти. За кем из моих помощников отправил вас следить Дневной Мастер Нищих? Или ты все наврал?

- Ни капельки, - нагло возразил Мышелов. - Мы доложили ему, как обстоят дела, и он похвалил нас и предупредил, чтобы мы не спускали с заговорщиков глаз.

- А мне не сказал ни слова! - воскликнул Кровас. - Что ж, Бэннат поплатится за это собственной головой, если ты, конечно, не врешь.

Мышелов с обидой посмотрел на Кроваса. Тут по коридору мимо двери проковылял, опираясь на позолоченную палку, дородный мужчина. Шаги его были неслышными и исполненными самодовольства.

Кровас заметил его.

- Эй, Ночной Мастер! - окликнул он. Мужчина остановился, неторопливо повернулся и прихрамывая вошел в комнату. Кровас ткнул пальцем сперва в Мышелова, а затем в Фафхрда.

- Ты их знаешь, Флим?

Ночной Мастер Нищих внимательно оглядел приятелей и помотал увенчанной золотистым тюрбаном головой.

- Никогда не встречал. Кто они такие? Ряженые воры?

- Флим и не может нас знать, - вмешался Мышелов, чувствуя, как захлопывается за ними с Фафхрдом дверца западни. - Мы общались только с Бэннатом.

- Бэннат вот уже десять лет, как не встает с постели, куда уложила его болотная лихорадка, - тихо проговорил Флим. - Поэтому мне приходится пока работать и ночью и днем.

В этот миг из-за спины Флима вынырнули Слевьяс и

Фиссиф. На подбородке высокого вора лиловела громадная шишка, голова толстяка была обмотана бинтом. Едва увидев Фафхрда с Мышеловом, Фиссиф закричал:

- Это те двое, что напали на нас, перебили нашу охрану и утащили камни Дженгао!

Мышелов оттопырил локоть, и зеленый флакон, упав на мраморный пол, разлетелся на мелкие кусочки. Комнату заполнил сладкий аромат гардении. А Мышелов тем временем, вырвавшись из рук изумленных стражников и размахивая клюкой, прыгнул к Кровасу.

С неожиданным проворством Флим подставил ему под ноги свою золоченую палку. Мышелов споткнулся и полетел вверх тормашками, но не растерялся и постарался приземлиться поудачнее.

Фафхрд отпихнул стражника слева от себя и рукоятью забинтованного Серого Жезла нанес мощный удар в челюсть тому, что стоял справа. Могучим усилием всех мышц удержавшись на ногах, он отскочил к стене, которую украшали награбленные диковины.

Слеваясь подбежал к стене с воровским инструментом и, напрягшись так, что на лбу вздулись жилы, выломал из гнезда огромную фомку.

Мышелов, который ухитрился-таки сохранить равновесие, обнаружил, что стул Кроваса пуст, а предводитель воров спрятался за его спинкой, сжимая в руке кинжал с золотой рукояткой и пожирая взглядом противника. Развернувшись, Мышелов увидел, что один из стражников, охранявших Фафхрда, без чувств валяется на полу, а второй силится подняться. Сам же великан-северянин, прижавшись спиной к стене, обнажил извлеченный из-под плаща кинжал, ухватив другой рукой как дубинку Серый Жезл.

Вытащив из ножен Кошачий Коготь, Мышелов громогласно воскликнул:

- И прочь, вы все! Он обезумел! Пустите меня, я отрублю ему вторую ногу!

И миновав стражников, которые никак не могли оправиться от изумления, бросился к Фафхрду, моля богов, чтобы опьяненный битвой, вином и ядовитым запахом северянин узнал его и разгадал его намерения.

Серый Жезл просвистел высоко над головой Мышелова.

Судя по всему, Фафхрд понял что к чему и теперь подыгрывал другу. Мышелов опустился на колени и под защитой Серого Жезла и длинного кинжала перерезал веревки на левой ноге Фафхрда. Покончив с этим, он рванулся в коридор, кинув на бегу:

- Уходим!

Хрисомило, стоя в отдалении, сосредоточенно наблюдал за происходящим. Фиссиф испуганно отшатнулся. Из-за стула доносились крики Кроваса:

- Задержите их! Остановите их!

Трое стражников, наконец-то опомнившись, преградили было путь Мышелову, но он замахнулся кинжалом - и проскочил между ними, отбив попутно забинтованным Скальпелем золоченую палку, которую вновь попытался подсунуть ему под ноги Флим.

Слевьяс, как следует прицелившись, замахнулся в Мышелова огромной фомкой. Однако в последний момент над плечом Мышелова возникла длинная рука с не менее длинной дубинкой и ударила высокого вора в грудь. Слевьяс покатился по полу, а фомка упала, не пролетев и нескольких шагов.

Мышелов очутился в коридоре. Фафхрд следовал за ним по пятам - как ни странно, по-прежнему на одной ноге. Мышелов указал на лестницу. Фафхрд кивнул, затем подпрыгнул, сорвал со стены тяжелую драпировку и бросил ее поперек коридора, чтобы хоть немного задержать погоню.

С Мышеловом впереди они устремились вверх по лестнице. Сзади раздавались громкие крики.

- Кончай валять дурака, Фафхрд! - буркнул Мышелов.
- У тебя теперь две ноги.

- Да, но одна из них ничего не чувствует, - пожаловался северянин. - Уф! Скорее бы она отходила.

Брошенный снизу нож, просвистев между ними, врезался лезвием в стену, выбив из нее каменную крошку. Завернув за угол, беглецы оказались в относительной безопасности.

Еще два пустынных коридора, еще два лестничных пролета - и они добрались до площадки, с которой уводила на крышу сквозь квадратное черное отверстие в потолке креп-

кая лесенка. Вор, волосы которого перехвачены были цветастым платком - очевидно, отличительным знаком охранников дверей, - подступил было к Мышелову с обнаженным мечом, но, увидев за спиной коротышки Фафхрда и рассмотрев сверкающее острие кинжалов и странного вида дубинки, испуганно попятился.

Мышелов первым быстро вскарабкался по лесенке и выбрался через люк под усыпанное звездами небо.

Он обнаружил, что стоит едва ли не на краю покрытой шифером крыши, уклон которой представлял собой серьезную опасность для новичка в этом деле, но ничем не грозил ветерану.

Послышался хруст дерева. Фафхрд выволок наверх лестницу. Когда он уже выпрямлялся, из люка вылетел нож, стукнулся о шифер и соскользнул по скату крыши вниз. Мышелов, не тратя времени даром, кинулся прочь от люка. На полпути к южному краю крыши его настиг тихий звон - нож ударился о булыжник Алеи Убийц.

Фафхрд немного поотстал - отчасти из-за того, что был менее привычен к лазанию по крышам, отчасти из-за онемевшей левой ноги. И потом, он ведь нес на плече тяжелую лесенку.

- Она нам ни к чему! - крикнул Мышелов.

Фафхрд с радостью избавился от ненужного груза. Лесенка загрохотала по камням мостовой, а Мышелов перескочил на соседнюю крышу, уже не такую крутую. Фафхрд мигом очутился рядом с приятелем.

Ведомые Мышеловом, переходя порой на бег, они пустились в обратный путь и выбрались из мрачного леса дымовых труб, отдушин, водяных баков, крышек люков, голубятен и птичьих силков в том месте, где нависал над улицей Лудильщиков крытый мостик, удивительно схожий с тем, что соединял дома Роккермаса и Слаарга.

Пригибаясь как можно ниже, беглецы перебрались по нему на другую сторону улицы. Над головами их что-то просвистело. Едва они прыгнули с мостика на крышу, вновь раздался тот же трижды повторенный свистящий звук. Один из неизвестных предметов, стукнувшись о трубу, упал прямо к ногам Мышелова. Тот поднял его, оглядел, взвесил на ладони и подивился тяжести метательного снаряжика.

- Они там, - сказал он, тыкая пальцем себе за плечо, - видно, здорово разозлились, коли вывели на крыши прачников. Горячие, однако, ребята.

От улицы Лудильщиков путь их лежал на юго-восток, к тому месту на улице Коробейников, где дома стоят так близко, что перепрыгнуть с одного здания на другое не составляет труда. По пути они угодили в плотное облако ночного смога. Кашляя и чихая, Мышелов, за плечо которого держался Фафхрд, вынужден был сбавить шаг и добрых шестьдесят ударов сердца беспомощно шарил руками вокруг. Лишь на подходе к улице Коробейников сумели они выбраться из смога. В небесах вновь засияли звезды.

- Что за чертовщина? - справился Фафхрд, глядя вслед плывущему к северу облаку. Мышелов передернул плечами.

Случись в этот час пролетать над Ланхмаром ястребу, он увидел бы, как расползается по переулкам черная завеса, недавно еще клубившаяся над "Серебряным Угрем".

Достигнув Чумного Двора, приятели спустились на землю.

Посмотрев друг на друга, на свои забинтованные клинки, на вымазанные краской лица и испачканную грязью и сажей одежду, они расхохотались. Они хохотали и хохотали и никак не могли успокоиться; задыхаясь от смеха, Фафхрд принялся массировать левую ногу у колена. Добродушно подтрунивая над собой, они размотали бинты на мечах - Мышелов широко раскрыл глаза, словно и понятия не имел, что там внутри, - и пристегнули ножны к поясам. Свежий ветерок унес прочь зловоние жидкости из зеленого флакона, а прогулка по крышам без следа развеяла пьяный туман в головах. Ни Фафхрд, ни Мышелов не испытывали сейчас желания выпить; им хотелось лишь поскорее вернуться домой, как следует подзаправиться и поведать милым подружкам о своих безумных похождениях.

Бок о бок они зашагали дальше.

Исчезновение смога будто оживило кривые и грязные переулки. Даже Аллея Костей выглядела менее мрачно и угнетающе.

Взобравшись легкой поступью по длинной, скрипучей, зияющей проломами лестнице, они встали плечом к плечу на площадке, и Мышелов с силой толкнул дверь, чтобы та распахнулась.

Но дверь не поддавалась.

- Заперта, - заключил Мышелов и только тут заметил, что сквозь щели в двери наружу почти не пробивается свет, если не считать слабого оранжево-красного свечения. Усмехнувшись, он проворчал с мнимым раздражением, за которым пряталась легкая тревога:

- Они, видишь ли, спят, а мы изволь торчать под дверью!

Трижды громко постучав, он сложил трубочкой ладони и крикнул в дверную щель:

- Эгей, Ивриан! Вот он я, живой и здоровый! Эгей, Влана! Можешь гордиться своим кавалером; он в одиночку расправился с кучей воров, даром что скакал на одной ноге!

Изнутри не донеслось ни звука, разве что шорох, такой тихий, что мог попросту померещиться.

Фафхрд потянул носом.

- Нехороший запах, - проговорил он.

Мышелов забарабанил по двери кулаком. Безрезультатно.

Фафхрд отстранил друга и подошел к двери, намереваясь высадить ее плечом.

Мышелов покачал головой, стукнул по стене, сделал неуволимое движение - и к ногам его вывалился кирпич, который мгновение назад казался чуть ли не приросшим к месту. Мышелов просунул в открывшееся отверстие руку. Послышался скрежет отодвигаемых засовов. Выпрямившись, Мышелов легонько толкнул дверь, и та отворилась.

Однако ни Фафхрд, ни Мышелов не бросились сломя голову в комнату. Их остановило некое предчувствие опасности. Из раскрытой двери пахло звериным запахом, к которому примешивался сладковатый аромат духов, какими вряд ли захочет воспользоваться здравомыслящая женщина.

Оранжевое свечение исходило из распахнутой дверцы маленькой черной печки. Правда, дверца как-то неестественно наклонилась - по всей видимости, кому-то понадобилось приподнять печку.

Этот неестественный наклон как нельзя лучше говорил о том, какому разорению подверглась комната.

В оранжевом полумраке виднелись собранные в гармошку

ковры с черными пятнами на них; под полками, вперемишку с кувшинами и эмалевыми шкатулками, валялись связки свечей. У очага и рядом с оттоманкой чернели две продолговатые и бесформенные груды.

И с каждой из них на Фафхрда с Мышеловом глядели бесчисленные, довольно широко раставленные, пылающие злобой глазки.

С другой стороны очага, на ковре, серебрилась клетка, в которой не было и намека на птиц.

Послышался лязг металла. Это Фафхрд попробовал, лег ли вынимается из ножен Серый Жел.

И, словно оба они восприняли этот звук как сигнал к действию, воины обнажили клинки и плечом к плечу вошли в комнату, настороженно вслушиваясь в скрип пола.

Глазки на кучах беспокойно замигали. Мужчины подходили все ближе, и среди глазок возникла паника. Черные зверьки с безволосыми хвостами бросились к черным пятнам на коврах, исчезая в них друг за другом.

Черные пятна были ничем иным, как дырами в крысиные норы, а красноглазые твари - крысами.

Фафхрд с Мышеловом, охваченные приступом безудержной ярости, с бранью ринулись вперед. Но зарубили они немногих. Крысы удирали без оглядки, скрываясь как в новых, так и в старых норах - у стен и в очаге. Кроме того, первый удар Фафхрда пришелся в пол, а на третьем шаге гнилые доски не выдержали, и он провалился по самое бедро. Мышелов, впрочем, не обращал внимания на злобный треск.

Фафхрд высвободил ногу, не чувствуя боли от заноз и, как и Мышелов, не слыша неумолчного скрипа деревянного пола. Крысы разбежались. Северянин шагнул к товарищу, который кинул в топку печки несколько палок.

И тут их охватил ужас. Крысы исчезли, но оставили после себя две продолговатые груды. Их теперь было отчетливо видно в желтом отсвете пламени из топки; они утратили свою черноту и обернулись множеством красок - от темно-коричневой, болезненно-лиловой, сиреневой и снежно-белой до алой, - красными нитями чулок и рдяными пятнами крови.

Крысы обглодали до костей руки и ноги и вдоволь пола-

комились внутренностями, однако почему-то пощадили лица, на которые, впрочем, лучше было не смотреть: искаженные предсмертной гримасой, багрово-синие от удушья, с вывалившимися языками и выпученными глазами... Пренными были лишь темно-русые и черные волосы да белне-белые зубы.

Несмотря на переполнявшие их ужас, горе и гнев, мужчины не в силах были отвести взгляды от любимых и заметили вдруг, как соскользнули с девичьих шей и, постепенно растворяясь в воздухе, потянулись к раскрытой двери две узеньких черных полоски - две струйки ночного смога.

Громко затрещав, пол посреди комнаты просел еще на три пяди.

Уголки огуленного несчастьем сознания машинально отмечали, что кинжал Вланы пригвоздил к полу крысу, которой, видно, невтерпеж было дожидаться, пока расправится со своими жертвами смог; что пояс девушки бесследно пропал вместе с висевшей на нем сумкой; что та же участь постигла инкрустированную серебром шкатулку, в которую Ивриан переложил самоцветы, переданные ей Мышеловом.

Мужчины переглянулись; им хватило мгновения, чтобы прочесть в глазах друг друга подтверждение собственным мыслям. Поэтому Фафхрду не пришлось объяснять, зачем он снимает плащ с капюшоном и зачем, брезгливым движением стряхнув крысу, засовывает за пояс кинжал Вланы. Поэтому Мышелову не пришлось отвечать на недоуменные вопросы, когда он изучал перед огнем содержимое пузырьков с мазью. Разбив три из них, он призадумался, сунул в мешок другие три пузырька, ссыпал туда же факелы и подобрал горшок с угольями.

Потом, по-прежнему не разжимая губ, Мышелов просунул руку в очаг и опрокинул печку на пол, дверцей топки прямо на пропитанные маслом циновки. Ярко вспыхнуло желтое пламя.

Мужчины бегом бросились к двери. Отчаянно заскрипев, пол проломился. Друзья выскочили на площадку за дверь в тот самый миг, когда охваченные пламенем циновки, печка, дрова, свечи, оттоманка, столики со шкатулками и пузырьками и обезображенные трупы их возлюбленных провалились в пыльную, затянутую паутиной комнату этажом ниже. Загудел, разгораясь все сильнее, погребальный костер.

Друзья скатились по лестнице, которая, едва они очутились на земле, отделилась от стены и рухнула в темноту. Им пришлось раскидывать ее обломки, чтобы выбраться на Аллею Костей.

Огонь разбушевался; языки пламени вырывались наружу сквозь ставни верхнего этажа и сквозь забитые досками оконные проемы вниз. Когда Мышелов с Фафхрдом достигли Чумного Двора, в "Серебряном Угре" громко зазвонил пожарный колокол.

Не снижая темпа, приятели добежали до развилки, откуда начиналась Аллея Смерти. Там Мышелов схватил Фафхрда за руку и заставил остановиться. Северянин вырвал руку, грязно выругался; во взгляде его сквозило безумие. Мышелов задыхаясь крикнул:

- Надо подготовиться!

Ухватив свой мешок за горловину, он с размаху обрушил его на мостовую - так, чтобы раскололись не только пузырьки, но и горшок с угольями. Вскоре запахло паленой мешковиной.

Мышелов обнажил Скальпель, а Фафхрд - Серый Жезл, и они устремились вперед. Мышелов размахивал над головой мешком, чтобы раздуть пламя. К тому времени, когда они пересекли улицу Коробейников и ворвались в Обитель Воров, мешок стал огромным огненным шаром. Подпрыгнув, Мышелов зашвырнул его в глубокую нишу над входом.

Раздались вопли охранников.

Привлеченные криками и топотом ног, в коридор высыпали воры-подмастерья - и тут же боязливо попятились обратно при виде двух воинов с яростной решимостью на лицах, которые сжимали в руках длинные и острые клинки.

Один ученик, которому вряд ли было больше десяти лет, немного замешкался. Серый Жезл вонзился ему в грудь, и он умер с мольбой о пощаде на губах.

В глубине послышался тихий звон, от которого почему-то становились дыбом волосы. Двери вдоль по коридору начали захлопываться одна за другой. Фафхрд с Мышеловом жаждали кровавой схватки, но воры, видно, вовсе не стремились скрестить с ними мечи. В коридоре, несмотря на горящие факелы, сгустился мрак.

Добежав до лестницы, воины поняли, откуда он взялся. Над ступеньками клубилось черное облако смога.

Струйки его, материализуясь прямо из воздуха, на глазах удлинялись и принимали омерзительные формы. Они перегородили гигантской паутиной коридор второго этажа - от стены к стене и от пола до потолка, так что Фафхрду и Мышелову пришлось прорубать себе дорогу; по крайней мере именно это померещилось их воспаленным рассудкам. Из седьмой по счету двери впереди снова донесся колдовской звон, который перешел вдруг в насмешливое кудахтанье, не уступавшее в безумии возбуждению друзей. Черная пелена смога сделалась гуще.

На втором этаже Обители Воров тоже не видно было ни одной раскрытой двери. У Мышелова мелькнула мысль, что воры боятся не их с Фафхрдом, а Хрисомило с его колдовскими штучками, пускай он даже защищает Обитель от незваных гостей.

Вход в комнату с картой, из которой вероятнее всего было ожидать нападения, оказалось, преграждала огромная дубовая дверь, обитая сверху донизу железом.

Продвижение воинов замедлилось; струйки смога не пустили их, так и норовили обвиться вокруг ног. Внезапно на полпути между комнатой с картой и логовом колдуна из воздуха возник черный паук ростом с волка.

Мышелов разрубил черную паутину, которая отделяла его от твари, отступил немного назад и прыгнул на паука. Скальпель воткнулся тому промеж восьми только-только проявившихся глаз. Чудище сморщилось, точно проколотый мочевого пузырь, и издохло. В ноздри Мышелову ударила отвратительная вонь.

В следующий миг они с Фафхрдом уже заглядывали в комнату колдуна. Обстановка ее почти не изменилась, разве что кое-чего прибавилось.

На длинном столе яростно фырчали два перегонных куба; их насадки вылевывали змеящиеся струи дыма - не в резервуары, а прямо в комнату. Быстрее болотной кобры, что завидела добычу, эти струи сплетали преграду между воинами и Хрисомило, который опять склонился над волшебным манускриптом; правда, теперь, бормоча заклинание, он не сводил глаз с Мышелова и Фафхрда, лишь изредка заглядывая в текст.

На другом конце стола, где дыма не было и в помине,

устроился Сливикин, рядом с которым восседала громадная крыса. Они походили друг на друга как близнецы, только голова у крысы была поменьше.

В норах у пола сверкали глазки других крыс.

Зарывав, Фафхрд обрушил Серый Жезл на дымный барьер. Но как он ни бушевал, ему не удалось пробиться сквозь паутину смога; мало того, разрубленные им нити потянулись к нему, угрожая запеленать северянина в кокон.

Фафхрд перекинул меч в левую руку, а правой извлек из ножен свой длинный кинжал и кинул его в колдуна. Кинжал пронзил три струи дыма; четвертая и пятая замедлили его полет, в шестой он словно завяз, а седьмая подхватила его, и он бессильно повис в воздухе.

Хрисомило усмехнулся, обнажив крупные резцы; Сливикин завершал и запрыгал от восторга.

Мышелов швырнул в чернокнижника Кошачий Коготь. Его попытка закончилась еще более плачевно, ибо, отвлекшись, он не заметил подбирающихся к нему струек смога, и те обвили его боевой руки и шеи. Крысы в норах зашевелились и полезли наружу.

Фафхрду тоже приходилось несладко. Дымные струйки оплели его колени и левую руку и едва не повалили на пол. Пытаясь устоять на ногах, он выхватил из-за пояса кинжал Вланы и поднял его над плечом. В свете факелов призрачно засеребрилась рукоять оружия, тускло замерцало покрытое засохшей крысиной кровью острие.

Усмешка сползла с лица Хрисомило. Он вскрикнул, отшатнулся и заслонил глаза руками-культишками.

Кинжал Вланы пронзил черную паутину, которая как будто расступилась перед ним, проник между рук колдуна и вошел по рукоять в его правый глаз.

Хрисомило взвизгнул и вцепился в рукоятку оружия.

Черная паутина вздрогнула.

Перегонные кубы неожиданно-негаданно разлетелись вдребезги, а их содержимое пролилось на стол. Массивная столешница задымилась. Горящая голубым пламенем жидкость потекла на мраморный пол.

Испутив сдавленный хрип, Хрисомило рухнул навзничь, крепко стиснув пальцами серебряную ручку кинжала.

Паутина сделалась прозрачной, будто политое водой свежее чернильное пятно.

Мышелов рванулся вперед и одним ударом рассек надвое Слевикина и крысу, прежде чем они успели осознать грозящую им опасность. Остальные крысы опрометью кинулись в норы.

Исчезли последние следы колдовского смога, и Мышелов с Фафхрдом остались в компании трех трупов. В Обители Воров царила мертвая тишина. Пролившаяся на пол жидкость застыла; древесина стола так и не вспыхнула.

Приступ безумия и ярости миновал, жажда крови и мщения исчерпала себя. Воинам уже не нужен был ни Кровак, ни кто другой из воров. Фафхрд с содроганием припомнил лицо мальчишки, которого он поразил в припадке бешенства.

Но горе их не уменьшилось и боль не притупилась, а стала, пожалуй, еще острее; вдобавок их переполняло растущее отвращение ко всему, что их окружало: к трупам у ног, к разгромленной комнате колдуна, к Обители Воров как таковой и к городу Ланхмару со всеми его улицами, площадями и закоулками.

С гримасой отвращения Мышелов вытер Скальпель о какую-то тряпицу и вложил меч в ножны. Фафхрд последовал его примеру. Потом они подобрали свои кинжалы, которые упали на пол, как только исчезла черная паутина, но ни один из них не потрудился вытащить из глазницы колдуна кинжал Вланы. На столе Хрисомило лежали черная с серебром бархатная сумка Вланы, ее пояс и голубая эмалевая шкатулка Ивриан. Эти предметы они прихватили с собой.

Как и в уничтоженном огнем обиталище Мышелова, им не требовалось слов, чтобы понять друг друга, чтобы ощутить родство душ и единство целей. Сгорбившись, медленным шагом покинули они логово колдуна, миновали запертые комнаты и спустились по гулкой лестнице; шаг их постепенно убыстрялся. Они прошли пустынным коридором первого этажа, под сводами которого гуляло эхо их шагов, проскользнули под выгоревшей сторожевой нишей, оставили за спиной Обитель Воров и повернули сначала налево, на север, чтобы сократить путь по улице Богов, а потом -

направо, на восток. Единственным, кто попался им по дороге, был хилый и сутулый мальчуган, который с несчастным видом возил шваброй по мостовой перед дверью винной лавки в первых лучах восходящего солнца; остальные горожане мирно храпели в своих постелях. Да, они свернули направо, на восток, вниз по улице Богов, ибо она выводила к Болотным Воротам, за которыми начиналась гать через Великое Соленое Болото. Ворота эти были ближайшим выходом из веселого города Ланхмара, который сделался друзьям отвратителен, стал для них городом утраченной любви, пребывание в котором сулило огненные Фафхрлу и Серому Мышелову отчаянье и тоску.

КЛИНКИ ПРОТИВ СМЕРТИ

Перевод
Ю. Соколова

© перевод на русский язык,
Соколов Ю.Р., 1992

Fritz Leiber
SWORDS AGAINST DEATH
New York 1970

I. Чертов круг

Двое мечников, высокий и приземистый, вышли из Болотных Ворот Ланхмара и по Мощеной Дороге направились к востоку. И хотя свежесть кожи и поджарость выдавали их молодость, глубочайшее горе и железная целеустремленность на лицах свидетельствовали о их мужестве.

Сонные стражники в бурных железных кирасах не препятствовали им. Лишь дураки и безумцы покидают величайший город Нихвона, тем более пешком и к тому ж на рассвете. По совести, парочка эта показалась им на редкость опасной.

Горизонт впереди розовел, словно край хрустального кубка, до краев наполненного искрящимся на усладу богам красным вином, розоватое сияние это оттоняло на запад последние звезды. Но не успело еще солнце пурпурным краем выглянуть из-за горизонта, как налетела черная буря - заплутавший во Внутреннем Море шквал ворвался на сушу. Вновь потемнело, как ночью, и мечи молний разили, а гром потрясал громадным железным щитом. Ветёр нагнал с моря соленый воздух, к которому примешивался запах болотной гнили. Вихри гнули к земле длинные зеленые шпаги приморской травы и, запутавшись, все рвались из ветвей терновника и прибрежных зарослей соколиных деревьев. Ветер поднял на ярд черную воду с северной стороны Мощеной Дороги, узкой плоской змейкой протянувшейся по плоскому болоту. И забарабанил дождь.

Не говоря друг другу ни слова, оба мечника не переменили шага, лишь чуть подняли плечи и обращенные к северу лица, отдаваясь очистительному могуществу бури, жалам дождя, что легкими уколами своими хоть немного отвлекали разум и сердце от глубоких мук.

- Хо, Фафхрд! - глубокий голос покрыл и бормотанье грома, и рев ветра, и барабанную дробь капель.

- Хист, Серый Мышелов!

Высокий мечник резко обернулся к югу, куда уже было обращено лицо его низкорослого спутника.

Там, невдалеке от дороги, на пяти столбах высилась круглая хижина. Столбы, должно быть, были велики, ведь Мошеная Дорога повсеместно пролежала высоко над водой, а порог низкой округлой двери как раз был вровень с головой мечника, что повыше.

Странного в этом не было бы ничего, однако все знали, что в ядовитом Великом Соленом Болоте никто не живет, разве что гигантские черви, ядовитые угри, водяные Кобры, бледные длинноногие болотные крысы да другая подобная живность.

Блеснула синяя молния, и в низкой двери как нельзя яснее обрисовала согбенную фигуру в плаще с капюшоном. Жесткие складки плаща были словно вычеканены на металле.

Но внутри капюшона молния не высветила ничего - только неяркую тьму.

Обрушился гром.

И тогда из-под капюшона заскрежетал голос, отрывисто и жестко, будто из камня вырубая строки, и невзыскательные стишки в невидимых устах звучали грозным и мрачным пророчеством:

*Хо, Фафхрд, Долгоногий!
Хист, Мышелов! По дороге
Зачем бредете, куда?
Покинете город-чудо -
Вас ожидает беда:
В пути вам придется худо,
Я же буду печалась
Глядеть на ваши скитанья.
Ждет вас горькая доля
Голод, смерть и неволя,
Так что назад, скорее,
Иначе беда, беда!*

Сие скорбное песнопение отзывало уже почти на три четверти, когда оба мечника наконец сообразили, что, не сбавляя шага, двигаются вперед и хижина словно отступает перед ними. Словно бы шагает на своих длинных столбах,

как на ходулях. А когда осознание этого дошло до них, оба вдруг заметили, как семянт сгибаясь деревянные опоры.

Когда голос отскрежетал последнюю "беду", Фафхрд остановился.

А следом за ним и Серый Мышелов.

А следом за ними обоими - хижина.

Оба мечника повернулись к низкому входу и заглянули в него.

Тут же с оглушительным грохотом за их спинами в землю вонзилась ослепительная молния. Тела их содрогнулись, плоть скорчилась, болезненно и жестоко... но заодно молния осветила и хижину и ее обитателя ярче, чем в солнечный день, - и все-таки под капюшоном ничего не было видно.

Будь он пуст - виднелась бы ткань с изнаночной стороны. Нет, изнутри под капюшоном овалом чернела эбеновая тьма, которую не рассеяла и громовая стрела.

И вовсе не дрогнув, покрывая зычным криком рев бури, Фафхрд воззвал в сторону хижины, но голос комаром пищал в его собственных, оглушенных громом ушах:

- Внемли, ведьма, волшебник, ночное привидение, кто ты там! Никогда более не ступит моя нога в этот город злодеев, что лишил меня самой чистой и единственной любви, моей несравненной и незаменимой Вланы... Вечно суждено мне скорбеть о ней, сознавая свою вину в ее неожиданной смерти, - мерзкая Гильдия Воров покарала ее за нарушение воровских правил... Мы порешили убийц, только это не принесло нам утешения.

- И я даже шага не сделаю в сторону Ланхмара, - грозным голосом возгласил Серый Мышелов. - Презрения достойна столица, что грабит людей, она обобрала и меня тем же образом, что и Фафхрда, и обрушила на мои плечи столь же тяжкий гнет печали и скорби, что суждено мне носить веками, даже после смерти.

Подхваченный свирепым ветром, соляной паук пронесся рядом с его ухом, отчаянно брыкая жирными мертвенно-бледными ногами, и исчез во тьме за хижинной, но Мышелов не вздрогнул, не запнулся, а ровным голосом продолжал:

- Знай же, о порождение мрака, таящееся во тьме, мы убили гнусного колдуна, погубившего наших возлюбленных, и этих двух крыс, его прихвостней, а потом перекалечили и до смерти напугали его нанимателей в Обители Воров.

Но разве месть утешает? Мертвых она не вернет. Ни на гран не уменьшить ей нашей вины и нашей скорби о любимых, вот что уготовил нам жребий.

- Да-да, не уменьшить, - громко поддержал Фафхрд, - раз мы были пьяны, когда они убивали наших любимых, за это нам нет прощенья. У воров Гильдии мы отобрали самоцветов на целое состояние, но сами потеряли два алмаза, которым не может быть ни цены, ни сравнения. Нет, мы никогда не вернемся в Ланхмар!

За хужиной блеснула молния, грянул гром. Буря уходила к югу от дороги, в глубь суши.

Капюшон вокруг тьмы чуть отодвинулся и медленно качнулся из стороны в сторону: один раз, два, три. Суровый голос нарастав произнес, но уже не так громко - уши Фафхрда и Серого Мышелова словно заткнуло ватой после последнего оглушительного удара грома - прадедушки всех громовых раскатов:

- *"Никогда", "навсегда" - не для вас те два слова,
Вы вернетесь, вернетесь снова и снова.*

А потом и хижина заторопилась вглубь на своих пяти паучьих ногах. Обернувшись назад дверью, она засеменила прочь, словно таракан-пруссак, и скоро затерялась в зарослях терновника и соколиных деревьев.

Так завершилась первая встреча Серого Мышелова и его приятеля Фафхрда с Шилбой-без-очей-на-лице.

Чуть позже оба мечника из засады перехватили купца, что направлялся в Ланхмар без достаточной охраны, и освободили его от двух из четырех упряжных лошадей - ведь воровство было у них в натуре... Так под цоканье копыт этих скакунов пересекли они Великие Соляные Болота и через Тонущие Земли добрались до зловещего провинциального города Илтамара с его предательскими постоянными дворами и несчетными статуями, барельефами и прочими изображениями здешнего мерзкого Крысобога. Там они обменяли своих неуклюжих лошадок на верблюдов и, взгромоздившись промеж горбов, отправились вдоль восточного побережья Бирюзового Восточного Моря к югу, в пустыню. В сухой сезон они пересекли Урожайную Реку и по пескам направились в Восточные Страны, где ни одному из них еще не доводилось бывать. Они пытались отвлечься неведомым и намеревались в первую очередь посетить Хорбориксен, цитадель Царя Царей, город, что размером, древностью

и барочным великолепием построек уступал лишь самому Ланхмару.

Три следующих года, Левиафана, Птицы Рух и Дракона, скитались они по Нихвону, забредая то к югу, то к востоку, то к северу, то к западу, стараясь найти забвение, спастись от воспоминаний и о великой первой любви, и о великой своей вине, но не сумели забыть ничего. Они миновали далекий таинственный Тисилинлит, город стройных сверкающих шпилей, словно только что окаменевших во влажных перламутровых небесах. Края эти слыли легендарными в Ланхмаре и даже в Хорбориксене. Среди стран, что они миновали, затесалась и усохшая до костей Империя Ивмаренси, страна столь передовая и развитая, до глубокого упадка, вызванного безудержным прогрессом: все мужчины и крысы в ней были лысыми, а собаки и кошки утратили шерсть.

Возвращались они севером, через Великие Степи, и едва избежали плена и рабства у безжалостных минголов. В Холодных Краях искали они Снежный Клан Фафхрда, но узнали только, что в минувшем году стаей леммингов на него нагрянули ледяные гномы, и хорошо, если сразу вырезали всех до единого, а значит, погибли и мать его Мор, и брошенная невеста Мара, и его первенец, если таковой успел появиться на свет.

Какое-то время им пришлось прослужить Литквилу, Безумному Герцогу Уул Хруспа, развлекая его поединками, изображая убийства, словом, по всякому теша властителя. А потом по Внешнему Морю они направились к югу, на корабле сархинмарских торговцев перебрались в Тропический Клиш, где по окраинам джунглей искали приключений на свою голову. А потом снова отправились к северу и, обойдя стороной таинственнейший Квармолл, страну теней, направились к озерам Плин, где начинаются воды Хлала, и к городу попрошайек Товилинсу, где, по мнению Серого Мышелова, он родился, впрочем, уверенности в этом он не имел, да и не приобрел после того, как они оставили захолустную метрополию. Пересекая на барже с зерном Восточное Море, они размышляли было о золоте в Древнем Хребте - ведь похищенные самоцветы давным-давно разошлись на забавы и по пустыкам. Потерпев неудачу на этом пути, они вновь устремились на запад, к Внутреннему Морю и Илтамару.

Пропитание себе они добывали воровством, грабежом, иногда подрабатывали охраной какого-нибудь лорда, или выполняли мелкие поручения. И всегда - ну или почти всегда - они выполняли свои обязанности с тщанием... Еще они давали представления, Мышелов демонстрировал ловкость рук, был шутом и жонглером, а Фафхрд при его способностях к языкам и опыте скальда блистал как сказитель - перелагал на все языки легенды своей насквозь промерзшей и окоченевшей родины. Но никогда не работали они поварами, чиновниками, плотниками, лесорубами и просто слугами и никогда, никогда, никогда не записывались в наемники - их служба Литквилу носила характер личной услуги.

Они обрели новые раны и новые знания, новые устремления и переживания, а еще цинизм и тайну... насмешливую холодность, жесткой броней прикрывавшую их невзгоды, а с ними и варвара в Фафхрде и трущобного юнга в Мышелове. Внешне они были веселы, беззаботны и холодны, но горе и чувство вины не покидали их, призраки Ивриан и Вланы по-прежнему тревожили сновиденья друзей, посещали их наяву. Поэтому с другими девицами они имели дело лишь изредка, да и то не на радость. Дружба их стала прочнее скалы, тверже стали, заслонив прочие человеческие чувства. Вечная грусть была уделом обоих, и каждый таил свои переживания от друга.

Так настал полдень дня Мыши месяца Льва года Дракона. Они пережидали жару в прохладной пещере вблизи Илтмара. Снаружи над раскаленной землей, покрытой редкой бурой травой, подрагивал воздух, а в пещере было просто приятно. Кони их, серая кобыла и гнедой мерин, держались в тени у входа. Фафхрд бегло оглядел каменные закоулки в поисках змей. Он так и не приучился терпеть этих холодных чешуйчатых обитательниц юга, столь непохожих на теплокровных мохнатых рептилий Холодного Края. Он прошел под сводами пещеры в глубь скалы до тех пор, пока не стало совсем темно, вернулся - змеи не попадались.

Друзья уютно устроились, разложив скатки с походными подстилками. Сон не шел, и они лениво переговаривались. Наконец Серый Мышелов подвел итог последней тройке лет.

- Мы обошли весь свет, но забвения не обрели.

- Согласен, - буркнул Фафхрд, - только со второй поло-

виной твоей мысли: увы, я, как и ты, все еще привязан к призраку... Однако мы пока не пробовали пересечь Внешнее Море и поохотиться на том континенте, который легенды помещают на западе...

- Возражаю, - не согласился Мышелов, - начало твоих слов справедливо, да, но какой же толк в новых скитаньях по морю? Когда мы с тобой были в самых дальних восточных пределах и стояли на берегу Великого Океана, оглушенные его могучим прибоем, думается, от Ланхмара отделяли нас лишь бушующие воды.

- Где ты увидел там океан? - возмутился Фафхрд. - И могучий прибой? Озеро да и только, и легкая рябь на воде. Я видел оттуда противоположный берег.

- Значит, ты видел мираж, друг мой, будучи в том настроении, когда весь Нихвон кажется крошечным пузырем, который легко проткнуть ногтем.

- Возможно, - согласился Фафхрд. - О, как устал я от этой жизни!

Во тьме за их спинами кто-то легонько кашлянул, слегка прочистив горло. Друзья не шевельнулись, хотя каждый волосок поднялся на теле: столь близким и задушевым был этот звук, столько было в нем рассудительности, так призвал он к вниманию и вопрошал.

И тогда они как один обернулись назад к черной расщелине в скалах. И им обоим показалось, что перед ними во тьме светятся семь слабых зеленых огоньков, облачком плавающих в глубокой тьме, лениво меняясь местами, будто семь светлячков, но свет их был ровнее и расплывчатей, словно на каждого светлячка набросили несколько слоев кисей.

А потом голос приторный и елеинный, древний, но четкий дуновением флейты повеял откуда-то из этого созвездия огоньков:

- О сыны мои, не станем вспоминать сомнительный Континент, ибо я не намерен просвещать вас, но есть место на Нихвоне, которое вы еще не посетили по забывчивости, поразившей вас после жестокой кончины ваших возлюбленных.

- Что же это за место? - тихо отозвался Мышелов, и поразмыслив немного, добавил. - И кто ты?

- Сыны мои, это город Ланхмар. И не столь важно, кто я, достаточно знать, что я ваш духовный отец.

- Великой клятвой поклялись мы не возвращаться в Ланхмар, - в глубокой задумчивости тихо проговорил Фафхрд, словно оправдываясь перед близким другом.

- Клятвы сотворены были лишь для того, чтобы преступить их, когда цель зарок исполнена, - флейтой отозвался голос. - Каждый обет придется нарушить, каждое придуманное самому себе ограничение - отменить. Иначе порядок станет преградой росту, дисциплина становится цепью, а целеустремленность - кандалами и злом. Вы уже узнали об этом мире все, что могли. Вы закончили обучение на этих безграничных просторах Нихвона. Надо учиться дальше, следующий класс - в стенах Ланхмара, высочайшей школы разума в этих краях.

Семь огоньков потускнели и сблизились, словно удаляясь.

- Мы не вернемся в Ланхмар, - в один голос выпалили Фафхрд и Мышелов им вслед.

Огоньки погасли. Тихо-тихо, едва различимо, но так, что было слышно обоим, голос исчезая пропел: "Вы боитесь?" - и что-то слабо коснулось скалы, едва-едва, но мощь слышалась в легком скрежете камня о камень.

Так закончилась первая встреча Фафхрда и его друга с Нингоблем Семиглазым.

Не минуло и нескольких сердцебиений, как Серый Мышелов обнажил свой тонкий в полтора локтя меч, по прозвищу Скальпель, которым его рука привыкла отворять кровь с уверенностью истинного хирурга, и за его сверкающим острием последовал в глубь пещеры. Он шагал решительно и уверенно. Фафхрд следовал за ним, но с расчетливой осторожностью, не без неуверенности, книзу, к каменному полу, обратив Серый Жезл, меч свой, которым умело пользовался он в битвах, и повода им из стороны в сторону. Ленивое блуждание семи огоньков навело его на мысль о головах кобр, вскинутых для удара. Ведь пещерные кобры, буде они существуют, вполне могут оказаться светящимися, словно глубоководные угри.

Так они углубились в гору дальше, чем Фафхрд в свой первый заход. Друзья не слишком спешили, чтобы глаза успели привыкнуть к здешней тьме, но вдруг Скальпель лязгнул о камень. Они молча замерли и не двигались с места, пока без всякого прощупывания мечами их наконец привыкшие ко тьме глаза с полной уверенностью не обнаружили, что проход кончается именно там, где они нахо-

дились, а для исчезновения говорящего змея, и уж тем более существа, по праву наделенного речью, требуется хотя бы узкий лаз. Мышелов нажал плечом на скалу, Фафхрд раз за разом обрушил на нее весь свой вес - все напрасно, камни не подавались. Боковых ответвлений они пропустить не могли, даже самого узкого, не говоря уже о провалах под ногами и колодцах в потолке, - выходя, они оба еще раз проверили это.

У входа в пещеру, недалеко от расстеленных одеял, лошади мирно пощипывали бурую травку, и Фафхрд отрывисто проговорил:

- Должно быть, это было эхо.

- Разве может эхо существовать без голоса, - недовольно возразил Мышелов, - словно хвост без кошки, хвост, благоденствующий сам по себе.

- Небольшая снежная змейка как раз и напоминает белый благоденствующий хвост домашней кошки, - невозмутимо отозвался Фафхрд, - да и кричит она таким же тоном, дрожащим голосом.

- Ты думаешь..?

- Конечно же, нет. По-моему, где-то в скале есть дверь, тщательно подогнанная, так что нельзя даже различить швов. Мы слышали, как она закрывалась, но еще до того он, она, оно, они оказались внутри.

- Зачем же тогда болтать об эхе и снежных змеях?

- Нельзя пренебречь ни единой возможностью.

- Он... она... или так далее... назвали нас сыновьями, - удивился Мышелов.

- Говорят, змей всех старше и мудрее... больше того - он отец всех нас, - рассудительно промолвил Фафхрд.

- Опять эти змеи. Одно можно сказать твердо: не поже человеку пользоваться советом и одного змея, не то что семерых.

- И все же он - считай, Мышелов, прочие местоимения я назвал - тонко подметил одну деталь. За исключением Северного континента, существует ли он или нет, пути наши паутиной переплелись по всей поверхности Нихвона. И что же осталось, кроме Ланхмара?

- К чертям эти твои местоимения! Мы же поклялись никогда не возвращаться туда. Разве ты забыл это, Фафхрд?

- Нет, но я умираю от скуки. Вот и вино пить я уж сколько раз зарекался?

- Я задохнусь в этом Ланхмаре! Днем - дым, ночью - туман, крысы и вечные помои!

- В настоящий момент, Мышелов, меня мало волнует, жив я или мертв, и когда, и как, и где надлежит мне встретить свою судьбу.

- Теперь наречия и союзы! Ба, да тебе надо выпить.

- Вину не по силам дать мне долгожданное забвение. Говорят, чтобы призрак отстал, надо отправиться туда, где он встретил смерть.

- Да, и чтобы они еще крепче взялись за нас!

- Уж крепче, по-моему, некуда.

- И значит, змей прав и мы действительно боимся!

- А не прав ли он в самом деле?

Спор продолжался в том же духе, пока в конце концов Фафхрд и Мышелов не прогалоцировали мимо Илтамара к каменистому побережью, причудливо изрезанным прибоем невысоким берегам, и целый день, а потом и ночь, дожидались там, пока, сотрясая конвульсиями воды, соединяющие Восточное и Внутреннее моря, на поверхность не выступили Тонущие Земли. Тогда они поспешно пересекли их кремнистые парящие просторы - день был жарким и солнечным - и снова оказались на Мощеной Дороге, но теперь направляясь обратно к Ланхмару.

Поодаль с каждой стороны дороги гремели грозы-двойняшки; на севере над Внутренним Морем, к югу - над Великим Соленым Болотом. Друзья приближались к владетельному городу; башни, шпили, храмы и зубчатые стены выступали из обычной шапки дыма, покрывавшей его, слегка подсвеченные заходящим солнцем. Смесь тумана и дымов превратила солнечный диск в мутное серебро.

На какой-то миг Мышелову и Фафхрду почудилось, что они видят округлый силуэт с обрубленным низом - невидимые ноги уносили его к роще соколиных деревьев, а смутные отголоски складывались в слова: "Говорил я вам. Говорил я вам. Говорил я вам". Но и хижина чародея и его голос, если им все это просто не примерещилось, были не ближе дальней грозы.

Так, нарушив свою клятву, Фафхрд и Серый Мышелов вернулись в город, который презирали, но куда страстно стремились. Забвения они там не обрели, призраки Ивриан и Вланы не нашли еще покоя, но, быть может, просто потому, что минуло уже немало времени, они меньше тре-

вожили обоих героев. Ненависть тоже дремала в их душах, даже Гильдия Воров Ланхмара не так уж беспокоила их. Ланхмар казался им теперь не хуже любого другого места Нихвона, и уж во всяком случае там было куда интереснее, чем в любых дальних краях. Так что они остались в городе, подыскав себе после долгих скитаний постоянное жилище.

II. Самоцветы в лесу

Был день Жабы месяца Ежа года Бегемота. Кончалось лето, жаркое солнце клонилось к закату над плодородной мрачной равниной Ланхмара. В бескрайних полях крестьяне, замерев на миг, поднимали к небу запыленные лица - наступала пора приниматься за иные, домашние хлопоты. Неторопливо щипавший стерню скот начинал поворачивать к дому. Потные купцы и лавочники медлили с закрытием, предвкушая прохладную ванну. Воры и астрологи дергались в беспокойном сне, смутно осознавая, что близится ночь - пора их трудов.

В самых южных пределах Ланхмара, в дне езды от деревни Сориив, там, где поля злаков уступали место ленивому колыханию кленовой и дубовой листвы, двое всадников не торопясь трусили по узкой пыльной дороге. Столь разную пару трудно было подобрать. На рослом была туника из небеленого полотна, туго перетянутая широким кожаным поясом. Наброшенный на голову полотняный покров защищал его от солнечных лучей. На боку всадника висел длинный меч, рукоять которого увенчало золотое гранатовое яблоко. Над правым плечом из колчана торчали стрелы, а седельную сумку расpirал видный до половины тисовый лук. Мощные удлиненные мускулы, белая кожа, бронза волос, лиственная зелень глаз - весь его располагающий, но неукротимый вид, все выдавало в нем уроженца краев более холодных, грубых и варварских, чем Ланхмар.

Если во внешности высокорослого всадника все выдавало варвара, облик меньшего из мужчин, а он был значительно ниже своего спутника, явно свидетельствовал, что это горожанин. У него была физиономия шута с ясными черными глазами, носом пуговкой и печальными бороздками у рта. Руки фокусника. Вся его кряжистая фигура являла крайнюю

опытность в уличных поединках и кабацких ссорах. Он был облачен в серую шелковую одежду, мягко и свободно ниспадавшую ниже колен. Его тонкий меч, вложенный в крытые мышинными шкурками ножны, слегка изгибался к вершине. С пояса свисала праща и кисет с ядрами для нее.

Несмотря на внешнюю несхожесть, ясно было, что они друзья, что их связывают прочные узы тончайшего взаимопонимания, свитые из доброго юмора, меланхолии и не только из них. Низкорослый восседал на серой в яблоках кобыле, длинный - на гнедом мерине.

Они приблизились к концу узкого подъема; здесь, у спуска в следующую долину, дорога слегка поворачивала, сжатая с обеих сторон стенами зеленых ветвей. Был жарко, но не слишком. Жара наводила на мысль о сатирах и кентаврах, уютно посапывающих в укромных лесных уголках.

И тогда серая кобыла, оказавшаяся чуть впереди, заржала. Низкорослый натянул поводья, темные глаза его заматались - прежде вдоль одной стороны дороги, потом вдоль другой. Что-то скрипнуло, словно дерево терлось о дерево.

Не сговариваясь, оба всадника мигом пригнулись, прильнув к бокам своих коней. Под дрожащий звон тетивы, как бы легкое вступление к некоему лесному концерту, несколько стрел, сердито жужжа, пронзили воздух там, где только что были их головы. А потом кобыла и мерин развернулись и вихрем помчались по дороге, вздымая копытами громадные клубы пыли.

За спиной беглецов послышались крики, стало ясно, что следом отрядили погоню. В засаде их оказалось человек семь или восемь - приземистые, широкоплечие бандиты в кольчугах и стальных шлемах. Не успели кобыла и мерин удалиться на бросок камня, как из лесу вырвались конники: впереди оказался всадник на вороной лошади, а чуть поодаль за ним чернородый воин.

Но и преследуемые не теряли времени даром. Рослый всадник приподнялся на стременах, вырвал из сумки тисовый лук, уперев в стремя, согнул его и правой рукой набросил на крюк петлю тетивы. Левая рука его скользнула вниз к рукояти лука, а правая привычно потянулась за плечо к стрелам. Направляя лошадь коленями, он приподнялся, повернулся в седле, и стрела с оперением их орлиных перьев сорвалась с тетивы. Тем временем его товарищ вло-

жил медное ядро в пращу, дважды крутанул ее над головой, так что она загудела, и выпустил один конец.

Стрела и ядро одновременно достигли цели. Стрела пронзила плечо первого всадника, а ядро ударило в шлем второго - ездок покатился из седла. Кони вздыбились, погоня резко остановилась. Ну а вызвавшая этот переполох пара остановилась у поворота, внимательно наблюдая за дальнейшим.

- Клянусь Ежом, - злодейски ухмыльнулся невысокий, - теперь они дважды подумают, прежде чем снова приниматься за эту игру.

- Тупицы, - отозвался рослый, - суются, даже не научившись стрелять из седла. Говорю тебе, Серый Мышелов, только варвары умеют должным образом управляться с конем.

- Ну, добавь к ним еще и меня да пару-тройку общих знакомых, - ответил отзывавшийся на кошачью кличку Серый Мышелов, - Гляди-ка, Фафхрд, разбойники отступают, унося раненых, один поскакал впереди. Ха, я старался как раз для него: чернобородый мешком свисает с его седла. Знай он, за кем гонится, вряд ли так торопился бы в погоню.

Доля правды была в хвастовстве конника. Имена Серого Мышелова и северянина Фафхрда знали и в землях вокруг Ланхмара, да и в самом Ланхмаре. Склонность друзей к странным приключениям, таинственные появления и исчезновения, необычные шутки озадачивали многих.

Вдруг Фафхрд ослабил лук и посмотрел вперед.

- Это, должно быть, та самая долина, что мы ищем, - проговорил он. - Гляди, два холма, каждый с двуглавой вершиной, как и гласит документ. Давай-ка приглядимся получше, чтобы не ошибиться.

Серый Мышелов потянулся к объемистому кожаному кيسу и извлек из него толстый лист пергамента, пятнами позеленевшего от древности. С трех сторон лист был истерт и порван, а с четвертой имел свежий срез. Пергамент был весь испещрен замысловатыми ланхмарскими иероглифами, нанесенными черными чернилами каракатицы. Но не темные письмена привлекали к себе внимание Мышелова, а красные строки скорописи на полях. Вот что он прочитал:

Пусть короли набивают свои сокровищницы до потолка, пусть трещат подвалы купцов от мешков с монетами, а глупцы пусть завидуют им. У меня сокровищ поболее. Алмаз величиной

с человеческий череп. Дюжина рубинов размером с череп кошки. Семнадцать изумрудов величиной с череп крота. Кристаллы хрустала и стержни орихалка. Пусть властелины копят самоцветы, пусть их королевы увешивают себя драгоценностями, пусть глупцы восхищаются подобной тщиетою. Мое сокровище долговечнее. Для него я построил дом на дальнем юге, где в одном дне пути от деревни Сориив два лесистых сонных холма дремлют, как два верблюда.

Великолепна сокровищница моя, увенчанная башней, она достойна и короля, но не жить в ней владыкам. Под замковым камнем Главного зала сокрыты мои сокровища, вечные, как мерцающие звезды. Переживут они и меня и мое имя. Я - Ургаан Ангарнги. Они - моя опора в грядущем. Пусть глупцы пытаются добыть их. Тщетны будут их поиски. Знайте:

Пуста сокровищница, вор,
отыщешь ты лишь прах,
Стража не бродит вокруг и не
таится в садах,
Дьявол не явится в зал караулить
камни впотьмах,
И змей не встретишь ты там с
улыбкой на тонких губах,
И черепа не сыскать там с
пламенем адским в очах,
Страж мой отнюдь не в ловушках
и тайных капканах,
Не в потайных лабиринтах и не в
хитроумных обманах;
Дураку на горе, а мудрому - на
страх,
Не без защиты сокровище скрыто
в двугорбых холмах.

- Да он просто свихнулся на черепах, - пробормотал Мышелов, - колдун, наверно, или могильщик.

- Или архитектор, - задумчиво возразил Фафхрд, - в древности храмы украшали черепами людей и животных.

- Быть может, - согласился Мышелов. - Надпись древняя

и чернила старинные. Похоже, относится к Веку Восточных Войн - целых пять поколений назад.

В свое время Мышелов занимался подделкой надписей и предметов искусства, а потому знал, о чем говорит.

Оказавшись у цели, они удовлетворенно рассматривали через просвет в листве долину. Неглубокая, длинная и узкая, она походила на створки стручка. Они как бы заглядывали в этот стручок с одного из концов. Оба странных горбатых холма как раз и образовывали эти створки. Почти вся долина поросла кленом и дубом, лишь посреди виднелась какая-то прогалина. Похоже на крестьянское хозяйство, подумал Мышелов, вон и расчищенная земля вокруг.

Позади прогалины, едва выступая над вершинами деревьев, темнел какой-то прямоугольник. Мышелов обратил внимание своего компаньона на это строение, но решить, башня ли это, упомянутая в документе, или просто странная тень, или какой-нибудь мертвый безлистный ствол гигантского дуба, они так и не смогли.

- Ну, времени уже прошло довольно, - заметил Фафхрд, помолчав, - если бы бандиты решили нас преследовать, то кто-нибудь уже подобрался бы поближе и подстрелил нас. Вечерет.

Они окликнули лошадей и не спеша тронулись вниз, не отводя глаз от силуэта, что походил на башню. Как только они чуть спустились в долину, сооружение сразу же скрылось за кронами деревьев. Увидеть его снова можно было только уже вблизи.

Мышелов ощутил легкий озноб. Скоро, скоро узнают они, существует ли сокровище или нет. Алмаз с человеческий череп!.. Рубины!.. Изумруды!.. С каким-то особым восхищением ему хотелось растянуть этот дивный момент предвкушения нового приключения. Недавняя засада уже добавляла всему только нужную остроту.

Он припомнил, как вырезал из труда по архитектуре потертый лист пергамента, до того мирно почившего в библиотеке жадного и властного лорда Раннарша. Припомнил, как полусхотая выискивал коробейников, прибывших с юга, и расспрашивал их. Как нашел того, кто знал о деревне Соринив. Он-то и поведал ему о давно заброшенном каменном сооружении к югу от деревни, которое жители зовут Домом Ангари. Коробейник сам видел высокую башню замка среди деревьев. Припомнив хитрую физиономию этого че-

ловека, Мышелов невольно издал смешок. Тут как-то само собой предстало перед ним жадное узкое лицо лорда Раннарша, и его осенило.

- Фафхрд, - произнес он, - как, по-твоему, кто эти разбойники, которых мы только что обратили в бегство?

Северянин невозмутимо проворчал:

- Придорожная свора. Охотники на жирных купцов. Молодцы против овец. Шайка мужланов.

- Но все они были хорошо вооружены и одинаково при том, словно бы состоят на службе у какого-то богатея. А тот, что ускакал вперед? Что, если он торопился доложить хозяину о неудаче?

- Ты так думаешь?

Мышелов немного помолчал.

- Известно, - начал он, - что лорд Раннарш - человек богатый и жадный, он слюной изойдет при одной мысли о драгоценных камнях. А что, если он и сам читал эти красные строчки и даже скопировал их, а моя кража только подогрела его интерес.

Северянин покачал головой.

- Сомневаюсь. Ты слишком уж тонко мыслишь. Но если ты прав и он сейчас наш соперник, ему следовало бы дважды продумать каждый этап... Во всяком случае надо было выбрать прислужников, которые умеют сражаться на лошадях.

Они следовали теперь столь медленно, что копыта кобылы и мерина даже не вздымали пыли. Нападения с тыла можно было не опасаться. Из хорошей засады их еще можно было бы захватить врасплох, но только не сзади. Узкая дорога бесцельно петляла из стороны в сторону. Листва задевала лица, порой приходилось пригибаться, уклоняясь от веток. Пряный запах позднего лета здесь, в лесу, был сильнее, чем на краю долины. Припахивало дикими ягодами, ощущался аромат кустарника. Незаметно росли тени.

- Девять к десяти, - сонно пробормотал Мышелов, - сокровищница Ургаана Ангарнга была ограблена несколько столетий назад, и тела грабителей давно истлели.

- Быть может, - согласился Фафхрд, - ведь рубины и изумруды в отличие от людей не имеют обыкновения покойться в своих могилах.

Такая возможность - они уже не раз успели обсудить ее - теперь вовсе не обескуражила их, даже не заставила поторопиться. Пожалуй, она даже наделила грядущее при-

ключение меланхолией погибших надежд. Над головами пронзительно вскрикнула сойка, в лесу затрепал дрозд, резкие голоса их перекрывали тихое жужжание и стрекот насекомых. Близилась ночь. Солнечные лучи касались вершин деревьев почти горизонтально. Острый слух Фафхрда уловил дальнейшее мычание коровы.

Еще несколько поворотов, и они выбрались на прогалину, что заметили издали. Как они и предполагали, на ней оказалась крестьянская хижина - уютный невысокий домишко из выбеленного непогодой дерева приютился посреди поля пшеницы. По одну его сторону была делянка бобов, по другую - громадная поленница чуть ли не с дом высотой. Перед домом стоял жилистый старик, загорелая кожа его была подстать домотканой тунике. Он явно услышал лошадей и вышел полюбопытствовать.

- Хо, отец, - обратился к нему Мышелов, - добрый день, доброго дня тебе и всем нам. Недурной домишко у тебя в этих краях.

Молча выслушав его, крестьянин согласно кивнул.

- Мы усталые путники, - продолжал Мышелов.

Крестьянин вновь серьезно кивнул.

- В обмен на две серебряные монеты не предоставишь ли ты нам ночлег?

Крестьянин потер подбородок и поднял вверх три пальца.

- Хорошо, получишь три монеты, - согласился Мышелов, соскальзывая с коня. Фафхрд последовал его примеру.

И лишь после того, как в руки старика для скрепления сделки проследовали монеты, Мышелов как бы мимоходом спросил:

- Это не рядом ли с твоим жильем есть такое заброшенное местечко, которое зовется Домом Ангариги?

Крестьянин кивнул.

- И как оно выглядит?

Крестьянин пожал плечами.

- Не знаешь?

Крестьянин покачал головой.

- Разве ты никогда не видел его? - Мышелов не сумел скрыть изумления.

Ответом ему был новый кивок.

- Но, отец, ведь это место лишь в нескольких минутах ходьбы от твоего жилья?

Крестьянин снова спокойно кивнул.

Появившийся за спиной старика крепкий молодой человек, который вышел, чтобы забрать лошадей, предложил:

- Башня видна с другой стороны дома. Могу вам показать.

И тут оказалось, что старик вовсе не лишен дара речи, сухо, без всякого выражения он проговорил:

- Ступайте вперед и глядите на нее сколько влезет.

И он вошел в дом. Фахрд и Мышелов успели заметить выглянувшего в дверь ребенка, старуху, помешивавшую что-то в горшке, и какой-то силуэт, скрючившийся в высоком кресле у крошечного очага.

Башня проступала сквозь листву за прогалиной. Последние лучи солнца окрасили ее верхушку в глубокий красный цвет. Казалось, до нее четыре-пять полетов стрелы. А затем прямо на их глазах солнце опустилось за горизонт, и башня стала невыразительным блоком черного камня.

- Старинное место, - весьма неопределенно пояснил молодой человек. - Я бывал возле нее. А отец так ни разу и не потрудился взглянуть.

- А внутри ты был? - заинтересовался Мышелов.

Молодой человек почесал в затылке.

- Нет. Это же просто старое место. Какой в нем толк.

- Сумерки сейчас достаточно длинные, - промолвил Фахрд, широкие зеленые глаза его притягивало к башне, словно магнитом. - Можем успеть оглядеться.

- Я покажу дорогу, - сказал молодой человек, - только сперва мне надо принести воды.

- Не стоит, - отвечал Фахрд. - Когда ужин?

- Когда проглянут первые звезды.

Они оставили на него лошадей и направились прямо в лес. Сразу же стало темно, намного темнее, чем обещали только что спустившиеся сумерки. Листва над ними оказалась много гуще, чем могло показаться. Приходилось обходить заросли терновника и лиан. Неровные бледные пятна неба время от времени проглядывали над головой.

Мышелов пропустил Фахрда вперед. Мысли его занимало странное отсутствие любопытства у крестьян. Как могло случиться, что люди, из поколения в поколение основательно и трудолюбиво жили в нескольких шагах от, быть может, богатейшей сокровищницы мира и ни разу не заинтересовались ею; это казалось невероятным. Как можно спать рядом с такими драгоценностями, чтобы они не при-

виделись во сне? Правда, не исключено, что крестьяне вообще не видели снов.

Поэтому Серый Мышелов мало что замечал во время этого похода сквозь лес, разве что только время, - путь оказался дольше, чем они полагали, и это было странно, ведь Фафхрд был опытен в хождении по лесам.

Наконец меж деревьями зачернела громадная глубокая тень, мгновение - и они оказались на небольшой мощенной булыжником площадке, большую часть которой занимало разыскиваемое ими здание. Еще не успели глаза Мышелова все рассмотреть, как ум его одолела сотня разных сомнений. Не напрасно ли оставили они лошадей этим странным крестьянам? Что, если неудачливые разбойники последовали за ними до крестьянского дома? К тому же разве сегодня не день Жабы, неподходящее время для посещения заброшенных домов? И не лишним было бы длинное копьё на случай неожиданной встречи с леопардом? И разве не козодой кричит слева, предвещая беду?

Сокровищница Ургаана Ангартги оказалась странным сооружением. Главной особенностью его был большой, пологий купол, покоящийся на восьмигранных стенах. Спереди возвышались два меньших купола, сливающихся с большим. Мужду ними зиял громадный квадратный дверной проем. Башня асимметрично выступала из тыльной части основного купола. В ступающем полумраке Мышелов торопливо пытался понять суть этой странной конструкции и решил, что она в предельной ее простоте. Ни колонн, ни карнизов, ни фризов, никаких архитектурных орнаментов, ни гравированных черепов - ничего, кроме дверей и нескольких крошечных окон в совершенно неожиданных местах. Дом Ангартги представлял собой компактную серую массу вплотную уложенных камней.

Но Фафхрд, не придерживая шаг, уже влетал по ступеням, и Мышелов последовал за ним, хотя, пожалуй, сам он прежде огляделся бы повнимательней. И с каждой пройденной ступенькой невысокой лестницы в душе его крепла странная неуверенность. Недавнее чувство предвкушения удачи исчезло, он словно увяз в зыбучем песке. Разверстный дверной проем казался ему беззубой пастью, которая открылась, чтобы поглотить их. И тут он вздрогнул: в этой пасти оказался зуб - на полу призрачно белел выступ. Фафхрд как раз нагибался к таинственному предмету.

- Интересно, кому принадлежал этот череп? - невозмутимо произнес северянин.

Мышелов пригляделся внимательней: вокруг были разбросаны кости - целиком и раздробленные. Напряженность в душе его все возрастала, и он ощутил неприятную уверенность, что, когда это чувство достигнет своего предела, что-то случится. Как ответить Фафхрду? Какую смерть нашел неудачливый предшественник? Внутри оказалось очень темно. Как там, в манускрипте, говорилось о страже сокровищницы? Трудно представить себе живого стража из плоти и крови, бодрствующего тут уже триста лет, но порой приятелям встречались и такие существа, что были бессмертны или почти бессмертны. Он знал, что Фафхрд вовсе не подвержен влиянию каких бы то ни было предчувствий, а потому способен настоять на немедленных действиях. Это следовало предотвратить любой ценой. Он вовремя вспомнил, что северянин недолгобливал змей.

- Здесь так холодно и сыро, - промолвил он как бы невзначай, - идеальное место для чешуйчатых змей с холодной кровью.

- Ничего подобного, - гневно возразил Фафхрд, - готов побиться об заклад, что внутри нет ни одной. В записке Ургаана так и говорилось "аспидом не таится в камнях", то же самое там сказано и относительно прекрасных змей "с улыбкой на тонких губах".

- Я говорю не о страже, которого мог оставить здесь Ургаан, - пояснил Мышелов, - а о гадах, которые могли заползти внутрь на ночлег. Значит, череп, который ты держишь, как раз "без пламени адского в глазах", просто черепная коробка неудачливого путника, что сгинул здесь.

- Не уверен, - отвечал Фафхрд, спокойно вглядываясь в круглую кость, - в полной тьме глазницы его могут и фосфоресцировать.

Но мгновением позже он согласился отложить поиски до утра, раз уж сокровищница найдена. И осторожно положил череп на прежнее место.

И когда они вновь оказались под пологом леса, Мышелов услышал, как внутренний голос тихонько нашептывает ему: "Успели, успели". Нелегкое чувство отлегло столь же внезапно, как и овладело им, пробудило некоторое легкомыслие, заставившее его тут же запеть непристойную балладу собственного сочинения, где демоны и прочие мистические

существа осмеивались преподобнейшим образом. Фафхрд доброжелательно посмеивался и подтягивал припев.

Когда они вернулись к домику, было не столь уж темно, как они ожидали. Заглянули к лошадям, оказалось, о них уже позаботились, а потом навалились на острую смесь бобов, овсянки и разных приправ, которой жена крестьянина наполнила дубовые чаши. Запивать ее пришлось молоком в странных резных дубовых кубках. Ужин был вполне годным, а дом изнутри - чистым и опрятным, хоть утоптаный пол был земляным, а низкие балки то и дело заставляли Фафхрда пригибаться.

В семье оказалось шестеро. Старик, столь же худая и морщинистая старуха, старший сын, мальчик, девочка и что-то бормочущий дед, которого крайняя древность приковала к креслу возле огня. Наибольший интерес представляли двое последних членов семьи. Девочка была как раз в самой поре нескладного подросткового возраста, но длинными ногами и тонкими руками с острыми локотками орудовала с изяществом необъезженного жеребенка. Она была очень застенчива, казалось, в любой момент может пуститься наутек, в лес.

Чтобы позабавить ее и заинтересовать, Мышелов приступил к фокусам: принялся доставать медные монетки из ушей озадаченного крестьянина и костяные иглы из носа его хихикавшей жены. Он превращал бобы в пуговицы и обратно, проглотил большую вилку, заставил крошечного резного поросенка отплясывать джигу на его ладони и наконец совершенно ошеломил кота, достав у того мышку из носа.

Старшие лишь открывали рты и ухмылялись. Мальчик быстро разошелся. Сестра же его со вниманием и интересом следила за происходящим и даже тепло улыбнулась Мышелову, когда тот подарил ей квадратик зеленого тонкого полотна, извлеченный на ее глазах прямо из воздуха, но заговорить так и не решилась.

А потом Фафхрд гремел морские баллады, сотрясавшие крышу, и страстные песни, от которых удовлетворенно забурчал и старый дед. Тем временем Мышелов извлек небольшой бурдючок с вином из седельных сум и как бы волшебством наполнил дубовые кубки. Напиток быстро одолел крестьян, не привыкших к крепкому зелью, и когда Фафхрд заканчивал ужасающую историю о замерзшем се-

вере, все уже сонно кивали головами - все, кроме девочки и старого деда.

Он поглядел на забавлявших хозяев любителей приключений, старческие водянистые глаза его вдруг повеселели, словно в них проглянул бесенок, и пробормотал:

- А вы, пара умников, должно быть, конокрады. - Но прежде чем последовало какое-нибудь пояснение, глаза его вновь обрели отсутствующее выражение, и через пару минут он уже храпел.

Все скоро уснули, Фафхрд и Мышелов держали оружие под рукой, но лишь разноголосый храп и резкое потрескивание утасающих угольков в очаге нарушали тишину в доме.

Рассвет в день Кота выдался прохладным и ясным. Мышелов с наслаждением потянулся, по-кошачьи изгибаясь мускулистым телом, и втянул ароматный росистый воздух. Сегодня он чувствовал себя по-особенному свежим и просто рвался в путь. Разве сегодня не его день, не день Серого Мышелова, в который удача не посмеет оставить его?

Легкие движения Мышелова разбудили Фафхрда, вдвоем они осторожно выбрались из домика, чтобы не разбудить все еще не проспавшихся после вина крестьян. Освежив руки и лица росистой травой, они отправились к лошадям. Пожевали хлеба, залив его сдобренной вином водой, и собрались выступать.

На этот раз все приготовления были продуманы. Мышелов нес с собой молот и прочное железное зубило - на случай, если придется иметь дело с каменной кладкой. Развязав мешок, проверил, на месте ли свечи, кремь, клинья, стамески и прочий инструмент. Фафхрд позаимствовал у крестьянина кайло, прицепил к поясу моток тонкой и прочной веревки. Не забыл прихватить свой лук и колчан со стрелами.

В этот ранний час лес был прекрасен. Над головами щебетали перекрикиваясь птицы, они даже заметили на суку какого-то черного, похожего на белку зверька. Пара бурундуков скрылась под кустом, увешанным красными ягодами. То, что было вечером темной тенью, теперь представляло пред ними во всей своей зеленой красе. Кладочискатели мягко шагали вперед.

Не углубившись в лес и на полет стрелы, они слышали позади тихий шелест. Он быстро приближался, и вдруг перед ними оказалась крестьянская девочка. Она напряженно за-

мерла и, словно не дыша, прикоснулась рукой к стволу, готовая удрать при малейшей опасности. Фафхрд и Мышелов застыли в полной неподвижности, словно перед ними вдруг оказался олененок... или дриада. Наконец ей удалось осилить свою застенчивость и заговорить.

- Вы идете туда? - спросила она, быстро кивнув в сторону сокровищницы. Темные глаза ее были серьезны.

- Да, туда, - улыбнулся Фафхрд.

- Не надо. - Словам этим сопутствовало энергичное покачивание головы.

- Почему же, детка? - певучим и благородным голосом, как приличествовало в таком лесу, спросил Фафхрд. Слова его словно нашли какую-то пружинку, сделавшую ее вдруг разговорчивой. Она глубоко вдохнула и начала:

- Потому что я слежу за ним от края прогалины и никогда не подхожу близко. Никогда, никогда, никогда. Я говорю себе - там есть магический круг, который нельзя пересечь. И я говорю себе - внутри там великан. Странный и страшный. - Слова полились теперь потоком, словно прорвало плотину. - Целиком серый, как камни этого дома. Весь серый - и глаза, и волосы, и пальцы. В руках у него каменная дубина с целое дерево, он очень большой, раза в два выше тебя, - тут она кивнула Фафхрду, - и ею он убивает, убивает, убивает. Но только если подойти слишком близко. Каждый день, почти каждый, я играю с ним. Я прикидываюсь, будто собираюсь преступить магический круг. А он следит за мной из двери, где мне его не видно, и ждет, когда я осмелюсь войти. Но я бегу по лесу вокруг дома, и он все следит за мной - поглядывает через маленькие окошечки. И я подхожу к кругу все ближе, ближе и ближе. Но не переступаю. Никогда. Тогда он свирепеет и скрежещет зубами, словно камнем о камень, так что трясет весь дом. И я убегаю, убегаю, убегаю. Но внутрь нельзя входить. О, нельзя!

Она остановилась, словно испуганная собственной смелостью. Глаза ее теперь беспокойно глядели на Фафхрда. Ее словно притягивало к нему. В ответных словах его не было ни капли пренебрежения и насмешки:

- Но ты никогда не видела этого серого великана, не так ли?

- О нет. Он слишком хитер. Но я говорю себе: он должен там быть. Я знаю, он там. Разве это не одно и то же? Дед знает о нем. Мы частенько говорили с ним о доме, когда я

была маленькой. Дед называет его тварью. Но остальные просто смеются, поэтому я ничего не говорю им.

Вот и еще один потрясающий парадокс с этими крестьянами, внутренне ухмыльнувшись, подумал Мышелов. Фантазия - редкий дар, так что стоит ли удивляться, если девочка, не колеблясь, приняла ее порождение за реальность.

- Не беспокойся о нас, детка. Мы позаботимся, чтобы твой серый великан не застал нас врасплох, - начал он, но в отличие от Фафхрда ему не удалось заставить свой голос звучать совершенно естественно, и отголоски слов загремели по лесу, нарушая утреннюю тишь.

Девочка выдавила еще одно предупреждение:

- Не входите внутрь, о, пожалуйста, - повернулась и метнулась назад.

Кладовскатели с улыбкой переглянулись. Милая старая сказка с непременным людоедом-великаном и пленительная наивность рассказчицы добавили очарования росистому утру. Не говоря ни слова, они вновь двинулись вперед, мягко ступая по траве. И, к счастью, подобравшись к прогалине на расстояние полета камня, они услышали негромко переругивавшиеся ворчливые голоса. Тут же бесшумно сложив под кусты молот, зубило и кирку, они неслышно прокрались вперед, пользуясь естественными укрытиями и старательно выбирая, куда ступить.

На опушке оказалось с полдюжины коренастых мужчин в черных кольчугах, с короткими мечами у пояса. В них легко было узнать разбойников из неудавшейся засады. Двое отправились было к сокровищнице, их позвали назад. И спор возобновился.

- Тот рыжеволосый, - шепнул Мышелов, внимательно приглядевшись. - Клянусь, я видел его в конюшне лорда Раннарша. Я был прав. Действительно, у нас есть соперник.

- Чего же они все ждут и показывают на дом? - прошептал Фафхрд. - Значит, их сотоварищи уже внутри за работой.

Мышелов качнул головой:

- Не может быть. Погляди - на земле рычаги, ломы, кирки. Нет, они ждут кого-то... Похоже, предводителя. Одни предлагают оглядеть дом до его появления, другие возражают. И ставлю свою голову против кетельного шара, что их предводитель - сам Раннарш. Слишком уж

он жаден и подозрителен, чтобы доверить поиски сокровищ слугам.

- Что делать? - пробормотал Фафхрд. - Незамеченными нам туда не пробраться, даже если бы так и следовало поступить, что сомнительно. Внутри мы окажемся в ловушке.

- Я чуть было не решил взяться за пращу и поучить их устраивать засады, - мрачно, прищулив глаза, ответил Мышелов, - но тогда уцелевшие попрячутся в доме и не позволят нам войти, пока, быть может, не явится сам Раннарш, а с ним кто-нибудь еще.

- Можно краем леса обойти прогалину, - предложил Фафхрд после минутного раздумья, - попробовать незаметно подобраться к дому и укрыться за одним из малых куполов. Так мы захватим вход и не позволим им спрятаться внутри. Тогда я внезапно нападу на них и попытаюсь отогнать, а ты останешься в укрытии и постарайся наделать шума на целый отряд.

Этот план показался обоим наилучшим, и первую его часть они выполнили без сучка без задоринки. Мышелов скрючился за небольшим куполом, выложив перед собой меч, пращу, кинжалы и пару палок - чтобы шуметь или бежать. И тогда Фафхрд резко шагнул вперед, небрежно выставив перед собой лук с наложенной на тетиву стрелой. Все было сделано с такой непринужденностью, что слуги Раннарша заметили его не сразу. Они дернулись было к собственным лукам, но тут же сообразили, что у громадного прищельца несомненное преимущество. Они злобно скалились в нерешительности.

- Хо, негодяи! - окликнул их Фафхрд. - Мы даем вам время убраться отсюда. Но не более. Не задумайте сопротивляться или возвращаться сюда и подглядывать. Мои люди прячутся в лесу и по моему знаку начинают вас стрелями.

Тем временем Мышелов начал шуметь, искусно прибавляя понемногу громкость. Быстро меняя тембр и интонацию, заставляя звуки голоса отражаться от дальних уголков здания, он умудрился создать впечатление целого отряда кровожадных лучников. Вопли: "Стреляем? Ты цель в рыжего! Меть ему в пузо - так надежнее!" - доносились то с одного места, то с другого... Фафхрд едва удерживался от смеха при виде затравленных врагов, мрачно озиравших вокруг. Но веселье его мигом исчезло, когда из леса, куда с позором

начали удаляться разбойники, выпорхнула стрела и пролетела у него над головой на расстоянии поднятого копья.

- Чертова ветка! - прогремел за их спинами глубокий гортанный голос, обладателем которого, по мнению Мышелова, был лорд Раннарш. И сразу же посыпались команды: - Вперед, идиоты! Вас одурачили! Здесь их только двое. Живо вперед!

Не говоря ни слова, Фафхрд обернулся и не целясь выпустил на голос стрелу, не прекратившую крик, а потом метнулся за небольшой купол, и вместе с Мышеловом они бросились в лес.

Шестеро разбойников, мудро рассудив, что рваться в рукопашную, обнажив мечи, будет опрометчиво, последовали по уже опробованному пути - достали луки. Один из них обернулся, еще не достигнув укрытия, и потянулся за стрелой. Это оказалось ошибкой. Ядро из пращи Мышелова попало ему прямо в лоб, он рухнул вперед и замер.

После костяного щелчка и звуков, сопровождавших падение тела, на прогалине воцарилась тишина, изредка прерываемая лишь неизбежным в лесу щебетом. Одни птичьи голоса были подлинными, но иными переговаривались Мышелов с Фафхрдом. Предстояло сражение не на жизнь, а на смерть. Это было вполне очевидно. После столь удачного начала никто уже не осмеливался высовываться на поляну, впрочем, Мышелов был уверен, что пятеро уцелевших спрятались в сокровищнице. Дверной проем нельзя было упускать из виду: противная сторона смогла бы тогда овладеть оперативной высотой - башней, если, конечно, лестница туда еще была годной. Поэтому приходилось держаться у края прогалины; крутить, петлять да подолгу отсиживаться в укромных местах, поджидая, не покажется ли где враг.

Мышелов с Фафхрдом начали именно с этой стратегии, сперва шагов на двадцать отступив так, что разбойники исчезли из виду. Терпения у друзей явно было побольше, чем у противников. Минут через десять напряженного ожидания, когда уже травинки начинали казаться наконецником стрел, Фафхрд сумел всадить стрелу прямо в горло рыжеголовому как раз в миг, когда тот уже натянул лук, чтобы поразить Мышелова. Теперь без самого Раннарша врагов оставалось лишь четверо. Оба друга немедленно изменили тактику и разделились: Мышелов быстро направился в обход

поляны, Фафхрд же, насколько это было возможно, отступил в глубь леса.

Люди Раннарша, должно быть, поступили так же. Мышелов едва не врезался в разбойника с меченным шрамом лицом, ступавшего столь же бесшумно, как и он сам. На таком расстоянии лук и праща бесполезны... во всяком случае непригодны для использования обычным путем. Разбойник со шрамом попытался вонзить зазубренный накопечник стрелы, которую он держал наготове, в глаз Мышелова. Но тот изогнулся в сторону, замахнулся пращой, словно кнутом, и роговой рукояткой сокрушил соперника. Тот рухнул без сознания. Отступив на несколько шагов, Мышелов воздал хвалу удаче - везет же в день Кота: врагов оказалось не двое - и полез наверх, на дерево; передвигаться по ветвям можно было в большей безопасности, хоть и медленнее, если держаться на средней высоте. Он ступал по сучьям с уверенностью канатоходца и перепрыгивал с ветки на ветку, лишь когда это было необходимо - не было пути к отходу.

Обогнув поляну, он услышал за несколько деревьев впереди звон мечей и поспешил туда. Его глазам предстала привычная сценка: прижавшись спиной к отводу дуба, Фафхрд длинным мечом отражал натиск двоих прислужников Раннарша, оружие которых было короче. Ему приходилось туго, и северянин это понимал. Он слышал древние саги, где пели про героев, что бились на мечах и одолевали четверых врагов. Но по собственному опыту он знал, что подобные рассказы - чистое преувеличение, если только противники героя не в первый раз держат в руках мечи.

Люди Раннарша явно были бывалыми мечниками. Атаковали они осторожно, но непрестанно, держа мечи перед собой, и не размахивали ими понапрасну. Они мрачно и тяжело посапывали, но держались уверенно, понимая, что северянин не станет наваливаться на одного из них, рискуя открыть бок для атаки другого. Целью их было зажать его одновременно с боков и атаковать.

Поэтому Фафхрду приходилось все время перемещаться и свирепо набрасываться на ближайшего, прежде чем второй успевал сдвинуться вбок. Так он умудрялся держать их перед собою бок о бок и управляться с обоими клинками быстрыми выпадами и косыми ударами. Бусинки пота выступали у него на лбу, из царапины на левом бедре сочилась

кровь. Ухмылка жутким оскалом обнажала его белые зубы, которые изредка размыкались для того, чтобы выплюнуть очередное оскорбление, грубое и грязное.

Мышелов сразу же оценил положение, спустился на сук пониже и прицелился в спину одного из противников Фафхрда, как вдруг из-за объемистого ствола навстречу ему взметнулся меч в мозолистой руке. Третий из слуг Раннарша тоже предпочел воспользоваться деревьями. Но, к счастью Мышелова, противник его стоял нетвердо и точно рассчитанный удар на мгновение опоздал. Но уклониться от него Серый Мышелов мог, только соскочив с ветки, и ему пришлось ошеломить противника скромным акробатическим трюком. Спрыгнуть на землю — значило оказаться в руках того, кто остался на дереве. И он попытался уцепиться за ветвь, на которой стоял, качнулся на руках и снова забросил свое тело вверх. Помогая себе то одной, то другой рукой, чтобы не свалиться, они вцепились в глотки друг другу, при возможности молотя один другого коленями и локтями. В первой же схватке кинжал и меч упали вниз, последний свалился между людьми Раннарша, на мгновение ошеломив их, так что Фафхрд едва не добился успеха, и остался стоять, воткнувшись в землю острием.

Мышелов и его соперник без видимых преимуществ то сходились, то отскакивали друг от друга, поскольку каждому трудно было просто удержать равновесие. Наконец они почти одновременно свалились, но успели схватиться руками за ветвь. Пыхтящий приспешник Раннарша попытался нанести Мышелову подлый удар. Но тот увернулся, изогнув тело вверх и сведя ноги. Качнувшись, он с силой ударил ими противнику прямо в грудь, туда, где заканчиваются ребра. Неудачливый приспешник Раннарша свалился на землю, и сознание во второй раз оставило его.

В тот же миг один из противников Фафхрда предпринял финт, который мог бы принести ему успех. Пока его напарник напористо теснил Фафхрда, он выхватил торчавший из земли меч, намереваясь метнуть его словно дротик. Но Фафхрд, непревзойденная выносливость которого давала ему преимущество в скорости реакций, ожидал этого и предпринял блестящую контратаку против ближайшего противника. Последовали два молниеносных выпада: первый, обманный, к животу, второй, режущий укол, раскроил ему горло. Повернувшись, он широким взмахом выбил оба меча

из рук оставшегося противника, тот изумленно осел на землю и задыхаясь выдавил: "Пощади!".

В довершение всего Мышелов легко прыгнул с дерева, словно свалился с неба. Фафхрд инстинктивно занес меч, собираясь ударить его тыльной стороной, но узнал Мышелова, так что сидящий на земле противник успел трижды глубоко вздохнуть. И тут Фафхрд вдруг расхохотался: сначала тихо, а потом во все горло. В смехе этом звучали безумие битвы, удовлетворенный гнев и облегчение избежавшего смерти.

- Ох, клянусь Глаттерком и Косом! - гремел он. - Клянусь Бегемотом! Ох, клянусь Холодным Краем и потрохами Красного Бога! Ох! Ох! Ох! - И снова раздался безумный рев. - Ох, клянусь Китом-убийцей, Хладной Женщиной и ее отродьем! - Смех его потихоньку затихал, как бы застревал в горле. Он тронул лоб ладонью правой руки, и лицо его обрело серьезное выражение. Потом кинулся к человеку, только что убитому им, разогнул его руки, закрыл мертвецу глаза и достойно возрыдал над покойным, что показалось бы забавным ханжеством любому, кто не знает варваров.

Реакция Мышелова была отнюдь не столь дикарской. Он испытывал беспокойство, к чему сам относился с легкой иронией, и его чуть подташнивало. Чувства Фафхрда он понимал, и знал уже по прежнему опыту, что тот еще некоторое время не будет владеть собою, а потом притихнет и оцепенеет. Беспокойно оглядываясь вокруг - как бы разрядка не сделала его приятеля беззащитным, - он пересчитал противников. Да, со всеми шестерыми приспешниками Раннарша они разделились. Оставался лишь сам Раннарш, но где же он? Мышелов пошарил на всякий случай в кисте - проверить, не потерялись ли где талисманы и амулеты, приносящие удачу. Шевеля губами, пробормотал две-три молитвы, а может, и заклинания. Но при этом все время держал пращу наготове, без устали оглядываясь.

Из зарослей густого кустарника слышались страдальческие стоны; человек, которого он свалил с дерева, начинал приходить в себя. Прихвостень лорда, которого разоружил Фафхрд - пепельно-бледное лицо его выражало скорее усталость, чем испуг, - медленно отступал в лес. Мышелов беспечно следил за ним, стальной шлем сполз тому на переносицу, отчего выглядел он довольно комично. Тем временем стонов в кустах прибавилось. И почти одновре-

менно оба побежденных вскочили на ноги и спотыкаясь устремились в лес. Мышелов был уверен, что теперь их нечего бояться - назад эта пара уже не вернется. Чуть погода легкая улыбка тронула его губы: к удалявшемуся топоту двоих прибавились шаги третьего. Раннариш, подумал Мышелов, - трус в сердце своем, не способный выйти на поединок. Мышелову и в голову не пришло, что третьим может оказаться человек, оглушенный рукояткой пращи.

В основном чтобы занять себя, Мышелов проследил путь беглецов по лесу на пару полетов стрелы. Сбиться со следа было трудно: кусты оказались потоптаны, а с колючих веток свисали клочья одежды. Они по прямой уходили от прогалины. Удовлетворенный, он вернулся за молотом, зубилом и киркой. Фафхрда он застал за делом - тот перевязывал царягину на бедре. Чувства северянина уже пробежали весь положенный им путь, и он вновь был самим собой. Мертвец, по которому он только что столь безутешно горевал, стал для него теперь не более чем простой падаляк, кормом для птиц и жуков. Но для Мышелова он все еще оставался несколько пугающим и тошнотворным объектом.

- Ну что, приступим к прерванному занятию? - осведомился Мышелов.

Фафхрд деловито кивнул и поднялся на ноги. Вместе они ступили на скалистую прогалину, удивившись про себя, как мало времени заняла схватка. Действительно, солнце чуть сдвинулось кверху, но в воздухе еще чувствовалось утро. Сокровищница Ургаана Ангарнги грузно высилась перед ними, лишенная каких бы то ни было украшений, но все-таки впечатляющая.

- Крестьяночка-то просто предсказала нашу участь, - улыбнулся Мышелов, - вот мы и поиграли в "побегай вокруг и не преступи круг", не так ли?

Сегодня сокровищница его не пугала. Вспоминая смятение вчерашнего дня, он даже не мог понять его причины. Сама мысль о существовании какого-то стража казалась нелепой и забавной. Происхождение скелета, белешего в дверях, можно было объяснить тысячью иных причин.

Посему на этот раз первым в сокровищницу скользнул Мышелов. Внутренний вид ее разочаровал: ни мебели, ни орнамента, как и снаружи. Простая низкая продолговатая комната. Квадратные проемы в боковых стенах вели под меньшие купола, а в тыльной части продолговатого зала

смутно виднелось начало лестницы, ведущей на верхний этаж дома.

Мельком бросив взгляд на череп и раздавленный скелет, Мышелов направился прямо к двери.

- В нашем документе, - сказал он Фафхрду, что стоял рядом с ним, - говорится о сокровище, укрытом под замковым камнем главного дома. Поэтому придется поискать наверху.

- Верно, - отвечал оглядываясь северянин. - Интересно, Мышелов, а для чего использовалось это здание? Человек, что сооружает такой дом лишь для того, чтобы укрыть в нем сокровища, просто кричит на весь мир, что у него есть что прятать... Это не храм?

Вдруг Мышелов, что-то прошипев, отпрянул назад. У подножия лестницы, головой и грудью на первых ступенях лежал еще один скелет, кости которого располагались соответственно живому телу. Вся черепная коробка его была разбита вдребезги, мелкие кости серели вокруг, словно длинные черепки.

- Здешние жители что-то уж слишком стары и непристойно обнажены, - прошипел Мышелов, ругая себя за испуг, и быстро поднялся по лестнице, чтобы осмотреть отвратительную находку... Ржавый кинжал, потускневшее золотое кольцо на костяшке одного из пальцев, горсть розовых пуговиц.

Длинный и узкий позеленевший медный цилиндр пробудил его любопытство. Он подобрал его, стронув при этом кисти руки, так что они с сухим стуком посыпались вниз. Сорвав крышку с цилиндра острием кинжала, он вытряхнул из него туго скатанный лист старинного пергамента и, предвкушая интересное, расправил его. И в свете небольшого окошка, выходящего на площадку над головой, вместе с Фафхрдом они принялись разглядывать строчки красной скорописи:

Сокровенно мое сокровище. Орихалк у меня есть, и хрусталь, и кроваво-красный янтарь. Рубины и изумруды, за которые станут биться даже демоны. А еще алмаз величиною с череп человека. Но никто не видел их, кроме меня. Я, Ургаан Ангарнги, презираю лесть и зависть глупцов. И по желанию своему я воздвиг для своих самоцветов уединенное хранилище. Там,

скрытые под замковым камнем, будут спать они в покое, пока не пройдут земля и небо. В дне езды от деревни Сориш, в долине между двумя двугорбыми холмами, лежит этот дом с тремя куполами и башней. Он пуст. Пусть глупцы приходят. Пусть. Мне все равно.

- Есть мелкие различия, - заметил Мышелов, - но в целом сходно с нашим документом.

- Скорее всего он свихнулся, - отозвался Фафхрд. - Разве нормальный человек станет старательно прятать сокровища, а потом так же старательно оставлять повсюду объяснения, как их отыскать?

- А мы думали, что наш документ - памятная записка, забытая по оплошности, - задумчиво произнес Мышелов, - но существование двух документов подобным образом не объяснишь. - В задумчивости он отвернулся к лестнице и... увидел там еще один череп, скаливший зубы в темном углу. На этот раз он не испугался, но сразу понял, что испытывает муху, когда, дергаясь в паутине, видит вокруг дюжины сухих трупиков своих сородичей. Он быстро заговорил: - Не объяснишь и существования трех, четырех, может случиться, даже дюжины таких документов. Иначе как и зачем явились бы сюда все эти покойники, если у каждого не было бы собственного манускрипта. Быть может, Ургаан Ангариги и был безумен, но людей сюда он заманивал преднамеренно. Очевидно одно: в этом доме таится или таилась какая-то смертоносная ловушка. Какой-то страж. Может быть, гигантская мерзкая тварь. А может, сами камни здесь пропитаны ядом. А может, потаенные пружины выбрасывают лезвия мечей сквозь щели в стенах, а потом втягивают их обратно.

- Этого не может быть, - проговорил Фафхрд, - все эти люди были сражены сокрушительными ударами. А у третьего... Посмотрим! Разбита нижняя часть тела.

Мышелов хотел было ответить, но тут лицо его неожиданно осветила улыбка. Он понял, к какому выводу, пусть бессознательно, пришел Фафхрд, забавному выводу. Какая тварь способна убивать мощными, сокрушительными ударами? Разумеется, серый гигант, о котором твердила крестьянская девочка. Вдвое выше человека, с каменной дубинкой в волосатых руках - существо из сказок, порождение фантазий.

Фафхрд ответил Мышелову улыбкой. Он полагал, что они строят страхи из ничего. Конечно, вид скелетов красноречив сам по себе, но разве эти черепа и скелеты не принадлежат людям, погибшим многие годы, да что там, века назад? И какой страж проживет три столетия? Да такого времени довольно, чтобы даже демон устал ожидать! А, как известно, таковых не существует. И вовсе нет надобности болтаться здесь, пугая себя древними пугалами и кошмарами, которые давно уже обратились в прах. Все так просто, подумал Фафхрд, два друга пришли в заброшенный дом поглядеть, нет ли там сокровищ.

Согласившись, что страхи надуманные, оба направились по лестнице, что вела наверх, в сумрачное помещение под куполом. Однако при всей уверенности в безопасности двигались они осторожно, внимательно всматриваясь в тени впереди. Это оказалось не лишним.

Едва они добрались до верха, как во тьме блеснула сталь клинка, задевшего плечо Мышелова, который успел вовремя уклониться. Кинжал со стуком ударился о каменный пол. В порыве гнева Мышелов пригнувшись метнулся к дверному проему, откуда вылетело оружие, прямо на источник опасности, какой бы она ни была.

- Кинжальчики мечем впотьмах, а, гладкопузый червь?! - услышал Фафхрд крик Мышелова и кинулся следом за ним.

К стене жался лорд Раннарш. Его богатый охотничий костюм был в пыли; черные волнистые волосы растрепаны; красивое лицо исказил ужас. В первый момент друзьям показалось, что этот ужас, как ни странно, вызвало их появление.

- О Боги! - воскликнул он. - Выпустите меня отсюда! Иначе я погиб. Эта штука играет со мной в кошки-мышки. Я не могу больше. Не могу!

- Запел другую песенку? - огрызнулся Мышелов. - Кинул кинжал и испугался, пощады просишь?

- Грязный трус! - добавил Фафхрд. - Прятался здесь в безопасности, когда его приспешники мужественно умирали.

- В безопасности... В безопасности, говоришь? О Боже! - Раннарш почти визжал. Выражение его лица изменилось. Сквозь ужас проступило отчаянье, сознание позора - того, что он безнадежно запятнал себя. Губы его шевельнулись, обнажив белые зубы. Левой рукой он сделал жест подчинения.

- Пощадите, пощадите! - горестно воскликнул он и, выхватив правой рукой из-за пояса кинжал, метнул его снизу в Фафхрда.

Сильным ударом отбив оружие в сторону, северянин отчетливо произнес:

- Он твой, Мышелов. Убей его.

Теперь это был поединок кота с загнанной в угол крысой. Лорд Раннарш живо выдернул блестящий меч из позолоченных ножен и метнулся вперед. Он рубил, колол, разил. Мышелов слегка отступал, но вот его легкий клинок блеснул в контратаке, пусть отбитой, но смертельно опасной. Наконец он остановил натиск Раннарша. Скальпель сновал теперь так быстро, словно ткал вокруг лорда стальную сеть. А потом трижды взметнулся. При первом выпаде он согнулся почти вдвое, встретив под одеждой кольчугу. При втором выпаде пронзил живот. При третьем пробил горло. Задышав и булькая, лорд Раннарш свалился замертво.

- Плохой конец, - озабоченным тоном произнес Фафхрд, - хотя с ним обошлись достойнее, чем он того заслуживал. Мышелов, его смерть мне не нравится, хотя в ней и больше справедливости, чем в гибели его подручных.

Вытиравший оружие об одежду поверженного Мышелов понимал, что имеет в виду Фафхрд. Победа не принесла ему радости - напротив, какое-то холодное разочарование. Только что клокоотавшая в нем ярость улетучилась, теперь он был спокоен. Распахнув свою серую куртку, он поглядел на оставленную кинжалом в левом плече рану. Кровь тонкой струйкой стекала вниз.

- Лорд Раннарш не был трусом, - медленно произнес он. - Он убил себя сам... По крайней мере сам в страхе и ужасе призвал к себе смерть...

И едва отзвучали эти слова, как леденящий ужас пронзил сердца Серого Мышелова и Фафхрда. Словно лорд Раннарш оставил свой страх им в наследство, во владение которым они вступили сразу же после его смерти. И мужества их лишало уже то, что никакого повода, никаких намеков и оснований для этого не было. Страх этот не пускал корни и не рос постепенно. Он обрушился сразу, подавляя и парализуя. И что было еще хуже, для него не было причины. Только что они без участия смотрели на изуродованное тело лорда Раннарша. И вдруг ноги их ослабели, нутро заледе-

нело, вдоль хребта побежали мурашки, сердце заколотилось, волосы встали дыбом.

Фафхрду казалось, что он, не подозревая того, направляется прямо в пасть гигантского змея. Душу варвара разбудило до самых глубин. Он подумал о суровом боже Косе, глубоко задумавшемся в ледяном молчании Холодного Края. Он вспомнил о тайных силах - Судьбе и Случае - о той игре, что они постоянно ведут на человеческую кровь и мозг. Он постарался отмахнуться от таких мыслей. Но, казалось, леденящий страх кристаллизует их и они падают в его сознание снежными хлопьями.

Постепенно он одолел дрожь в конечностях, трепет мышц. словно в кошмаре медленно огляделся, примечая детали. Комнатка, где они стояли, была полукруглой, частью большого купола. Два небольших окна в изогнутом потолке пропускали свет.

Внутренний голос твердил ему не делать резких движений. Медленнее. Медленнее. И главное не бежать. Те, другие, бежали. И из-за этого погибли. Медленнее. Медленнее.

Он увидел лицо Мышелова. В нем отражался его собственный страх. Сколько еще все это может продлиться? Сколько еще можно выдержать эту муку, не сорвавшись с места? Сколько можно недвижно представлять себе эту медленно и неотвратно протянувшуюся лапу.

Снизу донесся слабый отзвук шагов, ровных, неспешных. Шаги уже приблизились к лестнице. Вот они уже на ней. На площадке. На следующем марше.

Человек, что вошел в комнату, был высоким и хрупким, старым и весьма изможденным. Редкие угольно-черные локоны падали на высокий лоб. Скулы резко очерчивали впалые щеки, восковая кожа туго обтягивала небольшой нос. В глубоких костистых глазницах фанатическим блеском горели глаза. Он был в одежде святого - простая хламида без рукавов, подпоясанная веревкой, с которой свисал кисет.

Он строго поглядел на Фафхрда и Серого Мышелова.

- Приветствую вас, люди крови, - гулко прогудел он.

Потом взгляд его с неудовольствием опустился на Раннарша.

- Опять пролилась кровь. Не к добру.

Костлявым указательным пальцем левой руки он начертил в воздухе странный тройной квадрат, священный знак Великого Бога.

- Молчите, - спокойно продолжал он, - ваши намеренья мне известны. Вы явились, чтобы унести из этого дома сокровища. Многие и до вас пытались сделать это. И не сумели. Не сумеете и вы. Что касается меня самого - я свободен от алчности. Сорок лет прожил я, питаюсь лишь хлебом и водой, посвятив дух свой Великому Богу, - он снова начертил странный знак, - и теперь никакие сокровища, никакие самоцветы, никакие драгоценности и богатства этого мира не могут искушить и совратить меня. Я пришел сюда, чтобы уничтожить зло. Я, - он ткнул пальцем в грудь, - я - Арвлан Ангарнги, девятый потомок Ургаана Ангарнги по прямой линии. Я всегда знал об этом и скорбел - ведь Ургаан Ангарнги предал себя злу. Но лишь пятнадцать дней назад, в день Паука, узнал я из древних документов о том, что Ургаан построил этот дом, вечную ловушку для скудоумных и непоседливых. Ведь он оставил здесь стража... вечного.

Хитер был мой проклятый предок Ургаан, зол и хитер. Искуснейшим архитектором во всем Ланхмаре был Ургаан и не менее искусным каменщиком и мудрым геометром. Но он ненавидел Великого Бога. И тянулся к силам нечистым. Он общался с демонами, и добыл у них немыслимое сокровище. Но пользы оно ему не принесло. В погоне за богатством, знанием и силой потерял он способность наслаждаться и радоваться, даже просто желать. Потом спрятал он свое сокровище, но так, чтобы нескончаемо несло оно в этот мир зло, которого натерпелся он сам не только от мужей, но и от гордой, высокомерной и жестокой женщины, столь же бессердечной, как и он сам. И вот моя цель и мое право - уничтожить зло, посеянное моим предком.

Не пытайтесь остановить меня, иначе судьба покарат вас. Надо мной рука Великого Бога, готовая отогнать от своего верного слуги любую беду. Его воля - моя воля. Молчите, люди крови! Я пришел разрушить сокровище Ургаана Ангарнги. - С этими словами изможденный святой человек не спеша, будто призрак, скрылся в узком дверном проеме.

Фафхрд смотрел на него, широко раскрыв свои зеленые глаза, и не намерен был ни мешать ему, ни следовать за ним. Ужас не оставил северянина, однако теперь он чувствовал, что опасность грозит не лично ему.

Тем временем весьма курьезная мысль посетила Серого

Мышелова. Ему показалось, что с ними говорил сейчас не досточтимый святой, а восставшая тень уже столетия мертвого Ургаана Ангариги. Конечно, и у Ургаана был такой же высокий лоб и такая же тайная гордость. И юные черные локоны, что вовсе не соответствовали состарившемуся лицу, тоже казались частью прошлого. Пусть время исказило портрет, стерло с него краски, но все-таки что-то от силы и индивидуальности древнего оригинала сохранило.

Они слышали шаги святого в комнате за стеной. А потом настала полная тишина, продлившаяся дюжину сердцебиений. Затем они почувствовали, что пол затрясся под ногами, словно затряслась сама земля или рядом шагнул гигант. Вдруг из соседнего помещения донесся слабый, дрожащий крик, который прервал громкий тошнотворный хруст, едва не вывернувший желудки искателей приключений. Потом снова настала полнейшая тишина.

Фафхрд и Мышелов переглянулись в изумлении, но не оттого, что только что слышали, а оттого, что раздавшиеся звуки совершенно рассеяли их ужас. Выхватив мечи из ножен, они поспешили в соседнюю комнату.

Она точно повторяла ту, что они оставили, только вместо двух окошек в ней было три, одно почти от пола. Дверь была только одна - через которую они вошли. Стены, пол и полукупольный потолок - из плотно уложенного камня. Возле толстой центральной стены, разделявшей купол надвое, лежало тело святого. Впрочем, "лежало" - не то слово. Левое плечо и грудная клетка его были раздавлены. Жизнь улетела. Вокруг успела скопиться лужа крови.

Фафхрд и Мышелов глазами лихорадочно пытались отыскать что-нибудь, кроме себя и покойника, но в комнате не было никого... никого... даже комары не пищали между пылинками, пляшущих в косых лучах солнечного света, пробивавшихся сквозь узкие окна. Напрасно в отчаянии старались они представить себе существо, способное расплющить человека столь сокрушительным ударом, а потом исчезнуть через одно из трех небольших окошек...

Из стены возле мертвеца выдавался квадратный камень фута в два. Древними ланхмарскими иероглифами на нем было четко выбито: "Здесь покоится сокровище Ургаана Ангариги".

Камень этот подействовал на обоих кладоискателей будто оплеуха, пробудив все их упорство, всю, до последней ун-

ции, беспечную решимость. Ну, лежит возле камня изувеченный труп старика... У них же мечи! И может, это-то и доказывает, что сокровищницу охраняет свирепый страж. Но они сумеют позаботиться о себе! Неужели, прочитав откровенную, словно оскорбление, надпись, бежать, бросить этот камень не притронувшись? Нет, во имя Коса и Бегемота! Уж лучше сразу отправиться прямо в ад Нихвона!!

Фафхрд понесся за киркой и прочим инструментом, который он бросил на лестнице, когда лорд Раннарш метнул свой первый кинжал. А Мышелов принялся внимательно оглядывать выступающий из стены камень. Вокруг него змеились широкие трещины, заполненные темным смолистым веществом. Он постучал по камню рукояткой меча - за камнем было пусто. Торопливо простучал стену вокруг - пустот больше не было. Значит, полость невелика. Заметил, что щели между другими камнями были едва заметны, даже признаков какого-нибудь цементирующего раствора не было видно. Он уже подумал, что щели ложные, просто неглубокие прорезы в монолите. Впрочем, такое едва ли возможно. Он слышал, как вернулся Фафхрд, но продолжал обследование.

Серый Мышелов находился в совершенно необычном состоянии духа. Неуклонная решимость добраться до сокровища затмевала прочие мысли. А внезапно необъяснимое исчезновение ужаса оставило его разум в каком-то оцепенении. словно бы он решил не думать, пока не увидит, что содержится за этим камнем. И потому ум его был занят какими-то мелкими пустяками, не делая выводов и обобщений.

Спокойствие давало ему ощущение хотя бы временной безопасности. Опыт смутно подсказывал ему, что страж, расплющивший тело святого и игравший в кошки-мышки с Раннаршем и ими самими, кем бы он ни был, не наносит удара, пока не вызовет ужаса в своих жертвах.

Фафхрд испытывал весьма схожие ощущения, разве что его решимость и разрешить загадку камня с надписью была куда более непреклонной.

Вооружившись молотом и зубилом, они приступили к широким щелям. Темная смолистая смесь отскочила легко, сначала крупными кусками, потом стала отделяться тягучими, вязкими полосами. А когда они на палец расчистили щель, Фафхрд вставил в нее кирку и сумел слегка повернуть

камень. Тогда и Мышелов смог углубиться со своей стороны. После этого Фафхрд словно рычагом сумел подвинуть со своей. Так и продолжалась работа попеременно с обеих сторон.

Все их внимание с излишней в таком случае сосредоточенностью было поглощено работой, в основном чтобы не думать о каком-нибудь двухсотлетнем мертвце, посмеивающемся в засаде. Должно быть, с высоким лбом, впалыми щеками, провалившимся носом... таким, как у распростертого рядом на полу мертвеца, если в нем и впрямь течет кровь Ангарнги, добывшего великое сокровище и потом спрятавшего его от всех глаз, без славы и выгоды для себя. Ангарнги, утверждавшего, будто презирует зависть глупцов, и тем не менее разбросавшего повсюду воспаляющие воображение записки, чтобы глупцы узнали и позавидовали, и тянувшегося теперь к ним из пыльной глубины столетий, словно паук, заманивший в свою сеть мошку, летящую с другого края света.

К тому же святой человек говорил, что Ургаан был искусным архитектором, а если он соорудил каменный автомат в два человеческих роста? Серый каменный автомат с огромной дубиной... И надежное укрытие для него - чтобы каменная смерть скрывалась в нем, а потом, сотворив свое дело, пряталась вновь? Нет, это детские бредни, такое невозможно. Лучше побыстрее найти, что таится за камнем с надписью, а подобные думы оставить на потом.

Камень уже легче поддавался кирке. Скоро, навалившись посильнее, они вырвут его.

Но тем временем новое чувство начинало охватывать Мышелова - ужас не ужас, но физическое отвращение. Воздух наполнялся густой отвратительной вонью. Он понял, что ему мерзки состав, консистенция застывшей в трещине смеси, которую он мог сравнить лишь с такими воображаемыми субстанциями, как драконье дерьмо и блевотина бегемота. Он старался не прикасаться к ней руками и тщательно отбрасывал сапогом куски и полосы, скапливавшиеся возле ног. Его мучило, и чувство отвращения уже становилось трудно переносить.

Он пытался сопротивляться, но без успеха. Морской болезни противиться трудно, а его состояние как раз и напоминало морскую болезнь. Голова неприятно кружилась. Рот наполнился слюной. От сдерживаемой рвоты на лбу высту-

пил холодный пот. Он видел, что Фафхрд чувствует себя совсем иначе, и не решился поведать о нахлынувшей дурноте, настолько она была неуместна, словно он запаниковал. Наконец и сам камень стал оказывать на него точно такое же воздействие, что и смолистая смесь, - внушал столь же беспричинное, но не менее сильное отвращение. А потом он почувствовал, что дальше не в силах выносить этого. Кивнув, как бы извиняясь, Фафхрду, он уронил зубило и отошел к низкому окну глотнуть свежего воздуха.

Особого облегчения этот глоток не принес. И он просунул голову в окно. Тошнота до крайности затормозила умственные процессы и как бы отдалила все вокруг. Он заметил посреди прогалины крестьянскую девочку, но смог задуматься о том, что означает это ее присутствие, лишь некоторое время спустя. А когда возможные последствия этой детской неосторожности стали доходить до него, то дурнота немного отступила или же он наконец сумел осилить ее - чтобы внимательно разглядеть ребенка.

Лицо девочки побледнело, стиснутые в кулаки руки были прижаты к груди. Даже на расстоянии он видел на ее лице смесь ужаса и решимости, с которой она глядела в огромный проем. И туда, к этой двери, она шаг за шагом медленно шла, с усилием передвигая ноги, словно не подвластные ей. И тогда Мышелов испугался - не за себя, за нее. Ужас ее был невероятен, но она одолевала его, себя, свой страх перед "серым и страшным гигантом" ради него и Фафхрда. Любой ценой ее следует остановить, подумал он, нельзя подвергать девочку такому жуткому страху, хотя бы еще ненадолго.

Отвратительная дурнота все еще не отпускала его ум, но он понял, что надо сделать. Неуверенным шагом он направился к лестнице, еще раз махнув по пути Фафхрду, и выходя случайно поднял взгляд к потолку и увидел нечто странное. Что именно, он поначалу даже не понял.

Фафхрд не следил за Мышеловом, а знаков его просто не видел. Каменный блок медленно подавался его могучим толчкам. Только что легкая дурнота подкатила к горлу, но, должно быть, целеустремленность северянина не позволила ей подчинить себя. И теперь все внимание его было отдано камню. Они выдвинули его уже на целую ладонь. Крепко обхватив камень могучими руками, он стал раскачивать его, толкая взад и вперед. Темный вязкий состав лип к камню, но с каждым рывком глыба выдвигалась все дальше и дальше.

Борясь с головокружением, Мышелов скатился с лестницы. Под ногой хрустнули кости, пинком он отбросил их в сторону. Что же было на потолке...? Выступ, и он что-то значил. Но девочку надо скорее прогнать с прогалины. Нельзя ей приближаться к дому, а тем более входить.

Руки Фафхрда отяжелели - камень почти вышел из стены. Он был немислимо тяжелым - почти в фут толщиной. Двумя тщательно рассчитанными рывками северянин закончил работу. Камень пошел вниз. Фафхрд быстро отступил назад. Раздался грохот. В открывшейся полости что-то радужно блеснуло. Фафхрд в нетерпении засунул туда голову.

Серый Мышелов пробирался к входу. Там, где он оставил Фафхрда, на потолке было пятно. Как раз над самым телом святого старца. Как оно попало туда? Ведь старик лежал на полу. Или это брызги крови, разлетевшиеся от удара. Но почему же испачкан именно потолок? Неважно. Девочка. Надо добраться до нее. Он должен добраться. Вон она, почти у входа. Он уже видел ее. Каменный пол покачивался под ногами. Но ведь это просто от слабости, от дурноты.

Подрагивание ощущал и Фафхрд. Но все его мысли затмевало изумление: его глазам открылась полость, до краев наполненная тяжелой жидкостью с металлическим блеском, похожей на ртуть, но в отличие от нее черной как ночь. На этом жидком металле невероятными звездами поблескивали драгоценные камни. Фафхрд даже отдаленно не мог представить себе ничего подобного.

В центре сверкал колоссальный алмаз, ограненный мириадами странных граней. Окружали его два неправильных октаэдра: внутренний - из двенадцати рубинов, внешний - из семнадцати изумрудов. Между ними, соприкасаясь, иногда соединяя камни друг с другом, лежали тонкие и длинные, хрупкие на вид кристаллы хрусталя, зеленоватого турмалина, медового орихалка, багряного янтаря. Все они не утопали в жидком металле, а покоились на нем, собственной тяжестью продавив на поверхности лишь неглубокие луночки, круглые или продолговатые. Кристаллы слабо светились, самоцветы сверкали, Фафхрду почему-то казалось, что это - свет звезд.

Внимание его перешло на жидкий металл... На его черной поверхности, проступавшей между камнями, он угадал искаженные изображения звезд и созвездий, которые можно было бы прямо сейчас видеть над головой, если бы не

ослепительный блеск солнца. Благоговейное изумление поглотило его. Он снова перевел взгляд на драгоценные камни. Было что-то невероятно значительное в их сложном взаимоположении, какая-то всеобъемлющая истина проступала в этом нечеловеческом символизме. Более того, в них чудилось внутреннее движение, какая-то ленивая мысль, неживое сознание камня. Так, если зажмурить ночью глаза, видна не тьма, а мельтешение цветных точек. С трепетом, ощущая себя святотатцем, посягающим на мыслящий разум, Фафхрд взял правой рукой алмаз величиной с человеческий череп.

Серый Мышелов вывалился из дверного проема. Ошибки не было. Плотно сложенные камни дрожали. Кровавое пятно было на потолке, словно сам потолок обрушился сверху на святого старца, сокрушив его, или же пол ударило о потолок. Но девочка оставалась... рот ее был открыт в беззвучном крике. Надо бы успеть отвести ее подальше от строения. Но почему, откуда появилось это чувство опасности, теперь грозящей и ему самому. Почему ему кажется, что опасность исходит откуда-то сверху. Споткнувшись на ступеньках, он глянул назад, за плечо. Башня. Башня! Она падала. Падала на него. Падала на него из-за купола. Но ни одной трещины не было на ней. Она не рушилась. Она не падала. Она гнулась.

Фафхрд отдернул руки назад, снова схватил покрытую странными гранями поверхность громадного камня, алмаз оказался столь тяжелым, что северянин едва удержал его. И сразу же поверхность жидкого металла, в которой отражались звезды, возмутилась. По ней побежала рябь, она задрожала. И весь дом тоже вздрогнул. Самоцветы вдруг заметались, словно водяные жуки по поверхности пруда. Кристаллы и орихалковые стержни закрутились, то одним, то другим концом приликая к самоцветам, словно те были магнитами, а стержни - железными иглами. Вся поверхность жидкости вскипела, задергалась, словно лишившись основной своей части, таинственный разум впал в сумасшествие.

В отчаянии глядя вверх, Мышелов застыл - башня каменной дубиной падала прямо на него. Метнувшись в сторону, он рванулся к девочке, повалил ее на землю и покатылся в сторону вместе с ней. Угол башни врезался в землю за его спиной на расстоянии обнаженного меча. Удар сотряс

землю, подбросив их на мгновение в воздух. А потом башня дернулась кверху, оставив после себя на земле яму.

Фахр с трудом оторвал взгляд от заполненной цветами полости. Правая рука его горела. Бриллиант обжигал холодом, невыносимым холодом.

- Клянусь Косом, комната начала менять форму! - воскликнул он.

Потолок стал прогибаться, на нем появился выступ. Северянин шагнул к двери и замер на месте. Дверь закрывалась, будто каменная пасть. Он обернулся и сделал несколько шагов к низкому окошку. Оно захлопнулось перед ним. Он попытался выронить алмаз. Но камень по-прежнему холодом жег ладонь. Резким движением руки северянин отбросил его в сторону. Камень ударился о каменный пол и, сверкая, будто живая звезда, покатился по нему.

Мышелов и крестьянская девочка достигли уже края прогалины. Башня еще дважды обрушивалась возле них, но всякий раз промахивалась на несколько ярдов, словно сумасшедший слепец. Наконец они оказались уже за пределами ее досягаемости. Лежа на боку, Мышелов глядел на каменный дом, что дергался и ворочался будто зверь, на башню, что то и дело складывалась вдвое, оставляя глубокие могильные рывины. Вот она ударила в грудь булыжника и верхушка ее обломилась, но иззубренным краем все продолжала молотить в напрасном гневе, превращая булыжники в щебень. Мышелов подавил неожиданно вспыхнувшее желание вытащить кинжал и поразить себя в самое сердце. Человеку следует умирать, увидев такое.

Фахр не обезумел лишь потому, что с каждой минутой опасность подступала к нему со все новых и новых сторон, но только все время твердил про себя: "Я знаю. Я все знаю. Дом живой. Он - зверь, и драгоценности - часть его разума. А теперь он свихнулся. Я знаю. Знаю". Стены, потолок, пол вздымались, трещали, но движения эти, казалось, не грозили именно ему. Временами грохот становился оглушительным. Он спотыкался о каменные бугры, уклонялся от внезапно возникавших в потолке выступов, не то препятствий, не то ударов. Раздавленный труп святого дергался на полу в странном подобии жизни.

Громадный бриллиант, казалось, видел. Он свирепо насакивал на Фахра, иногда подпрыгивая до головы. Северянин невольно отступал к двери, как к единственной

надежде на спасение. Бриллиант конвульсивно подскакивал рядом. Выбрав момент, когда дверь чуть приоткрылась, Фафхрд нырнул в нее и протиснулся наружу. Алмаз следовал за ним. Путь ему преградил труп Раннарша. Он перепрыгнул через него, оступился и покатился вниз по лестнице - она сотрясалась и вокруг плясали иссохшие кости. Теперь тварь умрет, и дом рухнет, конечно, а его самого расплющит в лепешку. Алмаз подпрыгнул, метя ему в голову, промакнулся и, пролетев по воздуху, ударился о стену и взорвался, рассыпавшись облаком сверкающей пыли.

Дом сразу же забили в мелкой дрожи, Фафхрд, пробежав по вздымающемуся полу, едва увернулся от сокрушительных объятий дверного проема и вихрем понесся по прогалине - буквально в дюжине футов от него башня все еще молотила и молотила по груде булыжника. Лицо его побелело и застыло. Глаза глядели, ничего не видя. Перепрыгнув через две рывины, он нырнул в гущу деревьев и остановился лишь потому, что, как бык, врезался в ствол.

Дом уже почти перестал хаотически дергаться и просто мелко трясся, подобно громаде темного желе. Вдруг передняя часть его вздернулась кверху, словно голова бегемота в предсмертной агонии, два малых купола, словно чудовищные лапы, поднялись над землей. Обрубок башни ходил ходуном над крышей. Главный купол вдруг осел, съжившись, как гигантское легкое, застыл на мгновение и рухнул, распадаясь громадными каменными глыбами. Земля тряслась. Грохот отдавался в лесу. Листья и ветви хлестали воздух. И вдруг все стихло. Лишь из трещин в камнях сочилась смолистая черная жидкость, да кое-где в воздухе радужными клубами сверкала алмазная пыль.

В дальних южных пределах у границ земли Ланхмара по узкой пыльной дороге лениво трусили два всадника. Вид у них был несколько потрепанный. Руки и ноги рослого, восседавшего на гнедом мерине, были в синяках, бедро - перевязано, ладонь правой руки тоже. Приземистый, тот что сидел на серой кобыле, похоже, пострадал не меньше.

- Знаешь, куда мы направляемся? - спросил он, нарушая долгое молчание. - В город... В город, где каменных домов - без числа, каменных башен - без счета, повсюду купола, арки, лестницы. Ча, а если мне станет муторно от этих камней, я и на полет стрелы не подойду к стенам Ланхмара.

Спутник его улынулся:

- За чем же дело стало, малыш? Только не говори мне, что боишься... землетрясений.

III. Обитель Воров

- Что пользы знать имя, принадлежащее черепу, если с ним нельзя разговаривать? - громко осведомился жирный вор. - Приятно, конечно, что вместо глаз у него рубины.

- Здесь написано, что имя его - Охмхал, - отозвался чернобородый вор спокойным властным тоном.

- Дай-ка поглядеть, - проговорила отважная рыжая девица, перегнувшись через его плечо. Не быть отважной она не могла; с незапамятных времен женщинам запрещено было входить в Обитель Воров. И они втроем прочли крошечные иероглифы.

Предмет: Череп Охмхал, принадлежал Мастеру-вору Охмхалу. Имеет большие глаза из рубина и пару изукрашенных самоцветами рук.

История предмета: Череп Охмхал был похищен из дворца Гильдии Воров и помещен жрецами Вотишала в крипте их проклятого храма.

Инструкции: Череп Охмхал при первой же возможности следует вернуть в обитель, чтобы воздать ему должное поклонение в Усыпальнице Воров.

Трудности: Известно, что хитроумный замок на ведущей в крипту двери не по силам ни одному вору.

Предупреждение: По слухам, изнутри крипту охраняет чудовищный страж адской свирепости.

- Чертовские буковки еле складываются в слова, - намурилась рыжеволосая девица.

- Не удивительно - они были нагласаны столетия назад, - заметил чернобородый.

- Что еще за Усыпальница Воров? Разве, кроме свалки, крематория и Внутреннего Моря, подобные существуют? - произнес жирный вор.

- Времена и обычаи меняются, - словно заправский философ согласился чернобородый, - за поклонением следует скепсис, и наоборот.

- Почему же этот череп называется Охмпхал? - продолжал удивляться толстый. - Почему не сказать "череп Охмпхала"? Чернобородый вор пожал плечами.

- Где ты отыскал этот пергамент? - спросила его девица.

- В наших кладовых, под фальшивым дном прогнившего сундука, - ответил он.

- Клянусь богами, которых нет, - хихикнул жирный вор, не отводя глаз от пергамента, - в те давнишние времена Гильдия Воров хворала суеверием. Это же надо придумать - изводить рубины на какой-то череп. Ну ничего, если мы когда-нибудь доберемся до Мастера Охмпхала, мы почтим его - обменяем рубиновые глаза на добрые денежки.

- Эйе! - воскликнул чернобородый. - Об этом-то я и собирался переговорить с тобой, Фиссиф, - как нам добраться до него?

- Ох, но ведь... вы же только что сами читали про всякие сложности, Мастер наш Кровас, - отвечал жирный, сразу сменив песенку, - даже сейчас, спустя столетия, люди бледнеют от одного упоминания о мерзкой крипте в храме отвратительного Вотипаля, страшном замке на ее двери и жутком страже. И во всей Гильдии Воров никто...

- Да, в Гильдии Воров не найдется такого! - резко перебил его чернобородый, - но, - голос его стал тише, - кое-кто из чужаков способен на это. Вы слышали, что недавно в Ланхмар вернулся известный мошенник и взломщик, которого многие называют Серым Мышеловом. С ним его спутник - громадный варвар по имени Фафхрд, иногда его кличут еще Зверобоем. Как вы знаете, у нас с ними обоими особые счета. Они убили нашего колдуна Хрисомило. Эта парочка обычно охотится только вдвоем, вот если подкатиться к ним с таким соблазнительным предложением...

- Но, мастер, - перебил его жирный вор, - в таком случае они потребуют не меньше двух третей добычи.

- Именно! - с холодной усмешкой ответил чернобородый. Рыжеволосая девица уловила смысл и громко расхохоталась! - Именно! Потому-то я и выбрал для этого дела тебя, Фиссиф, безукоризненнейшего из двурушников.

После этого разговора прошло еще десять оставшихся дней месяца Змея и еще пятнадцать дней, начинающих

месяц Совы. И пятнадцатый день сменился ночью. Зябкий туман темным покровом окутал древние камни Ланхмара, столицы всей Ланхмарской земли. Этой ночью туман опустился раньше обычного, струясь в лабиринте переулков. Он становился все гуще и гуще.

На улице, что поуже и потише прочих, - Дешевой, так ее звали, - в людном облупившемся доме прямоугольный дверной проем ярко освещали факелы. Что-то зловещее чудилось за этой распахнутой дверью; все остальные двери на этой улице были надежно заложены засовами - от тьмы и сырости. Люди по ночам избегали этой улицы. И не без причин. Громадный дом имел дурную репутацию. Люди утверждали, что в нем-то и находится логово, где гнездятся воры Ланхмара, плетут козни, делают добычу и сводят счеты: штаб грабителей, откуда Кровас, мастер-вор, повелевает жульем... иначе говоря, родимый дом грозной Гильдии Воров Ланхмара.

Но, невзирая на сумерки, вдоль улицы торопились мужчина, он то и дело оглядывался, был толст и немного прихрамывал, словно только что примчался издалека верхом. В руках его была почерневшая, древняя на вид шкатулка, в которую можно было бы уложить голову человека. Он остановился у дверного проема и пробормотал пароль неизвестно кому... словно просто в воздух, - весь длинный зал впереди был пуст. Но откуда-то сверху ему ответили:

- Входи, Фиссиф. Кровас ждет тебя в собственных апартаментах.

Жирный отвечал:

- Эти двое следуют за мной... вы знаете, о ком речь.

Голос ответил ему:

- Ждем их, мы готовы. - И толстяк заспешил по залу.

Долгое время улица оставалась пуста, лишь безмолвно ступался туман. Наконец откуда-то издали донесся предупредительный свист, он повторился неподалеку, из проема засвистел в ответ.

Только тут, с той стороны, где свистели вначале, послышались звуки шагов, они становились все громче. В тумане казалось, что шагает один человек, но в прямоугольнике света перед дверью вдруг оказались двое. Вторым был невысокий неслышно ступавший мужчина в тесно облегающей фигуру одежде: серой рубаше, серой кожаной короткой кур-

тке и сером плаще, завершала наряд шапочка из мышиных шкурок.

Рослый и рыжеволосый товарищ его родом был из дальних земель: северный варвар из Холодного Края. Зеленый плащ прикрывал рубаху густого коричневого цвета. Он был весь в коже: на руках браслеты, на лбу - ремешок, на ногах - сапоги, широкий пояс туго стягивал живот. Туман увлажнял кожу, темнил медные нащепки на ней. Едва они появились в квадрате света перед дверью, широкий лоб его взрыли морщины. Зеленые глаза заматались из стороны в сторону. Положив ладонь на плечо невысокого, он прошептал:

- Не нравится мне этот видок, Мышелов.

- Ча! Здесь всегда так, ты прекрасно это знаешь, - резко отозвался Мышелов, быстрые губы его искривила ухмылка, темные глаза насмешливо поблескивали. - Надо же им как-нибудь страшать публику. Пошли, Фафхрд. Не можем же мы позволить этому двурушнику-недоноску Фиссифу улизнуть теперь, надув нас.

- Знаю я это все, свирепый горностаюшка, - произнес варвар, легко отталкивая Мышелова назад. - Не воздать Фиссифу по заслугам просто возмутительно. Но самим совать шею в ловушку еще возмутительней. Слышал же, как они свистели.

- Ча! Они всегда свистят. Фасонят, наводят таинственность. Знаю я этих воров, Фафхрд. И хорошо знаю. Да ты ведь и сам дважды входил в Дом Воров и уцелел оба раза. Пошли!

- Но я же не знаю всего Дома Воров, - запротестовал Фафхрд. Кое-где здесь опасно.

- Опасно! Они сами не знают всей Обители Воров, собственного дома. Это же просто неисследованный лабиринт, полный тайн, позабытых историй. Идем!

- Право, не знаю. Вид этого дома пробуждает во мне горестные воспоминания о навеки потерянной Влане!

- И о моей Ивриан! Но не пасовать же нам из-за этого?

Рослый пожал плечами и шагнул вперед.

- С другой стороны, - прошептал Мышелов, - в твоих словах что-то есть. - И потянул кортик с пояса.

Обнажив в ухмылке белые зубы, Фафхрд ухватился за рукоять своего длинного меча, легко скользнувшего из хорошо смазанных ножен.

- Между прочим, дрянцо в помещении, - дружески поддел его Мышелов.

Они осторожно подобрались к двери, стараясь держаться поближе к стенам, опустив рукоять пониже, задрав кверху острие. Фафхрд вступил внутрь, готовый нанести удар в любую сторону. Мышелов зашел чуть вперед. Уголком глаза Фафхрд успел заметить, что сверху на шею Мышелова падает какая-то змейка, и быстро поддел ее мечом. Она скользнула к нему, и Фафхрд подхватил ее левой рукой. Это оказалась удавка. Он резко дернул шнурок вбок, и душитель, державший другой его конец, свалился с карниза над головой. Он словно повис в воздухе на мгновение - смуглокожий бандит с длинными черными волосами в грязном камзоле из красной кожи, шитом золотой нитью. Подымая меч навстречу падающему телу, Фафхрд заметил, что Мышелов бросился на него, замахнувшись кинжалом. На миг ему показалось, что низкорослый друг его сошел с ума, но кинжал Мышелова, буквально на волосок не задев Фафхрда, отразил взметнувшийся за его спиной клинок.

Мышелов вовремя успел заметить, как в полу рядом с Фафхрдом откинулся потайной люк, из которого высунулся лысый вор с мечом в руке. Отразив направленный в собрата удар, Мышелов толкнул обратно тяжелую крышку люка, прихватив ею клинок и два пальца левой руки нырнувшего вниз вора. Все три объекта смачно хрустнули, даже приглушенный крышкой вопль снизу был достаточно красноречив. Падавший сверху вор, что накололся на длинный меч Фафхрда, был уже мертв.

На улице засвистели, у входа послышались шаги.

- Отрезают! - фыркнул Мышелов. - Удача нас ждет впереди. - Давай-ка в комнату Кроваса. Фиссиф скорей всего там. Следуй за мной!

И он припустил по коридору, потом по закрутившейся винтом лестнице. Фафхрд следовал за ним. На втором этаже, неподалеку от лестницы, в дверном проеме мерцал желтый огонек.

Мышелова несколько смущало, что им никто не препятствует. Острый слух его не мог более уловить за спиной звуки погони. На пороге он резко замер, так что Фафхрд налетел на него.

В стенах большой комнаты было несколько ниш. Пол и стены ее, как и во всем здании, были сложены из темного

грубого камня. Комнату освещали четыре глиняные лампы, беспорядочно расставленные на тяжелом кипарисовом столе; упершись рукой в его край, за столом сидел чернобородый мужчина в богатых одеждах. Он в крайнем изумлении взирал на медную шкатулку и кучку каких-то предметов. Но ни к странной недвижности его, ни к еще более странной позе им некогда было приглядываться. Все внимание их сразу же привлекла к себе рыжеволосая девица, оказавшаяся возле мужчины.

Она отпрянула от стола, словно испуганная кошка. Фахрэд указал на предметы в ее руке и воскликнул:

- Гляди-ка, Мышелов, вон череп! Череп и кости!

И действительно, на ладони тонкой изящной руки девицы покоился коричневый, древний по виду череп, занятно окоченный золотом, в глазницах его поблескивали громадные рубины, зубами служили алмазы и черненые жемчужины, а ее вторая рука сжимала две аккуратные связки костей, на которых что-то густо золотилось и сверкало красными искрами. Едва Фахрэд открыл рот, она обернулась и метнулась к самой большой нише, тонкий шелк облепил легкие ноги. Друзья бросились следом. Они заметили перед ней невысокую дверцу. Скользя в нишу, свободной рукой она ухватила свисавший с потолка шнурок и, не останавливаясь, качнув бедрами, потянула его. Складки толстого тяжелого бархата поглотили Мышелова и Фахрэда. Первым из них освободился Мышелов, червем скользящий по полу. Впереди сужалась полоска неяркого света, он бросился к ней, ухватился за край каменного блока, но щель сужалась, и он с проклятьем отдернул руку, потирая прищемленные пальцы. С легким скрежетом каменная панель захлопнулась.

Могучими плечами Фахрэд, словно плащ, приподнял тяжелый бархат. Свет из комнаты хлынул в нишу, на плотно уложенную ровную каменную стену. Мышелов начал было ковырять шов между камнями кинжалом и тут же бросил это занятие.

- Ча! Знаю я эти двери! Их отворяют либо издали, либо с другой стороны. Она улизнула вместе с черепом.

Он все еще сосал пальцы, которые лишь чудом не раздавило, и суеверно подумал: не наказание ли это за отбитые потайной дверью пальцы вора.

- Мы забыли про Кроваса, - раздвинув драпировки рукой и глянув назад через плечо, вдруг сказал Фахрэд.

Чернобородый словно не замечал происходившего. Медленно подобравшись к нему, они заметили, что смуглое лицо его стало пурпурно-синим, а глаза спящего выкатились вовсе не от удивления - просто он был удушен. Приподняв холеную напомаженную бороду, Фафхрд заметил грубые вмятины на горле - пальцами такие не оставишь, скорее ногтями. Мышелов оглядел стол. На нем были разложены ювелирные инструменты, рукоятки слоновой кости пожелтели от долгого применения. Он прибрал со стола кое-какую мелочь.

- Кровас уже выломал несколько зубов и три самоцвета с пальцев, - мельком заметил он, показывая Фафхрду три рубина, жемчужины и алмазы, что поблескивали на ладони.

Фафхрд кивнул, вновь приподнял бороду Кроваса, хмурясь поглядел на вмятины, уже начинавшие темнеть.

- Интересно, кто эта женщина? - рассуждал Мышелов. - Ведь ворам под угрозой смерти запрещено приводить сюда баб? Но, быть может, у Мастера-вора есть особые права, которыми иногда можно воспользоваться?

- Слишком часто пользовался, похоже, - пробормотал Фафхрд.

Тут Мышелов словно проснулся и принялся думать. Оно уже было наметил план спасения из Обители Воров - оставалось захватить Кроваса и пригрозить ему. Но мертвеца шантажировать трудно, точнее - невозможно. Едва открыв рот, чтобы заговорить с Фафхрдом, он слышал негромкие голоса и приближающиеся шаги. Не колеблясь, они нырнули в нишу, Мышелов пропорол в занавесах щель на уровне глаз, Фафхрд последовал его примеру.

Они услышали чей-то голос:

- Опять эта пара ускользнула, не оставив даже следа! Дверь в переулочек осталась открытой.

Первый из вошедших, обрюзглый и бледный, был явно испуган. Серый Мышелов и Фафхрд незамедлительно признали в нем Фиссифа. Его грубовато подталкивали в спину высокий невозмутимого вида тип с тяжелыми руками и большими ладонями. Мышелов знал и его: Слевьяс, стиснутые губы, - недавно назначен старшим лейтенантом Кроваса. В комнату ввалилась еще дюжина остальных воров, которые расположились вдоль стен. Это были воры-ветераны - рябые, испещренные шрамами лица, украшенные самыми разными увечьями, на всю дюжину нашлась и пара подбитых глаз. Они были настороже, держались скованно, кин-

жалы и короткие мечи были наготове. Воры внимательно разглядывали удушенного.

- Так, значит, Кровас действительно мертв, - сказал Слевьяс, подталкивая Фиссифа вперед, - по крайней мере эта часть твоей истории правдива.

- Дохлый как муха, - отозвался вор, подошедший ближе к столу, - теперь у нас будет хозяин получше. Довольно с нас чернобородого и его рыжей девки.

- Спрячь зубы, крыса, пока они еще целы! - холодно произнес Слевьяс.

- Но ты же теперь наш хозяин, - удивленно отвечал вор.

- Да, я теперь ваш хозяин, тут у тебя не может быть и тени сомнения, а потому советую тебе: мертвого вора ругать - пустая трата времени. А теперь, Фиссиф, скажи, где череп, украшенный самоцветами? Мы ведь знаем, что он дороже годового дохода всех наших карманников, а Гильдии Воров нужно золото. Говори и не ерунди более!

Осторожно оглядываясь через прорезанную щель, Мышелов удовлетворенно ухмыльнулся при виде страха на пухлом щекастом лице Фиссифа.

- Череп, мастер? - переспросил дрожащим замогильным голосом Фиссиф. - Наверняка улетел в гробницу, откуда мы его вырыли. В этом нельзя сомневаться. Раз эти костлявые руки смогли задушить Кроваса, что я видел собственными глазами, почему же черепу не летать?

Слевьяс ударил Фиссифа по лицу.

- Лжешь, воришка, мешок дерьма! Сейчас я тебе объясню, как все было на самом деле. Ты договорился с этими негодяями, Серым Мышеловом и Фафхрдом. Решил, что тебя никто не заподозрит, раз тебе было приказано двурушничать. Поэтому ты замыслил двойное двурушничество. Помог им избежать расставленной ловушки, помог убить Кроваса, а потом еще пугал нас всякой этой чушью: "Мертвые руки душат Кроваса". Такое бесстыдство!

- Но, мастер, - взмолился Фиссиф, - я же собственными глазами видел, как эти костлявые пальцы впились ему в горло. Они разгневались на него, когда он стал выламывать драгоценные камни, украшавшие их ногти...

Последовала очередная оплеуха, и объяснения вора закончились визгливым ворчанием.

- Дурацкая выдумка, - усмехнулся тощий вор. - Кости-то почему не рассыпались?

- Они нанизаны на медную проволоку, - кротно добавил Фиссиф.

- На! Стало быть, руки, удавив Кроваса, подхватили череп и смылись? - предположил другой вор. Послышались смешки. Слевьяс взглядом заставил всех умолкнуть, потом ткнул в Фиссифа большим пальцем.

- Связать ему руки, - приказал он.

Двое воров подошли к Фиссифу с боков, сопротивления он не оказал. Они свели его руки за спиной.

- Мы сделаем все как положено, - объявил Слевьяс, усаживаясь за стол, - открываю суд воров. Разберем все по порядку. Дело явно подлежит рассмотрению нашего Трибунала Воров. Фиссиф, карманник первого класса, получил задание ограбить священную гробницу в храме Вотишала, забрать из нее один череп и пару отрубленных кистей. В связи с некоторыми необычными сложностями Фиссифу было приказано объединить свои усилия с двоими особо одаренными чужаками, а именно северным варваром Фафхрдом и мерзким Серым Мышеловом.

За драпировками Мышелов сделал церемонный поклон и снова припал к прорези.

- После того как грабеж совершится, Фиссиф обязан был украсть добычу у обоих партнеров, сделав это раньше, чем сами они украдут ее у него.

Мышелову показалось, будто Фафхрд скрипнул зубами и невнятно ругнулся сквозь зубы.

- При возможности Фиссифу следовало убить обоих своих компаньонов, - продолжал Слевьяс. - В любом случае добычу он должен был передать самому Кровасу. Таковы, по словам Кроваса, были полученные Фиссифом инструкции. Теперь рассказывай свою историю, Фиссиф, только не надо этих бабьих сказок.

- Братья мои воры, - начал Фиссиф унылым и скорбным тоном.

Ответом ему были смешки. Слевьяс стуком призвал к порядку.

- Я в точности следовал этим инструкциям, - продолжил Фиссиф, - я разыскал Фафхрда и Мышелова и сумел заинтересовать их. Я согласился поровну разделить с ними добычу, по трети на каждого.

Фафхрд скосился на Фиссифа сквозь щель в драпировке и торжественно кивнул головой. Потом Фиссиф несколько

раз обругал Фафхрда и Мышелова, давая понять своим слушателям, что ни о чем не сговаривался с ними. Воры лишь угрюмо усмехались.

- А когда настала пора стибрить добычу из храма, - продолжал Фиссиф, голос его обрел уверенность, - оказалось, что их помощь почти не нужна.

Фафхрд снова выругался сквозь зубы. Он уже не в силах был молча слушать столь вопиющую ложь. Но Мышелов словно даже наслаждался ситуацией.

- Ты неумно выбрал время для хвастовства, - перебил вора Слевьяс. - Мы прекрасно знаем, что знаменитый тройной замок мог взломать лишь хитроумнейший Мышелов, а со стражем гробницы в силах справиться один лишь северянин.

Тут Фафхрд почувствовал легкое удовлетворение. Фиссиф же совсем увял и покаянно склонил голову. Воры стали потихоньку подступать поближе.

- И тогда, - закончил Фиссиф уже в тихой панике, - пока они спали, я выкрал добычу и поспешил в Ланхмар. Я не осмелился убить кого-то из них, чтобы не разбудить второго. И награбленное я представил Кровасу, он похвалил меня и начал выламывать самоцветы. Вот и бронзовая шка-тулка, в которой находились и череп и кости. - Он показал на стол. - А что случилось потом... - Он умолк, облизнул губы, испуганно огляделся и тихо добавил с отчаянием в голосе: - Потом все и случилось - так, как я уже говорил.

Воры в негодовании тесно обступили его.

Но Слевьяс остановил их... строго стукнув по столу. Казалось, он что-то обдумывает.

В комнату вбежал еще один вор и метнулся к Слевьясу:

- Мастер, - выдохнул он, - Муулш только что дал знать с крыши напротив выхода в переулок, что, хотя дверь была открыта всю ночь, никто не входил и не выходил! Оба чужака могут быть здесь!

Реакция Слевьяса на новость была почти незаметной. Он поглядел на вестника, а потом медленно, словно инстинктивно, стал поворачивать бесстрастное лицо, пока наконец его бесцветные небольшие глаза не уставились на тяжелые драпировки, скрывавшие нишу. Но пока он собирался отдать приказ, драпировки взметнулись, словно поднятые могучим вихрем. На мгновение они взлетели вверх, распластались по потолку, а под ними к Слевьясу устреми-

лись двое с мечами. Высокий медноволосый варвар рвался прямо к нему.

С неожиданной для своих размеров ловкостью Слевьяс нырнул - или скользнул - под стол, и громадный длинный меч варвара только глубоко рассек крышку стола, за которым мгновение назад сидел Мастер Воров. С пола он видел, как, оторопев, отступали его приближенные, один из них уже рухнул, сраженный ударом. Фиссиф, соображавший быстрее прочих, понял, что жизнь его теперь в опасности с двух сторон, схватил кинжал и метнул его в нападавших. Бросок не удался, кинжал полетел рукоятью вперед. Но направлен был он метко. Слевьяс видел, как он ударил сбоку в голову рослого варвара, слегка оглушив его. Тогда Слевьяс вскочил на ноги, обнажил меч и организовал погоню. Через какое-то мгновение комната опустела, лишь мертвый Кровас разглядывал опустевшую медную шкатулку, являя собой жестокую карикатуру на удивление.

Серый Мышелов знал Обитель Воров... ну не как свои пять пальцев, но достаточно неплохо, и он вел вперед Фафхрда неожиданным для погони путем. Они огибали каменные углы коридоров, поднимались и спускались по лестницам, невысокие ступеньки которых объединялись то по две, то по три, чтобы труднее было понять, на каком этаже находишься. Наконец он обнажил свой тонкий меч по имени Скальнел и стал сбивать им попадавшие на пути свечи и настенные факелы, чтобы смутить погоню, пересвистывающуюся за спиной. Фафхрд споткнулся, но восстановил равновесие.

Двое полуодетых воров-учеников выставили головы из полуоткрытой двери. Грохнув ею им прямо в лицо так, что они еле успели отшатнуться, Мышелов махнул вниз по завивающейся лестнице. Он направлялся к третьему выходу, который, по его мнению, охранялся хуже.

- Если мы разделимся, встреча в "Серебряном Утре", - бросил он Фафхрду, имея в виду таверну, завсегдатаями которой они были.

Северянин кивнул, головокружение начинало проходить, но голова еще болела, и он не сумел точно рассчитать высоту низкой арки, под которую скользнул Мышелов, спустившись, должно быть, еще на две ступени, и голове его пришлось встретить новый удар, оказавшийся не слабее нанесенного рукоятью кинжала. Свет померк в глазах, все за-

кружилось вокруг. Мышелов откуда-то звал его: "Сюда! Вдоль стены, держись левой рукой". Пытаясь не потерять сознание, он устремился в узкий коридор, который указал ему Мышелов. Фафхрду казалось, что друг следует за ним.

Но Мышелов на мгновение опоздал. Погони еще не было видно, но караульный, обязанный следить за этим проходом, заслышав свист, постарался оторваться от партии в кости в тесном кругу друзей. Мышелов резко нырнул, едва почувствовал на своих плечах искусно брошенную удавку, но все-таки недостаточно скоро. Веревка безжалостно стиснула ухо, щеку и скулу и повалила его. Скальпель немедленно перерезал удавку, но караульный успел выхватить меч. Считанные мгновения Мышелову пришлось обороняться лежа - отбивая сверкающее острие едва не у собственного носа, одно это могло сделать его косоглазым. Но при первой же возможности он вскочил, оттеснил противника на дюжину шагов вихревой атакой, в которой Скальпель казался не одним - тремя, а то и четырьмя мечами, и, наконец, пресек все крики о помощи режущим ударом в горло.

Задержка оказалась существенной. Пока Мышелов стягивал удавку со щеки и рта, который веревка стянула во время недолгой схватки, из-под арки вынырнул первый вор из компании Слевьяса. Тут Мышелов внезапно припустил по главному коридору подальше от пути, который избрал Фафхрд. В голове его мелькало с полдюжины вариантов. Едва завидев его, компания Слевьяса разразилась победными криками, спереди тоже послышался свист. Он решил, что надежнее всего будет чувствовать себя на крыше и метнулся в боковой коридор. Он надеялся, что Фафхрд успел ускользнуть, и все-таки состояние друга беспокоило Мышелова. В том, что касалось его самого, он был совершенно уверен и считал, что сумеет улизнуть, даже если бы по перепутанным коридорам металось раз в десять больше воров, чем сейчас. Мышелов прибавил шагу, ноги его в мягкой обуви бесшумно ступали по истертым камням пола.

Неизвестно, сколько времени спустя Фафхрд очутился в полной темноте, пока понял это и, чтобы не упасть, оперся о что-то похожее на стол, и попытался припомнить, как случилось ему столь прискорбным образом заблудиться. Череп его пульсировал и раскалывался от боли, припомнить удавалось лишь какие-то несвязные эпизоды. Он помнил, как полетел с лестницы, как приналег на стенку из резного

камня и как она безмолвно подалась под его весом и пропустила его внутрь.

Потом его жутко рвало, это он помнил, затем какое-то время он, кажется, был без сознания, - помнил еще, что полз на локтях и коленях через груды полусгнивших бочонков и рулонов ткани, а перед этим лежал простертым на камне. Он был уверен, что ударился головой по меньшей мере еще раз: под перепутанными влажными волосами он нащупал пальцами по крайней мере три отстоящих далеко друг от друга шишки. Чувства его в этот момент ограничивались одним лишь тупым ровным гневом на обступившие его со всех сторон тяжелые каменные глыбы. Примитивное воображение варвара уже почти наделило их сознанием: желанием напасть на него, преградить путь, в какую бы сторону он ни направился. Конечно, он понимал, что успел напутать в несложных указаниях Мышелова. Какой же стены велел ему держаться Серый? И где же он сам? Похоже, в очередной потрясающей заварушке.

Не будь воздух вокруг него столь сух и жарок, он, конечно, сумел бы сориентироваться. А здесь все было не так. В глубоком погребке - а ведь он все время спускался - воздух должен быть совсем иным. Прохладным и влажным. А вокруг было сухо и жарко. Он провел рукой по деревянной панели, на которую опирался, ощутил под пальцами густую пыль. Толстый слой ее вдобавок к непроницаемой тьме и глубокому безмолвию, свидетельствовал, что в этой части воровской Обители давно никто не бывал. На мгновение ему припомнилась каменная гробница, из которой они с Мышеловом выкрали украшенный драгоценностями череп. Облачко легкой пыли коснулось ноздрей, он чихнул и тронулся с места.

Нащупав стену, Фифхрд попытался припомнить, с какой же стороны приближался сюда, но сделать это он не смог и отдался на волю случая. Двигался он медленно, нащупывая путь то рукой, то ногой.

Спасла его осторожность. Один из камней под ногой вдруг подался, и северянин отпрянул назад. Что-то со скрежетом лязгнуло, откуда-то снизу донеслись два глухих удара. Воздух дунул ему в лицо. Он подождал немного и осторожно протянул руку во тьму. Ладонь его наткнулась на ржавую металлическую полосу, оказавшуюся перед ним на уровне

плеча. Тщательно ощупав ее, он обнаружил, что выходит она из отверстия в левой стене, а заканчивается острием справа. Подробное исследование обнаружило еще один клинок - ниже первого. Он понял, что глухие удары внизу вызвали противовесы, рухнувшие вниз, едва он наступил на податливую плиту, и выдвинули острия из гнезд в стене. Один только шаг еще, и они пронзили бы его насквозь. Потянувшись за мечом, он обнаружил, что ножны пусты, и принялся с их помощью выламывать клинки из стены. Потом повернулся и направился обратно к покрытому пылью столу. Но и противоположная стена привела его вновь в тот же коридор, где только что его едва не проткнуло насквозь. Он покачал раскалывавшейся от боли головой и сёрдито выругался: огня и всего, чем можно было бы зажечь, у северянина не было. Что дальше? Неужели он попал в этот тупик тем же самым путем, каким-то чудом миновав ловушку. Иного ответа не оставалось, и ворча он направился вперед, расставив обе руки и ощупывая ими стену, так чтобы сразу понять, когда откроется поперечный ход, и надежнее определить его направление. Некоторое время спустя он подумал, что, быть может, ввалился в комнату из прохода, обрывавшегося на уровне глаз, но упорство не позволило ему возвратиться назад вторично.

А потом нога его нащупала пустоту, оказавшуюся началом ведущей вниз лестницы. Через двадцать ступеней до воздрей его донесся сухой затхлый запах, поднимавшийся снизу. Еще через двадцать ступеней запах стал напоминать ему о некоторых склепах в пустынях Восточных земель, в нем ощущался какой-то еле заметный оттенок мертвечины. Сухая кожа северянина ощущала жару. Он вытащил из-за пояса длинный нож и медленно и тихо стал продвигаться вперед.

Лестница окончилась на пятьдесят второй ступеньке, стенки боком разошлись. По движению воздуха он понял, что попал в большой зал. Он немного прошел вперед, вздымая сапогами облака тонкой пыли. Над его головой что-то тихо постукивало и хлопало. Дважды его щеки коснулось нечто небольшое и твердое. Он припомнил населенные летучими мышами пещеры, где ему приходилось бывать. Но едва слышные звуки, хотя и во многом напоминали их обиталища, принадлежали явно не летучим мышам. Волосы на затылке северянина стали дыбом. Но, изо всех сил на-

прягая глаза, варвар видел только хаотичные яркие точки, обычные в угольной тьме.

Нечто вновь прикоснулось к его лицу... На этот раз Фафхрд был готов к этому. Он быстро взмахнул руками... и едва не выпустил то, что ухватили его пальцы: в руке оказался череп крохотного зверька.

Разум его не верил в существование крылатых скелетов, порхающих взад и вперед в громадном зале. Существо это, вне сомнения, умерло, зацепившись за крышу над головой, и скелетик его свалился, когда он появился здесь. Но он уже не пытался более поймать источники этого легкого потрескивания.

Потом до него начали доноситься и несколько иные звуки - отчетливые пронзительные голоса, слишком высокие для человеческого уха, а потому едва слышные. Были они реальны или нет, крики эти порождали панику в душе. И Фафхрд вдруг обнаружил, что кричит во всю глотку:

- Говори же! Что ты там скулишь и визжишь? Объявись!

Но лишь слабые отголоски собственного голоса доносились до него, свидетельствуя, что он и впрямь в большом зале. Потом воцарилось молчание, примолк даже непонятный шелест, затаился в воздухе. Лишь спустя двадцать или более биений могучего сердца северянина, молчание было нарушено вовсе не понравившимся Фафхрду образом.

Где-то впереди зашелестел слабый, тонкий, бесстрастный голос:

- Здесь северянин, братья, долговолосый неотесанный варвар из Холодных Краев.

Похожий голос отозвался чуть сбоку:

- В наше время такие типы частенько попадались на пристанях. Мы подпавляли их, а потом крали золотую пыль из кисетов. Уж мы-то были искусными ворами, непревзойденными умельцами и хитрецами.

А потом раздался третий голос:

- Смотрите, он потерял свой меч, братья, и держит в руке раздавленную летучую мышь.

Желание крикнуть, развеять своим голосом всю невероятную чушь, выбраться из невыслимого спектакля умерло, едва родившись. Фафхрд вдруг удивился: откуда этим неизвестным созданиям известен его облик и что он держит в руке, раз вокруг угольная тьма.

Уж он-то прекрасно знал: в полной тьме слепы даже коты и совы. По спине его пополз холодок.

- Череп летучей мыши вовсе не череп человека, - снова раздался как будто первый голос.

- Это один из той самой тройки... они вернули череп нашего брата из храма Вотишала. Но черепа при нем нет.

- Столетия томилась украшенная драгоценностями голова нашего брата в проклятом святилище Вотишала, - проговорил четвертый, - а те, что наверху, выкрали череп, но не спешат возвратить его в наше общество. Они хотят выломать его блистающие глаза и продать их за грязные монеты. Нынешние воры - ничтожества, лишенные веры и погрязшие в жадности. Они забыли нас, своих древних собратьев и полностью обратились ко злу.

В голосах этих было нечто дальнейшее и мертвенное, они словно порождали в душе пустоту. Бесстрастные голоса таили в себе странную печаль и угрозу: то ли слабый и безнадежный вздох, то ли еще более тихую леденящую усмешку. Фафхрд крепко сжал кулаки, и крошечный скелетик распался в руке на мелкие осколки, которые он по-прежнему отбрасывал. Он попытался собрать все свое мужество и шагнуть вперед, но не мог двинуться.

- Не подобает, чтобы на долю нашего брата выпала столь унижительная участь, - отозвался первый голос, в котором смутно слышалась властность, - внемли же нашим словам, о сверянин, и внемли им внимательно.

- Гляньте-ка, братья, - вмешался второй голос, - как варвар испуган, как оттирает рот своей громадной ладонью. Вон, зубами впился в костяшки от страха.

Услышав столь точное описание собственных действий, Фафхрд задрожал, словно в душе его ожили детские страхи. Он вспомнил первые помыслы о смерти, вспомнил, как впервые следил за кошмарным обрядом похорон в Холодных Краях, как со всеми родственниками молился Косу и безымянному богу судьбы. И тогда вдруг ему показалось, что он различает нечто в угольной тьме. Глазам его предстало какое-то как будто бессмысленное скопление неясных тусклых огоньков, но среди них на уровне головы светилось немало парных, отстоящих друг от друга не более чем на палец. Одни из них были глубокого красного цвета, другие - зеленые, третьи - бледно-голубые, словно сапфиры. И он сразу же будто наяву увидел рубиновые глаза выкраденного

из храма Вотипаля черепа, того самого, который по уверениям Фиссифа придушил Кроваса прилагавшимися к нему костяными руками. Световые точки стягивались поближе и медленно, очень медленно подступали к нему.

- Северянин, - продолжал первый голос, - знай, что мы древние мастера-воры Ланхмара и жаждем соединиться с потерянным разумом, что обретался в черепе брата нашего Охмпхала. Тебе следует принести его нам, прежде чем наверху воссияют звезды следующей полуночи. Иначе мы отыщем тебя, и жизнь твоя пресечется.

Пары цветных огоньков приближались, и Фафхрду казалось, что он слышит шелест легких, почти невесомых шагов. Он вспомнил пурпурные вмятины на горле Кроваса.

- Ты должен принести череп, ты обязан сделать это, - отголоском прошелестел второй голос.

- Не забудь - до следующей полуночи, - добавил другой.

- Все камни должны быть на черепе, не смей утаить ни единого.

- Да вернется брат наш Охмпхал.

- Но если ты подведешь нас, - шепнул первый голос, - мы сами придем за черепом... и за тобой.

А потом они словно обступили его, выкрикивая: "Охмпхал, Охмпхал", - теми же мерзкими голосами, не ставшими ни громче, ни ближе. Фафхрд конвульсивно выбросил вперед руки и прикоснулся к чему-то сухому, твердому и гладкому. Задрожав, словно перепуганный конь, он обернулся и припустился изо всех сил, задержался на мгновение, споткнувшись о каменный порог, и понесся по лестнице вверх, перепрыгивая через три ступеньки сразу, спотыкаясь и разбивая локти о стены.

Жирный вор Фиссиф безутешно бродил по большой подвальной комнате с низким потолком, темной и заваленной всяким хламом, пустыми бочонками и штуками полусгнившей ткани. Он пожевывал успокаивающий орешек, пятнавший синевой его губы, струйка слюны сочилась по двойному подбородку; то и дело он горестно вздыхал. Фиссиф прекрасно понимал, что положение его в Гильдии Воров поставлено теперь под сомнение, даже учитывая дарованную Слевьясом отсрочку. Он припомнил жадный огонек в глазах

Слевьяс и поежился. Одиночество в погребѣ не вдохновляло, но все же заточение было приятнее осуждающих и угрожающих взглядов братьев по профессии.

Донесшаяся вдруг до него неровная поступь заставила вора подавиться одним из собственных монотонных вздохов... и он проглотил жвачку вместе с ним. Из тени возникло пугающее видение. Фиссиф признал в нем северянина, Фафхрда... Однако вид у него был незавидный: лицо бледное и мрачное, волосы и одежда растрепаны, покрыты серой пылью. Двигался он как человек либо глубоко потрясенный, либо глубоко ушедший в собственные думы. Понимая, сколь золотая открывается перед ним возможность, Фиссиф ухватил тяжелый стержень, что служил грузом для шпалер и оказался под рукой, и, неслышно ступая, отправился следом за вавшим в раздумья северянином.

Фафхрд только-только сумел убедить себя, что странные голоса, от которых он в панике бежал, были порождены его собственным мозгом, лихорадкой и головной болью. В конце концов, рассуждал он, от удара по голове частенько видишь искры в глазах, а в ушах при этом неотрывно звенит; он должно быть, совсем потерял сознание, раз так легко заблудился в этой темноте. Легкость, с какой он отыскал на этот раз путь обратно, доказывала это. Теперь оставалось одно: убираться из этого грязного логова. Спать нельзя. Дом полон воров, все они разыскивают его, и встречи с ними можно ожидать за любым углом.

Едва он потряс головой, чтобы прийти в себя, на его прочный череп обрушился шестой за эту ночь удар. Самый сильный.

На известие о поимке Фафхрда Слевьяс отреагировал не совсем так, как того ожидал Фиссиф. Он не улыбнулся. Даже не поднял глаз от блюда с холодным мясом, стоявшего перед ним. Он просто пригубил бледно-желтого вина и принялся задумчиво жевать.

- Где череп с камнями? - отрывисто спросил он между двумя глотками.

Фиссиф объяснил ему, что северянин мог спрятать его или потерять где-нибудь в нижних ярусах погребов. Тщательный их обыск мог бы дать ответ на этот вопрос. Или же череп остался у Серого Мышелова...

- Ты убил северянина? - спросил Слевьяс, немного помолчав.

- Ну не совсем, - гордо отвечал Фиссиф, - просто перетряхнул ему все мозги.

Фиссиф ожидал похвалы, дружеского кивка, но ответом ему был холодный, пронизывающий взгляд, смысл которого невозможно было понять. Слевьяс тщательно прожевал очередной кусок мяса, проглотил его, а потом основательно запил вином. И все это время глаза его были прикованы к Фиссифу.

Наконец он сказал:

- Если бы оказалось, что ты убил его, тебя сейчас уже пытали бы. Видишь ли, пузан, я не доверяю тебе. Слишком многое свидетельствует против тебя. Если ты стоворился с ними, смерть северянина скрыла бы твое предательство. Может быть, ты и попытался сделать это. К твоему счастью, у него крепкий череп.

Деловой тон остановил возражения Фиссифа. Слевьяс допил остатки содержимого своего кубка, откинулся назад и махнул ученикам, чтобы уносили посуду.

- Северянин пришел в себя? - отрывисто спросил он.

Фиссиф кивнул и добавил:

- Он словно бы в лихорадке. Рвется из пут и что-то бормочет. Что-то неразборчивое насчет завтрашней полночи. Трижды повторил он эти слова. А все остальное - на своем чужестранном языке.

Вошел тощий крысоухий вор.

- Мастер, - сказал он, подобострастно склоняясь, - мы нашли Серого Мышелова. Он сидит в таверне "Серебряный Угорь". Несколько наших наблюдают за ним. Захватить его или убить?

- Череп при нем? Или шкатулка, в которой можно его уместить.

- Нет, мастер, - отвечал вор скорбно, склоняясь еще ниже прежнего.

Слевьяс минуту подумал, а потом жестом велел ученику принести пергамент и черные чернила из каракатицы. Написав несколько строк, он бросил Фиссифу:

- Так что же за слова бормотал северянин?

- "К завтрашней полночи", мастер, - отвечал Фиссиф, с уместным в данной ситуации подобострастием.

- Все складывается просто великолепно, - проговорил

Слеваясь, тонко улыбаясь, словно иронию мог понимать лишь он сам. Перо его порхало по жесткому пергаменту.

Серый Мышелов сидел, прислонившись спиной к стене, за избитыми кружками и залитым вином столом в "Серебряном Угре", нервно перекатывая между большим и указательным пальцами один из рубинов, что он взял со стола Кроваса. Небольшая чаша сдобренного горькими травами вина была еще наполовину полна. Взгляд его безостановочно метался по пустой комнате, мерил расстояние между четырьмя крошечными, почти под потолок, оконными проемами, что впускали в комнату зябкий туман. Он поглядел на жирного хозяина постоялого двора в кожаном переднике, отчаянно храпевшего на стуле близ короткой лестницы, ведущей к двери наверх. Вполуха прислушался к несвязному сонному бормотанию двух солдат за столом напротив; зажав в лапищах огромные кружки, они откровенничали спьяну: открывали друг другу древние стратагемы, вспоминали об отважных походах.

Почему нет Фафхрда? Пока великан еще не опаздывал - ведь со времени появления Мышелова у "Серебряного Угря" свеча укоротилась только на полдюйма. Но теперь Мышелову уже не доставляло удовольствия перебирать в памяти подробности полного опасностей бегства: сперва рывок на крышу, а потом на другую, на третью... короткую схватку меж печных труб. О боги беспокойства! Кажется, пора снова отправляться на поиски своего компаньона, в логово, где кишмя кишат воры с обнаженными ножами и алчущими глазами. Он резко сдвинул пальцы - поблескивая красными искорками, рубин вишневой косточкой взлетел к потолку, - потом поймал его на лету другой рукой, словно ящерица муху. И вновь подозрительно уставился на храпевшего с открытым ртом на стуле расплывшегося хозяина постоялого двора.

Уголкем глаза он успел заметить, как в небольшом затуманенном прямоугольнике окна блеснул крошечный стальной посыльный. Инстинктивно Мышелов отпрянул в сторону. Но в этом не было необходимости. Кинжал вонзился в крышку стола чуть поодаль, на расстоянии протянутой руки. И, как показалось тогда самому Мышелову, он долго сидел, готовый вскочить. Но гулкий стук не пробудил хозяина и не потревожил солдат, один из которых теперь тоже храпел. Тогда Мышелов потянулся и левой рукой выдернул

кинжал. Спереди на клинок была намотана полоска пергамента; развернув ее, Мышелов урывками, стараясь не открывать осторожного взгляда от окон, прочел строчки, набросанные неровными ланхмарскими рунами.

Смысл послания был таков: "Если до завтрашней полночи ты не принесешь украшенный самоцветами череп в комнату, что принадлежала Кровасу и где хозяин теперь Слевьяс, мы начнем убивать северянина".

Следующим вечером туман вновь вполз в Ланхмар. Звуки глохли в нем, таяли факелы в обрамлении ореолов. Было еще не поздно, хотя полночь уже приближалась и улицы полны были суетящихся лавочников и ремесленников, хохочущих после первой чарки, да отпускиников-матросов, разыскивающих первую же податливую служанку. На улице рядом с той, где находилась Обитель Воров, - называлась она улицей Торговцев Шелком - толпа начинала редеть. Купцы закрывали лавки, время от времени обмениваясь с конкурентами шумными приветствиями и проникательными вопросами, промеряющими глубины торговли. Несколько купцов с любопытством глядели на узкий каменный дом, что тонул в громадной тени воровской Обители, в узких щелях верхних окон его сиял теплый свет. Там со слугами и наемной охраной жила некая Ивлиса, рыжеволосая девушка, иногда плясавшая перед властителями... к ней относились с уважением, не столько по этой причине, а потому, что, как говорили, была она любовницей мастера Гильдии Воров, от которой откупались торговцы шелком. Но в тот самый день прошел слух, что старый мастер умер, а на место его заступил новый. И торговцы шелком рассуждали, останется ли Ивлиса в фаворе и не в страхе ль затворилась дома?

К ним, изогнутой клюкой нащупывая щели между гладкими камнями мостовой, подошла хромая старушонка. В черном платке на голове и черном плаще она казалась частью ночного тумана, и один из купцов едва не столкнулся с нею, не сразу заметив ее в сумраке. Он помог ей обойти грязную лужу и, сочувственно ухмыляясь, выслушал жалобы на щербатую мостовую и множество бед, отовсюду грозящих бедной старой женщине. Она отправилась дальше со старческим бормотанием на губах: "Идти, надо идти, оста-

лось еще чуть-чуть. Надо быть осторожной. Старые кости так хрупки, так хрупки".

Ученик красильщика второпях неловко врезался прямо в нее и отправился дальше, даже не глянув, устояла ли на ногах старуха. Но не успел он сделать и двух шагов, как меткий пинок обрушился на его спину. Он неуклюже обернулся, но заметил лишь семенившую прочь согбенную фигуру, неуверенно постукивавшую клюкой. Глаза и рот его широко открылись, невольно он сделал несколько шагов назад, не без суеверного страха почесывая затылок. А ближе к ночи отдал матери половину своего заработка.

Старуха остановилась перед домом Ивлисы, несколько раз неуверенно поглядела на освещенные окна, словно зрение отказывало ей, а потом с трудом поднялась на несколько ступеней к двери и слабо постучала в нее клюкой. Подождав немного, она постучала снова и выкрикнула раздраженным высоким голосом:

- Впустите меня, впустите! Я несу весть от богов обитательнице этого дома. Эй там, внутри, впустите меня!

Наконец отворилось окошко в двери, и хриплый глубокий голос произнес:

- Убирайся, старая ведьма. Сегодня сюда никто не войдет.

Но старуха продолжала упрямо твердить:

- Впустите меня, говорю. Я вижу будущее. На улице холодно, туман леденит мое старое горло. Впустите меня. Этой ночью, хлопая крыльями, ко мне прилетела летучая мышь и поведала о зловещих предзнаменованиях, сулящих беду этому дому. Мои старые глаза умеют видеть то, чего еще нет. Впустите меня, говорю.

В окне над дверью обрисовалась стройная женская фигура и тут же исчезла. Словопрения привратника со старухой длились еще какое-то время. Потом с лестницы в доме послышался мягкий грудной голос.

- Впусти ведунью. Она ведь одна. Я поговорю с нею.

Дверь слегка приоткрылась, и фигура в черном плаще протиснулась внутрь. Дверь немедленно захлопнули и наложили засовы.

Серый Мышелов поглядел на троих телохранителей, что наготове застыли у двери в потемневшем зале. У каждого - два коротких меча. Они явно были не из Гильдии Воров и держались настороже. А потому Мышелов не забывал

астматически чихать, горбиться и, по-старушечьи привизгнув, поблагодарил открывшего ему дверь.

Стража отступила с нескрываемым отвращением на лицах. Вид у Мышелова был отменный - все лицо его покрывала хитрая смесь жира и серого пепла, усеянная уродливыми бородавками из воска, на лоб спадали седые клочья волос со скальпа самой настоящей ведьмы - так уверял его Лаавьян - цирюльник, что продал парик, укрывавший теперь шевелюру искателя приключений.

Мышелов медленно ковылял по лестнице, тяжело опираясь на клюку и останавливаясь через каждую пару шагов якобы отдышаться... Ползти вот так улиткой было трудно, особенно когда до полуночи оставалось уже так немного времени. Но сегодня он уже трижды пытался попасть в этот надежно охраняемый дом и прекрасно понимал, что даже легкая неловкость мгновенно выдаст его, но прежде чем он успел осилить пол-лестницы, грудной голос наверху отдал распоряжение, и темноволосая служанка в черном шелковом одеянии заторопилась на помощь ему, бесшумно ступая босыми ногами по камням пола.

- Ты очень добра к старухе, - проскрипел он, с удовольствием погладив нежную руку, подхватившую его под локоть. Вдвоем они пошли вверх быстрее. В мыслях Мышелова был только украшенный самоцветами череп. Ему даже смутно казалось, что он видит дрожащий яйцевидный коричневатый контур над лестницей. Этот череп открывал ему путь в Обитель Воров, путь к спасению Фафхрда. Конечно, едва ли Слевьяс, получив череп, сразу же освободит друга. Но с черепом в руках Мышелов сумеет поторговаться. Иначе - придется штурмовать логово Слевьяса, и вору будут уже наготове. Вчера ночью счастье и обстоятельства были на его стороне. Второй раз такому не повториться. Пока эти мысли ворочались в голове Мышелова, он глухо бормотал и скулил что-то о высоте лестницы и негнущихся старушечьих суставах.

Служанка провела его в комнату, пол которой был устлан коврами, а стены задрапированы шелком. С потолка на тяжелых бронзовых цепях свисала погашенная медная лампа с чеканным туловом. Слабый свет и легкий аромат струились от расставленных на столиках бледно-зеленых свечей. Здесь были кувшинчики с благовониями, низкие пузатые горшочки с притираниями и прочие предметы туалета.

Посреди комнаты стояла рыжеволосая девица, которую он видел уносящей череп из комнаты Кроваса. Была она в платье из белого шелка. Блестящие волосы ее багровели цветом осенней листвы и были высоко подколоты золотыми шпильками. Теперь он мог разглядеть ее лицо, в особенности жесткий взгляд желто-зеленых глаз, так не вяжущийся с пухлыми мягкими губами и золотистой кожей. В напряженной позе ее он почувствовал беспокойство.

- Ты читаешь будущее, старуха? - вопрос звучал как приказ.

- По руке и волосу я читаю судьбу! - отвечал Мышелов, добавляя к старушечьему фальцету загробную нотку. - По ладони, и сердцу, и глазу. - Он заковывал вперед к девице. - Да и мелкая живность поверяет мне свои секреты. - Тут он внезапно выхватил из-под плаща черного котенка и ткнул им чуть ли не в лицо девицы. От неожиданности та отшатнулась и взвизгнула, но он успел заметить, что жест этот утвердил ее во мнении, что перед нею настоящая ведьма.

Ивлиса отослала служанку, и Мышелов поторопился использовать предоставившуюся возможность, пока не улетучился почтительный трепет в душе девицы. Он заговорил о судьбе и роке, о предзнаменованиях, зловещих и добрых, о деньгах, о любви и о путешествиях по воде. Зная обычные среди танцовщиц Ланхмара суеверия, он играл на них, как на флейте. Помянул "случайного знакомого с черной бородой", что умер вчера или умрет сегодня, не называя, конечно, его имени, чтобы слишком точным предсказанием не заронить подозрений. Он сплетал факты, догадки и обобщения во впечатляющую воображение сложную паутину.

Наконец нездоровое стремление заглянуть в неизвестное будущее победило, и, закусив нижнюю губу, девица склонилась вперед, тяжело дыша и перебирая тонкими пальцами. Поспешные вопросы в основном касались жестокого рослого мужчины с холодным лицом, в котором Мышелов признал Слевьяса, и еще - покидать ей Ланхмар или нет.

Мышелов потоком изливал слова, не забывая время от времени кашлянуть, чихнуть или заклохтаться для вящей убедительности. Временами ему уже и впрямь начинало казаться, что уста его - уста ведьмы, исторгающие отвратительные откровения.

Но ум его неотступно занимали мысли о Фафхрде и

черепе, он понимал, что полночь близится. Он уже многое узнал от Ивлисы, в том числе и главное - она ненавидела Слевься больше, чем боялась его. Но выяснить самое важное пока не удавалось.

А потом Мышелов заметил кое-что, весьма ободвившее его. За спиной Ивлисы между двумя шпалерами виднелся кусочек стены, и одна из составлявших ее крупных панелей казалась не на месте. Вдруг он понял, что по размерам, форме и весу этот камень не отличается от камня в комнате Кроваса. Так вот где, с надеждой подумал он, другой конец хода, по которому тогда ускользнула Ивлиса. Вот каким в воровскую Обитель придется ему отравляться путем, с черепом или без него.

Не решаясь более тратить попусту время, Мышелов разыграл несложную сценку. Он вдруг застыл, ущипнул котенка за хвост, чтобы тот мяукнул, с шумом припнулся несколько раз, скорчил ужасную рожу и объявил:

- Кости покойника! Чую мертвецкий дух!

Ивлиса задержала дыхание и быстро глянула на свисавшую с потолка медную лампу, оставшуюся незажженной. Мышелов прекрасно понял, что означает этот взгляд.

На миг удовлетворение отразилось на его лице. Ивлиса, видно, сообразила, что ее заставили выдать себя. Она внимательно посмотрела на него. Суеверное возбуждение сошло с ее лица, глаза вновь обрели жесткость.

- Ты - мужчина! - вдруг выпалила она и с яростью добавила: - Тебя подослал Слевься!

С этими словами она выдернула одну из длинных, не короче кинжала, шпилек и бросилась на него, целя в глаза. Уклоняясь, он перехватил ее кисть левой рукой, а правой зажал ей рот. Борьба была недолгой и бесшумной - ковер, по которому они катались, был достаточно толстым. Когда наконец девица оказалась надежно связана полосами шелка от портьер, а рот ее был надежно заткнут кляпом из того же материала, Мышелов первым делом прикрыл дверь на лестницу, а потом потянул за каменную панель, открывшую узкий проход, как он этого и ожидал. Ивлиса жгла его взглядом, даже сам взгляд ее сквернословил, и отчаянно извивалась, безуспешно пытаясь освободиться. Он понимал, что времени на объяснения нет. Подхватив свое несуразное одеяние, он проворно подпрыгнул к лампе, поймал ее за край. Цепи выдержали, он подтянулся, заглянув за обод.

Внутри уютно поблескивали драгоценными камнями коричневатый череп и костистые кисти.

Верхняя полость хрустальных водяных часов была почти пуста. Фафхрд невозмутимо наблюдал, как медленно образуются на перемычке капли, как падают они в нижнюю полость. Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Ноги его были связаны от колен до лодыжек, руки за спиной стянуты не менее излишним количеством веревок, все тело его затекло. По обе стороны от него сидели на корточках вооруженные воры.

Полночь настанет, когда в верхней полости не останется ни капли. Время от времени взгляд его обращался к темным безликим физиономиям тех, что сидели за столом, на нем и стояли часы, а еще были разложены кое-какие любопытные инструменты пыток... Физиономии принадлежали гильдийской знати, людям со впалыми щеками и лукавыми глазами, соперничавшим друг с другом роскошью и засаженностью одеяний. Колышущееся пламя факелов бросало тень на грязные алые и пурпурные ткани, потемневшую вышивку золотом и серебром. Но за этими бесстрастными лицами Фафхрд чувствовал неуверенность. Лишь Слевьяс, занявший кресло покойного Кроваса, казался истинно спокойным и выдержанным. Почти непринужденным тоном он допрашивал склонившегося перед ним в униженном поклоне вора из малых.

- Неужели ты действительно такой трус, каким хочешь казаться? - насмешливо удивлялся он. - И ты хочешь заставить нас поверить в то, что боишься пустого погреба?

- Мастер, я не трус, - умолял вор, - я проследил отпечатки следов северянина в пыли по всему узкому коридору, почти до конца древней лестницы, ныне позабытой, но живому человеку не дано без ужаса слышать эти странные высокие голоса, этот треск костей. Сухой воздух душил меня, а еще ветер задул факел. А вокруг хохотали. Мастер, да я бы украл самоцвет из колец свернувшейся кобры, если бы ты приказал мне это сделать. Но заставить себя сойти вниз в эту тьму я не смог.

Фафхрд заметил, как сжались губы Слевьяса, и ждал уже, что тот объявит презренному вору приговор, но вмешалась сидевшая вокруг стола знать.

- А за его рассказом, может, что-то и кроется, - заметил один, - в конце концов откуда нам знать, что может оказаться в этих погребках, где заплутал северянин.

- До нынешней ночи мы даже не знали о них, - отозвался другой, - в непотревоженной столетиями пыли может пасться и кое-что странное.

- Вчера вечером, - добавил третий, - мы уже посмеялись над рассказом Фиссифа. А на горле Кроваса в самом деле отметины словно от когтей или костей.

Казалось, из далеких подвалов хлынули вверх миазмы страха. Одиноко звучали голоса. Воры-прислужники замерли у стен с факелами и оружием, явно охваченные уже суеверным трепетом. И Слевьяс снова нерешительно умолк - однако в отличие от остальных он скорее задумался, чем испугался. В наступившей тишине громким бульканьем отзывалось падение каждой капли, и тут Фафхрд решил половить рыбку в мутной воде.

- Я расскажу вам, что видел в подвалах, - глубоким голосом произнес он. - Только сперва скажите, где вы, воры, хороните своих мертвецов?

Оценивающие взгляды обратились к нему - он заговорил впервые с того момента, как пришел в себя. На вопрос ему не ответили, но говорить разрешили. Даже крутивший тиски для больших пальцев Слевьяс лишь слегка нахмурился, но возражать не стал.

Фафхрда стоило послушать. В тембре его голоса звенели морозы северных земель, леденящие ветры мели снежную пустыню - у него был звонкий выразительный голос скальда. Он подробно поведал, как спускался в темные подземелья. Конечно, надо было производить впечатление, и он добавил кое-какие подробности, и подземное приключение с его слов стало казаться отрывком из странного предания. Воры-подручные, не привыкшие к подобной манере исполнения, глядели на него с открытыми ртами. За столом приумолкли. Свою историю северянин выкладывал по возможности не торопясь и в то же время дорожа каждой минутой.

И когда голос его на мгновение умолкал, плески капель в водяных часах не было слышно. А потом ухо Фафхрда уловило тихий скрежет, словно терли камнем о камень. Слушатели его, похоже, ничего не заметили, но Фафхрд узнал знакомый звук - это поворачивалась потайная каменная панель в нише за черными портьерами.

Рассказ его достиг высшего напряжения.

- Там, в забытых погребах, - вещал он, беря чуть пониже, - по ночам оживают кости древних воров Ланхмара. Долго лежали они там и возненавидели вас, позабывших своих предшественников. Украшенный драгоценными камнями череп принадлежал брату ваших мертвецов, Охмпхалу. Разве Кровас не говорил вам, что обязанность выкрасть эти кости была возложена на вас еще в таинственном прошлом? Предполагалось, что Охмпхал воссоединится со своими братьями. А вместо этого святотатец Кровас принялся выламывать драгоценные камни. Я не знаю, где сейчас находится череп, но если его еще не вернули в предназначенное Место, те, кто внизу, вот-вот явятся сюда за своим собратом. И не ждите от них пощады.

И тут слова застыли в гортани Фафхрда. Последний аргумент его, предполагавший немедленное освобождение, так и остался невысказанным. Прямо в воздухе перед черной драпировкой ниши, висел череп Охмпхала, и самоцветы в его глазах светились не только отраженным светом факелов. Следуя за взглядом Фафхрда, туда обратились и глаза воров, у стола заохали чуть ли не в панике. Истинным ворам подобало испытывать трепет перед правящим Мастером, но подобный страх был не допустим.

А потом из черепа провыл высокий голос:

- Замрите, презренные, жалкие воры сего дня! Трепещите и безмолвствуйте. Говорит ваш Мастер прежних времен. Внемлите мне, я - Охмпхал!

Действие голоса возымело вполне определенный эффект. Большая часть воров подалась назад, сжав кулаки и стиснув зубы, чтобы не задрожать. Но на лбу Фафхрда от облегчения выступил пот - он-то узнал голос Мышелова. А на жирном лице Фиссифа страх мешался с недоумением.

- Во-первых, - продолжал вещать голос из черепа, - в качестве урока для всех я сейчас удавлю северянина. Разрежьте эти веревки и представьте его предо мною. Быстрее, пока сюда не явились мои братья и не наказали всех вас.

Дрожащими руками воры, что стояли по обе стороны от Фафхрда, разрезали веревки. Северянин пошевелил всем телом, стараясь разогнать онемение. Его поставили на ноги, толкнули вперед к черепу, так что он споткнулся.

Вдруг черные портьеры содрогнулись от внезапного движения, раздался пронзительный, почти животный, яростный

воплъ. Череп Охмпхала по черному бархату скатился в комнату, воры бросились врассыпную, словно опасаясь, что череп начнет кусать их за лодыжки ядовитыми зубами. Из отверстия в основании черепа выкатилась свеча и погасла. Портьеры отдернулись в сторону, и в комнату ввалились два борющихся тела. На мгновение даже Фафхрду показалось, что он рехнулся, настолько неожиданной оказалась открывшаяся сцена. Сцепились старая карга в черном платье, подол которого был подоткнут выше крепких колен, и рыжеволосая девица с кинжалом, а когда платок и парик слетели со старухи, под слоем жира и пепла северянин узнал Мышелова. Выхватив кинжал, Фиссиф метнулся вперед мимо Фафхрда. Надо было действовать, и северянин, ухватив его за плечо, с размаху грохнул о стену, подобрал выпавшее из рук ошалевшего вора оружие и неловко шагнул вперед.

Тем временем Ивлиса, увидев собравшихся воров, отпустила своего противника. Фафхрд и Мышелов обернулись к нише - это был единственный путь к спасению - и тут же пригнулись: так внезапно возникли трое телохранителей Ивлисы, прибежавшие на помощь хозяйке. Появившиеся тут же набросились на Мышелова и Фафхрда, которые оказались ближе всего к ним, и погнали их в глубь комнаты, не забывая награждать тяжелыми ударами коротких мечей попадавших под руку воров.

Инцидент этот еще более озадачил хозяев Обители, но позволил им оправиться от суеверного страха. Слевяс, оценив положение, стал стогнать своих собратьев к нише, побуждая их к действию громкими шлепками, что раздавал плоской стороной собственного меча. В помещении наступил невообразимый хаос. Стучали мечи, сверкали кинжалы. Трещали головы, текла кровь. Словно дубинками, размахивали факелами, бились ими, уголья разлетались в стороны, обжигая раненых. В смятении вор разил вора, а зная, что собралась за столом, успела для самозащиты сбиться в какое-то подобие отряда. Выступая во главе его, Слевяс обрушился на Фафхрда. Мышелов подставил ему ногу, но, оказавшись на коленях, Слевяс взмахнул длинным мечом и распорол черный плащ, едва не пронзив низкорослого искателя приключений. Оградившись креслом, Фафхрд отбрасывал всех, кто оказывался перед ним, а потом опрокинул набок и стол, водяные часы разлетелись вдребезги.

Однако первоначальное смятение постепенно отступило, и Слевьяс овладел ситуацией. Он отозвал воров к себе и разбил их на две группы. Одну направил к нише, драпировки с которой уже были сорваны, вторую - к дверям. В противоположном конце комнаты Фафхрд и Мышелов скрючились за опрокинутым столом, толстая крышка его служила им укрытием. С некоторым удивлением Мышелов обнаружил рядом с собой съжившуюся Ивлису.

- Я видела, ты пытался убить Слевьяса, - мрачно шепнула она, - как бы то ни было, нам придется объединиться.

Рядом с Ивлисой был один из телохранителей. Двое других, мертвые или без сознания, остались лежать на полу вместе с дюжиной воров. Разбросанные факелы мерцающим светом озаряли поле битвы. Раненые воры со стоном ползли в сторону коридора, некоторых волокли туда собратья. Слевьяс зычно требовал, чтобы принесли факелы и металлические сети.

- Придется сделать вылазку, - сквозь стиснутые зубы шепнул Фафхрд, затягивая повязку на порезанном предплечье. Вдруг он поднял голову и принялся. Откуда-то сквозь слабый сладковатый запах крови потянуло знакомой легкой вонью, нечеловечески чуждой, от которой по коже побежали мурашки... слабым запахом сухой и горячей пыли. На момент воры приумолкли, и Фафхрду слышался вдалеке шум шагов, костяной топот по полу.

Кто-то из воров испуганно крикнул:

- Мастер, мастер, череп! Череп ожил! Он лязгает зубами!

Люди в смятении притихли, потом послышалась ругань Слевьяса. Выглянув из-за крышки стола, Мышелов видел, что главарь воров пинком выбросил череп на середину комнаты.

- Дураки, - завопил он отступающим собратьям, - и что вы верите в эти враки, в эти старушечьи бредни! Разве кости умеют ходить сами? Ваш мастер - я и только я! Да будут навеки прокляты все мертвые воры!

На этих словах раздался свист меча, и череп Охмпхала разлетелся как яичная скорлупа. Кто-то из воров заскулил от страха. В комнате стало темнее, словно вдруг она наполнилась пылью.

- А теперь за мной! - скомандовал Слевьяс. - Смерть чужакам!

Но воры отступили назад, силуэты их терялись в нахлы-

нувшем мраке. Подавив растущий страх, Фафхрд уловил момент и бросился на Слевьяса. Мышелов выскочил следом. Северянин намеревался убить вора третьим ударом. Сперва широким взмахом следовало отразить более длинный меч Слевьяса, следом боковым ударом лишить его защиты и только потом тыльной стороной меча поразить его в голову.

Но Слевьяс оказался искусным фехтовальщиком. Третий удар он парировал, так что меч северянина только просвистел в сторону от головы вора, который сам попытался нанести Фафхрду удар, метя в горло. Этот выпад наконец вернул силу вялым мышцам северянина; верно, клинок вора оцарапал ему шею, но, обороняясь, Фафхрд так ударил по мечу мастера, что рука того онемела. Северянин понял, что дело в шляпе, и безжалостно принялся теснить вора назад. Он не замечал, как стемнело в комнате, не удивлялся, почему отчаянные вопли Слевьяса о помощи остались без ответа, почему воры теснятся в нише, почему раненые вползают обратно в комнату из коридора. Туда-то он и гнал Слевьяса. Наконец силуэт вора обрисовался в дверном проеме. Одним ударом Фафхрд обезоружил Слевьяса - меч, крутясь, вылетел из его руки - и приставил к горлу вора острие собственного меча.

- Сдавайся! - крикнул северянин.

И только тогда он ощутил мерзкий запах пыли и охватившее комнату полное безмолвие... Из двери дунул раскаленный ветер.. марш костей сухо грохотал о камень. Слевьяс обернулся, и Фафхрд заметил на его лице смертельный страх. И тут клубом черного дыма комнату затопила непроглядная тьма. Но прежде чем все исчезло из глаз, он успел заметить, что на горле Слевьяса сомкнулись костлявые пальцы. Мышелов тянул северянина назад за собой, а тот все не мог отвести взгляд от дверного проема, где толпились костлявые тени - их глазницы светились красным, голубым, зеленым... А затем наступила полная и гнетущая тьма. Воры в испуге жались к узкому ходу из ниши. Их громкие вопли были едва слышны за тонкими, словно визг летучих мышей, голосами, медленными как вечность. Но один голос Фафхрд прекрасно расслышал.

- Убийца Охмпхала, такова месть Охмпхаловых братьев.

И тогда северянин понял, что Мышелов тянет его снова вперед, к двери в коридор. Когда глаза его вновь смогли видеть, он сообразил, что они бегут по опустевшей Обители

Воров: он, Мышелов, Ивлиса и единственный уцелевший телохранитель.

В доме служанка Ивлисы, в ужасе перед приближавшимися звуками, накрепко заложила выход из коридора и дрожа забила под ковры не в силах ни слышать, ни бежать от приглушенных воплей, мольбы и стонов, в которых слышался ужасный триумф. Черный котенок шипел и царапался, выгнув спинку. Вдруг все затихло.

Некоторое время спустя в Ланхмаре заметили, что воров на улицах поубавилось. Ходили слухи, что в полнолуние члены поредевшей Гильдии Воров творили странные обряды в глубоких подземельях, поклоняясь каким-то своим древним божествам. Говорили даже, что им посвящали они треть всего, что добывали кражами и разбоем.

Но за выпивкой в верхней комнате "Серебряного Угря", где друзья сидели вместе с Ивлисой и девкой от Товилайис, Фафхрд жаловался на судьбу:

- Такие хлопоты - и ни за что! Боги явно гnevаются на нас!

Мышелов усмехнулся, засунул руку в кисет и положил на стол три рубина.

- Ногти Охмпкала, - веско произнес он.

- И ты осмеливаешься хранить их? - спросила его Ивлиса.

- И не боишься, что в полночь к тебе явятся бурые кости?

- Она поежилась и не без озабоченности посмотрела на Мышелова.

Он глянул на нее и ответил:

- Лично я предпочитаю розовые косточки и под нежную кожей. - И призрак Ивриан тут же предстал перед ним.

IV. Блеклые Берега

- И ты думаешь, что человек в силах обмануть смерть и перехитрить судьбу? - спросил невысокий бледнолицый мужчина, на его выпуклый лоб бросал тень черный капюшон.

Мышелов потряс коробочку с игральными костями и готов был уже сделать бросок, но остановился и глянул в сторону говорившего.

- Я сказал лишь, что хитрец может долго дурачить смерть.

"Серебряный Угорь" гудел приятным грубоватым весельем. В основном его наполняли войны, и бряцанье оружия мешалось со стуком кружек, создавая глубокое *obligato** пронзительному смеху женщин. Попытающиеся стражники расталкивали назойливых и задиристых юных лордов. Рабы с застывшей ухмылкой в глазах смиренно сновали меж всеми, сжимая в руках кувшины вина. В углу плясала юная рабыня, бречание серебряных бубенцов на ее лодыжках таяло в общем гуле. Снаружи, за плотно затворенными окнами, сухой ветер с юга свистел, поднимая пыль из щелей каменной мостовой, тумана звезды, но внутри царило веселье.

Серый Мышелов засел за игральным столом среди дюжины засеждатаев. Все на нем было серым: куртка, шелковая рубашка, шапочка из мышинных шкурок. Таинственная улыбка и поблескивающие темные глаза оживляли его лицо, отличая его от всех прочих лиц, за исключением разве что физиономии расположившегося рядом с ним громадного медноволосого варвара, что без удержу хохотал и кружками, словно пиво, поглощал сухое ланхмарское.

- Говорят, ты искусный мечник и не раз встречался со смертью, - продолжал бледнолицый в черном одеянии, едва шевеля тонкими губами.

Но Мышелов только что метнул, и странные кости Ланхмара замерли вверх парными символами змеи и угря, так что он подгребал теперь к себе треугольные золотые монеты. За него ответил варвар:

- Да, серячок бойко орудует мечом, почти не хуже меня. И в кости плутовать мастер.

- А ты, значит, Фафхрд? - снова спросил сосед. - И ты того же мнения, что человеку удастся перехитрить смерть, раз он умеет плутовать в кости?

Ухмыльнувшись, северянин удивленно уставился на бледнолицего, трезвый вид и манеры которого так странно отличали его от гуляк, сидевших в винных парах под низким потолком таверны.

- Ты снова угадал, - шутливо ответил он. - Я - Фафхрд-северянин и всегда готов бросить вызов судьбе. - Он толкнул приятеля в бок. - Гляди, Мышелов, вот черный мышонок...

* Партия солирующего инструмента, сопровождающего в ансамблевом музыкальном произведении (*итал.*) - *Прим. перев.*

Он пробрался сюда через щелку в полу и решил потолковать с нами о смерти.

Бледнолицый, казалось, не заметил неуважительной шутки. Его бескровные губы едва шевельнулись, но слова звучали четко, невзирая на весь окружающий шум.

- Говорят, вы едва избежали смерти в Запретном Городе Черных Идолов, и в каменном капкане Ангариги, и на туманном острове Моря Чудовищ. Говорят, рок гнал вас по Холодным Краям и через лабиринты Клиша. Но разве можно надеяться, что знаешь свою смерть и судьбу? А вдруг все просто бахвалы, привыкшие к пустой похвальбе? Я слышал, что смерть иногда зовет человека голосом, который слышит лишь он один. И тогда должен он встать, оставить друзей и отправиться туда, куда было угодно повелеть смерти, и там встретить свою судьбу. Звала ли вас смерть хоть однажды таким голосом?

Фафхрд хотел было рассмеяться, но не вышло, смех не шел с губ. Остроумный ответ уже готов был сорваться с кончика языка Мышелова, но собственный голос донес до него вопрос:

- Какими же словами зовет смерть?

- Всяко бывает, - отвечал бледнолицый. - Посмотрит на такую вот парочку и скажет: "Блеклые Берега". И ничего более. "Блеклые Берега". А когда скажет в третий раз, придется идти.

Фафхрд снова хотел расхохотаться, но было ему уже не до смеха. Взгляд этого человека с выпуклым лбом был уже почти невыносим. Друзья тупо взирали в эти холодные, глубоко запавшие глаза. Вокруг в таверне блаженно ржали от одной из любимых шуток. Пьяные стражники завели песню. Игроки в нетерпении требовали, чтобы Мышелов продолжил игру. Хихикающая бабенка в шитом золотом красном платье скользнула мимо, едва не сбросив черный капюшон с бледнолицего. Он и не пошевелился. А Фафхрд с Мышеловом не могли оторвать завороченных беспомощных глаз от двух черных туннелей, что вели друзей вдаль, к страшной судьбе. Нечто более глубокое, чем страх, стиснуло их железной хваткой. Таверна вдруг притихла и расплылась, словно оказалась за многими-многими окнами. Видели они только эти глаза и то, что за ними таилось: одиночество, дрему, смерть.

- Блеклые Берега, - в третий раз произнес человек.

И на глазах всей таверны Фафхрд с Мышеловом поднялись и, не попрощавшись ни словом, ни жестом, направились к низкой дубовой двери. Подвернувшийся под руку стражник лишь ругнулся, когда Фафхрд слепо отбросил его с пути. Немногие смешки и вопросы тут же умолкли - Мышелов не выигрывал, так что все заметили в поступках обоих нечто странное и непривычное. Бледнолицего в черной одежде никто не заметил. Дверь отворилась. Сухо рыдал ветер, что-то гулко хлопало... должно быть, навес над входом. Пыль ручейком скользнула вдоль порога. И за Фафхрдом и Серым Мышеловом захлопнулась дверь.

Никто не видел, как шли они к громадным каменным пристаням, что тянутся от одного края Ланхмара до другого вдоль всего восточного берега реки Хлуд. Никто не видел, как отчаливал от пристани оснащенный на севере шлюп Фафхрда под красными парусами, как скользил он по течению, уносящему корабль к шквалистому Внутреннему Морю. Ночь была темной, и горожане сидели по домам. Но на следующий день в городе не оказалось ни обоих друзей, ни шлюпа с экипажем из четверых минголов, пленников-рабов, поклявшихся служить друзьям до самой смерти, - Фафхрд и Мышелов привели их из неудавшегося похода в Запретный Город Черных Идолов.

А через пару недель в Ланхмар от Края Земли, крошечной гавани, самой дальней на западе, что лежит почти у Внешнего Моря, по которому корабли не ходят, донесся слух: в городок прибыл шлюп северной оснастки, принял громадный запас пищи и воды, непомерный для экипажа из шестерых человек: мрачного рыжеволосого варвара-северянина, молчаливого, сумрачного вида невысокого мужчины в серых одеждах и четверых коренастых крепких и черноволосых минголов. После недолгой стоянки шлюп исчез в лучах заката. Жители Края Земли следили за красным парусом до наступления ночи, качая головами от удивления, - суденышко двигалось невероятно быстро. История эта разошлась по Ланхмару, одни тоже качали головами, другие многозначительно припоминали странное поведение друзей в ночь их исчезновения. И когда недели стали месяцами, а месяцы пополнили один за другим, многие стали считать Фафхрда и Серого Мышелова покойниками.

А потом объявился Уурф-мингол и рассказал портовикам Ланхмара любопытную историю. В достоверности ее не было

твердой уверенности. Хотя Уурф довольно правильно выговаривал мягкие слова ланхмарской речи, он оставался для всех чужаком, и, когда он отбыл восвояси, никто не мог поручиться, что именно он-то и был в той четверке минголов, что отправились с двумя друзьями в плюпе северной оснастки. Более того, история его не давала ответа на кое-какие беспокоящие всех вопросы, потому многие и сомневались в ее правдивости.

- Они обезумели, - рассказывал Уурф, - или их проклинали, эту пару: и длинного и короткого. Я заподозрил это еще под стенами Запретного Города, когда они пощадили нас. А тут они взяли курс на запад и все плыли, плыли, плыли, не беря парусов, на рифы, не меняя курса, и Звезда Ледяных Полей все оставалась по правую руку, - и я уверился в этом. Они почти не говорили, почти не спали и не смеялись. О'ла, их проклинали! Нас четверых - Тиивса, Ларлта, Оуе-найиса и меня - они словно не замечали, но и не обижали. У нас ведь были с собой амулеты против злой магии. Но мы поклялись быть рабами до смерти, ведь мы - люди Запретного Города и мы не бунтовали.

Мы плыли много дней. Сперва море было пустым и спокойным, только очень маленьким, оно словно подгибалось и на юг, и на север, и на жуткий запад, как будто заканчивалось в часе пути под парусами, а затем стало таким же и за спиною, на востоке. Но громадная ладонь северянина, словно проклятье, лежала на рукояти руля, а сменявшая ее небольшая рука Серого была не мягче. Мы четверо сидели на палубе - работы с парусами было немного - и метали кости с утра до ночи, играли на одежду и амулеты, не будь мы рабами - прозакладывали бы свои шкуры и кости.

Чтобы уследить за днями, я обязал нитку вокруг своего большого пальца и каждый день переносил ее на следующий палец, и с мизинца правой руки она перекочевала на левый мизинец, а потом и на левый большой палец. Тогда я одел ее Тиивсу на большой палец правой руки, а когда она переместилась на его левый большой палец, он передал ее Ларлту. Так считали мы дни и следили за ними. И с каждым днем пустело небо, а море съеживалось, наконец стало казаться, что море кончается в полете стрелы и с носа, и с кормы, и с бортов. Тиивс заявил, что мы попали на зачарованный плес, что нас по воздуху уносит к красной звезде,

называемой Адом. Должно быть, Тиивс был прав. Вода не может так далеко простираться на запад. Я пересекал и Внутреннее Море, и Море Чудовищ... Я знаю, о чем говорю.

И когда нитка перешла на левый безымянный палец Ларлта, великий шторм обрушился на нас с юго-запада. Он все крепчал и крепчал целых три дня; вокруг вздымались бурлящие валы, выше мачт возносились их гребни, покрытые пеной. Люди не видели еще таких волн и не должны их видеть - не для нас они сотворены, не для наших морей. И там я еще раз убедился, что прокляты господа наши. Они словно не замечали шторма, если ураган брал на рифы обрывки красных парусов. Они не видели, как Тиивса смыло за борт. Не видели, что судно полузатоплено и до планшира наполнено пеной, что наши черпаки увенчаны ею словно кружки пива. Мокрые до нитки, они замерли на корме, вцепившись в рулевое весло, и правили прямо вперед, словно повинувшись приказам лишь тех, кого слышат замороженные. О'ла! Их проклинали! Но какой-то злобный демон, должно быть, хранил еще их жизни для своих темных дел. Как иначе могли мы уцелеть в таком шторме?

Ведь когда нитка оказалась на левом большом пальце Ларлта, на смену высыпавшимся крутым волнам и студенистой пене пришли отлогие черные водяные холмы, ветер лишь рьябил их поверхность, но более не пенил ее. Когда наступил рассвет и мы впервые увидели эту воду, Оувенайис крикнул, что волшебство гонит нас по морю черного песка, а Ларлт стал уверять, что шторм занес нас в океан сернистой нефти, - говорят, он кроется под землей, а Ларлт видел черные пузырящиеся озера на Крайнем Востоке. А я вспомнил, что говорил Тиивс и подумал: не занес ли ветер клочок воды с нами через воздух в иной океан, что лежит на поверхности иного мира. Но заслышав такие речи, Серый перегнулся за борт, зачерпнул ведро воды и окатил нас, так что мы теперь знали: корабль наш в воде, и вода вокруг солона, где бы ни было это море.

И тогда он велел нам починить паруса и привести шлюп в порядок. К полудню мы летели на запад еще быстрее, чем в бурю, - такими длинными были водяные холмы и так быстро неслись они вперед, что за день мы одолевали лишь пять или шесть этих отлогих гор. Клянусь Черными Идолами, их и длинны же были они!

Так нитка перекочевала на пальцы Оувенайиса. Но об-

лака свинцовой пеленой висли над нами, и странное море тяжело сжимало корпус, мы не знали даже, солнца ли свет приходит к нам или лучи какой-нибудь призрачной луны... а когда мы увидели звезды, они показались нам незнакомыми. Но тяжелая рука северянина все белела на рулевом весле, вместе с Серым они глядели вперед. Но минул третий день, как вынесло нас на черную гладь, и северянин нарушил молчание. Горькая, страшная улыбка искривила его губы, я услышал слова: "Блеклые Берега", и ничего больше. Серый кивнул, словно в словах этих крылось зловещее волшебство. Четыре раза слышал я эти слова из уст его, и потому впечатаны они в мою память.

Дни становились темнее и холоднее, облака опускались всё ниже и ниже и давили на нас, словно крыша огромной пещеры. И когда нитка была уже на указательном пальце Оувенайиса, впереди мы заметили, как что-то грузное и неподвижное вырастает из моря, и мы догадались, что перед нами Блеклые Берега.

Побережье вздымалось все выше и выше, и мы видели уже башнями взметнувшиеся базальтовые скалы, усеянные серыми крапчатыми валунами, похожими на яйца гигантских птиц... Но птиц там не было, ни больших, ни малых. Выше утесов темнели облака, у воды бледнела полоска песка - и все. Тогда северянин шевельнул рулевым веслом и послал шлюп прямо вперед, словно обрекая нас всех на погибель. Но в последний момент чуть ли не в локте проскочили мы мимо опасного окатанного рифа, едва выступавшего из гребня отлогого вала, и Фафхрд ввел нас в тихие воды. Мы бросили якорь и оказались в безопасности.

И тогда северянин и Серый, словно во сне, облачились в легкие кольчуги и круглые шлемы без плюмажей - то и другое побелело от соли и морской пены. Пристегнув мечи к поясам, накинув длинные плащи на плечи и прихватив немного воды и пищи, они велели нам спускать лодку. Я сел за весла и довез их до берега, а они ступили на пляж и направились к утесам. И хотя я был изрядно напуган, я крикнул им вслед: "Куда вы? Нам идти следом за вами? Что нам делать?". Ответ последовал не сразу. Не поворачивая головы, Серый сказал голосом низким и хриплым, скорее шепотом: "Не идите за нами. Мы обречены. Возвращайтесь, если сумеете".

И я склонил голову перед его словами, а потом погреб

обратно к кораблю. Вместе с Оувенайсом и Ларлтом следил я с борта корабля за тем, как взбираются они на округлые высокие скалы. Обе фигуры все уменьшались, наконец фигура северянина сделалась комариком на скале, а его серый собрат уже вовсе исчез из виду. А потом с берега задул ветер, поднялась зыбь, и мы могли уже поднимать паруса. Но мы остались... ведь мы же клялись служить им. Разве я не мингол?

Темнело, наступал вечер, ветер крепчал, крепло и наше желание уносить ноги - пусть даже только для того, чтобы утонуть в неизвестном море. Такой трепет внушали нам странные округлые скалы Блеклых Берегов: ведь в свинцовом воздухе не было ни чаек, ни ястребов, ни других птиц... у воды не было даже водорослей... Что-то блеснуло на гребне утесов, это видели все мы трое. Но лишь в третьем часу ночи подняли мы якорь и оставили Блеклые Берега за спиной.

Прошло еще несколько дней, вновь разразился страшный шторм, который, должно быть, забросил нас обратно в знакомые моря, Оувенайса смыло за борт, а Ларлт свихнулся от жажды. В конце концов я и сам уже перестал понимать, что происходит. Меня выбросило на берег у Квармолла, со многими трудами я добрался до Ланхмара. Но до сих пор во сне вижу эти черные утесы, а на них - белые кости бывших хозяев... черепа их с пустыми глазницами, молчаливо вззирающие на что-то ужасное и смертельно опасное.

Не осознавая усталости в натруженных мышцах, Серый Мышелов червем проскользнул за последний булыжник, цепляясь ногами и руками за неглубокие щели на стыке гранита и черного базальта, и наконец выпрямился во весь рост на кромке округлых скал, обступивших Блеклые Берега. Рядом был Фафхрд - в выбеленной солью кольчуге и племе. Но и друга он видел смутно, вдали, как через толстое стекло. Перед ним же были только два черных глаза, пустые туннели, уводящие вдаль, и казалось, он глядит в них целую вечность и уводят они к скорби и ужасу, что были когда-то за Внешним Морем, а теперь оказались рядом. Только эти глаза видел он, поднявшись из-за игорного стола под низким потолком ланхмарской таверны. Смутно он помнил зевак на пристани в Крае Земли, ярость бури и пену волн, колы-

хание черного моря и ужас в глазах Уурфа-мингола, но и память обо всем этом проступала словно сквозь толщу стекла. Смутно понимал он, что на них с приятелем легло проклятье, и источник его рядом.

На всей равнине, простиравшейся перед ними, не было даже признака жизни. Прямо перед ними базальтовая скала обрывалась в черную котловину, наполненную черным песком - мелкими частицами железной руды. В песке этом тонули десятка четыре чернильно-черных, овальных, разных по размеру валунов - так показалось сперва Мышелову. Только слишком уж круглыми они были, слишком правильными, и до сознания Мышелова медленно стало доходить - не валуны это, а черные яйца чудовищ.. Были там небольшие, но были и такие, что не обхватить человеку, а одно - величиною с шатер.

На песке валялись кости, большие и малые. Мышелов признал клыкастый череп вепря, два поменьше показались волчьими. Был там и скелет огромной хищной кошки. Возле него белели лошадиные кости, а за ними ребра человека или обезьяны. Поблескивающим белым кольцом окружали кости громадные черные яйца.

Откуда-то повелительно, тонко, но ясно, прозвучал бесстрастный голос:

- Воинам - судьба воинов.

Голос был знаком Мышелову - он столько недель стоял в его ушах, - слова, сошедшие с языка бледнолицего с выпуклым лбом, что сидел тогда в черной одежде рядом с ними в ланхмарской таверне. Еле слышимый шепот раздался прямо в мозгу: "В смерти всегда повторяется прошлое, и всегда это смерти на руку".

А потом Серый Мышелов увидел, что перед ним уже не совсем безжизненные края. Движение вернулось на Блеклые Берега. Одно из больших черных яиц лопнуло, затем другое, трещины зазмеились по скорлупе, они ширились, осколки падали на черный песок.

Мышелов понимал, что вокруг все вершится по приказанию первого, тонкого голоса. Понимал, что близок конец, и они теперь там, куда велел им отправляться этот голос, - за Внешним Морем. Но не в силах шевельнуться, он лишь тупо следил за ходом чудовищных родов. Перед ним под нависшим свинцовым небом из яиц проклевывались две смерти - для него самого и его сотоварища.

Намеком на участь, ждавшую их с северянином, длинный, словно меч, коготь мелькнул в трещине, расширяя ее. Скорлупа стала осыпаться быстрее.

Вылупившиеся в сгущающейся мгле существа показались нереальными даже оцепеневшему Мышелову, они неуверенно пошатывались на двух ногах, словно люди, только ростом были чуть выше. Головы ящеров охватывали костистые гребни, напоминавшие щлемы, у обоих были темные птичьи лапы с когтями, а средний коготь в них выступал на ярд. В полутьме они казались мерзкой карикатурой на облаченных в броню витязей с мечами. Тьма только оттеняла желтый свет их мигающих глаз.

И тогда голос воззвал вновь:

- Воинам - участь воинов.

При этих словах с Мышелова словно упали путы. На мгновение ему даже показалось, что он пробуждается от сна. Тут раздался мерзкий, настойчивый визг вылупившейся узкомордой твари - и обе рванулись к ним. Он слышал, как за спиной с легким звоном вырвался из ножен меч Фафхрда. Мышелов мгновенно обнажил собственный клинок, тут же встретив им удар будто стального когтя, направленного ему в горло. Рядом и Фафхрд отразил удар другого чудовища.

А дальше началось кошмарное побоище. Когти резали и кололи, будто мечи. К счастью, не столь быстро, чтобы их нельзя было отбить, хотя против двух клинков было четыре. Мощная костяная броня отражала все контрудары. Вдруг обе твари повернулись к Мышелову, но, ударив сбоку, Фафхрд спас его. Обоих приятелей медленно теснили назад, к обрыву. Твари, казалось, не уставали, словно были они из металла и кости, не из плоти. Мышелову представилась собственная уже недалекая смерть. Какое-то время еще они с Фафхрдом смогут отбиваться, а потом все решит усталость - удары их станут реже и слабее, и твари возьмут их жизни.

Словно предвешая такой исход, коготь зацепил его за пояс. Вот тогда-то он и вспомнил темные бездонные глаза, что отправили их через Внешнее Море, голос, что обрек их судьбе. Странная сумасшедшая ярость овладела им, не против самих тварей была она обращена, а против их господина. Черные мертвые глаза словно взирали на них из черного песка. И он потерял контроль над собой. Когда чудовища обрушились вместе на Фафхрда, он не бросился другу на

помощи, он скользнул мимо в низину, к погруженным в песок яйцам.

Оказавшись перед двумя чудовищами сразу, Фафхрд рубил как сумасшедший, громадный меч свистел, унося остающиеся в громадных мышцах крохи сил. Он даже и не заметил, когда второе чудовище припустило следом за его другом.

Мышелов был уже среди яиц, перед тем, что казалось с виду глаже и меньше других. Он обрушил свой меч на яйцо. Рука сразу же онемела, но яйцо раскололось.

И тогда Мышелов увидел источник зла, заразившего Блеклые Берега, что лежало в черном песке, пока дух его бродил в далеких краях и зазывал мужей на погибель. За спиной его шуршали шаги, отрывисто клекотало чудовище, назначенное погубить его. Но он не думал оборачиваться. Он поднял свой меч и со свистом еще раз обрушил его вниз... на того, который тайно услаждался муками существ, которых вел сюда зов смерти, - прямо на выпуклый лоб бледнолицего с тонкими губами.

И стал ждать разящего удара когтем, но его не последовало. Обернувшись, он увидел чудовище распростертым на черном песке. Вокруг в пыль рассыпались другие яйца. Черным слезотом на сером небе Фафхрд ковылял к нему, и глубокий гортанный голос его говорил, нет рыдал, слова изумления и облегчения. Смерть покинула Блеклые Берега, источника проклятия больше не было. Где-то рядом возбужденно вскрикнула морская птица...

Фафхрд с Серым Мышеловом подумали о долгой, без колес, дороге назад в Ланхмар.

V. Воющая башня

Звук не был громок, но, казалось, наполнял собой и обширную темную равнину, и бледное, еще не погасшее пустое небо: плачущий вой, слабый и монотонный, он не был бы слышен, когда бы не легкое завыванье, звук злоедающий и дребезжащий, в чем-то схожий с диким, лишь изредка покрытым растительностью ландшафтом и варварским одеянием у троп, что укрывались в неглубокой рытвине возле умирающего костерка.

- Волки, должно быть, - проговорил Фафхрд. - Знакомый

вой... В Холодных Краях они охотились за мной. Но теперь, Мышелов, от тех холодных земель нас отделяет океан, да и в звуках я слышу различия.

Мышелов плотнее запахнул серый шерстяной плащ. Вместе с Фафхрдом он поглядел на третьего, что молчал. Он был одет просто - истрепанный плащ, потертые ножны короткого меча. С удивлением они заметили, что глаза его - белесые глазницы на морщинистом лице - уставились в пространство, а сам он дрожит.

- Так, значит, тебе уже не раз доводилось бывать на этих равнинах, - обратился Фафхрд к проводнику на гортанном языке его народа, - потому-то мы и просили тебя показать этот путь. Ты должен хорошо знать эти края. - В последних словах крылся вопрос.

Проводник судорожно глотнул и рывком кивнул.

- Я слышал этот голос вдалеке, - быстро и неразборчиво проговорил он. - И в другое время года. Известно, люди исчезали. Есть рассказы. Говорят, мужчины слышат этот голос во сне. Он привлекает их куда-то... недобрый звук.

- Какой же волк - добрый волк? - задумчиво прогрохотал Фафхрд.

Еще было достаточно светло, и Мышелов разглядел упрямое, напряженное выражение на лице проводника, тот продолжал:

- Я никогда не видел волка в этих краях и не говорил с человеком, кто убивал его. - Он умолк, потом сбивчиво и отстраненно заговорил. - Рассказывают о старой башне, где-то здесь на равнине... Говорят, звук здесь сильнее. Я не видел ее. Говорят...

Он резко умолк. Теперь он уже не дрожал, а словно ушел глубоко в себя. Мышелов пробовал задать ему несколько наводящих вопросов, но ответом ему всякий раз были только какие-то восклицания: ни утвердительные, ни отрицательные.

Догорали рдевшие под белым пеплом угольки. Ветерок шелестел в редкой траве. Звук теперь прекратился или, напротив, так глубоко впился в память, что разум более не слышал его. Сонно глядя за сторбленную спину Фафхрда, Мышелов обратился мыслями к дальнему, полному таверн, Ланхмару, что был в лигах и лигах пути отсюда, за чужедальними землями, за неизведанным океаном. Безграничная тьма давила.

На следующее утро проводник исчез. Потягиваясь, с наслаждением вдыхая прохладный густой воздух, Фафхрд со смехом пояснил причины его отсутствия.

- Фух! Я же видел, эти равнины ему не по вкусу, хоть он и болтал, что пересек их семь раз. Не человек - какой-то клубок суеверий! Видал, как он заквакал, когда завыли эти волки? Мое слово: бежал он к своим друзьям, которых мы оставили у последней воды.

Мышелов, тщетно оглядев пустой горизонт, согласно кивнул, впрочем не столь уверенно. И ощупал кисет.

- Ну, по крайней мере этот нас не ограбил, если не считать двух золотых, пошедших в задаток.

Смех Фафхрда обрушился на его приземистого приятеля, и он грохнул Мышелова кулаком между лопаток. Мышелов перехватил руку и резким рывком, изогнувшись, бросил северянина на землю... борьба продолжалась и на земле, наконец Мышелов оказался припечатанным к ней лопатками.

- Идем, - ухмыльнулся вскакивая Фафхрд. - Не впервые нам скататься по неизвестным землям в одиночку.

В этот день они протоптали далеко. Мускулистое, пружинистое тело позволяло Мышелову не отставать от широко меряющего шагами землю Фафхрда. К вечеру, сорвавшись с тетивы его лука, пронела стрела, и уложила что-то похожее на антилопу с тонкими гребнистыми рогами. Незадолго до этого они наткнулись на чистый источник и наполнили водой свои бурдюки. И когда настал поздний летний закат, они разбили лагерь и, причмокивая, жевали отменно прожаренное мясо с румяным жирком.

Мышелов дочиста облизал пальцы и губы, а потом взобрал на ближайший пригорок, чтобы выбрать путь на следующий день. Мгла, растворившая горизонт после полудня, рассеялась, и теперь он мог далеко заглянуть в прохладный пряный простор, покрытый волнами колышущейся травы. В тот миг путь в Ланхмар не казался ни долгим, ни утомительным. Потом глаза его заметили какой-то выступ на горизонте, в той стороне, куда они направлялись. Слишком четкий для дерева, слишком правильный для скалы - к тому же он еще не видел ни деревьев, ни скал в этой земле. Крошечным зубом чернел этот выступ на краю неба. Явно дело рук человека: какая-то башня.

И тут звук вернулся. Он шел отовсюду, словно слабо

подвывало само небо, словно скорбно скулила вся необозримая твердь. На этот раз он был громче, в нем слышалась странная смесь печали и укоризны, горя и угрозы.

Фафхрд вскочил на ноги, замахал руками, и Мышелов услышал веселый голос приятеля:

- Идите, идите сюда, волчата, идите к теплу нашего костра. Пламя опалит ваши холодные носы. А я пошлю вам навстречу своих бронзовоклювых птичек поздороваться, а друг мой, Мышелов, покажет, как жужжит камень, вылетевший из пращи, - совсем как пчела. Мы обучим вас мистериям топора и меча. Приходите, волчата, в гости к Фафхрду и Серому Мышелову. Ждем вас, волчата... или же тебя, величайший из всех волков!

Грохочущий хохот, который завершил этот вызов, словно сраженный смехом на время приглушил невозможный звук, а теперь вой снова медленно набирал силу. Мышелов приободрился и с легким сердцем рассказал Фафхрду о том, что увидел вдаль, и напомнил другу, что рассказывал проводник о связи звука и башни.

Фафхрд вновь расхохотался и высказал догадку:

- Должно быть, грустные серые монашки устроили в ней логово. Завтра мы все увидим, все равно туда и направляемся: это всегда неплохо - убить волка.

Беликан был в прекрасном расположении духа и не хотел говорить с Мышеловом о серьезном и грустном. Напротив, он затянул застольную, а потом завел старинные кабацкие истории, после каждой бородатой шутки ударяясь в зычный хохот и приговаривая, что они пьянят его, заменяя вино. Он поднял такой шум, что Мышелов уже не понимал, прекратился ли странный вой или временами еще доносится. Однако когда, плотно закутавшись в одеяла, они улеглись под призрачным светом звезд, вой не было.

На следующее утро Фафхрд исчез. И еще не накричавшись в тщетном ожидании ответа, не обыскав все окрестности, Мышелов уже знал - глупые, смешные подозрения его стали уверенностью. Он мог еще видеть башню, но в ровном желтом утреннем свете она отступила вдаль, словно бы старалась убежать от него.

Ему даже представилась крохотная фигурка на полпути к башне. Это, он понимал, было чистойшей иллюзией. Слишком велико было расстояние. Тем не менее он потратил немного времени, чтобы прожевать и проглотить аппетитный

кусок холодного мяса. Еще несколько кусков он завернул и положил в мешок, запил водой и отправился в путь - широкой пружинистой рысью, что способен был выдерживать часами.

На дне следующего же овражка земля оказалась много мягче; он прочесал впадину вдоль и поперек в поисках следов Фафхрда и нашел их. Расстояние между отпечатками было большим - северянин явно бежал.

Ближе к полудню ему попался ключ, он лег и напился, чтобы быстрее отдохнуть. Незадолго перед этим ему снова попались следы Фафхрда. Но теперь на мягкой земле он заметил еще один след, протянувшийся в ту же сторону, куда ушел Фафхрд. След был не столь свежим, старше по крайней мере на день, и чуть вихлял. Судя по размеру и форме отпечатков - их вполне могли оставить сандалии проводника. В середине ступни угадывались следы ремней, как раз там они были и на обуви проводника.

Мышлов упрямо трусил вперед. Вес мешка, скатки из плаща, бурдюка с водой и оружия уже начинал чувствоваться. Башня заметно приблизилась, хотя солнце еще скрывало детали. По его подсчетам, он уже миновал половину пути.

Волнистая поверхность все не кончалась, бесконечно тянулась вдаль, словно во сне. Неровности на пути он замечал не столько зрением, сколько мышцами - через крохотные усилия, то облегчавшие, то затруднявшие бег. Невысокие кустики, по которым он мерил свое продвижение, были похожи как две капли воды. Редкие овражки не мешали - их легко было перескочить. Лишь однажды неподалеку зеленеватая змея подняла плоскую голову с камня, на котором грелась, и уставилась на него, да кузнечики время от времени выпархивали из-под ног. На бегу, чтобы экономить силы, он едва касался земли - ноги так и несли его вперед, - ведь он привык соразмерять свой шаг с походкой рослого друга. Расширившиеся ноздри втягивали и выбрасывали воздух. Широкий рот был закрыт. Глаза на загорелом лице сурово и целеустремленно глядели вперед. Он понимал, что, даже стараясь изо всех сил, едва ли сумеет нагнать длинноногого и сильного приятеля.

С севера надвинулись облака, громадные пятна теней заскользили по траве, наконец облака совсем затянули солнце. Теперь башню можно было разглядеть получше. На

темной поверхности ее чернели точки - должно быть, небольшие окна.

Когда он остановился на невысоком гребне, чтобы перевести дух, застигнув его врасплох, вновь послышался звук, что невольно заставило его зябко поежиться. Или это низкие облака усиливали неземное звучание, или действовало одиночество, но в звуке слышалась не печаль, а скорее опасность. Во всех случаях ритмичные биения его, налетавшие словно порывы ветра, стали звучнее.

Мышелов рассчитывал оказаться у башни к закату. Но звук возник слишком рано - должно быть, Фафхрд попал в беду и это нарушило его расчеты. Поразмыслив, Мышелов решил, что следует поторопиться. Решение он принял мгновенно. Большой мешок, бурдюк, скатанный плащ, меч и доспехи полетели в кусты, он оставил себе лишь длинную нижнюю куртку, прихватил длинный кинжал и пращу. Избавившись от груза, он прыгнул вперед. Низкие облака потемнели. Закапали редкие капли дождя. Он не отрывал глаз от земли, следя за неровностями и скользкими местами. Звук все усиливался, и с каждым шагом тембр его изменялся, удаляясь все больше и больше от сколь-нибудь привычных звуков.

Бескрайние просторы вдали от башни были просто безлюдны, здесь же они были опустошены. Покосившиеся и осевшие сараи и дома, одиночавшие поля и огороды. Ряды обрубленных и поваленных деревьев, следы заборов, тропинок, полей - все говорило, что здесь жили люди... жили давно. Теперь уцелела лишь каменная громада башни... упорная и непоколебимая. От нее ли исходил звук? Или это лишь казалось?

Мышелов забеспокоился, но, не дрогнув, переменял курс и прыгнул по касательной, пользуясь как укрытием насквозь продуваемой ветром жидкой грядой деревьев и кустарника. Осторожность была его второй натурой. Душа его протестовала против схватки с волками или со сворой собак на открытом пространстве.

Он уже добрался до башни и даже начал обходить ее сзади, когда сообразил, что его сомнительное укрытие заканчивается поодаль от стен. Башня стояла чуть в стороне от окружавших ее руин.

Мышелов застыл за посеревшим от непогоды осевшим амбаром и машинально нашарил рукой пару камней, по

весу годящихся для пращи. Крепкая грудь его все еще вздымалась, качая воздух, словно мехи. Потом он заглянул за угол, хмуро посмотрел на башню и сторбившись замер.

Зачем мне рваться туда, подумал Мышелов, есть ли смысл штурмовать крепость, которую никто и не защищает? Незамеченным не подобраться, наблюдатель сверху мог бы уже давно заметить его приближение. Оставалось идти прямо к дверям, рискуя подвергнуться неожиданной атаке. Так Мышелов и поступил.

Он еще не прошел и половины пути, но мышцы его напряглись до предела. Он был убежден, что за ним следят... что его караудит нечто, настроенное более чем недружелюбно. После долгого бега голова была необыкновенно легкой, а восприятие невероятно обострилось. Даже на фоне бесконечного жуткого воя он различил, как со лба одна за одной скатываются редкие капли, не становясь дождем. Он успел заметить размер и форму каждого темного камня в стене над еще более темным проемом. Он ощущал запахи камня, дерева, почвы... не было только тяжелой вони звериного логова. И в тысячный раз Мышелов попытался представить себе возможный источник звука. Дюжина свор гончих в подземелье? Похоже, похоже, но не совсем. Что-то оставалось неясным. Теперь темные стены были совсем рядом, и он изо всех сил пытался разглядеть хоть что-нибудь во мраке входа.

Слабый далекий скрежет в иное время мог бы и не послужить достаточным предупреждением, но ведь он был едва ли не в трансе. Быть может, лишь внезапная легкая тень, упавшая на его голову, выпрямила тугую тетиву его мышц, и с кошачьей быстротой он метнулся в башню... инстинктивно, даже не глянув вверх. Конечно, у него не было ни секунды на размышления: грубый тесаный камень едва не расплющил ускользнувшее тело, чуть не задел пятки. Воздух толкнул его в спину, мощный удар сотряс землю. Он обернулся: громадный каменный куб наполовину перекрыл дверной проем. Лишь несколько мгновений назад он был еще одним из зубов.

Заметив, как вдавился в землю каменный блок, Мышелов впервые за весь день ухмыльнулся, почти расхохотался от облегчения.

Глубочайшее молчание пугало. Мышелов заметил, что вой совсем прекратился. Он оглядел пустое округлое поме-

щение и шагнул к лестнице, что винтом закручивалась кверху у стены. Ухмылка его стала теперь опасной - деловой. На первом же этаже он обнаружил Фафхрда... и ... некоторым образом... проводника. А еще загадку...

Как и нижнее помещение, комната занимала всю башню. Из разбросанных щелей-окошек смутный свет проливался на расставленные вдоль стен сундуки, на сухие травы и высушенные трупы птиц, мелких млекопитающих и рептилий, свисавшие с потолка будто в аптеке. Вокруг полно было всякого хлама, впрочем опрятно разложенного, в расположении его чувствовалась извращенная логика. На столе грудились закупоренные бутылки и кувшины, ступки с пес-тиками, странные инструменты из кости, стекла и рога, в жаровне тлели уголья. Там стояла и тарелка с грудой обглоданных костей, рядом с ней - заложенная кинжалом книга в бронзовом переплете.

На накрытом шкурами невысоком деревянном топчане лицом кверху лежал Фафхрд. Бледный, он тяжело дышал, словно в опьянении. Северянин не отозвался, и когда Мышелов слегка толкнул его и тихо шепнул имя друга, и потом, когда тот всю потряс его и заорал над ухом. Но озадачило Мышелова вовсе не это, а множество повязок из холста, что перетягивали конечности Фафхрда, его шею и горло, - пятен на них не было, не было под ними и ран, в чем он убедился, сдвинув повязки. И явно это были не путы.

А рядом с Фафхрдом, так что тот едва не касался рукояти, в ножнах лежал огромный меч.

И только тут Мышелов заметил проводника, скрючившегося в темном углу за кушеткой. Он был перевязан точно так же. Но на повязках проступали ржавые пятна, было понятно - он мертв.

Мышелов снова попытался разбудить Фафхрда, но лицо великана оставалось застывшей мраморной маской. Мышелов чувствовал, что спутник его не вполне здесь... ощущение это пугало и сердило его.

И пока он волновался и размышлял, с каменной лестницы до слуха его донеслись неторопливые шаги. Звуки медленно огибали башню. Спускавшийся тяжело дышал и мерно пыхтел. Мышелов спрятался за столами и не отрывал глаз от черной дыры в потолке, куда уходила лестница.

Появившийся на ней человек оказался согбен старостью и невелик ростом, он был облачен в грязные лохмотья, столь

же неопрятные, как и все содержимое комнаты. Он был лыс, только мясистые уши его прикрывали свалывшиеся пряди седых волос. Когда Мышелов выскочил из укрытия, выставив кинжал, старик даже не попытался увернуться, напротив, словно одержимый ужасом, он дрожал, странно булькал и бессмысленно сучил руками. Ткнув толстую свечу в жаровню, Мышелов поднес ее прямо к лицу старика. Ему никогда еще не приходилось видеть ни столь расширившихся глаз - они буквально выкатывались белыми шариками из глазниц, ни губ - столь узких, бесстрастных и жестоких.

- Ты умер. Ты же умер! - хрипел старик, тыкая дрожащим пальцем в сторону Мышелова. - Тебя не должно быть. Я убил тебя. Зачем же я тогда подпираю громадный камень, чтобы он мог обрушиться от легкого толчка? Ты пришел не потому, что тебя завлек сюда звук. Ты пришел погубить меня и помочь своему другу. Поэтому я и убил тебя. Я же видел, как падал камень. И ты был под ним. Ты же не мог ускользнуть. Ты мертв.

И он потрусил к Мышелову, отмахиваясь от него, как от дыма. Но когда руки его прикоснулись к живой плоти, старик взвизгнул и отпрянул в сторону.

Мышелов последовал за ним, многозначительно крутя ножом.

- Ты угадал. Я пришел за ним, - ответил он, - верни мне друга. Подними его с ложа.

К удивлению Серого, старик более не рабелепствовал, а твердо замер на месте. Выражение ужаса в его немигающих глазах слегка отступило. Но ужас не исчез, а вместе с тем появилось и еще что-то. Старик прошел мимо Мышелова и присел на стул рядом со столом.

- Тебя я не очень опасаюсь, - пробормотал он оглядываясь. - Но вот кое-кого мне приходится здесь бояться. А тебя я боюсь лишь потому, что ты мешаешь защищаться от них и принять необходимые меры. - Голос его стал жалостливым. - Не мешай мне, ты не должен этого делать.

Мышелов нахмурился. Теперь ужас уже исказил и лицо старика - в странных словах его не было лжи.

- И все же ты должен поднять моего друга.

Старик не ответил. Мельком глянув на Мышелова, он отстраненно поглядел в стенку, потряс головой, и потом лишь заговорил:

- Я не боюсь тебя. Я измерил глубины страха. Ты не

знаешь их. Разве это ты прожил многие годы в одиночестве рядом с этим звуком, зная, что он означает? Я прожил.

Я был рожден в страхе. Он пропитал кости и кровь моей матери. И моего отца, и моих братьев. Слишком уж много магии было повсюду... А я был всегда одинок и в доме, и в моей семье. Еще когда я был ребенком, все боялись и ненавидели меня, все - даже рабы и громадные псы, что, рыча и скалясь, пресмыкались предо мной.

Но мой страх был сильнее их страха... ведь разве не умерли все они, так что даже тени подозрений не пало на меня до последних дней? Я знал, что мне стоять одному против всех, и я не делал оплошностей. Когда все началось, они каждый раз думали, что я-то и окажусь следующей жертвой. - Он кашлянул. - Они считали, что я слаб, хил и глуп. Но разве не передушили друг друга мои братья? Разве не ослабела моя мать, разве она не угасла? Разве отец не спрыгнул со страшным воплем с вершины этой башни?

Собаки ушли последними. Они ненавидели меня сильнее, чем всех остальных, чем отца, и самая слабая из них охотно перегрызла бы мне глотку. Они были голодными - ведь кормить их стало некому. И я заманил их в глубокий погреб, прикинулся, что убегаю, а когда все оказались внутри, бросился к двери и заложил ее на засов. Много ночей они выли и лаяли внизу, но я был уверен, что мне-то ничего не грозит. Постепенно вой затихал - псы убивали друг друга, выжившие черпали силы из трупов убитых. Они долго держались. Но наконец внизу стал мстительно завывать вечерами лишь один тонкий голос. Каждую ночь отходил я ко сну, повторяя: "Завтра настанет тишина". Но каждое утро будило меня воем. Тогда я заставил себя взять факел, спуститься и заглянуть в погреб через окошко. Я долго следил, но в мерцающем свете ничто не шевельнулось, только белели кости и виднелись обрывки шкур. И я сказал себе: звук скоро исчезнет.

Тонкие губы старика сложились в горестную и несчастную гримасу, от которой Мышелов невольно поежился.

- Но звук так и не умер, даже начал становиться громче. И я понял, что хитрость моя оказалась напрасной. Ведь я убил только их тела, но не души, и скоро они обретут силу вернуться, чтобы убить меня, как всегда и намеревались. И потому отыскал я черные книги отца, чтобы магией навсегда погубить эти души или проклятием привязать их к столь

дальним краям, откуда нет возврата. На некоторое время, казалось, я преуспел. Но весы вновь качнулись, и души стали одолевать. Все ближе и ближе подступали они... Иногда мне казалось, что среди воя я слышу голоса отца и братьев.

Однажды ночью, когда они подступили совсем близко, утомленный путник прибежал к моей башне. Странно глядели глаза его, и я поблагодарил благих богов, что послали его к моей двери, - я понял, что делать. Дал ему еды и питья и подмешал в него жидкость, что несет сон и отлучает нагой дух от плоти. Должно быть, они поймали его и разорвали, потому что тело путника истекло кровью и он умер. Это несколько утихомирило их... вой удалился, и не скоро стал приближаться вновь. Но боги были добры ко мне и всегда посылали гостя, прежде чем звук подступал слишком близко. Я научился перевязывать тела тех, кого подпаивал зельем, чтобы они могли протянуть подольше, и смерть моих жертв полнее удовлетворила тех, кто воет.

Тут старик умолк, странно затряс головой и слабо, с укоризной поцокал языком.

- Но вот что меня теперь беспокоит, - продолжил он, - они стали теперь жаднее или, быть может, поняли мою хитрость. Ведь теперь их труднее удовлетворить, они обступили меня отовсюду и теперь больше не удаляются. Иногда я просыпаюсь ночью и слышу, как они обнюхивают все вокруг, чувствую их морды у моего горла. Мне нужны мужчины, больше мужчин, чтобы они охраняли меня. Они мне необходимы. Этого, - он указал на оцепеневшее тело проводника, - они словно и не заметили, словно засохшую кость. Но этот, - палец его обратился к простертому Фафхрду, - этот задержит их надолго.

Снаружи стало темно, свет исходил лишь от дрожащего пламени свечи. Мышелов с яростью глядел на старика, восседавшего на стуле, будто неряшливо ошипанный петух. А потом перевел взгляд на Фафхрда: громадная грудная клетка друга вздымалась и опадала. Над бинтами выступала сильно побледневшая челюсть. Тут ужасный гнев и безмерное отвращение овладели им, и, забыв обо всем, он бросился на старика.

Но в тот миг, когда длинный кинжал уже был занесен для рокового удара, звук вернулся. Он словно вытекал из какой-то налитой до краев мраком ямы, сотрясая и башню и всю равнину, так что задрожали стены, и пыль взметалась с мертвых чучел, подвешенных к потолку.

Мышелов остановил клинок в ладони от горла старика, судорожно трясащего в ужасе запрокинутой головой. Звук вернулся, а это значило только одно: без старика Фафхрда не спасти. В нерешительности отпихнув старика в сторону, Мышелов склонился над другом, потряс его, заговорил. Ответа не было. И тогда он услышал голос старика. Тот дрожал, и слова его почти не были слышны за звуком, но в голосе его теперь слышались едва ли не наслаждение и уверенность.

- Тело твоего друга находится на грани жизни и смерти. И если ты будешь груб, равновесие нарушится. Если ты сорвешь сейчас повязки, он лишь быстрее умрет. Ты не можешь помочь ему. - И словно прочитав в глазах Мышелова вопрос, ответил: - Нет, противоядия нет, - и поспешно добавил, словно опасался отнять у него надежду: - он не беззащитен там. Он могуч. И дух его будет могучим. Быть может, ему окажется по силам утомить их. Если он переживет полночь, то, возможно, вернется.

Мышелов обернулся и поглядел на старика. И снова тот словно прочитал нечто в безжалостных глазах Мышелова, потому что произнес:

- Тем, кто воет, будет мало моей смерти от твоей руки. Убив меня, ты все равно не спасешь своего друга, наоборот - погубишь. Если ты отнимешь у них мою душу, они разорвут душу его.

Иссохшее тело старика дрожало в припадке возбуждения и страха. Руки тряслись, голова раскачивалась вперед-назад, словно у паралитика. Трудно было хоть что-то прочесть на дергающейся физиономии с остекленелыми блюдцами глаз. Мышелов медленно поднялся на ноги.

- А может, и не разорвут, - сказал Мышелов. - Погубит его, как ты говоришь, твоя смерть или нет, - он говорил медленным, размеренным тоном, - я все же рискну и убью тебя прямо сейчас, если ты не предложишь ничего лучшего.

- Подожди. - Старик попытался отвести кинжал Мышелова и отдернул порезанную руку. - Подожди. Есть способ помочь ему. Где-то там, - он широко махнул рукой вверх,

- дух твоего друга бьется с ними. У меня еще есть этот состав. Я и тебе дам глотнуть. Тогда ты сможешь биться с ним рядом. Вместе вы победите. Но нужно торопиться. Гляди! Они уже набросились на него.

Старик показал на Фафхрда. Повязка на левой руке варвара утратила прежнюю белизну - на левом запястье рдело пятно, именно там, где может вцепиться собака. Увидев это, Мышелов почувствовал, как похолодело все его нутро. А старик все толкал что-то ему в руку.

- Пей! Пей скорее! - приговаривал он.

Мышелов поглядел вниз. Это был небольшой стеклянный флакон. Глубокий пурпур его содержимого напоминал цвет струйки, застывшей в уголке рта Фафхрда. Словно завороченный, он вытащил пробку, медленно поднес флакон к губам и...

- Быстрее, быстрее, - торопил старик, почти приплясывая от нетерпения, - половины будет довольно, и ты очутишься рядом с другом. Времени уже мало. Пей! Пей!

Но Мышелов не спешил. Вдруг осененный внезапной мыслью, он из-за поднятой руки поглядел на старика. И старик, должно быть, мгновенно прочел его мысль... Выхватив из книги кинжал, он с неожиданной быстротой бросился на Мышелова. И преуспел бы, не приди тот в себя и не выбей ударом кулака по руке кинжал, звякнувший где-то поодаль. Потом осторожно и расчетливо Мышелов поставил флакон на стол. Старик потянулся следом, попытался опрокинуть его, но железные руки Мышелова стальной хваткой стиснули его кулаки. Мышелов заставил старика опуститься на пол и прижал руки к камням, голова его откинулась назад.

- Да, - согласился Мышелов, - я выпью, не опасайся, но выпьешь и ты сам.

Старик издал полузадушенный визг и конвульсивно задергался.

- Нет! Нет! - кричал он. - Убей меня! Убей своим ножом! Только не это! Только не это! - Мышелов придавил коленями его руки, и нажал на подбородок. Вдруг старик затих и, глядя вверх с каким-то особенным блеском в белесых глазах, с суженными в точку зрачками, проговорил: - Это бесполезно. Я хотел одурачить тебя, остатки наркотика я отдал твоему другу. А у тебя в руках - яд. И мы оба умрем жалкой смертью, и твой друг безвозвратно погибнет.

Когда же он понял, что Мышелов не внемлет ему, старик снова начал яростно сопротивляться. Но Мышелов был неколебим. Старик глубоко прокусил ему мякоть большого пальца, но Серый все же заставил старика разжать челюсти и, взяв его за нос, влил пурпурную жидкость прямо в рот. Даже в глотке слышалась поступь смерти... Потом Мышелов допил остатки - жидкость с тошнотворно приторным запахом оказалась на вкус солоноватой как кровь - и стал ждать.

То, что он сделал, наполняло его отвращением. Никогда прежде ему не доводилось еще вызывать такой ужас в мужчине, да и в женщине. Уж лучше было убить старика. Выражение лица его теперь было как у младенца... под пыткой. Лишь этот несчастный старик, думал Мышелов, знает истинный смысл грозного воя, что отдавался в ушах. Мышелов едва не позволил старику добраться до книжала, к которому тот вяло тянулся, но подумал о Фафхреде и сильнее прижал руки старика к полу.

Комната начала постепенно наполняться туманом, закачалась и стала медленно вращаться. Голова Мышелова кружилась, словно звук растворял сами стены. Что-то дергало его тело, с любопытством копошилось в мозгу. А затем его охватил вихрь абсолютной тьмы, содрогавшейся от демонического воя.

Но на обширной пустой равнине, которой тьма вдруг уступила место, звуков не было. Только жуткий холод. В лунном свете взгляду открывались бесконечные окаменевшие отложениями волнами скалы да резкий очерченный горизонт без всяких ориентиров.

Он ощутил, что рядом с ним находится нечто и пытается укрыться за его спиной. Вдруг неподалеку он заметил бледный силуэт... инстинктивно он понял, что это Фафхр. И вокруг него бушевали нечеткие темные силуэты... свора. Тени собак то насккивали, то припадали к земле... глаза их светились ярче бликов луны, длинные морды беззвучно церились. Рядом жалась к нему какая-то тварь. И Мышелов ринулся на помощь другу.

Призрачная свора бросилась навстречу, и он приготовился отбиваться. Но вожак проскочил мимо его левого плеча, остальные разделились, обтекая его, словно бурлящий черный ручей. Тогда он понял, что пытавшаяся укрыться позади него тварь исчезла. Он обернулся и увидел, что черные силуэты гонятся за второй бледной тенью.

Она стремительно убегала, но они догоняли. Погоня перепрыгивала с одной каменной волны на другую. Вместе со сворой силуэт догоняли и высокие, с виду человеческие, фигуры. Все они медленно уменьшались в размере, пока не стали крошечными, почти незаметными. Но жуткая ярость и страх, источаемые ими, не пропадали.

А потом исчез призрачный свет луны, которой не было, остался лишь холод, скоро и он рассеялся в никуда...

Когда он проснулся, над ним склонилось лицо Фафхрда, тот приговаривал:

- Лежи, малыш. Лежи спокойно. Нет, я не ранен. Просто порвали руку. Не так уж и плохо. Не хуже, чем тебе.

Но Мышелов нетерпеливо потрянул головой и оторвал свое ноющее плечо от ложа. В узких клинках солнечного света, света, что пронзал узкие окна, клубились пылинки, и тогда он увидел труп старика.

- Да, - ответил Фафхрд, когда Мышелов вяло отвалился назад, - теперь его страхи закончились. Они разделились с ним. Мне следовало бы ненавидеть его. Но кто может ненавидеть растерзанный труп? Когда я появился в башне, он дал мне снадобье. В моей голове что-то спуталось. Я поверил его речам. Он говорил, что питье сделает меня богом. Я выпил и оказался в аду - в холодной пустыне. Но теперь все позади, и мы на Нихвоне.

Мышелов же разглядывал свисавшие с потолка тщательно высушенные и, вне всяких сомнений, безжизненные тельца, и чувствовал удовлетворение.

VI. Затонувшая земля

- Ну, я родился в близнецах со счастьем, - радостно заорал Фафхрд, подскочив на месте так, что отнюдь не шаткий шлюп качнулся, несмотря на противовесы. - Я поймал рыбину посреди океана! Я вспорол ей брюхо! И погляди, малыш, что я нашел!

Серый Мышелов слегка отстранился от оказавшегося прямо перед его лицом измазанного рыбьей кровью кулака, сморщил нос с привередливой ухмылкой, поднял левую бровь и пригляделся. Предмет этот не казался крохотным даже на широкой ладони Фафхрда и, хотя был измаран кровавой слизью, поблескивал золотом. Это было кольцо...

и ключ одновременно. Стержень ключа был отогнут под прямым углом к кольцу и лежал на палец при носке. На нем была какая-то резьба. Мышелову перстень не понравился - инстинктивно. Смутная тяжесть, что одолевала его уже не первый день, словно сошлась на блестящем предмете.

Во-первых, ему совсем не нравилось громадное соленое Внешнее Море, и только смелость и настойчивость Фафхрда, да собственная тоска по земле ланхмарской заставили его пуститься в долгое и, вне сомнения, рискованное путешествие над неизведанными глубинами. Во-вторых, ему не нравилось, что вокруг кипит вода от мальков... - на таком-то расстоянии от земли! Даже ровная тихая погода и попутный ветер беспокоили его, словно знаменовали впереди великие беды, как несет грозу медленно подступающее облачко. Слишком много удач - это опасно. И теперь это кольцо, прямо-таки свалившееся в их руки при удивительном стечении обстоятельств.

Они разглядели вещицу, Фафхрд медленно покрутил ее. На кольце можно было различить гравировку - морское чудовище увлекало под воду корабль. Изображение, впрочем, было весьма стилизовано, деталей было немного, так что нетрудно было и ошибиться. Но более всего Мышелова удивил незнакомый стиль рисунка, хотя он странствовал повсюду и знал мир.

Напротив, в памяти Фафхрда это кольцо пробудило странные воспоминания о неких легендах, что рассказывают долгими северными ночами вокруг костров из плавника: о дальних морских странствиях, о прибрежных набегах в незапамятные времена, вспоминались и кое-какие вещи. К примеру, остатки добычи невообразимо дальнего предка, поблескивавшие возле костра, - считалось, что ритуальная ценность их слишком велика, чтобы менять, продавать или дарить такие предметы. Вспоминались и зловещие неясные страхи, которыми пугали мальчишек, осмеливавшихся чересчур далеко заплывать в море просто так или в лодке. На мгновение зеленые глаза его затуманились, обветренное лицо стало серьезным, но лишь на мгновение.

- Прелестная вещица, согласись, - рассмеялся он. - И чью же дверь отпирает этот ключ? Дамочки какого-нибудь короля. Вот что я тебе скажу, погляди: ключ этот как раз для королевского пальца. - Он подбросил ключ вверх, поймал и обтер о грубую ткань собственной рубахи.

- Я бы не стал надевать его, - предостерег Мышелов, - не иначе рыбина отъела его вместе с пальцем с руки мертвеца и со всем трупным ядом. Выбрось его.

- И посиди у борта, может, выловишь побольше? - лукаво ухмыльнулся Фафхрд. - Нет, мне довольно и этого. - Он надел кольцо на средний палец левой руки, стиснул кулак, критически оглядел его. - Годится и для драки, - добавил он.

Тут над водой блеснула чешуей крупная рыбина, чуть не ударившаяся о лодку, и Фафхрд подхватил свой лук, наложил на тетиву неоперенную стрелу с зазубренным тяжелым наконечником и стал внимательно вглядываться в воду, наступив ногой на балансир. От стрелы тянулась тонкая бечевка.

Мышелов глядел на него не без зависти. Громадный Фафхрд на борту корабля всегда обретал непривычную легкость и уверенность в движениях. Он становился на воде таким же проворным, каким был на суше Мышелов. Сам Серый вовсе не был сухопутной крысой и владел судном не хуже Фафхрда, но ему всегда становилось слегка не по себе, когда со всех сторон день за днем его окружала вода. Фафхрду в свой черед не по душе были города, хоть и в них находились для гиганта кое-какие удовольствия: таверны и уличные схватки. На борту корабля Мышелов становился осторожным и подозрительным: все искал течи, все боялся, что вспыхнет пожар, протухнет еда и сгниют тросы. Раздражала его и привычка Фафхрда радоваться бурям - тот вечно тянул время, не торопясь брать паруса на рифы. Несколько раздражало вдобавок и то, что подобные поступки друга нельзя было считать просто дурачеством.

Фафхрд продолжал внимательно вглядываться в медленно колыхавшуюся, убегающую назад воду. Длинные медно-красные волосы его были зачесаны назад и туго перевязаны. На нем была коричневая рубаша и брюки, на ногах легкие кожаные шлепанцы, которые легко сбросить. Пояс же, длинный меч и прочее оружие, конечно, были завернуты в промасленное тряпье от ржавчины и убраны. Никаких узоров и драгоценностей, кроме кольца.

Взгляд Мышелова миновал друга и устремился вдаль, к горизонту: по правому борту с носа начинали скапливаться облака. Почти с облегчением он подумал, что они наконец дождались скверной погоды. Потуже затянув тонкую серую

рубаху на горле, он сдвинул руль. Почти закатившееся солнце бросало тень его скрючившейся фигуры на коричневый парус.

Звякнула тетива лука, стрела Фафхрда плеснула в воде. Тонкий лить, подобранный петлями в правой руке, со свистом разрезал воду. Северянин придерживал бечеву пальцем. Она слегка ослабла, потом скользнула к корме. Нога Фафхрда локтя на три скользнула по балке, связывающей шлюп с поплавком, за ней последовала другая и тоже оперлась о поплавок. Гигант лениво разлежся на балке, море омывало его ноги, осторожно подводя рыбину, он похотывал и удовлетворенно бурчал.

- И каково же твое счастье на этот раз? - осведомился Мышелов чуть попозже, когда Фафхрд в уютной кабине на носу подавал ему нежное белое мясо, сваренное на жаровне. - Неужто нашел и браслет с ожерельем под пару кольцо?

Фафхрд ухмылялся с набитым ртом и не отвечал, словно важнее еды дела на всем свете не было и быть не могло. Но когда они растянулись чуть позже под звездной тьмою, по которой ползли черные пятна облаков, а ветер с правого борта подгонял их суденышко, он заговорил:

- Кажется, земля эта звалась Симоргией, она давно затонула в море, с тех пор прошли века и века. Но уже тогда мой народ совершал набеги в эти края, хотя до них долго шли под парусом, а весь обратный путь приходилось грести. Я плохо помню сказы о ней. Какие-то обрывки, что с детства запали в память. Но мне довелось видеть несколько безделушек, украшенных подобной резьбой, впрочем, совсем немного, две или три. В легендах, кажется, говорилось, что мужи этой дальней Симоргии были могущественными магами и утверждали, что властны над ветром, и над волнами, и над всякой тварью под ними. За это море и поглотило их всех. И теперь они там. - Он крутанул рукой, показывая пальцем на дно лодки. - В легендах говорилось, что однажды летом наши люди ушли в набег на эти края, но вернулась только одна лодка, да и то когда уже были потеряны все надежды, люди в ней умирали от жажды. Они говорили, что все плыли и плыли вперед, но так и не достигли Симоргии, ее скалистых берегов с приземистыми многооконными башнями. Следующим летом в набег ушло народа побольше, но Симоргии опять не нашли.

- Значит, - резко спросил Мышелов, - мы проплываем

сейчас над этими затонувшими землями? И быть может, твоя рыбина сновала вокруг башни, вплывала и выплывала сквозь окна.

- Как знать... - отвечал Фафхрд сонным голосом. - Океан велик. И если мы оказались именно там, где ты думаешь, значит, мы почти дома... Вот так. А может, и нет. Я ведь не знаю, существовала ли Симоргия на самом деле. Творцы легенд умели приврать. В любом случае едва ли эта рыбина стара настолько, чтобы отъесть палец у мертвеца из Симоргии.

- Тем не менее, - тихо отозвался Мышелов, - я бы выбросил это кольцо.

Фафхрд хихикнул. Воображение его пробудилось, перед ним предстала сказочная Симоргия, не во тьме морской, под покрывалом донного ила, но такой, как была когда-то; живая, в давнем расцвете ремесел и торговли, сильная своим чужестранным чародейством. А потом картина перед внутренним взором его переменялась и он увидел узкую длинную двадцативесельную галеру своего народа, режущую волны в бушующем море. Золото и сталь поблескивали на стоявшем на корме капитане. Рулевой с вздувшимися мышцами удерживал свое весло. Лица гребцов-воинов горели восторженным нетерпением, стремясь к грабежу. Весь корабль был подобен кровожадному наконечнику стрелы. Он удивился, почему так ярко предстала его взору картина. Знакомые желания слегка растревожили и его кровь. Он ощущал кольцо, провел пальцем по резному изображению корабля и чудовища и снова хихикнул.

Мышелов достал из кабины неровную свечу с грубым фитилем, вставил ее в маленький роговой фонарь, что укрывал огонек от ветра. Фонарь слегка разгонял тьму у кормы. Теперь до полуночи была вахта Мышелова. Фафхрд быстро уснул.

Проснулся он от ощущения, что погода переменялась и требовалось поспешить с парусами. Мышелов звал его. Шлюп накренился так, что поплавок с правого борта лишь черкал по вершинам волн. Фонарь бешено раскачивался. Звезды можно было видеть лишь за кормой. Мышелов повернул шлюп к ветру, а Фафхрд взял паруса на тройной риф, а волны молотили в корму, иной гребень уже переклестывал через борт.

Когда они снова легли на курс, он не сразу присоединился

к Мышелову и, стоя на балансире, едва ли не впервые принялся размышлять, как шлюп выдержит волну. Лодка была не из тех, каким доверялись в его северном отечестве, но лучшей найти просто не удалось. Он тщательно прошпаклевал и просмолил ее, сделал заново все изношенные деревянные части, заменил треугольный парус квадратным и чуть нарастил борта на носу. Чтобы увеличить устойчивость, чуть позади мачты с обоих бортов он подвесил противовесы, выбрав для длинных поперечин прочнейшую древесину, и прогнул их подобающим образом, тщательно пропарив. Лодка была доброй работы, но он не обманывал себя - у нее было много слабостей, в том числе и неуклюжий набор. Вдохнув влажный соленый воздух, Фафхрд прищурился и поглядел в сторону ветра, чтобы оценить погоду.

Мышелов рядом заговорил:

- Выбрось кольцо, прежде чем оно накличет на нас ураган!

Фафхрд улыбнулся и широким жестом отмахнулся от друга.

- Нет. - И вновь повернулся лицом к первозданному хаосу, в котором ветер мешал беснующиеся волны с тьмой. Мысли о лодке и погоде отступили, он наслаждался, впивая повергающее в трепет вековечное буйство, раскачиваясь, чтобы не упасть, ощущая всякое движение лодки и еще что-то родственное разбушевавшейся, забывшей Бога стихии.

И тогда, лишив его сил и желания что-то делать, сковав словно заклятьем, все и случилось: стену бушующей тьмы пронзил увенчанный головой дракона нос галеры. Темные борта черного дерева, легкие весла, влажные отблески на металле - она так напоминала пригрезившийся ему корабль, что он даже онемел, не понимая, то ли началось новое видение, то ли повторяется старое, то ли своей же мыслью вызвал он эту галеру из тьмы веков. Нос ее вздымался все выше и выше.

С криком Мышелов навалился на румпель, изогнувшись в отчаянном усилии. Шлюп едва успел увернуться с пути вздымавшейся головы дракона. Но Фафхрду судно все еще казалось призрачным. Он не слышал, как кричал Мышелов, когда парус шлюпа наполнился с обратной стороны и резко вывернулся, рей ударил Фафхрда сзади под колени, сбросил вперед, но не в бушующее море... ноги его попали на узень-

кую полоску поплавок, он отчаянно балансировал на узкой опоре. В это мгновение сверху прямо на него опустилось весло галеры, он уклонился и, падая, инстинктивно ухватился за лопасть весла. Море крутило и вертело его, он держался и даже начал подтягиваться вверх по веслу, перебирая руками.

Ноги его онемели после удара. Он боялся, что не сумеет плыть. На мгновение он совсем позабыл и про Мышелова, и про шлюп. Одолев жадные волны, он добрался до борта галеры, ухватился за отверстие для весла. Тут только он оглянулся, в каком-то одурении обнаружив, что корма шлюпа удаляется, а над ней в неярком свете фонаря под серой шапкой белеет лицо Мышелова, взирающего на него с откровенной беспомощностью.

То, что случилось потом, немедленно рассеяло сковывавшие его чары. На него замахнулась рука, сжимавшая сталь. Изогнувшись, он поймал ее за запястье, ухватившись за борт, поставил ногу в весельный порт, потом на весло и дернул. Противник его выронил нож слишком поздно, не успев ухватиться, и вылетел за борт, брызнув слюной и лязгнув зубами. Инстинктивно развивая успех, Фафхрд спрыгнул на скамью гребцов, оказавшуюся последней, она наполовину уходила под палубу полуюта. Его ищущие глаза мгновенно обнаружили во тьме стойку с мечами, и он выхватил один из клинков, угрожая двум неясным фигурам, подступавшим к нему от первых скамей и с полуюта. Они набросились на него в полном безмолвии, что было странно. Усеянные каплями воды клинки искрились соприкасаясь.

Фафхрд дрался осторожно, опасаясь ударов сверху, соизмеряя собственные выпады с качкой галеры. Отразив сокрушительный прямой удар, он еле успел парировать неожиданный режущий выпад обратной стороной того же меча. В его лицо то и дело били пары винного перегара. Кто-то взметнул весло. Словно чудовищное копье, оно легло между Фафхрдом и его двумя соперниками, оперевшись другим концом на стойку с мечами. Фафхрд успел заметить крысиное лицо с глазами-бусинками, взиравшими на него из тьмы под палубой полуюта. Один из противников, широко замахнувшись, не удержался и рухнул. Другой отступил, готовясь к броску. Но меч его замер в воздухе, глаза глядели за спину Фафхрда, словно обнаружив нового врага. Гребень громадного вала обрушился на северянина, скрыв его из вида.

Вода тяжело придавила плечи Фафхрда, и, чтобы не упасть, он уцепился за доски полукюта. Палуба накренилась. И тут вода хлынула через весельные люки и с другой стороны. В смятении он понял, что галера попала во впадину между валами и приняла воду с обоих бортов. Такого она выдержать не могла - не так была построена. Прямо перед новым уже загибавшимся гребнем он вспрыгнул на полуют и всей своей силой навалился на рулевое весло в помощь изнемогающему одинокому рулевому. Вместе они тянули громадное весло, казалось, увязшее в камне. Дюйм за дюймом отвоевывали они. Тем не менее казалось, галера обречена.

И тут что-то - стих ли на мгновение ветер, удачно ли ударили веслами передние гребцы - решило дело. С трудом, медленно, как полузатопленная баржа, галера повернулась и стала разворачиваться на верный курс. Фафхрд и рулевой отчаянно сопротивлялись, удерживая каждый отвоеванный фут. И лишь когда галера вновь правильно развернулась по ветру, они поглядели вверх. В грудь Фафхрда были направлены два меча. Прикинув шансы, он не стал шевелиться.

Трудно было представить, но в залитом водой корабле сохранился огонь - один из мечников держал в руке потрескивавший смолистый факел. В свете его Фафхрд увидел, что его окружают северяне, похожие на него самого. Громадные, ширококостные люди, светловолосые настолько, что, казалось, у них не было бровей. На всех была кожаная броня с нашитыми пластинами из металла и плотно облегающие голову металлические шлемы. На лицах застыло нечто среднее между оскалом и ухмылкой. Снова запахло винным перегаром. Он поглядел вперед. Трое гребцов вошли с ведром и ручной помпой.

К полуюту широким шагом кто-то приближался; золото, драгоценности и уверенный вид говорили, что это предводитель. Гибко как кошка он вспрыгнул вверх по короткой лестнице. Он казался моложе прочих, и черты лица его были почти изящны. Тонкие волосы, шелковистые и светлые, влажно липли к щекам. Но в плотно сжатых, улыбающихся губах угадывалась рысья жестокость, а голубые самоцветы глаз блестели безумием. Лицо Фафхрда окаменело. Его беспокоило одно: почему посреди всей суеты и смуты не было ни воплей, ни криков, ни зычных приказов. Вступив на борт, он не услышал ни слова.

Молодой вождь - улыбка его стала чуть шире - указал на гребную палубу.

Тогда Фафхрд нарушил молчание и голосом, казавшимся здесь неестественным и хриплым, прогудел:

- Чего вы хотите? Учтите, я спас ваш корабль.

Он напрягся, не без удовлетворения заметив, что рулевой оставался с ним рядом, словно общее дело как-то связало их. Улыбка оставила лицо вождя. Приложив палец к губам, он нетерпеливо повторил свой жест. На этот раз Фафхрд понял - ему следовало занять место гребца, которого он выбросил за борт. Оставалось только признать схидную справедливость распоряжения. Он понимал, что теперь его ждет либо быстрая смерть, если он возобновит бой в невыгодной для него обстановке, либо медленная - если он бросится за борт в безумной надежде отыскать плюп в бушующей и воющей тьме. Руки с мечами напряглись. Он коротко кивнул головой и поднялся. По крайней мере он был среди собственного народа.

При первом же соприкосновении лопасти его весла с тяжелыми дыбющимися волнами новое чувство охватило Фафхрда - вовсе не чуждое ему. Он словно стал частью корабля, и общая цель стала и его целью, какова бы она ни была. Такова вековая привычка гребца, а когда мускулы его разогрелись, а нервы привыкли к ритму, он стал украдкой оглядываться на окружавших его мужей так, словно знал их, словно пытался проникнуть в мысли, скрытые за суровыми сосредоточенными лицами.

Нечто закутанное во многие складки ветхой ткани вывалилось из небольшой каюты сзади под полуютом, рука с кожаной фляжкой протянулась из этого нуля ко рту сидевшего напротив гребца. Странное существо это казалось абсурдно приземистым среди высоких мужчин. Когда незнакомец обернулся, Фафхрд узнал глаза-бусинки, что уже видел: под тяжелым капюшоном оказалось тонкое, морщинистое, охряное лицо старого мингола.

- Значит, ты и есть новичок, - насмешливо проскрипел мингол, - мне понравилось, как ты держишь меч. А теперь пей, потому что Лавас Лаерк может решить принести тебя в жертву морским богам еще до рассвета. Но помни, нельзя пролить ни капли.

Фафхрд жадно втянул жидкость и едва не закашлялся,

когда крепкое вино хлынуло ему в глотку. Мингол быстро отвел флягу.

- Теперь ты знаешь, чем Лавас Лаерк кормит своих гребцов. В этом мире и в соседнем едва ли найдутся еще экипажи, что гребут на вине. - Он хихикнул и добавил: - Ты удивляешься, почему я говорю громко? Ну, юный Лавас Лаерк может требовать, чтобы все его люди хранили обет молчания, но ко мне это не относится - ведь я просто раб. И я приглядываю за огнем - ты видел, сколь тщательно, - подаю вино и готовлю мясо, а еще произношу заклинания на благо всего корабля. Но кое-чего не только Лавас Лаерк - никто из людей или демонов не вправе требовать от меня.

- Но что же Лавас Лаерк...

Морщинистая ладонь мингола закрыла рот Фафхрда, оставив шепот!

- Шш! Разве тебе не дорога жизнь? Помни, ты теперь дружинник Лаваса Лаерка. Но я объясню тебе все, что положено знать. - Он уселся рядом с Фафхрдом на мокрую скамью, заваленную грудой черных, невесть кем забытых лохмотьев. - Лавас Лаерк поклялся разорить берега далекой Симоргии, и он и его люди дали обет молчания, пока перед ними не покажутся ее прибрежные скалы. Шш! Шш! Я знаю, многие говорят, что Симоргия навеки скрылась под волнами, говорят еще, что этой земли никогда не было. Но Лавас Лаерк поклялся великой клятвой перед своей матерью, которую ненавидит еще пуще, чем собственных друзей... Он убил человека, усомнившегося в его правоте. Так что мы ищем Симоргию, пусть в этих краях можно будет грабить лишь рыб и обирать мантии устриц. Откинись назад, не наваливайся так на весло, и я поведаю тебе секрет, в котором нет секрета, а еще - сделаю пророчество, далекое от пророчества. - Он наклонился поближе. - Лавас Лаерк ненавидит трезвых мужчин. Он верит, и вполне справедливо, что лишь пьяный может быть хоть на каплю подобным ему. Сегодня экипаж будет хорошо грести, хотя прошел уже день с тех пор, как им давали мясо. Сегодня вино позволит им увидеть тусклые отблески тех видений, что всегда открыты глазам Лаваса Лаерка. Но наутро спины их будут ныть, животы болеть, а головы - разламываться на части. И тогда начнется мятеж, и Лаваса Лаерка не спасет даже его безумие.

Фафхрд с удивлением заметил, что мингол вдруг слабо

каплянул, задрожал и почему-то забулькал. Он потянулся к нему, и теплая жидкость омочила его пальцы. Лавас Лаерк извлек свой кинжал из шеи мингола, тот рухнул со скамьи вперед лицом.

Не было произнесено ни слова, но весть о том, что свершилась мерзость, безмолвно кочевала в бушующей мгле от гребца к гребцу и наконец достигла передней скамьи. Забурлило сдерживаемое возмущение... медленно расплзлась по скамьям весть о гнуснейшем деянии, убийстве раба, что следил за огнем, чья магия, пусть над ней и смеялись втихомолку, неразрывно переплеталась с судьбой самого корабля. Отчетливых звуков люди не произносили, но бормотания, воркотни, бурчания оказалось довольно: весла втащили внутрь и уложили вверх лопастями; ропот, в котором смешивались страх, отчаяние и ужас, метался от носа к корме, словно волна в корыте. Почти захваченный ею Фафхрд готов был вскочить, но нападать ли ему на неподвижно застывшего Лаваса Лаерка или рвануться назад, в относительную безопасность кабины на полуюте, решить он не мог. Конечно, Лавас Лаерк был обречен, и судьба его тут и свершилась бы, но именно в этот момент рулевой на корме разразился громким, дрожащим от волнения криком:

- Хо, земля! Симоргия! Симоргия!

Дикий крик этот, словно костлявая ладонь, подхлестнул возбуждение экипажа, что достигло уже предела. Сперва все не веря затаили дыхание, потом послышались крики изумления, страха... и проклятия пополам с молитвой. Два гребца схватились в драке только потому, что столь сильный и болезненный накал чувств можно было разрядить лишь действием, неважно каким. Какой-то гребец отчаянно навалился на собственное весло и, срываясь на визг, требовал от остальных последовать его примеру, развернуть галеру обратно и спастись... спастись. Фафхрд вскочил на свою скамью и поглядел вперед.

В опасной близости горой вздымалась земля: громадное черное пятно, темнее ночной тьмы, отчасти скрытое несущимися облаками, туманом... Но через разрывы в нем то здесь, то там, вблизи и подальше проступали неяркие прямоугольники света, их правильное расположение свидетельствовало о том, что они могли быть только окнами. И с каждым отчаянным биением сердца рев прибора, грохот разбивающихся волн становились все громче.

Все случилось внезапно. Прямо перед лицом Фафхрда мимо скользнул нависший утес, да так близко, что хрустнуло весло с противоположной стороны. Волна подняла галеру, и, потрясенный, он увидел в утесе три окна, если только это не была полузатопленная башня, но внутри ничего не было видно - лишь призрачный свет лился из желтых проемов. Послышались команды, Лавас Лаерк распоряжался хриплым высоким голосом. Кое-кто из его людей отчаянно приналег на весла, но было уже поздно, хотя галера, похоже, укрылась за какой-то скалой, где вода была поспокойней. Подо всем килем прокатился жуткий скрежет. Шпангоуты потрескивали и стонали. Наконец волна подняла их, вновь послышался страшный скрежет, люди повалились на палубу и катались по ней. И тут галера словно вовсе замерла, раздавался лишь рев прибоя. Лавас Лаерк с восторгом крикнул:

- Подавайте оружие и вино! Готовьтесь к набегу!

Слова его звучали немыслимо для столь опасного положения - безнадежно поломанная галера была зажата скалами. Но люди Лаерка заторопились и даже, казалось, обрели что-то от безумной решимости своего вожака, словно доказавшего им - мир безумен, как и он сам.

Фафхрд видел, как из кабины под полуютом выносили факел за факелом, наконец факелы затрещали, над всей кормой разрушенного корабля густо валил дым. Вокруг жадно припадали к бурдюкам, размахивали полученными кинжалами и мечами, сравнивали их, пытались приноровиться к оружию. Кто-то ухватил его за плечо и, подтолкнув к стойке с мечами, буркнул:

- Эй, Рыжий, и ты бери меч.

Фафхрд повиновался, но что-то подсказывало ему - бывшему врагу оружие не доверяют. Чутье не обмануло: Лавас Лаерк остановил своего лейтенанта, уже собиравшегося выдать Фафхрду меч. Он пожирал жадным взглядом левую руку северянина.

Лейтенант озадаченно поглядел на кисть, и Лавас Лаерк выпалил:

- Схватить его! - И одновременно сдернул что-то со среднего пальца Фафхрда. Тут только северянин и вспомнил: кольцо!

- В том, кто ковал его, сомневаться не приходится. - Лавас Лаерк лукаво поглядел на Фафхрда, ярко-голубые

глаза предводителя были близоруки или слегка косили. - Это - симоргский шпион, а скорее всего демон, принявший вид северянина, чтобы усыпить подозрения. Когда он появился на корабле? Разве не среди жесточайшей бури? Или кто-нибудь видел лодку?

- Я видел лодку, - заторопился с ответом рулевой, - страшный шлюп под квадратным парусом. - Но Лавас Лаерк косым взглядом в его сторону приказал рулевому замолчать.

Фафхрд спиной ощутил острие кинжала и напряг мышцы.

- Убить его? - прозвучало откуда-то из-за уха Фафхрда.

Лавас Лаерк криво усмехнулся во тьму и замер, словно прислушиваясь к советам какого-нибудь невидимого духа бури. Потом он качнул головой:

- Пусть чуть поживет, он может показать нам, где добыча! Охраняйте его с обнаженными мечами.

Потом все оставили галеру, спустившись вниз по веревкам, брошенным с носа на скалы, которые попеременно то открывались, то вновь покрывались водой. Один или двое с хохотом даже спрыгнули вниз. Там в пене зашипел и погас факел. Все орали. Кто-то пьяным голосом, скрипевшим как ржавый нож по точилу, завел песню. Тогда Лавас Лаерк придал своему отряду видимость порядка, и они маршем направились неизвестно куда, половина людей сжимала в руке факелы, кое-кто-не выпускал из объятий бурдюки, все то оступались, то спотыкались и вовсе кляли поросшие ракушками острые скалы, больно резавшие их при падении, и с преувеличенным рвением костерили обступившую тьму, в которой светились лишь прямоугольники окон. Позади них мертвым жуком чернела галера, брошенные весла торчали в разные стороны из портов.

Так с шумом и гамом они протопали не очень далеко - звук разбивающихся волн стал лишь немного тише, когда свет факелов озарил прямо перед ними портал ворот в громадной стене из черного камня, что могла быть оградой замка, а могла оказаться и просто изрезанной отверстиями пещер скалой. До верха квадратного портала можно было достать веслом. К нему вели три истертые каменные ступени, покрытые мокрым песком. Люди смутно различали колонны, тяжелую перемычку над головой, резьбу над ней, местами заляпанную илом и какими-то наростами, но тайные символы, запечатленные в камне, конечно же, были симоргскими.

Примолкший к этому времени экипаж, озираясь, сбился в кучку. Тогда Лавас Лаерк насмешливо воззвал:

- Где же твоя стража, Симоргия? Где же твои воины? - И направился вверх по ступеням. После мгновенного замешательства люди его последовали за ним.

На массивном пороге Фафхрд невольно застыл, пораженный причиной слабого желтого света, который он заметил еще в высоких окнах. Светилось все. Потолок, стены, покрытый слизью пол - все испускало неровный свет. Даже резьба флюоресцировала. Трепет, смешанный с омерзением, охватил его. Но по бокам и сзади напирали, приходилось идти вперед. Вино и приказ вождя туманили разум людей, они топали по длинному коридору, словно не замечая повсюду следов, оставленных при отступлении подводным царством.

Сперва некоторые по крайней мере держали оружие наготове, чтобы отразить нападение из засады, но вскоре об осторожности позабыли, иные уже прикладывались к бурдюкам и отпускали шуточки. Громадный рулевой, на светлой бороде которого пена прибоя оставила желтые пятна, затянул матросскую песню, остальные принялись подтягивать, да так, что затряслись мокрые стены. Все глубже и глубже спускались они в пещеру ли... или в подвалы замка по широкому, закручивающемуся коридору, покрытому толстым слоем ила.

Людской поток уносил с собой Фафхрда. Когда он замедлял шаг, его подталкивали, и он непроизвольно начинал торопиться. Лишь глаза его подчинялись собственной воле, впивая исполненным трепета взором бесчисленные подробности, открывавшиеся ему то с одной, то с другой стороны: бесконечные ряды неясных фигур, морских чудовищ и отвратительных, почти людских силуэтов, человекоподобных изображений гигантских мант или скатов, словно оживавших и слегка шевелящихся в дрожащем свечении, череду эту прервали несколько крупнейших окон или просто отверстий, занавешенных темными скользкими водорослями. Повсюду были лужи воды, дергались живые еще, задыхавшиеся рыбины, идущие давили их ногами или отбрасывали прочь, в углах под водорослями укрывались наросты ракушек. В мозгу Фафхрда все громче и громче билась мысль: когда же остальные поймут, где они оказались. Кому же не ясно, что свечение вокруг - свечение моря. Должны ведь

эти безумцы понять, что таинственные обитатели глубин лишь совсем недавно оставили этот коридор. И конечно же, конечно, любой своими глазами может убедиться, что Симоргия действительно канула когда-то на дно морское и лишь вчера, а может быть, только что восстала из глубин.

Но все они топали за Лавасом Лаерком, и пели, и орали, и прихлебывали вино огромными глотками, откидывая назад головы и запрокидывая вверх на ходу бурдюки. Фафхрд же не мог рта открыть. Плечи его осели, словно тяжкий груз моря навалился на них. Ум его поглотило зловещее чувство, которое внушала затонувшая Симоргия, память древних легенд. Невольно представлялись черные века, когда лишь морские твари медленно вползали в лабиринты комнат, сновали по коридорам, ютятся повсюду, в каждой трещине и расселине... так Симоргия становилась одной из тайн океана. В глубоком гроте, открывшемся прямо в коридор, он приметил толстый каменный стол и громадную глыбу кресла за ним; там, как ему казалось, мешком осел осьминог - пародия на хозяина кабинета, - щупальца его были подогнуты, немигающие глаза слабо светились.

Понемногу свет факелов побледнел - становился сильнее мерзостный свет вокруг. И когда люди умолкли, оказалось, что рев прибоя уже не слышен.

Завернув за острый угол коридора, Лавас Лаерк издал торжествующий вопль. Шатаясь и спотыкаясь, остальные поспешили за ним и сразу же радостно завопили.

- О, Симоргия! - вскричал Лавас Лаерк. - Так вот где твоя сокровищница!

Коридор заканчивался квадратной комнатой, потолок которой был много ниже, чем в коридоре. Там и тут в ней были наставлены черные, источавшие влагу кованые сундуки. Под ногами вовсю хлопал ил, и луж здесь было побольше, и свет был сильнее.

Люди нерешительно замерли, но светловолосый рулевой ринулся вперед и ухватился за край ближайшего сундука. Угол распался прямо в его руках: дерево стало мягким как сыр, металл истекал черной грязной ржавчиной. Он снова взялся за сундук, отломив остатки крышки. Взглядам открылся тусклый блеск золота, драгоценные камни едва просвечивали сквозь слой слизи. Захваченный врасплох краб метнулся в сторону и исчез сквозь дыру в задней стенке.

С алчными воплями остальные набросились на сундуки,

трясли их, долбили, молотили мечами губчатую древесину. Двое подрались из-за сундука и рухнули на него, тот распался на части прямо под ними, а они все еще возились в грязи - на золоте и самоцветах.

Все это время Лавас Лаерк не сходил с того места, откуда испустил свой первый дразнящий крик. Позабытому всеми возле него Фафхрду казалось, что предводитель в смятении: приключение кончалось и безумный рассудок его пытался отыскать нечто ценнее золота и драгоценностей, способное насытить его прихотливую волю. Потом он заметил, что Лавас Лаерк внимательно вглядывается в квадратную, покрытую илом и явно золотую дверцу, расположенную почти наискось от выхода в коридор. На ней было вырезано какое-то странное, волнистое, похожее на одеяло морское чудовище. Лавас Лаерк гортанно расхохотался, а потом направился прямо к дверце. В руке его что-то поблескивало. Вздвогнув, Фафхрд узнал свое кольцо. Лавас Лаерк дернул дверцу, но та не открылась. Тогда он вставил кольцо ключом прямо в золотую дверцу и повернул его. Она подалась под новым толчком.

И тут Фафхрд понял - его словно окатило волной: ничто не происходит случайно, и все с того момента, когда стрела его вонзилась в рыбину, было кем-то подстроено... кем-то или чем-то... Оно захотело, чтобы дверцу отперли! Северянин повернулся и понесся по коридору так, словно приливался за ним по пятам.

В коридоре было светло и без факелов, со стен словно в отвратительном сне стекал бледный, кошмарный, дрожащий свет. Мертвенное сияние колыhalось словно живое, обрисовывало затаившихся в каждой нише обитателей, не замеченных им на пути туда. Фафхрд споткнулся, растянулся во весь рост, поднялся, помчался дальше. Как ни стремился он вперед, собственные движения казались ему медленными, кошмар словно сковывал его ноги. Он пытался глядеть только вперед, но уголки глаз все равно выхватывали все, что он уже видел: свисающие вниз водоросли, чудовищные рельефы, раковины, угрюмые глаза осьминога. Без удивления он заметил, что на ногах и теле его светятся пятна слизи. Из окружающего свечения вдруг выступил небольшой квадратик темноты, он припустил к нему из последних сил. Квадрат медленно увеличивался. Это был вход в пещеру. Он выпрыгнул через порог в ночь. Кто-то выкрикивал его имя.

Это был голос Серого Мышелова, друг звал его с моря, со стороны, противоположной той, где лежала разбитая галера. Он побежал на зов, спотыкаясь на предательских гребнях. Освещенный лишь вновь появившимися звездами, у ног его простирался черный залив. Фафхрд прыгнул, неловко приземлился на другую скалу; устояв на ногах, снова метнулся вперед. Над краем тьмы раскачивалась мачта. Он едва не полетел кубарем, наткнувшись на приземистого человека, внимательно вглядывавшегося во тьму, из которой он только что появился. Схватив Фафхрда за плечо, Мышелов повлек его за собой к краю воды... Зайдя поглубже, они вместе плюхнулись в воду и поплыли к шлюпу, оставленному на якоре в спокойном месте под защитой скал. Мышелов потянул было якорный канат, но Фафхрд просто полоснул по тугой веревке ножом, выдернутым из-за пояса Мышелова, и быстро, рывками вздернул парус.

Шлюп медленно тронулся с места, рябь превратилась в волны, волны выросли в валы, а затем шлюп скользнул мимо черной скалы, острием меча торчавшей из белой пены, и оказался в открытом море. Но Фафхрд молчал, поднимая все, что только могло парусить, он выжимал из потрепанного бурей шлюпа все возможное. Предоставленный собственному удивлению, Мышелов молча помогал ему.

Не успели они отойти подальше, когда все море трянуло. Оглянувшийся назад, за корму, Мышелов хрипло выкрикнул, не веря глазам. Их быстро догоняла волна, что была выше мачты шлюпа. Мышелов невольно поднял руки, чтобы как-нибудь заслониться от страшной черной стены. Корма шлюпа поползла вверх, вверх, вверх, кораблик добрался до вершины и, зависнув, рухнул по другую сторону гребня. За первой волной катила вторая, за ней третья, четвертая, они были разве только чуть ниже. Лодку побольше, конечно же, затопило бы в один миг... Потом громадные валы уступили место рваному водовороту волн поменьше, покрытому пеной. Чтобы удержать шлюп на плаву, требовались все их силы до последней капли и еще — тысяча мгновенных решений.

Когда забрезжил бледный рассвет, шлюп снова направлялся домой, на месте большого паруса, изодранного в последнем припадке бури, висело что-то, что нашлось, и уж куда меньше. Им пришлось вылить за борт уже достаточно много воды, чтобы сделать шлюп опять мореходным. Завороженно следивший за наступлением рассвета Фафхрд чув-

ствовал себя слабым, как женщина. Он едва слышал, как Мышелов рассказывал ему, что, потеряв в бурю галеру из виду, он верно угадал ее курс и следовал за нею, пока не утих шторм и не показался странный остров, как он по ошибке причалил к нему, решив, что это порт ее назначения.

Потом Мышелов принес жидкого и горького вина и соленой рыбы, но Фафхрд оттолкнул снедь и спросил:

- Я должен знать это. Я не оглядывался, а ты все время упорно смотрел за корму. Что там было?

Мышелов пожал плечами:

- Не знаю. Слишком было далеко, и свет такой странный. Чуть какая-то. И я бы многое отдал, чтобы оказаться поближе. - Он нахмурился и снова пожал плечами. - Ну, мне казалось тогда, что я вижу толпу мужчин, по виду северян, в больших черных плащах. Они выскочили из какой-то дыры. И странно, освещавший их свет исходил ниоткуда. И они размахивали этими черными плащами, словно дрались с ними или плясали... Говорю тебе, все выглядело очень глупо... А потом они рухнули на колени и локти, накрылись плащами и поползли назад, в дыру, из которой появились. А теперь скажи мне, что я лгу.

Фафхрд покачал головой.

- Только это были не плащи, - произнес он.

Мышелов понял, что в словах друга кроется больше, чем он может предположить.

- Так что же это было? - спросил он.

- Не знаю, - ответил Фафхрд.

- Что же все-таки это было, я имею в виду остров, едва не утаивший нас вместе с собою на дно?

- Симоргия. - Фафхрд поднял голову и ухмыльнулся столь жестоко и холодно, с таким бешенством во взоре, что Мышелов невольно отшатнулся. - Симоргия, - повторил Фафхрд и привалился к борту лодки, отводя взгляд вниз на убегающую назад воду. - Симоргия. Теперь она вновь утонула. И пусть она вечно волгнет там и гниет в собственной скверне, пока вся не покроется илом! - Дрожа как в припадке, он выпалил это проклятье и отодвинулся назад. Над восточным горизонтом появился первый алый мазок.

VII. Семь черных жрецов

Лужицами раскаленной лавы сверкали глаза на черном, словно застывший базальт, лице. Человек глядел вниз вдоль крутого откоса на заснеженный карниз, что сужаясь уходил в едва тронутую рассветом зябкую мглу. Сердце черного жреца колотилось. Никогда, ни при нем самом, ни при жреце, породившем его, не проходили чужаки этим узким путем, что вел от Внешнего Моря через горный хребет, имя которому Древний. Минуло уже три долгих цикла, начавшихся Годом Чудовища, четыре раза корабль на его памяти уходил за женами в Клиш и возвращался, но этим путем через горы проходили лишь он сам и его собратья... Однако все эти годы он стерег перевал столь же внимательно и надежно, словно по нему еженощно сновали какие-нибудь заблудшие и порочные лучники и копыеносцы, богохульники и грабители.

Тут снова - несомненно! - загремела песня. Судя по рыку, грудь у певца была просто медвежьей, словно каждую ночь ему приходилось упражняться в подобном занятии (именно так оно и было на самом деле). Черный жрец отложил в сторону свой конический колпак, оставил на месте подбитые шкурками туфли и выскользнул из мехового одеяния - поджарое тело со впалым животом блестело, натертое жиром.

Вернувшись назад в скалистую нишу, он выбрал тонкую ветку из тщательно укрытого костра, положил ее над углублением в скале. В ровном свете огонька стало заметно, что углубление наполнено, едва ли не на пядь до краев, осколками самоцветов. Он подумал, что пройдет не менее тридцати медленных вдохов, прежде чем ветка перегорит посередине.

Он молча вернулся к краю ниши над заснеженным карнизом... Высотой она была в три человеческих роста, если мерить по рослому воину, но его собственный рост превышала раз в семь. Теперь внизу на карнизе смутно темнела фигура... нет, две. Он вытащил длинный нож из набедренной повязки, встал на четвереньки. Пробормотал молитву некоему странному, абсолютно немислимому божеству. Где-то вверху потрескивал лед или сами скалы похрустывали, словно вся гора кровожадно расправляла плечи.

- Давай следующую песню, Фафхрд, - раздался веселый голос одного из путников. - Даю тебе тридцать шагов на сочинение, ведь на все приключение времени ушло не больше. Или снежный филин-скальд уже отморозил глотку?

Ухмыляющийся Мышелов шагал вперед, казалось бы, совершенно беззаботно, меч его - Скальпель - покачивался на боку. Серый плащ с высоким воротником и капюшоном, надвинутым на лоб, скрывал на смуглой физиономии все, кроме нахальства.

Фафхрд же был облачен в шерсть и меха: одежду им удалось спасти, когда шлюп разбился в этих морозных краях о прибрежные скалы. На его груди тускло поблескивала громадная золотая булавка, всклокоченные рыжие волосы были лихо перехвачены съехавшим набок золотым обручем. Лицо его с широко поставленными серыми глазами отражало спокойную удаль, хотя чело явно туманила дума. Над правым плечом его за спиной торчал лук, над левым же на медной драконьей морде-рукояти заброшенного за спину длинного меча поблескивали сапфировые глаза.

Наконец чело северянина прояснилось - не иначе какая-то дальняя, осененная гениями гора, вовсе не эта, заснеженная, по которой они проходили, одарила его словами, - он запел:

*Лицо Лаерка как жало,
Да, как острие кинжала.
Гребцов с ним - двадцать четыре.
Черный корабль его мчится
По волнам, как в поле волчица.
Быстрее не найдешь во всем мире.
Не спас конь морей быстроногий
Того, кто сбился с дороги,
Кто на проклятой суше
Магам отдал свою душу.
И теперь на морском дне
Рыб собой кормит в волне.
Не...*

Слова вдруг прервались, и Мышелов услышал скрип кожи по снегу. Обернувшись назад, он увидел, что громадный северянин летит к краю обрыва, и недоуменно подумал, зачем вдруг тому понадобилось изображать падение Лаваса Лаерка в зыби и хляби морские.

В последний момент локтями и ладонями Фафхрду уда-

лось зацениться за самый край карниза. В тот же миг черный, поблескивающий силуэт словно обрушился сверху как раз туда, где только что был северянин... приземлившись на руки, загадочная фигурка кувыркнулась, останавливая падение, и ринулась на Мышелова с ножом, сверкавшим в его руках, словно осколок месяца. Нож был направлен прямо в живот Мышелову и нашел бы цель, но Фафхрд, зацепившись рукой, дернул другой нападавшего за лодыжку. Мерзостно и тихо зашипев, черная фигурка обратилась к Фафхрду. Но Мышелов уже успел оправиться от неожиданного оцепенения, которому, как он уверял себя потом, никогда не осилить его в иных, не столь невообразимо промерзших и промозглых краях. Он шагнул вперед, отражая удар черного человечка; лезвие меча, высекая искры, ударило в скалу буквально в мизинце от руки Фафхрда. Умашенная жиром фигурка отлетела назад за спину Фафхрда, безмолвно, легкой мышью скользнула вниз и исчезла из виду.

Наполовину свисая над пропастью, Фафхрд закончил свое поэтическое творение:

И не ступит больше на сушу.

- Тихо, Фафхрд, - прошипел Мышелов прислушиваясь.
- Я, кажется, расслышал, как он упал.

Фафхрд сел с отсутствующим выражением лица.

- Едва ли, если пропасть здесь хотя бы наполовину так же глубока, как там, где мы видели ее дно в последний раз,
- уверил он друга.

- Но кто это был? - нахмурился Мышелов. - Похож на человека из Клиша.

- Конечно. Правда, до клишских джунглей отсюда как до Луны, - усмехнувшись, напомнил приятелю Фафхрд. - Должно быть, какой-нибудь почерневший от холода отшельник. Говорят, по этим пригоркам бродят странные существа.

Мышелов поглядел вверх на поднимавшийся сбоку чуть ли не на милю головокругоужительный утес, заметил над собой ближайшую нишу.

- Интересно, больше тут таких не водится? - поинтересовался он с нелегким чувством.

- Безумцы обычно бродят поодиночке, - заметил Фафхрд вставая. - Пошли, если хочешь горячего, надо спешить. Если не врут старые сказки, к восходу окажемся уже в Холодных Краях, а там найдется немного дров.

В тот же миг в нише, откуда свалился напавший, запо-

лыхало. Свет пульсировал, становясь из фиолетового зеленым, потом желтым, наконец, красным.

- Что это? - заинтересовался происходящим Фафхрд. - В сказах ничего не говорится об огненных дырах в Древних Горах! Послушай, Мышелов, если я помогу тебе, ты, пожалуйста, достанешь до этого выступа, а потом подтянешься и сам...

- Ну нет, - перебил его Мышелов и потянул за рукав, досадуя на себя, что затеял разговор, - завтрак лучше готовить на хорошем добром костре. А отсюда я бы поторопился убраться, прежде чем этот свет заметят другие.

- Никто ничего не заметит, мой подозрительный дружок, - ухмыльнулся Фафхрд, позволяя увлекать себя по тропе дальше. - Смотри-ка - уже гаснет.

Но странный свет гаснущего пульсирующего огня видел по меньшей мере еще один глаз: громадный, как у кальмара, и яркий, как Собачья звезда.

- Ха, Фафхрд! - весело воскликнул Мышелов несколько часов спустя, когда совсем рассвело. - Вот и знак, который может согреть наши заледеневшие сердца! Гляди, зеленая горка улыбается нам, до костей промерзшим мужчинам, словно какая-нибудь размалеванная малахитовой зеленью смуглая куртизанка из Клиша!

- А горка-то будет погорячей клишских девок, - отзывался громадный варвар, оглябая выступ бурой скалы. - Уже растаяла, скинула с себя снег.

Это оказалось правдой. Хотя вдали на горизонте белели снега, зеленели ледники Холодных Краев, прямо перед ними в котловине поблескивало небольшое незамерзшее озерцо. Воздух вокруг оставался морозным, из ртов путников все еще вырывались белые клубы, но под ногами был уже не снег, а бурый камень.

От ближнего края озерца и поднимался холм, о котором говорил Мышелов, и что-то на вершине его ослепительной звездой отражало лучи только что вскарабкавшегося на небосклон солнца.

- Если только это и впрямь холм... - тихо пробормотал Фафхрд. - Горка перед нами или клишская куртизанка - у нее несколько лиц.

Суть была ухвачена точно. Зеленые склоны были изоброждены лопинами и покрыты скалами так, что в их очертаниях легко было угадать чудовищные физиономии... глаза

на них были прикрыты, правда, будто подмигивали незваным гостям. Книзу лица словно плавилась, камень там словно оползал потоками воска... напоминавшими слоновьи хоботы, исчезающими под невозмутимой гладью едкой на взгляд воды. То тут, то там среди зелени краснели кровавые пятна, похожие на жадные рты. Округлая вершина, резко отличная от остального, казалась сложенной из розового, словно живое тело, мрамора. И она тоже старалась сложиться в лицо... спящего людоеда. Полоса ярко-красного камня, пересекавшая ее чуть сбоку, вполне могла показаться его губами. Из расщелины в красном камне поднимался белый дымок.

Холм казался не просто вулканическим. Его словно бы вздымала изнутри какая-то свирепая, примитивная и ужасная суть, страшнее которой ничего еще не встречалось Фафхрду и Мышелову. Опухоль, нарыв, грозящий прорваться в куда более юный и слабый мир... застывшая, но вечно следящая и вечно дожидаящаяся своего часа, подстерегающая с незапамятных времен.

А потом иллюзия исчезла - четыре из пяти лиц пропали, пятое потеряло четкие очертания. Холм снова стал холмом - странным каменным уродцем на границе Холодных Краев, зеленым и блестящим.

Фафхрд со вкусом вздохнул. Он перевел взгляд на дальнюю оконечность озера. Холмы ее покрывала темная растительность, неприятно напомнившая шерсть. В одном месте из нее торчал приземистый каменный столб, подозрительно похожий на алтарь. Выше похожих на шерсть кустов - между ними то и дело попадались с красной листвой - опять начинались снега и льды, лишь порой из них выступали скалы и редкие рощицы карликовых деревьев.

Но Мышелов думал совсем о другом.

- Это же глаз, Фафхрд. Довольный, поблескивающий глаз, - прошептал он, приглушив голос до предела, словно они стояли на людной улице и их мог подслушать конкурент или доносчик. - Лишь однажды доводилось мне видеть подобный блеск - лунной ночью, в сокровищнице какого-то короля. Тот громадный алмаз мне не удалось стибрить. Помешал сторож-змея. Я убил червя, но шипение пробудило прочих стражей.

- А сейчас нужно всего лишь подняться на пригорок. И если даже отсюда камень сверкает столь ослепительно. - Он

стиснул северянину ногу, как раз в чувствительном месте под коленом. - Подумай, Фафхрд, какой же он величины!

Слегка нахмурившись от неприятного пожатия и от собственных сомнений и предчувствий, северянин в знак вожделения со свистом втянул морозный воздух.

- Тогда мы с тобой, двое бедных, потерявших корабль мародеров, сможем, вернувшись в Ланхмар, рассказывать потрясенным, изнемогающим от зависти тамошним ворами, что мы не только пересекли Древние горы, но еще и обчистили их по дороге.

И он весело зашагал вдоль гребня, смыкавшегося с узкой скалистой седловиной, соединявшей гору над озером, с которой они только что спускались, и зеленый холм. Фафхрд не торопился, все глядел на зеленую горку, ожидал, когда на ней или вновь выступят лица, или же станет ясно, что никаких лиц там нет. Но все оставалось по-прежнему. Тогда он заподозрил, что поверхность холма отчасти дело рук человека, а значит, на ней может оказаться даже идол с бриллиантовыми глазами. Он нагнал Мышелова у дальнего края седловины, возле подножия зеленого холма тот внимательно изучал плоскую темную скалу, испещренную чертами, в которых Фафхрд сразу признал письма.

- Руны... как в тропиках... в Клише! - пробормотал северянин. - Как же эти буквы оказались столь далеко от дома?

- Вырубил какой-нибудь до черноты закоченевший отшельник, в безумии своем постигший клишский язык! - сардонически отозвался Мышелов. - Разве ты забыл вчерашнего головореза?

Фафхрд коротко тряхнул головой. Они вместе склонились над глубоко врезанными строчками, пытаясь постичь их смысл; кое-какие познания были почерпнуты ими из древних кладоискательских карт... приходилось еще разгадывать тайнопись депеш, перехваченных вместе с посыльными.

- Семеро черных... - с трудом прочел Фафхрд.

- ...жрецов, - закончил за него Мышелов. - С ними-то и придется иметь дело, кем бы они ни оказались. И еще с богом, зверем или дьяволом - этот извивающийся знак может означать и то, и другое, и третье, в зависимости от слов рядом, которых я не понимаю. Очень древняя надпись. И семеро черных жрецов служат обозначенному этой зако-

рючкой существу или сдерживают его... а может быть, и то и другое.

- И пока живы жрецы, - продолжал Фафхрд, - бог-зверь-дьявол будет покоиться... или спать... или не оживет... или не восстанет.

Вдруг Мышелов подпрыгнул на месте, дрыгая ногами.

- Скала-то жжется, - пожаловался он.

Фафхрд понял. Неестественный жар от камня уже начинал чувствоваться даже сквозь толстые, моржовой кожи, пятки его сапог.

- Жарче, чем на самом дне пекла, - заметил Мышелов, подсказывая сперва на одной ноге, потом на другой. - Ну, что, Фафхрд? Будем подниматься или нет?

Со внезапным вызывающим смехом Фафхрд ответил:

- Ты ведь решился на это, малыш, давным-давно! Разве это я завел речь о громадных бриллиантах?

Друзья направились вверх, выбрав место, где гигантский хобот, или щупальце, или сосулька, стекавшая с подбородка, выступала из гранита. Подъем был достаточно сложен с самого начала, зеленый камень скруглен был повсюду, но следов кирки или топора нигде не было видно, что несколько поколебало сложившуюся было у Фафхрда уверенность; едва ли весь холм был обработан человеческими руками.

Цепляясь и подтягиваясь, они карабкались вверх, дыхание белым облачком вырывалось изо ртов, но камень жег руки. Чуть не по дюйму они осилили скользкие скалы, причем в ход шло все: ладони, ступни, колени и локти, даже не раз обожженные подбородки. Наконец они вскарабкались на нижнюю губу одного из ртов зеленого холма. Здесь оказалось, что о дальнейшем подъеме нечего и думать. Над головами нависла гладкая щека, выступая на длину копыя.

Но Фафхрд взял у Мышелова веревку, некогда служившую в такедаже их погибшего шлюпа, сделал на ней петлю и забросил вверх на лоб, из которого выдавался короткий вырост или рог.

Веревка зацепилась. Фафхрд своим весом натянул ее, а потом вопросительно поглядел на компаньона.

- Что ты задумал? - спросил Мышелов, с пылом прижимаясь к скале. - Это ползание по скалам начинает казаться просто глупостью.

- А как бриллиант? - съехидничал Фафхрд. - Большой, Мышелов, ох, большой!

- А что, если там просто кусок кварца? - кисло отозвался Мышелов. - Я что-то потерял вкус к бриллиантам.

- Что касается меня, то я только теперь вошел во вкус в должной мере, - заключил Фафхрд и махнул в сторону зеленой щеки под лучами яркого холодного солнца.

Сперва ему даже показалось, что качнулся не он, - заходили вокруг и спокойное озерцо, и зеленый холм. Под чудовищным припухшим нижним веком он передохнул, а потом стал подниматься, осторожно перебирая руками... Оказалось, что на реснице можно стоять, и он размахнулся, чтобы конец веревки вернулся назад, к Мышелову, которого теперь не было видно. С третьего броска веревка натянулась. Усевшись на корточки, он принялся ждать, удерживая ее. И скоро Мышелов встал на карниз рядом с ним.

Веселье снова вернулось на лицо Серого, но какое-то хрупкое, словно бы он хотел одного - побыстрее закончить со всем этим делом. По краю века они бочком перебрались почти под зрачок, как им представлялось. Он оказался высоко над головой, но, взобравшись на плечи северянина, Мышелов сумел заглянуть внутрь его. Прижавшись к зеленой скале, Фафхрд нетерпеливо ждал. Ему казалось уже, что Мышелов так и не заговорит.

- Ну? - наконец окликнул он Мышелова, когда плечи северянина заняли под весом собрата.

- Ах да, это алмаз, мы не ошиблись, - со странным отсутствием заинтересованности в голосе ответил ему Мышелов. - Да, большой. Моя рука едва может охватить его. Отполирован в виде глазной полусферы. Но я не знаю, как его выковырять. Уж очень глубоко сидит. Попробовать? Да не вопи так, мы оба слетим вниз! Надо постараться, раз уж мы забрались сюда. Но будет сложно. Ножом я не сумею... нет, сумел. Я думал, что там камень, а вокруг него смола. Вар что ли. Готово. Спускаюсь.

Фафхрд успел заметить что-то округлое и блестящее, окруженное уродливым, неровным смолистым ободком. И тут кто-то легонько тронул его за локоть. Он поглядел вниз. И словно оказался среди душной листвы парных джунглей Клиша: из бурого меха его одеяния торчала коварная клипийская стрелка с зазубренным наконечником, густо смазанная такой же смолистой дрянью, в которую был вставлен алмаз.

Он быстренько хлопнулся на карниз, не позабыв крик-

нуть Мышелову, чтобы он тоже укрылся. Потом, осторожно покачивая, выдернул стрелку и с облегчением обнаружил, что впилась она лишь в толстую шкуру, служившую ему плащом, но до кожи так и не достала.

- Кажется, я заметил его внизу, - сказал Мышелов, выглянув из-за безопасного края карниза. - Это карлик с очень длинной духовой трубкой, весь в мехах и в коническом колпаке. Он забился в кусты напротив, за озерцом. И тоже черный, как наш вчерашний головорез. Клишиец, по-моему... или один из твоих помороженных отшельников, если ты все еще настаиваешь. А теперь он поднимает трубку к губам. Берегись.

Над головами о скалу звякнула стрелка и упала к ладони Фафхрда. Он резким движением отбросил ее.

Послышалось легкое жужжание, закончившееся глухим щелчком. Это решил вмешаться Мышелов. Не так-то просто раскрутить пращу, лежа плашмя на узком карнизе, но посланный им камень ударился о ветви неподалеку от черного человечка с духовой трубкой, немедленно исчезнувшего с глаз.

План дальнейших действий составить было не сложно. Других вариантов просто не было. Пока Мышелов сотрясал ветви кустов за озером посланными им камнями, Фафхрд отправился вниз по веревке. Невзирая на действия Мышелова, он все молился, чтобы плащ оказался достаточно прочным. По собственному опыту он знал, что клишийские стрелки - пренеприятнейшего действия. Только жужжание пращи подбадривало его.

Спустившись к подножию зеленого камня, он натянул тетиву и крикнул Мышелову, что готов прикрыть его. Глаза его не отрывались от мохнатых утесов за озером, и дважды, заметив шевеление, он послал туда стрелу из своего драгоценнейшего запаса - их оставалось в колчане два десятка. Скоро Мышелов оказался рядом, и они припустили по краю горячей горы в сторону поблескивавшего зеленым стеклом древнего ледника. Время от времени они оглядывались на сомнительные заросли мохнатых кусов, среди которых кое-где попадались кроваво-красные, и пару раз им удалось заметить движение в них - кто-то шел в том же направлении, что и они. Тогда в сторону кустов летела стрела или жужжал камень, но с каким результатом, сказать они не могли.

- Семеро черных жрецов... - пробормотал Фафхрд.
- Шестеро, - поправил его Мышелов, - учти вчерашнего.
- Значит, шестеро, - согласился Фафхрд, - и все очень сердитые.

- А как же иначе? - осведомился Мышелов. - Мы ведь выкрали единственный глаз ихнего идола - такие поступки всегда без меры возмущают жрецов.

- Кажется, у него там больше глаз, - задумчиво промолвил Фафхрд, - хорошо бы они тоже открылись.

- Благодарю Аарту, что они остались закрытыми, - прошипел Мышелов. - Слышишь? Стрела летит!

Фафхрд мгновенно вмялся в землю, точнее в скалу, и черная стрелка царапнула лед перед ними.

- Ну, стоит ли так гневаться, - укоризненно проговорил Фафхрд, вставая на ноги.

- Жрецы всегда гnevаются, - философски заметил Мышелов и, пожившись, поглядел на смазанное черным составом острие.

- По крайней мере теперь мы от них отделались, - сказал Фафхрд, с облегчением перепрыгивая на лед позади Мышелова.

Кисло ухмыльнувшись, тот обернулся назад, но Фафхрд ничего не заметил.

Весь день они поспешно шагали по зеленому льду к югу, держа путь на солнце, едва ли на ладонь поднимавшееся над горизонтом. Поближе к ночи Мышелову удалось тремя камнями, пущенными из пращи, сбить парочку низко летевших арктических птиц, а зоркие глаза Фафхрда заметили черный зев пещеры под скалой, выдававшейся в конце длинного заснеженного склона. К счастью, неподалеку оказалось несколько древесных стволов, поваленных ледником. И довольно скоро скитальцы уже рвали зубами грубые волокна птичьего мяса, поглядывая на костерок, мерцавший у входа в пещеру.

Фафхрд с хрустом потянулся и произнес:

- Прощайте, черные жрецы! Одной заботой меньше. - Он протянул крупную ладонь с длинными пальцами. - Мышелов, покажи-ка мне стеклянный глаз, который ты выкопал из зеленой горы.

Мышелов молча полез в кисет и вручил Фафхрду блестящий шар со смоляным ободком. Северянин принял его обеими руками и долго и задумчиво всматривался в камень.

Свет костра преломлялся в нем, камень поблескивал красными зловещими искрами. Не мигая, смотрел он в глубь алмаза...

Мышелов по особенному отчетливо ощутил глубочайшую тишину вокруг, ее нарушало лишь частое тихое потрескивание угольков в костре да резкий треск льда снаружи. Он чувствовал смертельную усталость, но мысль о сне просто не шла ему в голову.

Наконец, тихим, словно не своим, голосом Фафхрд произнес:

- На земле, где мы ходим, когда-то жил зверь, горячий как огонь. Он изрыгал пламя и извергал лаву. И очень любил плевать на звезды огненной каменной гущей. Это было еще до людей.

- Что ты говоришь? - вяло поинтересовался Мышелов, шевельнувшись в полуоцепенении.

- Потом пришли люди, и земля уснула, - продолжал Фафхрд тем же гулким голосом, не глядя на Мышелова, - но ей снится жизнь, и она шевелится, пытаясь воплотиться в человека.

- Что ты говоришь? - с нелегким чувством повторил Мышелов.

Но Фафхрд ответил ему внезапным храпом. И Мышелов аккуратно вынул камень из пальцев товарища. Смолистый ободок был на ощупь мягким и скользким, так что вызывал чуть ли не омерзение - будто полуистлевшая черная плоть. Мышелов уложил камень обратно в кисет. Когда миновало достаточно времени, он тронул приятеля за покрытое меховой одеждой плечо. Вздвогнув, Фафхрд мгновенно пробудился.

- Что, малыш? - осведомился он.

- Утро, - коротко сказал Мышелов, указывая на посевшее небо над пеплом, оставшимся от костра.

Едва они, пригнув головы, выбрались из пещеры наружу, послышался грохот. Вниз по склону прямо на них стремительно несясь громадный белый ком; успевший увеличиться в размере даже за тот короткий миг, пока северянин глядел на него. Они с Мышеловом едва успели нырнуть обратно в пещеру... Земля задрожала, в пещере на мгновение потемнело - колоссальный ком снега пролетел над входом. Порыв ветра дунул пеплом погасшего костра им прямо в лица, и Мышелов закашлялся.

Но Фафхрд мгновенно выскочил наружу, натянул тетиву громадного лука и достал длинную, в собственную руку стрелу. Он поглядел вверх по склону. На вершине его крошечными зазубринами наконецника стрелы вырисовывалось подложины фигур в остроконечных шапках. Желто-пурпурная заря четко очерчивала их силуэты.

Будто жучки, копошились они вокруг нового белого шара, который был уже выше их.

Фафхрд затаил дыхание, на мгновение замер и выпустил стрелу. Он успел уже несколько раз вдохнуть, а крошечные фигурки все еще суетились возле упрямого шара. Потом ближайший странно дернулся и рухнул прямо на снежный ком. Шар покатил вниз, увеличиваясь в размере и унося в себе сраженного стрелой черного жреца. Скоро тот совсем скрылся под все налипавшим снегом, только торчавшие наружу руки и ноги на длину копья отклонили ком от входа в пещеру.

Когда грохот затих, Мышелов осторожно выглянул наружу.

- Одной стрелой я отвел вторую лавину, - непринужденно проговорил Фафхрд. - Пошли!

Мышелов отправился бы низом, петляя по снегу среди скользких скал - выбрав путь опасный и долгий, но Фафхрд сразу сказал:

- Нет, идем вверх, снежками они расчистили нам дорогу. Эти жрецы хитры, но едва ли они заподозрят, что мы рискуем отправиться этим путем.

Тем не менее, поднимаясь вверх по скалистому склону, он не снимал стрелы с тетивы и выбирался на гребень с крайней осторожностью. Но взгляду обоих мужчин открылась заснеженная равнина с пятнами зеленоватого ледникового льда, никаких черных точек на ней не было видно, не было поблизости и подходящих укрытий.

- Разбежались, - сказал он, - улепетывают к своему зеленому холмику греться. В любом случае мы отделались от них.

- Ну да, вчера вечером мы, помнится, уже один раз от них отделались, - сухо прокомментировал Мышелов. - Тот, первый, с ножом свалился с горы... Это не испугало жрецов, но стоило одной твоей длинной стреле оказаться в кишках собрата, как они в панике разбежались.

- Во всяком случае, - резко ответил Фафхрд, - сначала черных жрецов было семеро, теперь их осталось лишь пять.

И он направился вниз по обратному склону холма большим уверенным шагом. Мышелов отставал - он внимательно оглядывался вокруг, в опущенной праще его болтался камень. Когда они вновь вышли на снег, он огляделся, но никаких следов на белом покрывале склона не было видно. Пока он спускался к подножию холма, Фафхрд забежал вперед уже на расстояние броска из пращи. Чтобы нагнать его, Мышелов затрусил, не отводя внимательного взгляда от окрестностей. Внимание его привлек приземистый сугроб перед Фафхрдом. Тень могла бы сказать, не прячется ли за ним кто-нибудь, но солнце утонуло в желто-пурпурной дымке, так что он просто заторопился вперед, не отводя глаз от снежного бугра. Он нагнал Фафхрда, и они увидели, едва ли не одновременно, что за сугробом никого нет.

Но тут бугор словно взорвался, разлетевшись на несколько больших снежков... Страхивая с себя снег, черная фигура с впалым животом бросилась к Фафхрду - нож в эбеново-черной руке метил прямо в горло. Мышелов мгновенно прыгнул вперед и резко замахнулся и вцепился камнем в кожаной петле прямо в лоб удалцу. Кривой нож промахнулся буквально на дюйм. Чернокожий рубака свалился в снег. Фафхрд оглянулся - лицо его выражало лишь краткое любопытство.

Вмятина во лбу нападавшего была столь глубока, что сомневаться в его состоянии не приходилось. Но Мышелов долго смотрел на него.

- Вне сомнения, это клишнеец, - задумчиво произнес он, - только какой толстый... не мерз, наверно. Странно, что они решили угождать своему богу так далеко от дома. - Он поглядел вверх и, не поднимая руки, покачал пращей - будто разбойник в долине, отпугивая затаившихся недругов.

- Осталось четверо, - заметил он, и Фафхрд медленно и скорбно кивнул.

Весь день, не ослабляя внимания, шли они Холодным Краем. Обошлось без новых приключений. Подул колючий морозный ветер, и Мышелов надвинул капюшон на лоб, чтобы прикрыть нос и рот, даже Фафхрд плотнее запахнул плащ. А когда небосклон потемнел и окрасился индиго и умброй, Фафхрд вдруг остановился, натянул лук и выпустил стрелу. На мгновение Мышелову, слегка обеспокоенному

внезапным интересом на лице Фафхрда, показалось, что северянин выстрелил просто в снег, но, когда сугроб подскочил, рыкая четырьмя серыми копытцами, он понял, что Фафхрд приметил покрытую белым мехом добычу. Он все облизывал онемевшие губы, пока северянин спускал кровь и потрошил животное, а потом перебросил тушку через плечо.

Чуть впереди из снега выступала черная скала. Фафхрд внимательно поглядел на камни, потом снял топор с пояса и нанес по скале точный удар обухом. Мышелов резво набрал в уголок своего плаща отбитые камни - и крупные и мелочь. На ощупь они казались маслянистыми, и одна мысль о ярком пламени, что вспыхнет на этих камнях, согрела его.

За скалой оказался невысокий утес, у подножия его виднелся вход в пещеру, высокая скала была на расстоянии двух копий перед ними и слегка прикрывала вход. К манящему темному входу Мышелов следовал за Фафхрдом, прямо-таки снедаемый ожиданием. Он уже начинал опасаться, что им, буквально окоченевшим от холода, согбенным усталостью, истомленным голодом, придется ночевать под открытым небом, поглотив на сон грядущий вчерашние птичьи кости. И вдруг чуть ли не сразу они нашли пищу, топливо и укрытие. Все сложилось просто на удивление удачно...

Но когда Фафхрд уже огибал прикрывавшую вход скалу, направляясь к разверстому отверстию входа, Мышелову пришлось в голову, что слишком уж все удачно. Забыв обо всем, он выронил уголь, прыгнул вперед и толкнул своего рослого друга, повалив его лицом в снег.

Стрелка прошипела почти над ним и звякнула о скалу за спиной. Мышелов, не задерживаясь, метнулся к пещере, на ходу выхватывая Скальпель из ножен. Влетев в пещеру, он сперва метнулся налево, затем внезапно перебежал вправо и прижался к стене, усердно рассекая мечом тьму, которую только что так безнадежно пытался пронзить взглядом.

Напротив от входа пещера рукавом загибалась назад, и конец ее, к удивлению Мышелова, не тонул во тьме, а, напротив, был освещен неярким пульсирующим светом, не похожим на дневные сумерки или огонь костра. Скорее он был похож на тот неестественный свет, который они видели там, среди скал в оставшихся за спиной Древних горах.

Но какова бы ни была природа этого света, естественная

или нет, на фоне его четко обрисовывался силуэт противника. Невысокий человечек теперь сжимал в руке не металлическую трубку, а кривой нож. И когда Мышелов набросился на него, он отступил назад по коридору, за угол, откуда истекал пульсирующий свет. К удивлению Мышелова, стало не просто теплей - даже влага почувствовалась в воздухе. Он обогнул угол, поджидавший его черный жрец тут же кинулся на него. Но Мышелов был наготове, и Скальпель аккуратно прошел насквозь через грудь врага, самую ее середину, а изогнутый нож лишь попусту вспорол парной воздух.

Какой-то миг жрец-фанатик пытался даже сдвинуться по тонкому клинку, чтобы достать Мышелова. А затем нечестивый свет погас в его глазах, он отшатнулся назад, а Мышелов принялся брезгливо вытирать меч.

Жрец шагнул назад в дымный свет, который, как было видно теперь Мышелову, исходил из большой ямы за его спиной. Захлебываясь кровью, он застонал, сделал шаг назад и исчез в яме. Было слышно, как тело ударилось о скалу, потом послышался слабый всплеск, на мгновение все умолкло, и тогда стало различимо негромкое дальнее бульканье и бурление - Мышелов понял, что звуки доносятся из ямы... Послышались тяжелые шаги запоздавшего Фафхрда.

- Осталось трое, - небрежно проговорил Мышелов. - Четвертый варится сейчас на дне этой ямы. Только что-то мне сегодня хочется жареного мяса, не отварного, тем более что вилки такой не найдешь. А потому принеси-ка те черные камни, что я выронил.

Фафхрд сначала стал возражать, почти суеверно поглядывая на извергавшую пар и свет дыру, предложил даже поискать для ночлега другое место. Но Мышелов заметил, что ночевать в очищенной отныне от неприятеля и легко просматриваемой пещере значительно проще, чем разыскивать что-то снаружи, рискуя нарваться на новую засаду. К облегчению Мышелова, Фафхрд согласился, но прежде заглянул в огнедышащее жерло, чтобы убедиться, что ни живой, ни вареный жрец не может подняться этим путем.

У входа в пещеру, рядом с внешней стеной, разложили костерок, так чтобы никто не мог вползти внутрь незамеченным. А когда они умяли уже всю жареную печенку и достаточное количество до хруста прожаренных кусков мяса и кости побросали в жаркий костер, сразу весело затрещав-

ший, Фафхрд привалился к каменной стене и попросил у Мышелова камень - поглядеть.

Мышелов с некоторой нерешительностью согласился - уж очень не хотелось прикасаться к смолистому кольцу, обрамлявшему камень, искрящийся морозным блеском. Ему казалось, что Фафхрд собирается сделать с камнем нечто неразумное, но что именно - он еще не понимал. Однако северянин лишь мельком, почти недоуменно глянул на камень и опустил в кисет - в свой кисет. Мышелов стал было возражать. Но Фафхрд резко отрубил, что камень - собственность обоих. Мышелов не мог не согласиться.

В эту ночь они решили спать по очереди, Фафхрду выпала первая стража. Мышелов завернулся в плащ, приспособил под голову мешок и свернутый капюшон. Угли пылали, странный свет в яме пульсировал. Из-под полужакрытых век он следил за игрой теней. И нежился между сухим жаром костра и влажной теплотой ямы, представляя себе мороз снаружи. Между пламенем и входом вырисовывалась могучая фигура не смыкавшего глаз Фафхрда, вселявшая в друга спокойствие. Прежде чем погрузиться в дремоту, у Мышелова мелькнула мысль: хорошо, что камень у Фафхрда, - подушка его без алмаза стала удобней.

Проснулся он от странного тихого голоса. Костер почти прогорел. На какой-то миг он испугался - ему показалось, что в пещеру прокрался чужак... быть может, заклинанием усыпив его друга. А потом он понял, что странный, тихий голос, как и предыдущей ночью, принадлежит Фафхрду. Северянин, медленно раскачиваясь взад и вперед, снова глядел в алмазный зрачок, словно перед ним открывались несчетные видения. Лучи алмаза поблескивали в такт пульсациям света в яме, что вовсе не понравилось Мышелову.

- Кровь Нихвона, - бормотал Фафхрд почти нараспев, - еще пульсирует под окаменевшей морщинистой шкурой, льется еще горячим потоком из ран среди гор. Но чтобы он мог обрести человеческий облик, ему нужна кровь героев.

Тут Мышелов вскочил, схватил Фафхрда за плечо и осторожно потряс друга.

- Те, что истинно поклоняются Нихвону, - продолжал словно в трансе Фафхрд, ничего не заметив, - хранят его горные раны, молятся ему и ждут, ждут того дня, когда исполнятся сроки, когда вновь пробудится Нихвон, теперь в облике человека, чтобы навсегда избавиться от людей.

Мышелов остервенело затряс гиганта. Фафхрд вадрогнул, пробудился... и заверил приятеля, что он и глаз не смыкал, а ему, Мышелову, видятся кошмары. Возражения своего спутника северянин поднял на смех и крепко стоял на своем. Возвращать камень он тоже не захотел, наоборот, поглубже затолкал его в свой мешок и после двух оглушительных зевков уснул под укориженным взглядом Мышелова.

Собственная стража вовсе не показалась Мышелову приятной. Доверие его к этому каменному закутку улетучилось, и теперь со всех сторон мерещились опасности - в сторону парящей ямы он поглядывал не реже, чем на темнеющий за тлеющими угольками вход; ему все время казалось, что вареный жрец карабкается вверх по узкому жерлу. Тем временем в голове его сложилась неприятная, но убедительная теория: да, горячие внутренности Нихвона ревнуют к судьбе человека, а зеленый холм - это место, где они пытались пробиться наружу, породить непобедимых гигантов, каменных людей. А черные клишанцы-жрецы поклоняются Нихвону и жаждут гибели всех людей. А глаз-алмаз вовсе не ценная и легкая добыча, это нечто живое и страшное, стремящееся заморозить Фафхрда своим блеском, обречь какой-то неведомой участи и погубить.

Трижды пытался Мышелов стащить камень у спящего друга, в последний раз он даже надрезал дно в мешке северянина. Но хотя Мышелов с полным правом считал себя искуснейшим карманником Ланхмара, пусть несколько лишенным практики, каждый раз Фафхрд только плотнее прижимал к себе мешок и, сварливо бурча что-то во сне, безошибочно отбрасывал в сторону его руку. Мышелов хотел уже было попытаться отобрать алмазный зрачок силой, но подумал, что подобные действия вызовут яростное сопротивление северянина. В самом деле, трудно было заранее предполагать, в каком состоянии пробудится его друг.

Но когда зев пещеры наконец осветился и Фафхрд, пожившись, открыл глаза, громовой, как обычно, зев был вполне добродушен. Утренняя болтовня его была исполнена столь чистосердечного энтузиазма, что страхи Мышелова, если не улетучились, то все же отступили в какие-то там закоулки сознания. Друзья позавтракали холодным мясом, а потом аккуратно упаковали задние и передние ножи, пропекшиеся за ночь в золе.

Потом под прикрытием Фафхрда, туго натянувшего стре-

лой тетиву, Мышелов выскочил наружу и метнулся к прикрывавшей вход скале. Прыгая из стороны в сторону, он быстро обернулся - на утесе над пещерой засады не было. С пращей наготове он в свой черед подождал, пока Фафхрд выскочит из убежища. Немного погодя они убедились, что в бледных лучах рассвета их по крайней мере поблизости никто не подкарауливает. Фафхрд размашистым шагом выступил первым. Мышелов резво устремился следом, но чуть спустя сомнения снова охватили его - он понял, что Фафхрд идет не туда, слишком забирает влево. Правда, уверенности в том не было: солнце еще не пробило пурпурно-желтые слоистые облака... К тому же, откуда именно они пришли вчера, Мышелов не знал - ведь пройди одной и той же местностью в противоположные стороны, и она покажется совершенно иной.

Тем не менее он все же позволял себе чуть усомниться, но Фафхрд отвечал с добродушной уверенностью:

- Все мое детство прошло в Холодных Краях, я играл здесь, они знакомы мне, как тебе - путаные лабиринты улиц Ланхмара или тропки в Великих Соленых Болотах. - И Мышелов почти удовлетворился этим ответом. К тому же день выпал безветренный, что его бесконечно тепло, - тепло он теперь боготворил.

После полудня доброй ходьбы они осилили заснеженный подъем, и при виде открывшегося ландшафта брови Мышелова недоуменно поползли вверх: перед ними наискось распростерлась равнина, зеленоватый лед был гладким, как стекло. Верхний край ее, справа, венчали зубастые башенки, которые напоминали гребень громадной вздымающейся волны. Склон отлого уходил влево, и низину скрывал белесый туман, но впереди равнины не было конца.

Она была настолько зеленой, что казалась странным океаном, застывшим по приказу могущественного мага, не успев взметнуться гигантской волной.

Когда Фафхрд прохладным тоном предложил идти прямо вперед, Мышелов не был удивлен, но все-таки слегка ужаснулся. Остроглазый северянин углядел где-то впереди ровную узкую тропку поперек откоса, заверил друга, что, не поднимаясь и не опускаясь, они без труда пересекут склон, и тронулся вперед, не дожидаясь его согласия.

Обреченно пожав плечами, Мышелов последовал за ним, ступая осторожно, словно по скорлупе огромного яйца, и

опасливо косясь на длинный, уходящий вниз откос. Он подумал, что не худо было бы сейчас оказаться в сапогах с бронзовыми подковами, пусть даже стесавшимися, как у Фафхрда... А еще лучше, если бы на его скользких сапогах оказались какие-нибудь шпоры, чтобы было чем затормозить поскользнувшись. Потом он приноровился и зашагал быстрее, но все-таки осторожно, и расстояние между приятелями стало сокращаться.

Они прошли по равнине уже около трех полетов стрелы, а впереди ей не было ни конца, ни края. Вдруг легкое движение, уловленное уголком правого глаза, заставило Мышелова оглянуться.

Сверху, вынырнув из какого-то невидимого укрытия на иззубренном хребте, на них безмолвно скользили уцелевшие жрецы - все трое в ряд. Они мчались, словно опытные лыжники, на ногах у них и впрямь было что-то вроде лыж. Двое держали импровизированные копыя - кинжалы, вставленные в длинные духовые трубки, а у третьего, среднего, в руках оказалась сосулька, длинная, не менее восьми футов длиной, и острая как игла.

Доставать стрелы и пращу было поздно, а замахиваться мечом на того, кто уже пронзил тебя копьем - бессмысленно. Ледяной склон - не место для подобных действий. Потому, не говоря другу ни слова, уверенный, что он уже делает то же самое, Мышелов сделал шаг влево на пугавший его откос и оттолкнулся ногой.

Не иначе он сам отдался в объятия демона скорости. Лед слегка поскрипывал под сапогами, спокойный воздух превратился в леденящий ветер, что трепал его одежды и колол щеки.

Но была ли достаточной скорость? Черные жрецы на лыжах имели фору. Мышелов надеялся, что перегиб склона помешает им, но, увы, они перемахнули его с непринужденной уверенностью и скользили теперь в двух длинах копыя за спиною. Кинжалы и ледяная игла злоеде сверкали.

Мышелов выхватил Скальпель, попытался оттолкнуться им, но потом присел, чтобы меньше мешал воздух. Черные жрецы нагоняли. Мчавшийся рядом Фафхрд глубоко вонзил в лед свой длинный меч с головой дракона на рукояти и резко ушел в сторону. Жрец с сосулькой наперевес устремился следом за ним. Тем временем двое других поравнялись с Мышеловом, он отчаянно изогнулся, не прерывая стреми-

тельного движения вниз, отбил Скальпелем копье первого, отвел в сторону копье второго, и некоторое время они вели самый странный из поединков: все сражаясь, мчались вниз на одной и той же скорости, словно битва происходила на месте. Отразив в очередной раз докучливые самодельные копья, Мышелов даже какой-то миг скользил вниз задом наперед.

Но двое против одного - всегда сильнее, и Мышелов к собственному прискорбию убедился бы в этом, если бы не Фафхрд. Описав широкую дугу, тот неся к сражавшимся с вершины какого-то незаметного пригорка, который лишь он сам и мог углядеть. Широко замахнувшись мечом, он проскользнул как раз за спинами жрецов... дальше их головы и тела ехали вниз по отдельности.

Правда, сам северянин едва не стал жертвой последнего из черных жрецов, которому, наверно, помогал вес ледяной пики. Он нагонял Фафхрда и пронзил бы, если бы не Мышелов - он ухватил Скальпель обеими руками и отвел вверх ледяное острие, которое лишь взлохматило развевавшиеся на ветру рыжие космы северянина.

В следующий миг все они вкатили в льдистый молочный туман. Мышелов успел заметить, как голова Фафхрда мелькнула над слоем тумана, а потом его собственные глаза опутало пеленой.

Для того чтобы скользить словно в густом молоке, ощущая щеками уколы льдинок и не подозревая, что может вдруг вырасти на твоём пути, требовалось известное присутствие духа. Он услышал сердитый рык, похожий на голос Фафхрда, потом треск и звон - должно быть, хрупнула сосулька-копье, - затем раздался слабый полувздых-полустон, полный муки. Тут наконец он почувствовал, что выкатился на ровное место, и сразу же впереди вздыбился противоположный склон. Мышелов вылетел из туманной стены прямо в желто-пурпурный день и - в мягкий сугроб и принялся хохотать от облегчения. Но не прежде, чем уголок глаза успел заметить, что Фафхрд колотится в припадке хохота неподалеку, в том же сугробе.

Когда северянин поднял на него глаза, Мышелов вопросительно перевел взгляд на стену тумана. Приятель утвердительно кивнул.

- Убит и последний жрец. Все! - радостно подытожил Мышелов, раскидываясь на снегу словно в перине. Теперь

главной его мечтой стало найти поблизости пещеру - он был уверен, что пещера найдется, - и как следует отдохнуть.

Но оказалось, что Фафхрд полон идей и просто кипит от избытка сил. Он намеревался торопиться и шагать до самого вечера, а перед Мышеловом развернул соблазнительные перспективы. Оказалось, что они могут выбраться из Холодных Краев завтра, а может быть, даже уже к вечеру, - так что скоро коренастый приятель уже трусил следом за своим высокорослым другом, не переставая между тем удивляться, как это Фафхрду удастся быть настолько уверенным в выбранном курсе среди всего нагромождения льда и снега, придавленного тяжелыми и унылыми облаками. Не могли же все Холодные Края быть местом его детских игр, размышлял Мышелов, как-то поживаясь при мысли о причинах, заставлявших это дитяtko выбирать местечки для игр.

Сумерки наступили прежде, чем им удалось добраться до обещанных Фафхрдом лесов, и по настоянию Мышелова они начали подыскивать место для ночлега. На этот раз пещера их не ждала. Уже почти во тьме Фафхрд заметил скалистый выступ, рядом с ним росли приземистые деревья, сулившие кое-какое укрытие и дрова.

Однако оказалось, что дрова едва ли потребуются, прямо перед деревьями из снега торчала черная скала, подобная той, что вчера обеспечила их углем.

Но едва Фафхрд радостно замахнулся топором, безжизненный камень вдруг ожил и бросился на него, целя в живот.

Лишь избыток сил и энергии спас Фафхрду жизнь. Он изогнулся с такой быстротой, которая потрясла даже Мышелова, и обрушил топор на голову нападавшего. Приземистый человечек конвульсивно задергал руками и быстро затих. Фафхрд громогласно расхохотался.

- Будем считать его нулевым черным жрецом, а, Мышелов? - спросил он.

Но сам Мышелов причин для веселья не видел. Все его дурные предчувствия вернулись вновь. Что, если они однажды просчитались, и один из черных жрецов, скажем, тот, что скатился с горы в огромном снежном шаре, уцелел или уцелел тот, которого они посчитали погибшим в тумане. А тогда почему они не могли просчитаться еще раз? К тому же откуда такая уверенность, что черных жрецов было семь? А раз их было восемь, то могут найтись и девятый, и десятый... и двадцатый...

Но Фафхрд лишь посмеивался в ответ на его опасения, лихо рубил дерево, и скоро перед невысокой скалой забушевало пламя. И хотя Мышелов понимал, что оно выдает их всей округе на целые мили, он так рад был теплу, что не стал сурово отчитывать северянина. А когда они согрелись и доели оставшееся с утра мясо, такая восхитительная усталость овладела Мышеловом, что, плотно завернувшись в плащ, он сонно откинулся на спину. Но Фафхрд выбрал именно этот момент, чтобы вытащить поближе к огню алмазный зрачок, и глаза Мышелова уже не закрылись.

На этот раз северянин не собирался впадать в транс. Он оживленно и с воодушевлением ухмылялся, поворачивая камень то туда, то сюда, явно наслаждаясь его блеском, явно прикидывая в уме его цену в полновесных ланхмарских золотых.

Фафхрд перестал крутить камень, один из лучей его бил теперь прямо в глаза Мышелову. Тот поежился, почувствовав, что камень злобно и осмысленно глядит на него.

Но Фафхрд послушно убрал алмаз, потом то ли усмехнулся, то ли зевнул и в свой черед завернулся в плащ.

Причины для обоснованных опасений и страхов растаяли сами собой.

Пробудился он оттого, что почувствовал, как его грубо бросили на мясистую густую траву, неприятно напоминавшую мех. Голова его просто раскалывалась, вокруг пульсировало желто-пурпурное сияние, которое прорезали ослепительные лучи. Он не сразу понял, что огни эти вне его черепа, не внутри.

Он поднял голову, чтобы оглядеться, и страшная боль пронзила его. Но Мышелов не покорился ей и довольно быстро понял, где он вдруг оказался.

Он лежал напротив зеленого холма на покрытом темными кустами берегу кислого озера. В ночном небе полыхало северное сияние, а из щели-рта на макушке холма - теперь раскрывшейся шире - валили клубы красного дыма, вырываясь с усилием, словно задыхаясь пыхтел великан. Плоские лица по сторонам зеленой горы в зловещем свете словно ожили, рты их подергивались, глаза полыхали, и в каждом был зрачок-алмаз. Оцепеневшая фигура Фафхрда высилась в нескольких футах от Мышелова перед приземистым каменным столбом, который действительно оказался резным алтарем с громадной чашей на плоской вершине. Северянин

что-то твердил нараспев, прихрюкивая со странными придыханиями. Такого языка Мышелов не знал и ни разу не слышал, чтобы Фафхрд употреблял его.

Мышелов с трудом сел. Тщательно ощупав череп, он обнаружил громадную шишку над правым ухом. От рук Фафхрда посыпались искры - их явно породили сталь и камень, - и над чашей полыхнул столб пурпурного пламени. Мышелов видел, что глаза северянина плотно закрыты, а в руке его зажат алмазный зрачок.

И тогда Мышелов понял, что камень этот много мудрее черных жрецов, что служили холму-идолу. Они были просто жрецами, чересчур фанатичными и неразумными, - они, но не бог, которому поклонялись. Пока жрецы пытались отобрать похищенный глаз и уничтожить святотатцев-воров, алмазный зрачок сам позаботился о себе. Он заморозил Фафхрда, направил его на ложный курс, вернувший их с Мышеловом к истекающему желанием мести зеленому холму, и даже поторопил их: Фафхрд шел всю ночь, неся Мышелова, которого перед этим оглушил во сне жестоким ударом.

К тому же алмазный зрачок был куда дальновиднее и целеустремленнее жрецов. Он явно имел в виду нечто более важное и значимое для себя, чем просто возвращение в каменную глазницу идола-холма. Иначе зачем наставлять Фафхрда тащить с собой оглушенного Мышелова? Алмазный зрачок назначил каждому собственную участь. В воспаленном мозгу Мышелова все пульсировала фраза, которую Фафхрд бормотал две ночи подряд: "Но ему нужна кровь героев, чтобы воплотиться в образе человека".

И пока все эти мысли слабо копошились в воспаленном мозгу Мышелова, он заметил, что Фафхрд идет прямо к нему, сжимая алмазный зрачок в одной руке и обнаженный меч - в другой. На невидящем лице северянина застыла победная улыбка.

- Пойдем, Мышелов, - мягко сказал Фафхрд. - Время... Мы с тобой пересекли озеро, поднялись на холм, верхние уста напоили нас сладью поцелуя, мы смешали свою кровь с горячей кровью Нихвона. Так обретем, наконец, жизнь в каменных гигантах, которые скоро родятся, познаем же вместе с ними радость, когда наши ступни ощутят прах городов, кровь армий, мягкую почву возделанных полей.

Эти безумные речи пробудили в Мышелове силы, и, не-

взирая на пляску света на небе и на земле, он вырвал из ножен Скальпель и бросился к Фафхрду, обрушив на его длинный меч хитроумнейший удар с винтом и поворотом, от которого оружие должно было бы улететь из рук северянина, тем более что глаза того оставались плотно закрытыми.

Но тяжелый клинок Фафхрда ускользнул от разящего меча, словно от детской ручонки... Грустно улыбнувшись, северянин обрушил тяжелый удар, метя в горло друга. Тот успел увернуться, лишь отчаянно и безрассудно прыгнув назад.

Теперь он оказался ближе к озеру - Фафхрд наседа, атакуя со скорбью. На неподвижном лице его застыла безмерная печаль, но тяжелый меч сновал будто Скальпель, выписывая сверкающие арабески атаки, Мышелов отступал все дальше и дальше...

И все это время глаза Фафхрда оставались закрытыми. Только почти на самом обрыве Мышелов догадался, в чем дело. Алмазный зрачок в левой руке друга видел за него. Подрагивая из стороны в сторону, он следил за каждым движением Скальпеля.

И потому, прыгая под желто-пурпурным пульсирующим небом на скользкой черной кромке обрыва у покрытого зыбью озера, ощущая всей спиной тяжкое пыхтение зеленого холма, Мышелов вдруг решил: не обращая внимания на разящий клинок Фафхрда, он прогнулся и внезапно рубанул по алмазному зрачку.

Меч Фафхрда просвистел едва ли не в пальце от его головы.

Алмазный зрачок взорвался и рассыпался в мелкую белую пыль.

Черная шерстистая почва под ними дрогнула в безумной муке.

Зеленый холм разразился огненной карающей вспышкой. Мышелов едва устоял на ногах. Из разверзнувшейся пасти в избитое до синяков небо взметнулся столб расплавленного камня.

Ухватив за руку дикими глазами озиравшегося по сторонам северянина, Мышелов повлек его за собой подальше от зеленого холма и озера.

Не больше чем через дюжину сердцебиений, каменная масса обрушилась на место, где они только что стояли,

только брызги полетели во все стороны. Каменные капли огненными стрелами чиркнули над головами приятелей. Одна или две из них попали на плащ северянина, и Мышелову пришлось тушить его.

Оглянувшись на бегу, Мышелов бросил прощальный взгляд на зеленый холм. Он все еще извергал пламя и огненные ручьи, но выглядел теперь основательным и неподвижным, словно жизнеспособность оставила его вдруг... на время или же навсегда.

Когда они наконец остановились, Фафхрд отупело поглядел на собственную левую руку и произнес:

- Мышелов, а я большой палец где-то порезал. Кровь течет.

- Из зеленого холма тоже, - отозвался Мышелов, оглянувшись назад. - Радостно сознавать, что его-то перевязывать некому.

VIII. Когти ночи

Под озарявшей Ланхмар луной висело облако страха. Словно туман полз он по извилистым сквозным улицам, по лабиринту переулков, просочился даже в извилистую щель, именуемую тоже улицей, где сквозь сажу мерцал фонарь, что отмечал вход в таверну "Серебряный Угорь".

Страх этот был тонок - вовсе не того свойства, что порождают осады, раздоры благородных, восстания рабов, кровавая череда случайных убийств по прихоти обезумевшего властелина... даже чужеземный флот, заплывший из Внутреннего моря в эстуарий Хлала. Но силой он обладал вовсе не меньшей, и нежные горлышки женщин, впархивающих под низкую дверь таверны, стискивал так, что смех становился резким и пронзительным. Прикасался он и к невозмутимым спутникам женщин, отчего они говорили громче и бряцали мечами чаще, чем это было нужно.

Там собирались юные аристократы, чтобы развлечься в месте, о котором шла дурная слава, месте небезопасном. Модные одеяния их по обычаю упадочной ланхмарской знати были роскошны до невероятия. Но одно казалось слишком причудливым даже среди всей этой немислимой пышности. Головы женщин, всех до одной, были заключены в небольшие серебряные тонкой работы птичьи клетки.

Дверь снова отворилась, на этот раз из нее вышли двое и быстрым шагом направились в сторону. Один был повыше и пошире и под плащом своим что-то скрывал. Другой был невелик и гибок, с головы до ног он был облачен в серую одежду, скрывавшую его в лунном свете. Через плечо он нес удилище.

- Интересно, куда это отправились Фафхрд с Мышеловом на ночь глядя? - обернувшись осведомился какой-то прихлебатель. Господин его пожал плечами.

- Уверен, добра не жди, - настаивал прихлебатель, - там под плащом Фафхрда что-то трепыхалось словно живое. Ныне это весьма подозрительно... вы понимаете, что я имею в виду. И еще это удилище.

- Тихо, - отвечал хозяин. - Они честные жулики, даже когда нуждаются в деньгах, впрочем, сумма, которую они задолжали мне за вино, не достойна упоминания. Не огоривай их.

Однако, возвращаясь назад, сам он казался слегка встревоженным и обеспокоенным и нетерпеливо подтолкнул прихлебателя первым.

Страх владел Ланхмаром уже три долгих месяца, хотя начинался он вполне безобидно. Просто в городе вдруг начались кражи, потом их стало больше, потом слишком много; исчезали и дешевые безделушки, и редкие драгоценности. Страдали в основном женщины. Поначалу пропадали просто блестящие предметы, какова бы ни была их природа.

Стали утверждать, что виной всему шайка нелегально искусных воров, ухитрявшихся незаметно проникать в комнаты то одной, то другой важной дамы. Поголовная порка служанок и телохранителей не помогла выявить предполагавшихся сообщников. Потом кто-то предположил, что кражи - дело рук детишек, слишком юных, чтобы знать цену украденному.

Но постепенно характер краж стал меняться. Все меньше стало пропадать дешевых безделиц. Неизвестные воры все чаще крали самоцветы, безошибочно выбирая их среди стекляшек и дешевой позолоты, невольно наводя на мысль, что тайнственные мошенники способны учиться.

Примерно к этому времени люди заподозрили было, что виной всему древняя, едва ли не ставшая уже достопочтенной Гильдия Воров Ланхмара, изобретшая невиданный до сих пор способ кражи. Пошли разговоры, что следует под-

вергнуть пытке лиц, что, как предполагали, руководили ею. Предлагали даже, дождавшись подходящего ветра, поджечь улицу Торговцев Шелком.

Но поскольку Гильдия Воров, как ей и положено, была организацией косной, в высшей степени скрытной и преданной сугубо традиционным способам воровства, подозрения относительно нее стали несколько рассеиваться, едва стало ясно, что здесь действует ум невероятно смелый и изобретательный.

Ценности исчезали прямо среди бела дня из запертых и тщательно охраняемых сокровищниц, из висячих садов с отвесными стенами. Некая дама, считая себя в подвой безопасности, оставила браслет на подоконнике собственного дома, до окна просто никак нельзя было добраться, но браслет пропал, пока она поболтала чуть-чуть с подругой. Дочь владетельного господина прогуливалась в своем собственном саду и под густым деревом вдруг ощутила, что ее тянут за волосы, — исчезла бриллиантовая заколка. Усердные слуги немедленно обыскали все дерево, но никого не нашли.

Наконец какая-то служанка в истерике прибежала к своей госпоже и призналась: у нее на глазах большая черная птица вылетела из окна их дома, унося в когтях изумрудное кольцо. Рассказ этот на первых порах был встречен с гневом и недоверием. Общее мнение склонялось к тому, что лживая девушка не иначе, как сама и украла кольцо. И при всеобщем одобрении ее едва не засекли до смерти.

Но на другое утро большая черная птица спикировала на племянницу Властелина и вырвала драгоценный камень прямо из мочки ее уха.

Тут же нашлась целая куча свидетелей. Люди рассказывали о странных птицах, оказывавшихся там, где не следует, в совершенно неподходящее время. Жертвы ограблений стали припоминать показавшиеся им в свое время незначительными подробности: взмахи крыльев, шум перьев, птичьи следы и капли помета, тени, скользнувшие над головой.

Весь Ланхмар гудел от недоумения и удивления. Все решили, что теперь, когда воры известны и будут приняты меры, кражи немедленно прекратятся. Разодранному уху племянницы Властелина не уделяли никакого внимания. И, как выяснилось, напрасно.

Двумя днями позже наглая куртизанка Лиссия вызывающе шествовала по широкой площади, где на нее и напала

большая черная птица. Не растерявшись, Лиссния ударила птицу позолоченным жезлом, который держала в руках, и прикрикнула, чтобы отпугнуть грабительницу.

Но, к ужасу очевидцев, птица, избежав отчаянных ударов, уселась, впившись когтями в нагое плечо, и ударила Лисснию прямо в глаз, потом взмахнула крыльями и, блеснув черными перьями, улетела прочь, унося в когтях яшмовую брошь.

В следующие три дня подобному нападению подверглись еще пять женщин, три из них получили увечья.

Весь Ланхмар содрогнулся от страха. Такое неподобающее и даже разумное поведение птиц пробудило всевозможные суеверия. На крышах расставили лучников с трезубыми стрелами для дичи. Скромные женщины сидели по домам, а выходя, прикрывали свои драгоценности плащами.

Невзирая на летнюю жару, в городе на ночь стали закрывать ставни. Стрелы и яд погубили множество совершенно невинных голубей и чаек. Нахальные юнцы из состоятельной знати понавели сокольныхчих, чтобы охотиться на черных мародеров прямо на улицах.

Но сыскать их было трудно... В тех редких случаях, когда это удавалось, соколы сталкивались с соперниками не менее быстрыми и сильными, которые успешно отбивались от них. Не одна клетка осиротела, потеряв своего пернатого хозяина - легкокрылого воина. В конце концов все попытки выследить крылатых воров провалились.

Все эти действия привели лишь к одному: большинство краж и нападений отныне стали свертаться под покровом тьмы.

А потом в муках умерла женщина - через три часа после того, как шею ей разодрала черная птица. Врачи в темных балахонах сошлись на том, что на когтях птицы был сильный яд.

Паника росла и ширилась, порождая невероятные предположения. Жрецы Великого Бога объявили все происходящее божьей карой за людское тщеславие, предрекая грядущий бунт всех тварей нихвонских против погрязшего в грехах человека. Астрологи то и дело роняли темные будоражащие намеки. Отчаявшаяся толпа подожгла грачевник на землях богатого торговца зерном и потом бушевала на улицах, побивая камнями всех птиц. Чернь успела убить

даже трех священных черных лебедей, прежде чем ее удалось разогнать.

Но нападения продолжались, и Ланхмар с присущей ему гибкостью начинал приспосабливаться к этой необъяснимой напасти - осаде с небес. Богатые дамы сумели скроить моду из собственного страха. Тонкие лица их теперь охраняли серебряные сетки. Остроумцы пошучивали: мир, дескать, перевернулся - певчие птицы летают, а женщины, наконец, в клетках. Куртизанка Лиссия заказала своему ювелиру богатый глаз из дутого золота, что, по мнению мужчин, добавило пикантности ее красоте.

Тогда-то и появились в Ланхмаре Серый Мышелов и Фафхрд. Мало кто задумывался, где странствовали они, великан-варвар и его проворный напарник, и почему появились здесь именно в это время. Сами они и не думали что-либо объяснять.

Для начала они занялись расспросами в "Серебряном Угре", много пили, но избегали скандалов. Весьма изобретательными путями Мышелов дознался, что сказочно богатый, но презируемый обществом ростовщик Муулш только что приобрел знаменитый рубин у Короля Востока, весьма нуждавшегося в это время в наличных деньгах, и собирался подарить его собственной жене. Посему Мышелов и Фафхрд продолжили изыскания и после некоторых тайных приготовлений ускользнули лунной ночью из таверны "Серебряный Угорь", унося с собой некие загадочные предметы, пробудившие сомнения и у хозяина и у его присных.

Ведь - и этого нельзя было отрицать - под плащом Фафхрда что-то шевелилось и по величине как раз могло оказаться большой птицей.

Лунный свет подчеркивал резкие грани камней в стенах громадного дома ростовщика Муулша. Квадратное здание высотой в три этажа с плоской крышей и крохотными окошками стояло поодаль от подобных ему богатых домов торговцев зерном, словно какой-то отщепенец.

Неподалеку бурлили воды Хлала, река сердито ворчала, огибая эту часть города, что острым каменным локтем перегородивала поток. Возле дома со стороны реки высилась темная башня, там находился некогда один из нескольких проклятых и заброшенных храмов Ланхмара, оставленный в проплом по причинам, ведомым лишь жрецам и некромантам.

С другой же стороны сплошь сгрудились темные прочные склады. Надменностью веяло от дома Муулша, великим богатством и тщательно хранимыми тайнами.

И вот теперь Серый Мышелов через обычное в ланхмарских домах окно в крыше смотрел в покои для отдыха, принадлежащие жене Муулша, оказавшись свидетелем совершенно другой стороны жизни ростовщика. Мерзкий, бессердечный лихоимец корчился и извивался и был похож теперь скорее на поджавшую хвост болонку, а впрочем, и на взъерошенную курицу, - словесную порку ему задавала жена.

- Червь! Слизняк! Жирная тварь! - вопила стройная и юная супруга, почти нараспев выговаривая слова. - Ты погубил мою жизнь своим мерзким стяжательством. Ни одна благородная женщина никогда не скажет со мной и слова. А мужчины... Никто ни из знати, ни из торговцев зерном не проявляет ко мне внимания! Все пренебрегают моим обществом. А все потому, что к твоим пальцам приросла гнусная грязь с монет, которые ты вечно пересчитываешь.

- Но, Атиа, - застенчиво бормотал в ответ супруг. - Я всегда думал, что у тебя хватает подруг, есть к кому сбегать в гости. Ты чуть ли не каждый день часами где-то болтаешься, не говоря мне ни слова.

- Бесчувственный чурбан! - прервала она его лепет. - Удивительно ли, что мне приходится искать укромный уголок, чтобы выплакаться и утешиться? Ты никогда не понимал всей тонкости моих чувств. И зачем только я вышла за тебя замуж? Можешь быть уверен, по своей воле я бы никогда не сделала этого. Но ты вынудил моего бедного отца дать согласие, воспользовавшись его затруднениями. Ты купил меня. Ничего другого ты не умеешь.

А потом, когда мой бедный отец умер, ты набрался наглости и купил этот дом... Этот дом, дом, в котором я родилась. Ты сделал это, чтобы еще более унижить меня. Чтобы я жила там, где все меня знают и могут сказать: "Вот идет жена этого презренного ростовщика", - если они только еще используют такое вежливое слово... как "жена"! Ты хочешь лишь мучить и развращать меня, хочешь, чтобы и я опустилась в ту немыслимую грязь, в которой ты копошишься. Ты непристойная свинья! - И она в ярости застучала позолоченными каблучками по сверкающему паркету.

Облаченная в шелковую тунику и тонкие шальвары, ее легонькая фигурка была весьма привлекательна в гневе. Под вороньим крылом блестящих черных волос сверкали ясные глаза, лицо ее с узким подбородком оказалось неожиданно привлекательным. Быстрые взмахи ее рук казались трепетом крыльев. Все движения ее говорили о гневе и беспредельном раздражении, но во всем ее поведении чувствовались привычная непринужденность и уверенность, которые свидетельствовали, как понял Мышелов, втайне наслаждавшийся происходящим, что вся сценка играна и переиграна уже не впервые.

Комната с шелковыми шторами и крупной мебелью как нельзя лучше соответствовала хозяйке. На невысоких столиках теснились горшочки с притираниями, вазы с фруктами и чаши, полные лакомств. Язычки пламени на тонких восковых свечах подрагивали в теплом сквозняке из окна.

По меньшей мере дюжина клеток с канарейками, соловьями, попугайчиками и иными пичужками раскачивалась на тонких цепочках, одни птицы уже спали, другие сонно чирикали. На полу были разбросаны пушистые коврики. Одним словом, глазам Мышелова предстало средь грубых каменных стен Ланхмара преуютное гнездышко.

Слова молодой женщины отчасти соответствовали действительности: жирный и уродливый Муулш был к тому же старше ее лет на двадцать. Дорогая туника мешком сидела на нем. Он взирал на собственную жену одновременно с вождением и смущением, что воистину являло собой довольно комичное зрелище.

- Ох, Атия, голубонька моя, не сердись, - попытлся шепетать он. - Я так стараюсь тебе угодить, я так обожаю тебя. - Он попытался взять ее за руку. Она увернулась. Он неловко заторопился за нею и тут же стукнулся об одну из висевших невысоко птичьих клеток. Словно маленькая фурия, она обернулась к нему.

- А теперь ты еще пугаешь моих любимиц, чудовище! Ну-ну, хорошие мои, не пугайтесь. Здесь просто слониха старая топчется.

- К чертям твоих любимиц! - непроизвольно выкрикнул он, хватаясь за лоб. Но тут же пришел в себя и испуганно отшатнулся, словно ожидая удара туфлей по лбу.

- Та-ак, значит, в дополнение к своим прочим грубостям,

ты еще и проклинаешь нас? - проговорила она, и тон ее внезапно сделался ледяным.

- Нет-нет, возлюбленная моя Атиа. Я забылся. Я так люблю тебя... и всех твоих любимиц тоже. Я вовсе не хотел сказать ничего плохого.

- Ну, конечно, ты не хотел ничего плохого! Ты всегда лишь хочешь нас всех замучить до смерти...

- Но, Атиа, дорогая, - молящим тоном перебил он ее, - разве я унизил тебя? Вспомни-ка, и до нашей женитьбы твоя семья не имела ничего общего с Ланхмарским светом.

Слова эти были явным промахом, и давящийся от смеха Мышелов получил возможность тут же убедиться в этом. Муулш, должно быть, сразу же понял свою ошибку, потому что едва Атиа, побелев, ухватилась за тяжелый хрустальный кувшин, как он немедленно выкрикнул: - Знаешь, а я приготовил тебе подарок!

- Могу себе представить, - пренебрежительно фыркнула она, слегка расслабившись, но не выпуская своего оружия из рук.

Какой-нибудь дешевый пустячок, словно служанке. Или яркие тряпки, годные только для шлюхи.

- Ох нет, нет, моя дорогая. Дар, достойный императрицы!

- Не верю. Из-за твоего мерзкого вкуса и подлых манер Ланхмар не признает меня. - Изящная головка с утонченными чертами лица и тугая и пышная грудь, заманчиво вздымавшаяся и опадавшая в гневе, делали ее хозяйку обворожительной.

- "Вот наложница ростовщика Муулша", - так они говорят обо мне и хихикают за спиной. Надо мной смеются!

- У них нет на это никакого права! Да я всех их могу купить! Ну подожди, они еще увидят на тебе мой подарок! За такой самоцвет жена самого Властелина отдала бы даже зуб из собственного рта.

При упоминании слова "самоцвет" Мышелов ощутил, как едва заметная дрожь ожидания пробежала по комнате. Более того, он заметил, как дернулась одна из шелковых занавесок, резкое движение едва ли можно было приписать легкому сквознячку.

Он осторожно перегнулся вперед, вытянул шею и попытался заглянуть вбок, в щель между портьерами и стеной. И блаженное выражение плутоватого эльфа озарило его аккуратную курносую физиономию.

В слабом янтарном свете, сочившемся сквозь занавеску, таились двое - две до пояса обнаженные коренастые фигуры в темных штанах. У каждого был мешок, в который легко было упрятать и человеческую голову. Из этих-то мешков и сочился слабый усыпляющий аромат, который Мышелов уже унюхал, но не мог обнаружить его источник.

Мышелов расплылся в улыбке. Он беззвучно извлек тонкое удилище, осмотрел нить и густо смазанные липким клеем когти, приспособленные вместо крючка.

- Показывай камень! - сказала Атия.

- Сейчас, моя дорогая, сейчас, - засуетился Муулш. - Но не кажется ли тебе, что сперва следует закрыть и потолочное; и все прочие окна?

- Я не стану этого делать! - отрезала Атия. - С какой стати я должна таиться в собственном доме, раз в городе от страха дрожат все старухи?

- Но, голубка моя, это не просто старушечьи страхи. Весь Ланхмар в панике, и не без причин.

Он шевельнулся, чтобы кликнуть раба. Атия воинственно топнула ножкой.

- Не смей, жирный трус! Я не верю в детские страхи. Я не верю всем этим сказкам, сколько бы знатных дам ни клялось в их справедливости. Не смей закрывать окна. И живо показывай камень, иначе... иначе... я никогда не помирюсь с тобой.

Казалось, она на пороге истерики. Муулш вздохнул и сдался.

- Хорошо, сладенькая моя.

Он подошел к инкрустированному столику, неуклюже уворачиваясь от птичьих клеток, и нащупал небольшой бочонок. Четыре пары глаз неотступно следили за ним. Когда он вернулся назад, в руках его что-то поблескивало. Он опустил кулак в центр стола.

- Вот, - сказал он, отступая назад. - Я же говорил тебе, что мой подарок достоин императрицы.

На мгновение в комнате все замерло. Оба вора за занавесками голодными глазами пожирали самоцвет, неслышно развязывая тесемки мешков и по-копачьи бесшумно переминаясь с ноги на ногу.

Мышелов просунул тонкое удилище в потолочное окно и, стараясь не задеть серебряных цепей, стал нацеливать свой хитроумный крюк в самый центр стола - так паук

готовится свалиться по паутине на беспечного красного жучка.

Атиа смотрела молча. Достоинство и уважение к себе проступили на запаренном лице Муулша. Камень поблескивал будто огромная прозрачная и подрагивающая капля крови.

Оба вора приготовились к прыжку. Мышелов прицелился в последний раз перед броском. Атиа, жадно протянув руку вперед, шагнула к столу.

Но действиям этим равно не было суждено завершиться.

В комнате вдруг захлопали могучие крылья, послышался треск перьев. Клочком тьмы оторвавшимся от ночи чернильно-черная птица размером чуть больше вороны ворвалась в боковое окно. Когти ее оставили на столе полосы в локоть длиной. Изогнув шею, птица нервно каркнула и бросилась на женщину.

Комната сразу пришла в движение. Клейкий крюк застыл на полпути к столу. Двое воров пытались удержать равновесие в весьма неизящных позах, чтобы остаться незамеченными. Муулш, размахивая руками, вопил: "Кыш! Кыш!". Атиа упала в обморок.

Черная птица скользнула через комнату, качнув крыльями серебряные клеточки, и исчезла в ночи.

И снова в комнате все притихло. Нежные певчие пичужки умолкли при виде своего хищного собрата. Удильщик исчезло в потолочном окне. Оба вора по-за портьерами бесшумно отправились к выходу. Потрясение и страх, ненадолго посетившие их лица, уступили место обычному деловому выражению.

Атиа поднялась на колени, нежными руками прикрывая лицо. Дрожь пробежала по жирному загривку Муулша, он шагнул к ней.

- Она... она не ранила тебя? Что с лицом? Она не ударила?

Атиа уронила руки, явив взорам каменное лицо. Поглядела на мужа. И сразу же вспыхнула, как вскипает молоко.

- Курица! Ты просто громадная курица! - орала она. - Все что ты мог, так это вопить "Кыш! Кыш!", когда она набросилась на меня! И теперь камень пропал навсегда. Ты - несчастный каплун!

Она поднялась на ноги, снимая на ходу туфлю с совершенно определенным намерением. Муулш, протестуя, попытался и угодил спиной в скопление птичьих клеток...

Брошенный плащ Фафхрда оставался в том месте, где Мышелов оставил его. Поспешив к краю крыши, он различил невдалеке, на крыше одного из примыкавших складов, силуэт северянина. Варвар вглядывался куда-то в лунное небо. Мышелов подобрал плащ, перепрыгнул через узкую щель между домами и направился к другу.

Приблизившись, Мышелов увидел, что Фафхрд ухмыляется, удовлетворенно поблескивая белыми зубами. Мощная мускулистая фигура северянина, широкие кожаные напульсники и пояс с металлическими накладками выглядели явно не по-ланхмарски, как и длинные медного цвета волосы, грубые, хотя и привлекательные черты лица и бледная кожа, прозрачно белевшая в лунном свете. На тяжелой охотничьей рукавице восседал орел в белом клубучке, он взъерошил перья и возмущенно булькнул, заслышав шаги Мышелова.

- Ну скажи, разве я не охотник, разве моя птица не видит при полной луне? - добродушно прогремел северянин. - Не знаю, что случилось там в комнате и была ли у тебя удача. Но что касается черной птицы, которая влетела и вылетела... Хо! Вот она!

Он пнул ногой кучку черных перьев.

Мышелов свистящим шепотом быстро перебрал имена нескольких богов, потом спросил:

- А камень где?

- Не знаю, - отвечал Фафхрд, отмечая дальнейшие вопросы. - Жаль ты не видел, малыш! Какая схватка! - Голос его обрел прежнюю живость. - Эта вот, она летела быстро и хитро виляла, но Кооскра взметнулся, как северный ветер в горном ущелье. На какое-то мгновение я потерял их из виду. Завязалась схватка. А потом Кооскра принес его мне.

Мышелов, упав на колени, тщательно обследовал добычу Кооскра, потом вытащил из-за пояса небольшой нож.

- Подумать только, - продолжал Фафхрд, поправляя кожаный клубочок на голове орла, - и все говорят, что эти птицы - демоны, что они свирепые порождения тьмы! Тьфу! Простые вороны, которым не спится по ночам!

- Говори потише, - сказал Мышелов. Он поглядел вверх, отрицать, что сегодня орел оказался удачливей удочки, не приходилось. - Погляди-ка, что я отыскал в зобе. Птица так и не выронила ничего.

Фафхрд собственной рукой взял рубин из рук Мышелова и поднес ближе к глазам.

- Королевская штучка! - выпалил он. - Мышелов, теперь разбогатеет. Станем выслеживать этих птиц с добычей и вовремя спускать Кооскру. - Он громко расхохотался.

На этот раз биения крыльев они не услышали - просто над рукой Фафхрда безмолвно скользнула тень и растаяла в темноте. Она задержалась у края крыши, затем мощно взмыла вверх.

- Кровь Коса! - ругнулся Фафхрд, оправившись от оцепенения. - Мышелов, она украла камень... Взять ее, Кооскра! Взять! - Он быстро сдернул клюбучок с орла.

Но уже было ясно, что что-то не так. Орел медленно взмахивал крыльями и с трудом набирал высоту. Тем не менее он нагонял черную птицу. Та вильнула, нырнула и снова взмыла вверх. Орел следовал за ней, но полет его казался каким-то неуверенным.

Не говоря более ни слова, друзья следили, как обе птицы приближаются к массивной башне, что высилась за домом, наконец пернатые силуэты мелькнули на фоне тусклого древнего камня.

Тут Кооскра словно обрел полную силу: он взмыл вверх, на мгновение застыл, пока жертва его обреченно металась внизу, и наконец ударил.

- Готов, клянусь Косом! - выдохнул Фафхрд, грохнув кулаком по колену.

Но случилось другое. Кооскра промахнулся. В последний миг черная птица ускользнула внутрь одного из высоких окон башни.

Никаких сомнений в том, что с Кооскрой что-то неладно, теперь уже не оставалось. Орел хотел было ударить в амбразуру, укрывшую черную птицу, но потерял высоту. Крылья его суматошно и нервно били воздух. Пальцы Фафхрда напряженно стиснули плечо Мышелова.

Оказавшись под ними, Кооскра отчаянно крикнул, повергая в трепет тихую ланхмарскую ночь, а потом рухнул вниз, кружа и раскачиваясь словно лист... Только раз попытался он вновь шевельнуть крыльями.

Орел тяжело ударился о крышу неподалеку от хозяина. Когда Фафхрд склонился над ним, Кооскра был уже мертв.

С отсутствующим видом варвар погладил перья, поглядел на башню. Удивление, гнев, даже печаль читались на его лице.

- Лети на север, старый друг, - прошептал он. - Лети в ничто, Кооскра. - Он обратился к Мышелову: - Ран не видно.

- Все случилось, когда он поймал ту, первую птицу, - грустно сказал Мышелов. - Ты не посмотрел на когти этой гнусной твари. На них какая-то зеленая мерзость. И через какую-то царяпину смерть вошла в его тело. Сидя у тебя на руке, он боролся со смертью, а когда пустился следом за черной птицей, смерть уже почти одолела его.

Фафхрд крикнул, не отрывая взгляда от башни.

- Мы потеряли целое состояние и верного охотника. Только ночь еще не окончилась. Придется разузнать поподробнее об этих смертоносных тенях.

- Что ты задумал? - спросил Мышелов.

- Смотри, забросить линь с кошкой на угол этой башни несложно, веревки у меня вокруг груди намотано довольно. Так мы поднялись с тобой на крышу Муушла, можем воспользоваться этим способом и еще разок. Не трать слов понапрасну, малыш. Муулш? Чего нам бояться? Он видел, как птица унесла камень. Не станет же он посылать охрану обыскивать крышу?

- Да, понимаю, птица улетит, пока я буду лезть за ней. Но она может выронить камень или же ты попадешь в нее из пращи. Ядовитые когти? На мне перчатки и плащ, к тому же еще и кинжал. Идем, малыш. Не будем тратить время. Смотри, тот угол вдали от реки и дома Муулша как раз подойдет. Именно тот, на котором торчат обломки крохотного шпиля. - Ну, башня, погоди! - Он потряс кулаком.

Негромко мурлыкая под нос, Мышелов озабоченно оглядывался, придерживая линь, по которому Фафхрд лез вверх вдоль стены башни-храма. Ему решительно было не по себе. Фафхрд занимался дурацким делом, время ночных удач заканчивалось, а древний храм таинственно безмолвствовал.

В такие места запрещалось ступать под страхом смерти, никто и не знал, какие мерзкие твари могли обитать там, жирея в одиночестве. К тому же лунный свет ничего не скрывал, Мышелов даже поежился при мысли о том, какие прекрасные мишени представляют собой они оба на фоне стены.

До ушей его доносился негромкий, но могучий плеск вод Хлала, бурливших и круживших возле противоположной стены. Ему даже показалось, что сам храм сотрясается, словно Хлал уже вгрызся в его каменное нутро.

У ног Мышелова зиял темный проем футов в шесть глубиной, отделявший склады от храма. Он позволял заглянуть за стену сада при храме, заросшего бледной зеленью и заваленного мусором.

Поглядев туда, он увидел нечто, заставившее брови его поползти вверх, а волосы на голове встать дыбом. Через залитое лунным светом пространство украдкой пробиралась объемистая фигура, человекоподобная, но какая-то пакостная.

Мышелову показалось, что странное это тело лишено характерных человеческих очертаний, конечности его не сужались, лицо лишено было черт; странное существо неприятно напоминало лягушку, разгуливавшую на двух ногах. Оно, похоже, было тускло-коричневого цвета.

Непонятная тварь исчезла в тени возле храма. Что это за существо, Мышелов понять не мог, оставалось лишь догадываться.

Желая непременно предупредить Фафхрда, он поглядел вверх, но варвар уже вползал в амбразуру на головокругильной высоте. Кричать Мышелов не мог и в нерешительности замер, наполовину решившись уже последовать за другом. И все это время он напевал про себя песенку, из тех, что поют воры, — считается, что она усыпляет обитателей общищаемого дома. И он лихорадочно желал, чтобы луна скрылась за облачком.

И тут, словно страхи его воздействовали на действительность, что-то грубо ободрало ему ухо и с мертвящим гулом ухнуло в стену храма. Он догадался, что это шарик из мокрой глины, пущенный из пращи.

Не успел он сползти вниз, как за первым снарядом последовали еще два. Бьют откуда-то неподалеку, рассудил он по звуку, и стараются убить, а не оглушить. Он осмотрел залитую лунным светом крышу — на ней никого не было. Но еще до того, как колени его прикоснулись к крыше, он уже знал, как следует поступить, чтобы хоть как-то помочь Фафхрду. Быстро можно было отступать лишь одним способом, и он воспользовался им.

Ухватив конец веревки, что был подлиннее, он нырнул в провал между домами; в стену над ним сразу же один за другим ухнуло три шарика.

Когда Фафхрд осторожно вполз в амбразуру и твердо оперся о камни, он понял, чем именно смущали его изъе-

денные непогодой рельефы на древней стене: так или иначе они были связаны с птицами, в особенности с хищными, и с человекоподобными созданиями, напоминающими птиц, — у них были клювастые головы, перепончатые крылья и когти на костистых пальцах.

Всю амбразуру окружали подобные рельефы, а выступавший из стены камень, за который зацепилась кошка, оказался головой ястреба. Неприятное совпадение распахнуло прочные ворота, за которыми таился в его душе страх, и ужас, к которому примешивался трепет, скользнул в его душу, приглушив в какой-то мере гнев, вызванный ужасной гибелью Кооскры. В то же время подтвердились некоторые смутные подозрения, зародившиеся в его душе еще раньше.

Он огляделся. Черная птица как будто исчезла внутри башни, скудный лунный свет выхватывал внутри черный прямоугольник двери и какой-то мусор на полу. Достав длинный нож, он мягко шагнул внутрь, медленно переступая с ноги на ногу, словно пытаясь нащупать ступнями какой-нибудь дефект в каменной кладке, состарившейся за столетия.

Внутри было темно, потом ему стало виднее, глаза его привыкли ко мгле. Камни под ногами скользили. И все сильнее и сильнее волнами накатывала на него затхлая кислая вонь птичьих клеток.

Вокруг что-то непрерывно и негромко шуршало. Он сказал себе, что это обыкновенные птицы, небольшие. Голуби, должно быть, угнездившиеся в заброшенном строении. Но тревога не отступала, настаивала на своем, — он редко ошибался в собственных опасениях.

Миновав каменный выступ, он очутился в главной зале верхнего этажа.

Лунный свет, проникавший внутрь через две башни в потолке, смутно освещал стены с нишами, расширявшимися по левую сторону от него. Сюда плеск Хлала доносился не так отчетливо, но более гулко, словно звук поднимался по камню, а не по воздуху. Теперь он оказался совсем рядом с полуоткрытой дверью.

В ней оказалось небольшое зарешеченное окошко, словно в тюремной камере или клетке. У стены в широком конце комнаты высилось нечто похожее на алтарь, украшенный грубыми скульптурами. А по обе стороны от алтаря сту-

пеньками, повторяющими его форму, ряд за рядом темнели черные пятна.

И тут он услышал сильный фальцет:

- Человек! Человек! Убейте его! Убейте!

Часть черных пятен взмыла с насестов и, расправив крылья, увеличиваясь на глазах, понеслась к нему.

В основном лишь потому, что страх подготовил его к подобному нападению, он набросил плащ на голову, чтобы защитить ее, и стал отбиваться, отмахиваясь во все стороны ножом. Теперь он видел их лучше: чернильного цвета птицы с жуткими когтями, словно близнецы тех двух, с которыми бился Кооскра. Они клекотали вокруг, набрасываясь на него, словно боевые петухи, вдруг вставшие на крыло.

Сперва ему показалось, что птиц нетрудно будет отогнать. Но оказалось, биться с ними - все равно что пытаться поразить тень в кружащем вихре. Быть может, он и попал по двоим-троим. Понять было трудно. В сущности это было и неважно, он чувствовал, что когти уже рвут его левый кулак.

Тогда, потому что ничего другого делать уже не оставалось, он нырнул в полузакрытую дверь, захлопнул ее за собой, пронзил ножом птицу, что как смерть прилипла к его запястью, нащупал царапины, торопливо расширил их ножом и отсосал яд, который мог попасть в кровь с когтей.

Придерживая плечом дверь, он прислушивался к недоуменному хлопанью крыльев и сердитому карканью. Улизнуть отсюда было сложно. Внутренняя комната и в самом деле оказалась камерой, тьму в которой разгонял только лунный свет, проникавший через зарешеченное отверстие в двери. Он даже не мог представить себе пути к амбразуре... о спуске не приходилось и мечтать - повиснув на канате, он окажется полностью во власти птиц.

Он хотел было крикнуть погромче, чтобы предупредить Мышелова, но побоялся, что слова его на расстоянии будут трудно расслышать, и вопли эти лишь помогут заманить друга в ту же ловушку. В гневе на собственную неуверенность он мстительно пнул тело убитой птицы.

Но постепенно гнев и страх улеглись. Птицы, кажется, отлетели: они более не бросались на дверь, не висли, вцепившись когтями в решетку.

Через прикрытое ею отверстие он хорошо видел утопавший в тенях алтарь и лестницы насестов. Черные их оби-

татели безостановочно метались из стороны в сторону, сталкиваясь друг с другом и перепархивая с насеста на насест. В воздухе стояла тяжелая вонь.

И тут он снова услышал сильный фальцет. На этот раз голос был не один.

- Самоцветы, самоцветы. Яркие, яркие.
- Блестящие, искрящиеся.
- Ухо - рвать. Глаз - клевать.
- Шею - ранить. Шею - драть.

На этот раз сомнений не было - говорили сами птицы. Фафхрд заворуженно глядел. Ему приходилось слышать говорящих птиц: рваную речь воронов, ругательства попугаев. Голоса были столь же монотонны и невыразительны, речь бессмысленна - просто повторение слов, и только. В самом деле, ему случилось слышать попугаев, куда точнее воспроизводивших человеческую речь.

Но сами фразы произносились дьявольски метко и точно, он уже стал опасаться, что отдельные слова вот-вот перейдут в разумную беседу с вопросами и ответами. К тому же трудно было забыть, вне сомнения, недвусмысленное поражение: "Человек! Человек! Убейте его! Убейте!".

И пока, как заворуженный, внимал он этому свирепому хору, мимо решетки к алтарю скользнула фигура. Человека она напоминала только в общем, ровной и гладкой кожистой шкурой похожая скорее на бурого безволосого медведя. Птицы набросились на странное это создание и замечались вокруг, пронзительно вскрикивая и стараясь ударить.

Но существо не обращало никакого внимания на клювы и отравленные когти, как бы просто не замечая их. Неторопясь, подняв голову, шествовало оно к алтарю. Сноп лунного света, проникавшего через пролом сверху, теперь встал почти вертикально, растекаясь на полу в бледную лужицу прямо перед самым алтарем, и Фафхрд заметил, как, склонившись над объемистым ведром, странное создание начало выбирать из него крохотные поблескивающие вещицы, не обращая внимания на птиц, что вились вокруг, теперь уже в большом числе.

Потом существо обернулось, лунный свет упал на него, и Фафхрд понял, что перед ним человек, облаченный в какой-то мерзкий костюм, - только для глаз в прочной коже были сделаны две узкие прорезы. И теперь он пусть несколько неуклюже, но методично перекладывал содержимое

ведра в кожаный мешок. Тут до Фафхрда дошло, что это ведро и заключало в себе множество украшений и безделушек, похищенных птицами.

Облаченная в кожаную броню фигура завершила свое занятие, и направилась в обратную сторону тем же путем, все еще окруженная черным грозовым облаком негодующих птиц.

Но когда она оказалась напротив Фафхрда, птицы вдруг отлетели назад к алтарю, словно повинувшись команде, тихо затерявшейся во всеобщем смятении и шуме.

Человек в кожаном панцире замер, внимательно огляделся, узкие длинные прорезы глаз придавали ему вид загадочный и грозный. А потом снова шагнул вперед, но в тот же миг на кожаный мешок, что укрывал его голову, сверху упала тут же затянувшаяся удавка.

Фигура забилась и заметалась, хватаясь за горло заключенной в кожу рукой. Человек отчаянно замахал руками, и из мешочка посыпались камни и металлические вещицы, усеянные самоцветами. Хитрый рывок веревки наконец поверг его на пол.

Этот момент и выбрал Фафхрд, чтобы вырваться на свободу. Полагался он лишь на неожиданность и всеобщее смятение. Это было не слишком разумное решение, но, возможно, капля яда, оказавшаяся в крови, несколько помрачила его разум.

Он едва не добрался до прохода, ведущего к амбразуре, когда вторая удавка туго сдавила горло ему самому, собственные ноги, забежав вперед, обогнали его, и Фафхрд с размаху ударился головой об пол. Удавка еще крепче стянула горло, и он почувствовал, что задыхается, тонет в море черных перьев, среди которых ослепительно искрятся самоцветы со всего мира.

Сознание его болезненно прокладывало путь обратно в череп, и он услышал голос, испуганно и неровно выкрикивавший:

- Во имя Великого Бога, скажи, кто ты? Кто ты?

И тогда ответил второй голос: тонкий, нежный, быстрый, переливчатый, словно птичья трель, и холодный как лед:

- Я - крылатая жрица, повелительница коршунов. Я - когтистая королева, я пернатая принцесса, воплощение Таиа, что правила здесь извечно, невзирая на интердикт жрецов и повеление Властелина. Я - та, кто вершит суд над

кичливыми и сладострастными женщинами Ланхмара, я - та, что рассылает посланцев за данью, которую их прабабки трепеща сами приносили на мой алтарь.

Тогда вновь раздался первый голос, в нем слышалось смущение, но не было отчаяния:

- Зачем тебе губить меня столь ужасным путем. Я умею хранить секреты. Ведь я всего лишь вор.

Второй голос ответил:

- Ты действительно вор, раз попытался похитить сокровища из алтаря Крылатой Таиа, и за это преступление птицы Таиа вынесут тебе подходящее наказание. Если они увидят, что ты заслуживаешь снисхождения, тебя не убьют, только выключат глаз... или оба.

В голосе слышались трели и чириканье, и воспаленный мозг Фафхрда все рисовал ему какую-то невероятно огромную певчую птицу. Он попытался подняться на ноги, но понял, что плотно привязан к креслу. Руки и ноги его онемели, левую руку еще и жгло острой болью.

Тогда тихий лунный свет перестал отдаваться болью в его голове, и Фафхрд заметил, что находится в той же палате возле двери с решеткой и сидит лицом к алтарю. Возле него стояло второе кресло, к нему был крепко привязан человек в кожаном панцире. Но теперь кожаного колпака на нем уже не было, под ним оказалась выбритая голова, лицо вора было в рябинках. Крупные черты этого человека Фафхрд признал сразу - Стравас, известный карманник.

- Таиа, Таиа, - зывали птицы. - Клевать глаза. Рвать нос.

В черных провалах глаз Страваса между выбритыми бровями и упитанными щеками гнезился страх. Но он снова заговорил, обращаясь к алтарю.

- Да, я - вор. Но и ты тоже. Боги этого храма обречены на забвенье. Их проклял сам Великий Бог. Столетия назад оставили они это место. Кто бы ты ни была, но здесь ты - самозванка. Магией или хитростью сумела ты научить птиц красть, ведь многие из них по природе склонны воровать блестящие вещи. А то, что они украдут, ты забираешь.

Ты ничуть не лучше, чем я, разгадавший твой секрет и нашедший способ ограбить тебя в свой черед. И ты не жрица, обрекающая нас на смерть за святотатство! Где поклоняю-

щиися тебе? Где жрецы твои? Где твои благодеяния? Ты просто воровка!

И он дернулся, натянув путы, словно стремясь броситься вперед и поскорее встретить судьбу, уготованную опрометчивыми словами. И тогда за спиной Страваса Фафхрд увидел другую фигуру и усомнился, возвратилось ли к нему сознание в полной мере. Там стоял еще один человек и тоже в кожаной маске. Хорошенько поморгав и приглядевшись вновь, он заметил, что у стоящего маска лишь узкой полоской прикрывала глаза, в остальном на стоящем была одежда сокольничего: плотная куртка и тяжелые поручни. С широкого кожаного пояса свисал короткий меч и кольца аркана. Перегнувшись назад, Фафхрд заметил смутные очертания подобной фигуры и за собственным креслом.

Тут ответил голос от алтаря, теперь он звучал пронзительно и отрывисто, но по-прежнему мелодично, словно птичья трель. На первый же звук его птицы хором откликнулись: "Таиа! Таиа!".

- Теперь ты действительно умрешь, растерзанным в клочья, и с тобою тот, что сидит рядом, чей нечестивый орел убил Кивайиса и был сражен им. Но ты умрешь, понимая, что Таиа есть Таиа, а я - воплощение ее и жрица, не самозванка.

Лишь сейчас Фафхрд поглядел прямо на алтарь, подсознательно он все еще не решался на это из-за суеверного трепета и какого-то непонятного отвращения.

Теперь ниспадавший сверху столб лунного света сдвинулся поближе к алтарю, выхватив из темноты две каменные фигуры, похожие на горгулий, по сторонам. Каменные лица напоминали женщин, но грозно занесенные руки заканчивались когтями, за плечами виднелись сложенные крылья. Древний мастер, кто бы он ни был, творил с дьявольским мастерством, казалось, фигуры вот-вот расправят крылья и поднимутся в воздух.

А на самом алтаре между крылатыми силуэтами в тени, поодаль от лунного света, пряталась черная тень, темные полумесяцы по бокам ее вполне могли быть и крыльями. Облизывая губы, Фафхрд глядел на нее; отупевший от яда мозг не в силах был выбрать разумный вариант из представлявшихся ему возможностей. Но в то же время, хотя он и не отдавал себе отчета в собственных действиях, длин-

нопалые ловкие руки его сами собой принялись расплетать тугие узлы на стянувшей кисти веревке.

- Знай же, глупец, - заговорила вновь черная тень, - боги не исчезают, если поклонение им запретил какой-то лживый жрец, как не действуют на них и проклятия самонадеянных ложных божков. Пусть нет ни жреца, ни верующего - боги живы! Я была мала, у меня еще не было крыльев, когда я впервые забралась сюда, но присутствие этих богинь я чувствовала в самих камнях храма, и сердцем поняла я тогда - они мои сестры.

Тут Фафхрд услышал, как где-то вдали слабо и глухо, но тем не менее отчетливо Мышелов выкликает его по имени. Голос доносился, похоже, откуда-то снизу из храма, сливаясь с глубоким ворчанием Хлала. Существо на алтаре пронзительно вскрикнуло и, должно быть, повело рукой - один из бледных серпов певельнулся.

Черная птица одиноко скользнула и уселась на перчатку сокольника, что был за спиной Страваса. Сокольников ушел. Шаги его удалялись, он явно спускался по лестнице. Второй сокольников направился к амбразуре, через которую Фафхрд проник внутрь и звучно перерезал веревку. Потом он вернулся.

- Что-то сегодня у Таиа нет недостатка в паломниках, - прочирикал силуэт на алтаре, - настанет день, и все роскошествующие дамы Ланхмара трепеща, покорно придут в этот храм, чтобы отдать Таиа часть своей красоты.

Зрение Фафхрда постепенно улучшалось, и он подумал, что чернота силуэта слишком гладкая для перьев, но уверенности в этом у него не было. И он еще усерднее принялся за путы, почувствовав, что левому кулаку стало свободнее.

- Губи красу! Губи красу! - хрипло каркали птицы. - Целуй клювом! Ласкай когтем!

- Пока я была мала, - продолжал тонкий голос, - я лишь мечтала об этом и удирала из дома отца моего в это священное место. Но и тогда дух Таиа уже осенил меня, потому что остальные боялись и избегали меня.

И вот однажды я нашла здесь раненую молодую птицу и вылечила ее. Она оказалась из древнего рода птиц Таиа, которые улетели в Горы Тьмы, когда храм осквернили, - дожидаться времен, когда Таиа позовет их обратно. И священным чувством узнав, что Таиа воплотилась во мне, птица вернулась. Она узнала меня, и медленно, ведь мы

обе были молоды и неопытны, мы припомнили кое-какие древние ритуалы и обрели способность понимать друг друга.

Год следовал за годом, и одна за одной птицы стали возвращаться из Гор Тьмы. Они сочетались в пары. Обряды наши становились все совершеннее. И мне стало трудно быть жрицей Таиа - ведь окружающие могли узнать мою тайну. Надо было добывать пищу, плоть и кровь. Долгими часами я учила их.

И я одолела забвение. И жалкие людишки, там, за стенами храма, ненавидели меня все больше и больше, они чувствовали мою силу и противились ей. И все пытались унижить меня.

Тысячу раз на дню втоптывали они в грязь величие Таиа. Меня лишили всех привилегий, подобающих мне по рождению и положению, заставили выйти за вульгарного, неотесанного тупицу. Но я подчинилась... словно была одной из них, и смеялась над их тупоумием, легкомыслием и тщеславием. Я ждала своего часа, чувствуя, как крепнет во мне дух Таиа.

- Таиа! Таиа! - словно эхо отозвались птицы.

- Тогда я пустилась в розыски и нашла их: двоих потомков древних сокольничих Таиа, в семьях которых живо было древнее поклонение и соблюдались старинные обряды. Они признали меня и поклонились мне. Они - мои жрецы.

Фафхрд почувствовал, что сокольничий возле него низко и почтительно поклонился. Северянину казалось, что он попал в какой-то мерзкий театр теней. Тревога за Мышелова свинцовой тяжестью придавливала его взбудораженный ум. Ни с того, ни с сего он заметил на грязном полу неподалеку от себя усеянную жемчужинами брошь и сапфировый браслет. Драгоценности лежали там, где их выронил из мешка Стравас.

- Четыре месяца назад, - вещал голос, - когда луна пошла на убыль в месяц Совы, я почувствовала себя Таиа в полной мере, тогда и настала пора сводить счеты с Ланхмаром. И я разослала птиц собирать положенную дань, повелев им наказывать тех, кто скуп, или тщеславен, или пользуется дурной славой за гордыню. Вся прежняя хитрость быстро вернулась к птицам. Алтарь Таиа обрел подобающее убранство. А Ланхмар познал страх, не ведая еще, что боится он Таиа. Но недолго им еще наслаждаться незнанием. - Голос ее стал пронзительным. - Скоро я открыто объявлю всем о

явлении Таиа. Двери храма откроются для почитателей и дароносцев. Идолы Великого Бога будут повержены, храмы его падут. А те богатые надменные женщины, что презирали во мне Таиа, будут приведены сюда. И этот алтарь узнает сладость жертвы. - Голос сорвался на визг. - Наконец-то! Сейчас вы, двое пришельцев, познаете месть Таиа!

Дрожащий вздох вырвался из горла Страваса, он принался раскачиваться в своих узах. Фафхрд отчаянно распутывал узы на правой руке. Повинуясь приказу, часть черных птиц взлетела с-наседа, но нерешительно опустилась обратно - ведь пронзительный вопль не закончился приказом.

Появился второй сокольничий, он медленно подступал к алтарю, торжественно салютуя правой рукой - птицы на ней не было. В левой руке он держал окровавленный короткий меч.

Силуэт на алтаре торопливо шевельнулся, и лунный свет озарил не гигантскую птицу и не жуткую химеру - Фафхрд впервые разглядел ее, - перед ним была женщина в черном платье с длинными, покачивавшимися рукавами. Черный капюшон ее откинулся назад, являя под прядями блестящих черных волос треугольник лица с остекленевшими глазами и длинным носом... Она и впрямь напоминала птицу и еще... - злобного и странно привлекательного ребенка. Сгорбившись, она семенила вперед, едва ли не перепархивая.

- Трое! Теперь их будет трое! - вскричала она. - Ты убил третьего. Прекрасно, сокольничий.

Ошеломленный Стравас бормотал:

- Я знаю тебя. Знаю!

Но сокольничий все приближался.

Она спокойно спросила:

- Что тебе, чего ты хочешь? - И тогда с кошачьей ловкостью сокольничий бросился вперед и приставил алый от крови меч прямо к черной ткани, прикрывающей грудь.

И Фафхрд услышал голос Мышелова:

- Не вздумай пошевелиться, Атиа. И не вздумай приказывать своим птицам какую-нибудь гнусность. Иначе умрешь... в мгновение ока, как умерли твой сокольничий со своим черным питомцем.

Сердцебиений пять в комнате царило безмолвие, даже дыхания тех, кто там находился, не было слышно. Потом женщина на алтаре коротко и неровно задышала, глухо вскрикивая, едва ли не квакая.

Несколько черных птиц взмыли с насестов и нерешительно заметались вокруг, мелькая в столбах лунного света и стараясь держаться подальше от алтаря. Женщина принялась раскачиваться, словно маятник.

Фафхрд успел заметить, что второй сокольниковый возле него шевельнулся, заноса меч для удара. Всей своей мощью, одним движением кулака и предплечья он разорвал остатки пут и, вместе с креслом взметнувшись вперед и вверх, успел перехватить запястье уже начинавшего выпад сокольниковый и бросил его на пол. Тот завопил от боли, кость с хрустом переломилась. Фафхрд придавил его всем своим весом, не отводя глаз от Мышелова в кожаной маске и черной женщины перед ним.

- Два сокольниковых в одну ночь, - произнес Мышелов, подражая женщине. - Неплохо, Фафхрд. - И он безжалостно добавил: - Маскарад закончен Атия. Хватит мстить высокородным женщинам Ланхмара. О, как удивится жирный Муулш, узнав про свою голубку. Ты крала даже собственные драгоценности! Не слишком ли ты хитроумна, Атия?

Крик горького разочарования и полнейшего поражения сорвался с губ женщины, униженной и побежденной. Но она перестала раскачиваться, безграничное отчаяние проступило на ее породистом лице.

- В Горы Тьмы! - дико закричала она. - В Горы Тьмы! Уносите дань Таиа в последнюю ее твердыню! - За словами этими прозвучал странный пересвист, трели и вскрики.

И тогда птицы взмыли в воздух, стараясь, впрочем, держаться подальше от алтаря, они кружили, вскрикивали на разные голоса, и женщина, похоже, отвечала им.

- Не вздумай шутить, Атия! - выдохнул Мышелов. - Смерть перед тобой.

Тут одна из черных птиц нырнула к полу, схватила усыпанный изумрудами браслет, снова взмыла вверх и скользнула наружу через глубокую амбразуру в стене храма, выходящую на реку Хлал. Одна за одной птицы следовали ее примеру.

Словно гротескная вереница свершающих странный обряд жрецов, исчезали они во тьме, унося в когтях сокровища: ожерелья, броши, кольца, булавки, золотые, серебряные и электроновые, усыпанные камнями разного цвета, едва поблескивавшими в лунном свете.

И когда исчезли три последние птицы, для которых уже

не хватило добычи, Атия простерла руки под черной тканью к двум изваяниям крылатых женщин, словно вымаливая у них чудо, и с отчаянным последним воплем безрассудно прыгнула с алтаря и метнулась следом за птицами.

Мышелов не нанес ей удара, наоборот, он спешил за нею; меч его лишь угрожал беглянке. Вместе вспрыгнули они на амбразуру. Раздался новый крик; немного помедлив, Мышелов прыгнул на пол и вернулся к Фафхрду. Перерезав остатки пут, он оттащил в сторону кресло, помог другу встать. Раненый сокольниковый не шевелился, только тихо постанывал.

- Она бросилась в Хлал? - спросил Фафхрд пересохшей глоткой.

Мышелов кивнул.

Фафхрд очумело тер себе лоб. Действие яда слабело, разум его прояснялся.

- И даже имена схожи, - пробормотал он тихо. - Атия и Таиа!

Мышелов двинулся к алтарю и принялся перерезать путы на карманнике.

- Твои ребята пытались насолить мне сегодня, Стравас, - непринужденно бросил он, - пришлось немного потрудиться, пока удалось отделаться от них и пробраться по заваленным хламом лестницам.

- Я прошу у тебя извинения за это... немедленно, - отвечал Стравас.

- И не твои ли люди сегодня охотились за камнем в доме Муулша?

Стравас кивнул, потирая онемевшие конечности.

- Надеюсь, здесь мы союзники, - отвечал он, - хотя делить нам теперь нечего, разве что кучку нелепых безделушек из стекла и латуни. - Он мрачно усмехнулся. - Неужели не было способа отделаться от этих черных демонов и хоть что-нибудь сохранить?

- Для человека, едва извлеченного из клюва смерти, ты, пожалуй, жадноват, Стравас, - отвечал Мышелов, - но, должно быть, это у тебя просто работа такая. А я, наоборот... просто счастлив, что птицы улетели. Более всего я боялся, что они разлетятся вокруг, - а так бы и было, если бы я убил Атия. Только она одна могла справиться с ними. Тогда мы-то уж точно погибли бы. Погляди-ка на руку Фафхрда, видишь, как ее раздуло?

- Быть может, птицы еще принесут сокровища обратно, - с надеждой проговорил Стравас.

- Сомневаюсь, - отозвался Мышелов.

Через две ночи Муулш-меняла, кое-что узнавший об этих событиях от сокольничего с переломанной рукой - тот давно уже ходил за певчими птицами жены купца, - лежал раскинувшись на роскошной кровати в спальне жены. В одной пухлой руке его был кубок с вином, в другой - ладошка пригожей девицы, укладывавшей волосы Атия.

- Я вовсе не любил ее, - промолвил он, привлекая блаженно улыбающуюся девицу поближе. - Просто она при-
выкла дразнить и тиранить меня.

Девушка мягко высвободила руку.

- Я хочу завесить эти клетки, - пояснила она, - слишком уж их глаза напоминают о ней. - И она томно повела плечами под тонкой тканью туники.

Постепенно страх оставил Ланхмар. Но многие богатые женщины все носили серебряные клетки, прикрывавшие лица, считая эту моду обворожительной. Постепенно клетки начинали уступать место гибким маскам из серебряной сетки.

Через некоторое время Мышелов сказал Фафхрду:

- Тогда я тебе кое-чего не договорил. Когда Атия бросилась в Хлал, светила полная луна. Но почему-то я так и не видел, как она упала, даже всплеска, а я ведь был совсем рядом, не слышалось. Потом я поднял голову: неровной чередой птицы удалялись в сторону луны. А позади, мне показалось, летела громадная птица, мощно взмахивая крыльями.

- Так ты думаешь... - начал было Фафхрд.

- Для меня Атия утонула в Хлале, - отрезал Мышелов.

IX. Заплатил - и не болит

Громадный варвар по имени Фафхрд, изгой Холодных Краев, что лежат на севере Нихвона, вечный иноземец в земле Ланхмарской и в самом Ланхмаре, самой знаменитой части Нихвона, и невысокий, но искуснейший в бою на мечах Серый Мышелов, без определенного положения даже по меркам отнюдь не бюрократического и беспечного Нихвона, человек без родины (по крайней мере ему самому

она была неизвестна), были неразлучнейшими из друзей и товарищей с того самого момента, когда познакомились в самом центре старого города Ланхмара у пересечения улиц Монетной и Денежной. Но под одной крышей они никогда не жили по весьма простой причине: во всем, кроме дружбы, были они одиночками, что в известной степени предполагает и бездомность. Была и другая причина. Они вечно где-то бродяжничали, разнюхивали, принимались за всякие авантюры или просто старательно изворачивались, чтобы избежать губительных последствий собственных неразумных решений и деяний. Нельзя забывать и про третью: женщины, с которыми связывала их первая и самая главная в жизни любовь - у Фафхрда она звалась Вланой, а у Мышелова - Ивриан, - были злодейски убиты, правда, месть последовала кровавая, но утешения она им не принесла. Все случилось в ту самую ночь, когда юноши познакомились. Да и что есть дом без любимой? - Зябкое место. А в-четвертых, по бедности им всегда приходилось красть для себя все пожитки, в том числе мечи и кинжалы, которые положено было именовать Серым посохом и Кровавой палочкой - у одного и Скальпелем и Кошачьим когтем - у другого. Так не будем пытаться, как часто они теряли свои вещи и возмещали потерю... Ну а дом не так просто украсть. Здесь, конечно, речь идет не о палатках, постоянных дворах, пещерах и дворцах, где некоторым случается работать или... скажем, гостить у какой-нибудь там королевы или принцессы... не будем здесь вспоминать о наемной хибарке, которую Мышелов и Фафхрд ненадолго сняли в переулке неподалеку от Площади Мрачных Увеселений.

И после первых странствий их пешком и рысью по просторам Нихвона, и после дальнейших приключений в Ланхмаре и окрестностях, они по большей части обходились без женщин, ведь память об Ивриан и Влане годами не оставляла их - ни после невообразимых скитаний через Внешнее Море и обратно по власти заклятья, даже после схваток с семерыми черными жрецами, ни после поединка с Атиа и Таиа и нового возвращения в Ланхмар.

Подвыпив, они возвращались однажды дворами Мора по Аллее Костей из таверны в квартале Бабки и Шлюхи, известной под названием "Золотая Минога", в развеселый постоянный двор "Серебряный Угорь", впрочем, связанный с ужаснейшими в их жизни воспоминаниями, тот самый, что

в темном переулке между улицами Дешевой и Коробейников. За ним они и разыскали наваленные и почерневшие камни, на которых после лютых мучений в белый пепел превратились тела их первых возлюбленных - Влань и Ивриан... быть может, последние частицы их тел пока не разлетелись отсюда и белели еще в бледном свете луны.

Той же ночью, только позднее и куда более нетрезвыми, они забрели на север, за Улицу Богов, в квартал аристократов, что у Приморской Стены, как раз к востоку от Радужного Дворца Властелина Ланхмара Карстака Овартамортеса. Во владениях герцога Даниуса за увенчанной шпильми стеной Серый Мышелов углядел - свет луны теперь прояснился, нежный ветерок с моря разогнал ночной туман - опрятный и уютный, полностью деревянный садовый домик с изогнутым гребнем на крыше и торчащими из-под нее балками. К нему-то он вдруг и вспылал пылкой любовью и даже заставил восхищаться им Фафхрда. Дом покоился на шести коротких кедровых столбах, а они в свою очередь опирались на плоскую скалу. После этого ничего иного уже не оставалось, как мчаться на Застенную улицу к Болотным Воротам нанимать четыре десятка мускулистых полночных завсегдатаев этого перекрестка, выдать каждому по серебряной монете, чтобы как следует захмелел, и пообещать за труды еще по золотому, а с ним еще большую выпивку, потом вести их в темное и сонное обиталище Даниуса взламывать железный замок на воротах, а еще потом приказать им поднять беседку и осторожно вынести ее наружу - к счастью, дело обошлось без громкого треска и без появления всякой там стражи. Все прошло наилучшим образом, Мышелов с Фафхрдом, надзирая за происходящим, даже сумели еще прикончить кувшинчик. Затем пришлось завязать глаза всем носильщикам - это была самая сложная часть дела, и тут потребовалась вся изворотливость Мышелова вкупе с непринужденным, несколько даже зловещим и требовательным дружелюбием Фафхрда, - а потом надо было направлять и вести все четыре десятка пыхтящих мужчин в поту, тащивших дом. Так спускались они на юг по опустевшей улице Коробейников, потом поднимались на запад по Аллее Костей (садовый домик, к счастью, оказался достаточно узок, три комнаты располагались в ряд), наконец выбрались они на пустырь за "Серебряным Угрем", где Фафхрд отбросил в сторону три каменных блока, места для домика там

оказалось достаточно. А потом оставалось лишь отвести носильщиков с завязанными глазами назад к Волотным Воротам, выдать им золотые и обещанное вино - по большому кувшину на брата оказалось вполне достаточно, чтобы избежать ненужных воспоминаний. А потом друзьям пришлось нестись под розовеющим уже небом покупать у Брагги, хозяина таверны, бросовый пустырь за "Серебряным Угрем", не без сожаления отбивать с крыши гребень и коньки с балок и закидывать для маскировки пеплом политую водой крышу, не подумав о зловещем предзнаменовании: все-таки пепел принадлежал Ивриан и Влане. И потом только, шатаясь, удалось им забраться внутрь и провалиться в сон на голом полу, даже не оглядевшись.

Когда наутро они проснулись, домик изнутри оказался вполне уютным, обе крайние комнаты были спальнями, полы покрывали толстые ковры, стены - в высшей степени игривые картинки. Мышелов принялся размышлять: делил ли лорд Даниус своих садовых наложниц с каким-нибудь другом или же сам так и метался между обеими спальнями. Средняя комната была уютнейшей и спокойнейшей из жилых комнат. Несколько полок были уставлены книгами возбуждающего содержания в роскошных переплетах, был там и буфет, заставленный горшками и кувшинами с редкими яствами и винами. В одной из спален оказалась даже медная ванна - и Мышелов без колебаний выбрал ее, - в каждой было по укромной уборной, которая легко опорожнялась снизу приходящим на неполное время мальчишкой-служгой, которого в ту же ночь они наняли в "Угре".

Кража прошла в высшей степени успешно, никаких неприятностей от вечно ленивых ланхмарских стражников в бурых кирасах у них не было, не побеспокоил друзей и сам герцог Даниус - если он и нанимал домашних шпионов, они явно уклонялись от не слишком легкой работы. И несколько дней Серый Мышелов с Фафхрдом блаженствовали в своем новом жилище, пили и ели тонкие яства Даниуса, ненадолго забегая в "Угря" за вином. Мышелов трижды на дню неторопливо наслаждался ароматными пенистыми ваннами, а Фафхрд каждые два дня посещал ближайшую общественную баню с парилкой и много времени проводил за книгами, оттачивая свои значительные уже познания в Высоком ланхмарском, илтмаришском и квармоллианском языках.

Постепенно спальня Фафхрда обрела уютный беспорядок,

а комната Мышелова стала слишком уж опрятной и аккуратной - так выражалась суть их натур.

Через несколько дней Фафхрду удалось отыскать еще одну библиотеку, весьма тщательно упрятанную, книги в ней повествовали не о чем-нибудь, а о смерти, что так отличало их от прочих в высшей степени эротических томов. Фафхрд нашел в них образовательный смысл, Мышелов же развлекался, представляя себе, как герцог Даниус на ходу пробегает главку-другую об удушении или о клишйских тропических ядах, задержавшись на пороге из одной спальни в другую, от одной девицы к другой или к прочим.

Однако сами они девиц в свой очаровательный новый дом не приводили, и не без причины - не прошло и двух недель, как призрак стройной Ивриан стал являться Мышелову, а призрак высокой Вланы - Фафхрду; быть может, духи эти проявлялись из вездесущей пыли, прилипшей к стенам снаружи. Призраки девушек никогда не говорили, даже тихим шепотом, и не прикасались к друзьям даже волоском. Фафхрд не говорил о Влане с Мышеловом, а Мышелов с Фафхрдом об Ивриан. Словом, девушек было не видеть, не слышать и не потрогать, но тем не менее обе были рядом.

Втайне друг от друга оба приятеля обращались к ведьмам, знахарям, астрологам, колдунам, некромантам, предсказателям судьбы, респектабельным докторам, даже к жрецам в поисках исцеления от невзгод - каждый из них желал, если уж видеть дорогую покойницу, так видеть по-настоящему или же не видеть вовсе.

И через три луны Мышелов и Фафхрд, исполненные доброжелательности друг к другу, абсолютно терпимые буквально во всем, всегда готовые перекинуться шуткой, улыбающиеся - впрочем, чаще, чем это было бы необходимо, - обнаружили, что быстро сходят с ума. Мышелов убедился в этом как-то на рассвете: открыв глаза, он увидел над собой на потолке бледный плоский силуэт: Ивриан грустно глядела на него с потолка и тут же исчезла, заметив, что он проснулся.

Ниже волос все лицо его и шея покрылись бисеринками пота; горло драло, его тошнило чуть не до рвоты. Взмахом правой руки он отбросил все простыни и нагишом через гостиную помчался в спальню Фафхрда.

Северянина в ней не было.

Мышелов долго смотрел на неубранную пустую постель. А потом одним глотком выдул полбутылки крепленого вина. А после приготовил себе кувшинчик обжигающе горячего тройной крепости гахвеха. Пригубив содержимое кувшинчика, он понял, что его знобит и он зябко трясется. Накинув шерстяной халат, он туго перепоясался, влез в валенки, но и, приканчивая свой еще дымящийся гахвех, все еще продолжал мелко дрожать.

Весь день он то рассказывал по гостиной, то валялся в одном из громадных кресел, чередуя крепленое с горячим гахвехом и дожидаясь Фафхрда. Он все еще зябко ежился и время от времени потуже запахивался в халат.

Но северянин так и не появился.

Когда к вечеру окна из тонкого пепельно-пыльного рога сперва пожелтели, а потом потемнели, Мышелов уже был в состоянии мыслить более практически. Ему пришло в голову, что остался единственный волшебник, с которым он не советовался по поводу всей этой жуткой истории с Ивриан, - что было, впрочем, понятно, ведь именно этого чародея он не считал ни обманщиком, ни мошенником. Это был Шилба-без-очей-на-лице, живший в пятиногой хижине на Великом Соленом Болоте, как раз на восток недалеко от Ланхмара.

Стянув все теплые тряпки, он поспешно накинул свою серую куртку из грубого пряденого шелка, натянул башмаки из крысиной кожи, прицепил к поясу свой легкий Скальпель и острый кинжал Кошачий Коготь. Он уже успел заметить, что ни одежды Фафхрда, ни меча его по имени Серый Жезл, ни кинжала, зовущегося Кровопиец, на месте не было. Прихватив серый плащ с капюшоном из того же материала, что и куртка, он бежал из кошмарного обиталища в страхе и ужасе, опасаясь лишь одного - чтобы грустный и бесстрастный не явился бы ему вновь дух Ивриан в полном безмолвии лишь для того, чтобы потом бесследно исчезнуть.

Солнце садилось. Слуга из "Угря" чистил уборную. Мышелов грубовато и строго окликнул его:

- Видел сегодня Фафхрда?

Парень слегка вздрогнул и ответил:

- Да, он уехал на рассвете на громадном белом коне.

- У Фафхрда нет коня, - жестко, угрожающим тоном произнес Мышелов.

Парень снова вздрогнул:

- Такого высокого коня я еще не видел. И седло было коричневое, и упряжь с золотыми бляшками.

Оскалившись вдруг, Мышелов наполовину вытащил из покрытых мышинными шкурками ножен Скальпель - за спиной парня, в сумерках поблескивал пкурой угольно-черный конь под черным седлом в упряжи того же цвета, покрытой серебряными бляхами.

Он бросился мимо парня - тот трусливо отпрянул прямо в то, что чистил, - вспрыгнул в седло, схватил поводья, вставил ноги в стремяна, по длине оказавшиеся ему совсем в пору, - и ногами послал коня вперед. Тот взял прямо с места по Сумрачной улице, галопом пронесся на север по улице Коробейников, потом повернул на запад по улице Богов - люди разбегались с его пути - и исчез за распахнутыми Болотными Воротами, прежде чем тамошняя стража успела скрестить зазубренные пики.

Солнце садилось за его спиной, впереди была ночь, влажный ветер обдувал щеки, и Мышелов решил, что все складывается неплохо.

Черный конь промчал его по Мощной Дороге десятков на шесть полетов стрелы или на триста дюжин бросков копья, потом они свернули с дороги на юг, повернув от моря так резко, что Мышелов едва не свалился на землю, но все же умудрился удержаться в седле, стараясь уклониться от колючих ветвей терновника и соколиных деревьев. И не более чем через сотню вздохов лошадь застыла прямо перед хижинкой Шилбы, притолока низкой двери была чуть выше головы Мышелова, под нею горбилась черная фигура в плаще с капюшоном.

Мышелов громко произнес:

- Опять твои шуточки, волшебник? Зачем ты прислал за мною этого коня?

Шилба не ответил ни слова и даже не шевельнулся, хотя силуэт его выглядел, мягко говоря, неестественно, если стоял он на ногах, а не, скажем, на щупальцах.

Через какой-то миг Мышелов повторил погромче:

- А за Фафхрдом это не ты сегодня послал с утра громадного белого коня с покрытой золотом упряжью?

Тут Шилба слегка вздрогнул, и сразу же замер вновь, не говоря ни слова, и, конечно же, место, где положено было бы находиться лицу, оставалось куда чернее его одеяний.

Сумерки сгустились. Еще немного спустя, Мышелов тихо и с отчаянием проговорил:

- О, Шилба, великий волшебник, одари меня, иначе я погиб. Верни мне мою возлюбленную, верни целиком или же дай мне забыть ее совсем, словно бы я никогда и не встречал Ивриан. Сделай, как хочешь, и я заплачу тебе, чем пожелаешь.

Скрипящим голосом, как скрежест в волне галька, Шилба отозвался из темной двери:

- Будешь ли ты верно служить мне до самой своей смерти? Выполнишь ли все, что я по праву прикажу тебе? Со своей стороны я обещаю тогда не прибегать к твоим услугам чаще раза в году или двух и занимать тебя не более трех лун из тринадцати. Теперь клянись костями Фафхрда и своими собственными, что, во-первых, ты доставишь мне Маску Смерти из Страны Теней, не пренебрегая любыми уловками, какими позорными и унижительными они бы ни показались тебе, и что, во-вторых, ты убьешь любого, кто посмеет преградить тебе дорогу, будь то твоя неведомая мать или же сам Великий Бог.

- Обещаю, - после долгой паузы ответил Мышелов тихо.

Шилба продолжал:

- Очень хорошо. Вот конь. Езжай на нем на Восток, за Илтмар, через Город Живых Мертвецов, за Море Чудовищ, за Иссушенные Горы, прямо в Страну Теней. Отыщи там Голубое Пламя и доставь мне Маску Смерти, лежащую на троне перед пламенем. Или сорви эту Маску прямо с лица, если Смерть окажется дома. Кстати, в Стране Теней ты отыщешь свою Ивриан. Но опасайся некоего герцога Даниуса, чей садовый домик ты недавно украл, повинувшись не только случайному побуждению... Я надеюсь, ты отыскал и прочел все книги о Смерти. Эта персона, Даниус то есть, страшится Смерти куда сильнее, чем положено принадлежащим к роду людскому. Это следует из анналов и людей, и демонов, и богов, а потому он замыслил набег на Страну Теней, чтобы убить Смерть (она это или он, этого не знаю даже я) и уничтожить все ее пожитки, в том числе и обещанную мне тобой Маску. А теперь выполняй. Все.

Потрясенный, онемевший и ужасно несчастный, Мышелов долго и с подозрением глядел в темный дверной проем, так что и луна успела подняться, и силуэт ее утонул в узловатых ветвях засохшего соколиного дерева, но Шилба

не говорил более и не шевелился, а Мышелову даже в голову нешло ни единого разумного вопроса, который стоило бы задать. И потому в конце концов он тронул пятками бока черного коня... тот моментально развернулся, осторожно переступая, добрался до Мощеной Дороги и галопом понесся к востоку.

Тем временем, а точнее, именно в то же самое время, поскольку через Великое Соленое Болото, Тонущие Земли и горы за Илтмаром, городом, пользующимся дурной славой, надо было скакать почти целый день, в огромной пещере с запутанными ходами Фафхрд едва ли не теми же словами обещал чародею Нингоблю Семиглазому точно то же самое. С той разницей, что, как утверждали сплетни, там, где Шилбе хватало слова, Нингобль ввергивал тысячу и точно с тем же успехом.

Так оба бесшабашных и отнюдь не безупречного поведения героя отправились в Страну Теней. Мышелов из предосторожности придерживался прибрежной дороги на север, в Сархинмар, и оттуда наискось отправился дальше, а Фафхрд беспечно скакал прямо через Отравленную Пустыню. Но удача не покидала обоих, и Иссохшие Горы они пересекли в один день, только Мышелов через Северный проход, а Фафхрд - через Южный.

За Иссохшими Горами, за водоразделом висела густая пелена туч, хотя не упало ни дождинки, не повисло ни капли тумана. Воздух был прохладен и влажен, быть может, причиной тому были глубокие подземные воды. Вокруг густо зеленела трава, показались перелески из черных кедров. Стада черных антилоп и оленей старательно стригли траву на лужайках, но ни пастухов, ни людей вообще не было видно. Небо становилось все темнее, словно ночь здесь и не прекращалась, вершины странных низких холмов венчали груды черных камней, поодаль мелькали разноцветные огоньки, только голубого среди них не было... Огни исчезали при приближении, не оставляя за собой ни тепла, ни какого иного следа. Так что Фафхрд и Мышелов прекрасно понимали, что вступили в Страну Теней, которой до смерти боялись на севере безжалостные минголы, а на западе - гордые до мозга костей живые мертвецы с невидимой плотью, на востоке - безволосые люди и лысые звери куцей, но изощренной в дипломатии и долговечной империи Ивамаренси и на юге - сам Король Королей, приказавший, чтобы

каждого, будь то его главный визирь или обожаемый сын от любимейшей королевы, предавали мгновенной смерти, если уста его только прошепчут имя Страны Теней, не говоря уже о том, чтобы повести разговор об этом мрачном месте.

Наконец Мышелов углядел Черный Шатер, направился прямо к нему, прыгнул со своего черного коня и отвел рукой шелковые занавеси... Там за эбеновым столом, беззаботно прикладываясь к хрустальному кубку с белым вином, в своем любимейшем платье из фиолетового шелка сидела его обожаемая Ивриан, плечи ее покрывала шаль. Но тонкие маленькие ладони девушки отливали синевой и были шиферно-серого цвета, лицо тоже... Она смотрела на него пустыми глазами. Только волосы ее чернели и поблескивали как при жизни, и еще: они были длиннее, чем помнил Мышелов, отросли и ногти.

Ивриан глядела вперед. Мышелову показалось, что ее глаза подернулись зернистой белой дымкой. Потом она разлепила черные губы и монотонно произнесла:

- Превыше, чем способна выразить, рада я видеть тебя, о Мышелов, вечно любимый мною... Ты не побоялся и ужасов Земли Теней ради меня... но ты жив, а я нет. Никогда более не беспокой меня здесь, драгоценнейший мой. Наслаждайся. Наслаждайся.

И как раз когда Мышелов бросился к ней, не замечая хрупкого черного стола, фигура ее стала призрачной и она быстро опустилась в землю, словно бы в какую-то там прозрачную, нежную и ласковую воду, оказавшуюся под руками Мышелова плотным торфом.

Тем временем в нескольких ланхмарских лигах к югу Фафхрд переживал то же самое в обществе своей обожаемой Вланы, тоже серо-пепельной и бледнорукой. Ах, эти любимые длинные сильные пальцы... Актерка в черной куртке и красных чулках... Каштановые волосы ее тоже блестели... Единственное отличие заключалось в том, что, будучи женщиной куда более грубой, чем Ивриан, она произнесла монотонным голосом слова, смысл которых совершенно не отвечал подобному тону:

- А теперь убирайся побыстрее отсюда, обожаемый мой олух, сладчайший мой в мире живых и в Стране Теней! Выполняй идиотское поручение Нингобля, которое наверняка закончится твоей смертью, глупыш! Зачем ты так легко

согласился? А потом гони на юг, словно тебя преследуют все силы ада. Если ты погибнешь по пути, найдешь меня здесь. Я плюну тебе в лицо, не скажу более ни единого слова и ни разу не разделю с тобой твою черную мшистую постель. Такова смерть.

Так в лигах друг от друга Фафхрд и Серый Мышелов одновременно, словно два перепуганных мышонка, выскочили из двух черных павильонов и разом увидели на востоке отливающее стальным блеском Голубое Пламя, подобное длиннейшему и самому сверкающему из стилетов, узким синим клинком вонзающееся в нависшую мглу: огня выше они еще не видели. Для Мышелова Пламя было чуть к югу, для Фафхрда - к северу. Оба отчаянно лягнули лошадей и помчались - пути их сходились все ближе и ближе. После подобной встречи с любимой предстать перед Смертью казалось обоим желаннее всего - чтобы убить погубителя всего живого или уж, наконец, погибнуть.

Но пока они так мчались, Фафхрд почему-то начал вспоминать, что Влана-то была лет на десять старше его, а Мышелов никак не мог отделаться от мысли о глупости Ивриан и ее дурацкой спеси.

Так нетерпеливо скакали они вперед, с радостью и остервенением приближаясь к синему столбу пламени, который становился все ярче и ярче, пока не увидели, что он исходит из громадной трубы, что высилась посреди громадного низкого черного замка, распахнувшего двери и окна на невысоком длинном холме.

Во двор замка они въехали бок о бок. Ворота и двери были распахнуты настежь... оба героя даже не почувствовали присутствия друг друга. В стене из черного гранита находился глубокий очаг, синее пламя его слепило, самый яркий из языков поднимался в трубу, его-то они и заметили издали.

Перед камином стояло эбеновое кресло, покрытое черным бархатом, и на этом самом грозном из седалищ и покоилась сверкающая черная маска во все лицо с широко раскрытыми глазницами.

Восемь подбитых сталью копыт белого и черного коней смертным грохотом процокали по черному булыжнику.

Фафхрд и Мышелов спешили и направились соответственно к северной и южной сторонам покрытого черным бархатом эбенового кресла, на котором покоилась разукра-

шенная маска Смерти. К счастью, быть может, Смерть тогда отлучилась по делам... или отдыхала.

И в этот миг и Фафхрд и Мышелов вспомнили, что каждый из них поклялся Нингоблю и Шилбе убить друга. Мышелов выхватил Скальпель. Так же молниеносно в руках Фафхрда оказался Серый Жезл.

Они стояли лицом к лицу, готовые убивать.

Но в тот же миг длинный блестящий ятаган, быстрый как свет, мелькнул между ними. Черная блестящая маска оказалась перерубленной пополам точно посередине - от черного подбородка до черного лба.

Потом быстрый меч герцога Даниуса обратился направо, на Фафхрда. Северянин едва успел отбить удар, глаза герцога были безумными. Тогда блестящий клинок метнулся в сторону Мышелова, в свою очередь успевшего уклониться.

Тут-то обоих героев, конечно, и ожидала гибель - кому же по силам справиться с безумцем? - если бы в этот самый миг сама Смерть не вернулась на свое обычное место, в черный замок посреди Страны Теней, и своими черными руками не сдарила герцогу Даниусу глотку, отчего безумный аристократ и скончался через семнадцать сердцебиений Фафхрда, двадцать одно Мышелова и через сотню собственных благородных сердцебиений.

Ни один из героев так и не посмел глянуть на Смерть. Не успело еще это в высшей степени примечательное и ужасное существо на треть покончить с герцогом Даниусом, осмелившимся поднять на нее руку, как оба они, схватив по половине сверкающей маски, вскочили на коней и бок о бок, словно два лунатика, припустили во всю прыть из Страны Теней кратчайшим путем к югу, и вселенский чемпион всех наездников Страх гнал их обоих, пожалуй, куда сильнее, чем они подгоняли своих могучих коней, черного и белого.

В Ланхмаре и окрестностях его, куда они возвратились на удивление быстро, ничего хорошего их не ожидало. И Нингобль и Шилба только разозлились и притом весьма, получив лишь по половине Маски, пусть она и принадлежала самому могущественному существу во всех вселенных, известных и неизвестных. Оба этих, пожалуй, несколько эгоистичных и не от мира сего архимага, всерьез поглощенные лишь собственными раздорами и находящие радость в этом занятии, - хотя они, конечно, и были мудрейшими и

изощреннейшими чародеями на просторах Нихвона и во все времена, - с редкой непреклонностью отвергли те четыре весьма основательных аргумента, что Фафхрд с Мышеловом выдвигали в порядке самозащиты. Во-первых, по сути дела их обоих заставили всеми средствами добыть Маску Смерти (или же сделать для этого все возможное), любой ценой, не опасаясь ни гибели, ни унижений. И если бы им пришлось сражаться друг с другом, как требовало того второе условие, они, вероятнее всего, просто одновременно сразили бы друг друга, а тогда ни Шилбе, ни Нингоблю не досталось бы и кусочка маски... Кто же в здравом уме станет считать, что может соперничать со Смертью? Участь Даниуса была здесь самым сокрушительным аргументом. Во-вторых, половина волшебной Маски лучше чем ничего. В-третьих, раз у обоих волшебников оказалось по половине Маски, им придется теперь прекратить свою глупую ссору, научиться сотрудничать и в будущем объединить свои и без того значительные силы. В-четвертых же, оба волшебника не возвратили Фафхрду и Мышелову обожаемых Ивриан и Влану в их живой восхитительной плоти и не избавили героев навсегда от воспоминаний о девушках, но лишь еще раз помучили обоих - а судя по всему, и девушек тоже - последней ужасной встречей. В приступе раздражительности, так неподобающей столь великим волшебникам, Нингобль совершенно опустошил весь похищенный Фафхрдом и Мышеловом домик, а Шилба испепелил его, так что тонкую золу невозможно было отличить от пепла обители, в которой встретили свою кончину Влана и Ивриан.

Вероятно, это пошло обоим друзьям только на пользу, потому что сама мысль поселиться в доме за "Серебряным Угрем", посреди места, где погибли возлюбленные, была, вне сомнения, отвратительной, и об этом следовало подумать с самого начала.

Тем временем Шилба и Нингобль, не выказывая ни благодарности, ни угрызений совести за свою ребячью месть, настаивали на выполнении Мышеловом и Фафхрдом всех условий сделок.

И действительно, с тех пор ни Фафхрда, ни Мышелова не беспокоили больше ни две восхитительные девицы, ни даже воспоминания о них, кроме разве легкой благодарности и облечения. И в самом деле, уже через несколько дней Мышелов завел самую пылкую из интрижек с едва несо-

вершеннолетней, но крайне привлекательной племянницей Карстака Овартамортеса, а Фафхрд предался сразу двоим совершенно одинаковым близнецам, дочерям герцога Даниуса, девушкам прекраснейшим и богатым, но тем не менее уже помышлявшим о занятии проституцией в поисках острых ощущений.

Что обо всем этом думали Влана и Ивриан в своей вечной обители в Стране Теней - дело лишь их обеих... и Смерти, чей жуткий облик они могли теперь созерцать без страха.

Х. Лавка редкостей

Странные звезды Нихвона густо высыпали на ночном небе над черными крышами города Ланхмара, где мечи звенят чуть реже, чем монеты. На этот раз тумана не было.

На площади Мрачных Увеселений, что в семи кварталах к югу от Болотных Ворот, - начинаясь от Фонтана Черного Изобилия, она доходит до гробницы Черной Девы - огни в лавках поблескивали никак уж не ярче, чем звезды на небе. Ведь продавцы наркотиков, торговцы нечистыми редкостями и фальшивомонетчики освещают свои логова и норы гнилушками и светляками, жаровнями с одним только тусклым окошечком, и дела свои они проворачивают столь же безмолвно, как творят свои начертания звезды.

В ночном Ланхмаре немало найдется площадей и домов, залитых светом пылающих факелов, но с незапамятных времен на площади Мрачных Увеселений принято объясняться лишь полупшепотом в приятной полумгле. Философы часто отправляются туда ради одних лишь медитаций, студенты - чтобы помечтать, а фанатично настроенные теологи в темных углах то и дело плетут паутину запутанных теорий о природе Дьявола и иных темных сил, что правят этим миром. Но если кому-нибудь из них попутно удастся поразвлечься, и философские воззрения, и мечты, и теология с демонологией всегда, вне сомнения, становятся от этого только лучше.

Сегодня, однако, обычный полумрак был нарушен. Из низкой двери под тройной аркой, недавно пробитой в древней стене, на площадь бил яркий свет. Будто чудовищная луна, освещенная лучами грозного солнца, вставала над

гладью площади эта дверь, затмевая убийственным светом все светильники таящихся по углам торговцев.

Странные, неземные предметы были выставлены у двери, в ней же самой, скрючившись, застыла птицеликая фигура, облаченная в одеяния, каких никогда прежде не видели ни на суше и ни на море в Мире Нихвона. На этом человеке была небольшая красная шляпа ведерком, мешковатые шаровары, красные иноземные сапоги с загнутыми вверх ногами. Хищный взгляд его напоминал ястреба, а циничная и сладострастная улыбка - древнего сатира.

Время от времени он вскакивал и начинал снова вокруг, снова и снова подметая длинной грубой метлой камни мостовой, словно готовясь к приезду какого-нибудь невероятно величественного императора, а потом замирал, низко склоняясь перед обступившей двери толпою, но глаза его все смотрели на них, а рука услужливо, но и несколько зловеще, приглашала к двери.

Ни один из толпы еще не набрался смелости переступить порог ярко освещенной лавки, люди не смели даже повнимательнее приглядеться к редкостям, столь беспечно и соблазнительно расставленным перед нею. Но число завороченных зевак все росло. Ворчали, что такую торговлю надо прикрыть, раз нарушается обязательный здесь мрак, но все жалобы, пожалуй, перевешивали удивленное бормотание и вздохи изумления, восхищения и любопытства.

Серый Мышелов выскользнул на площадь столь тихо, словно явился сюда перерезать кому-нибудь глотку или приглядеть за шпионами Властелина. Беспшумно ступали его сапоги из мышиных шкурок, меч его Скальпель в таких же ножнах не зашуршал ни о куртку, ни о плащ из шелка, странно грубого на ощупь. Его грозный взгляд из-под серого капюшона, полуоткинутаго назад, мог бы устроить любого, дерзнувшего не уступить ему дорогу.

Сам же Мышелов ощущал себя школяром, боящимся наказания за нерадивость и ждущим громадного задания на дом. Ведь в кисете из крысиной кожи, что болтался у него на поясе, находилась записка - черными чернилами каракатицы по серебристой рыбьей коже - от Шилбы-без-очей-на-лице, приглашавшая Мышелова сюда в это самое время.

Шилбой звали чародея, что порой был наставником Мы-

шелова, а изредка в подходящем настроении, еще и его хранителем, так что наш герой никогда не пренебрегал его приглашениями, поскольку маг, пусть глаза его и не располагались между лбом и щеками, прекрасно видел все уловки некоторых малообщительных любителей приключений.

Правда, временами Шилба назначал Мышелову задания, весьма докучливые и, прямо сказать, занудные - ну, например, добыть ему девять белых котов без единого черного волоска, или украсть пять экземпляров одной и той же испещренной магическими рунами книги из пяти весьма удаленных друг от друга библиотек по черной магии, или же представить ему по образчику экскрементов четырех королей, живых или мертвых, - так что Мышелов явился пораньше, чтобы узнать поскорее дурные новости. Но явился один, поскольку на этот раз твердо желал избежать насмешек, которым подвергал его приятель Фафхрд, пока усердный Мышелов смиренно выслушивал наставления чародея, быть может, на ходу еще добавлявшего дел.

Записка Шилбы, словно выгравированная внутри черепа Мышелова, гласила:

Когда Звезда Акул затмится шпилем Рхана, да будешь ты возле Фонтана Темного Изобилия.

Вместо подписи на ней был небольшой простой овал, обычный знак Шилбы.

Мышелов бесшумно скользил во тьме к фонтану, представлявшему собой просто приземистую черную колонну с округлым верхом. Каждые двадцать ударов сердца слона на вершине ее набухала огромная черная капля, незамедлительно стекавшая вниз.

Стоя перед фонтаном, Мышелов согнул перед собой руку и измерил высоту зеленой Звезды Акул. Ей следовало еще опуститься по небу на шесть пальцев, прежде чем она коснется острой вершины стройного многогранного минарета Рхан, высящегося вдаль.

Мышелов пригнулся возле черной колонны и легко вспрыгнул на нее, чтобы проверить, не изменится ли при этом положение звезды Акул относительно минарета. Значительных различий он не увидел.

Он взгляделся во тьму, отыскал неподвижную фигуру, похожую на монаха в глубоком капюшоне, таком глубоком,

что можно было только удивляться, как он видит перед собой. Фигур не было вовсе.

Настроение Мышелова изменилось. Раз уж Шилба не проявил любезности и не явился пораньше, значит, и он, Мышелов, может позволить себе легкую невоспитанность. Широким решительным шагом он направился к новой лавке с дверью под тройной аркой, возмутительный свет которой заинтересовал его по крайней мере еще за квартал от Площади Мрачных Увеселений.

Приоткрыв одно отяжеленное вином веко и не поворачивая головы, Фафхрд-северянин окинул взором половинку ярко освещенной комнаты, где почивал обнаженным. Закрыв этот глаз, он открыл другой и обозрел вторую половину.

Мышелова нигде не было. Что ж, неплохо! Если удача не откажет ему сегодня, неотложное дело удастся проверить ночью без обычных насмешек со стороны серого мошенника.

Он извлек из-под колючей щеки квадратик лиловой змеиной кожи в мелких дырочках, так что, если поглядеть через нее на огонь, появлялись крошечные звездочки. Они складывались в буквы туманного сообщения: *Когда кинжал Рхана поразит тьму в сердце Звезды Акул, предстань перед Источником Черных Капель.*

Поверх проколов чем-то коричнево-оранжевым, похожим на засохшую кровь, во весь лиловый квадрат была намалевана семиногая свастика - один из знаков Нигобля Семиглазого.

Признать в Источнике Черных Капель Фонтан Темного Изобилия Фафхрду было несложно, еще в детстве он вынужден был привыкнуть к подобному поэтическому символизму, обучаясь у скальда.

Нингобль для Фафхрда был примерно тем же, что Шилба для Мышелова, разве что Семиглазый был куда более превередливым архимагом. Имея вкус к тавматургическим занятиям, он рассылал Фафхрда на куда большие расстояния с целью убийства драконов, затопления четырехмачтовых заколдованных кораблей и похищения охраняемых великанами зачарованных королей.

Кроме того, Нингобль имел склонность к тихому и весьма прозаическому хвастовству, особенно когда речь заходила о великолепии его громадного подземного обиталища... Каменистые извилистые коридоры его пещеры уводили,

как он часто уверял, в любую точку пространства и времени, если только перед этим получишь точные инструкции от хозяина, как именно и куда проходить этими извивающимися скальными ходами под низким потолком.

Особого желания выучить формулы и заклинания Нигобля у Фафхрда не было - в отличие от Мышелова, стремившегося кое-что узнать у Шилбы, - но Семиглазый умело управлял Фафхрдом, используя слабости его и бывшие ошибки, так что северянину всегда приходилось внимательно выслушивать наставления чародея и разную колдовскую похвальбу, но только если всеми возможными естественными и сверхъестественными способами поблизости не оказывалось ухмыляющегося и вечно подзуживавшего Мышелова.

Тем временем перед огнем Фафхрд натягивал, застегивал и навешивал на свое громадное мускулистое тело, обильно покрытое толстыми короткими золотисто-рыжими волосками, всякие одеяния, оружие и украшения. И когда в сапогах и в шлеме он открыл входную дверь и поглядел вдоль темнеющего переулка, заметив лишь продавца каштанов, согнувшегося над жаровней на ближайшем углу, можно было решительно присягнуть, что к Площади Мрачных Увеселений он будет следовать, лязгая и грохоча, словно осадная башня, приближающаяся к городской стене.

Но старый продавец каштанов, слух которого был острее, чем у рыси, - потому он и служил в осведомителях Властелина, - едва не проглотил собственный язык, когда Фафхрд промчался мимо него, высокий как сосна, быстрый как ветер и безмолвный как призрак.

Растолкав мужланов меткими ударами локтя в покрытые жиром ребра, Мышелов зашагал по темным булыжникам к ослепительно сверкающей двери, увенчанной как бы перевернутым сердечком. Не иначе каменщикам пришлось работать как бесам, чтобы прорезать и отштукатурить дверной проем так быстро: он побывал здесь около полудня и не заметил никакой арки - только ровную стену.

Иноземец в красной феске и длинноносых красных туфлях поспешно выбежал навстречу Мышелову и, склонившись перед ним, с поклонами стал пятиться назад, обметая дорогу перед первым покупателем.

Но мрачное лицо Мышелова было исполнено недоверия

и брезгливости. Остановившись перед кучкой предметов, расставленных перед дверью, он с неодобрением уставился на них, извлек из тонких серых ножен Скальпель и кончиком узкого клинка перевернул обложку книги, лежавшей сверху на стопке фолиантов. Не попытавшись нагнуться или поднять ее, он пробежал глазами первую страницу, покачал головой, быстро перевернул еще с полдюжины страниц, словно указкой, поводил острием Скальпеля, то здесь, то там отмечая слова, и с явным осуждением быстро захлопнул книгу движением меча.

Потом острием того же Скальпеля он приподнял красную ткань, свисавшую со стола позади книг, и с не меньшим осуждением постучал по стеклянному кувшину, в котором плавала человеческая голова; небрежно тронул мечом еще несколько столь же скверных предметов и с неудовольствием взерошил перья на голове прижатой за ногу совы, возмущенно заухавшей с высокого насеста.

Вложив Скальпель в ножны, он с кислым видом повернулся к продавцу, в негодовании вздев брови; взгляд его говорил, да что там... кричал: и это все, что ты можешь предложить? да разве может эта куча мерзкого мусора оправдать возмутительное вторжение света во мрак Темной Площади?

Однако на самом деле Мышелов в высшей степени был заинтригован каждым предметом. Книга, например, была написана шрифтом, которого он не только не понимал, но даже и не видел доселе.

Три факта были очевидны для Мышелова: во-первых, все выставленные здесь на продажу вещи не принадлежали Нихвону, ни один из самых дальних закоулков этого мира не был для них родным; во-вторых, во всем этом он ощущал крайнюю опасность, пусть и не мог понять, в чем она заключалась; и в-третьих, все эти штучки были до крайности занимательны; и он, Мышелов, вовсе не собирался даже трогаться с места, пока собственноручно не обследует, не изучит и, если нужно, не опробует все интересующие его предметы до последнего.

От кислого выражения на лице Мышелова продавец заюлил, принялся гримасничать, явно раздраемый желанием облобызать сапог покупателя и лично указать ему неуклюжими любезными жестами на каждую диковинку, подчеркивая ее достоинства.

Закончил он, склонившись столь низко, что подбородок его едва не коснулся земли, длинная, словно у человекообразной обезьяны, рука его указывала внутрь лавки, он забормотал на ужасном ланхмарском:

- Все для удовольствия плоти, чувств и воображения человека. Таких чудес не увидишь во сне. И дешево. Так дешево. Одна монета. Лавка редкостей. Входите, о, князь!

Мышелов нарочито долго зевнул, прикрывая рот тыльной стороной ладони, потом огляделся с терпеливой и усталой улыбкой светского человека, да что там - герцога, понимающего, что обязан терпеть известные неудобства, но поддерживать торговлю на собственных землях, и вошел в лавку.

За спиной его владелец разразился припадком безумного хихиканья и принялся судорожно подметать мостовую, уже совсем осатанев от счастья.

Первое, что увидел внутри Мышелов, оказался стеллаж, набитый нетолстыми книгами в переплетах из тонкой выделки красной и фиолетовой кожи с золотым тиснением.

Затем - рядок поблескивающих линз и тонких медных трубок, словно приглашающих взглянуть внутрь.

Третьим дивом оказалась темноволосая стройная девушка, загадочно улыбавшаяся в подвешенной к потолку клетке из несчастных золотых прутьев.

А за этой клеткой виднелись остальные - с прутьями из серебра и каких-то странных металлов, отливавших зеленым, рубиновым и оранжевым, а еще - ультрамарином и пурпуром.

Фафхрд увидел, как Мышелов исчез в лавке в тот самый миг, когда левая ладонь его коснулась прохладной грубой поверхности Фонтана Черного Изобилия, а Звезда Акул уселась прямо на вершину Рхана, словно зеленоватый фонарь, установленный на кончике шпиля.

Он мог бы последовать за Мышеловом, мог бы и не делать этого; вне сомнения, он задумался бы над смыслом происходящего, но именно в этот момент за спиной его раздалось долгое, низкое шипение:

- Ш-ш-с-с-с-с-т!

Гигант Фафхрд с легкостью танцора обернулся, при этом меч его, Серый Жезл, мгновенно выскочил из ножен, производя менее шума, чем змея, выскальзывающая из норы.

В десяти локтях за ним, в черной разверстой пасти Темного Переулка, что был бы темнее самой Площади Мрачных

Увеселений без ее новоявленного светила ночной коммерции, Фафхрд заметил бок о бок две фигуры в черных плащах, надвинутых на лица.

Под одним капюшоном тьма была абсолютной. Даже на лице негра из Клиппа звезды оставили бы хоть какие-то блики. Их не было.

Под другим капюшоном угнездились семь еле различимых зеленоватых огоньков. Они сновали из стороны в сторону, иногда кружили вокруг друг друга или головокружительно метались. Время от времени то один, то другой из продолговатых овалов становился чуть ярче, оказавшись около края капюшона, или темнел, удаляясь вглубь.

Вложив Серый Жезл в ножи, Фафхрд двинулся к фигурам: не отвращая от него своих, так сказать, ликом, они безмолвно и медленно удалялись в глубину переулка.

Фафхрд следовал за ними. В душе его пробудился интерес... и кое-что еще. Встреча с одним лишь собственным наставником сулила ему лишь скуку и легкое волнение, но кому же по силам подавить трепет, оказавшись сразу перед Нингоблем Семиглазым и Шилбой-без-очей-на-лице?

А то, что оба непримиримых соперника-чародея объединили свои усилия, даже просто находятся рядом, означало, что свершается нечто сверхзначительное. В этом нельзя было сомневаться.

Тем часом Мышелов приобщался к высшей степени искушающим разум экзотичнейшим из развлечений, которые едва можно даже представить. Тонкие, одетые в кожу с золотым тиснением фолианты таили в себе знания, едва ли не более странные, чем в той книге, которую он перелистал у входа. Знаки в них походили на скелеты зверей, облачные вихри, ветвистые кусты и деревья, но он читал их смысл на удивление просто, без малейших затруднений.

Книги подробнейшим образом описывали приватную жизнь бесов, тайные культы жадных до крови богов, кроме того... тут были и иллюстрации: контрприемы, действенные против демонов, вооруженных мечами, и эротических штук-чек ламий, суккубов, вакханок и гамадриад.

Линзы и медные трубки, причудливо перекрученные, предназначались для того, чтобы заглядывать за стены и через зарешеченные окошки в иные вселенные. Сперва они

явили ему лишь восхитительный блеск ковров, драгоценных камней, словно в калейдоскопе, но спустя какое-то время Мышелов стал различать уже и некоторые интересные и привычные уголки: сокровищницы мертвых королей, спальни живых королей, пещеры, где держали советы восставшие ангелы... а еще шкафы, в которые боги укрыли планы миров, оказавшихся слишком уж невероятными, чтобы имело смысл браться за их творение.

Что же касается скудно одетых стройных девиц в игривых клетках с весьма широко расставленными прутьями, ну, конечно же, на обворожительных и нежных округлостях приятно было отдохнуть взгляду, утомленному чтением книг и наркотическими картинками в трубках.

То и дело одна из них тихим посвистом окликала Мышелова и с ластивой мольбой во взгляде или весьма откровенными жестами показывала на покрытую самоцветами рукоять на стене возле клетки, с помощью которой можно было опустить на пол клетку, подвешенную на цепи, переброшенной через поблескивающие блоки. На эти приглашения Мышелов отвечал откровенно пылкой улыбкой, одобрительно кивая и чуть помахивая ладонью, словно давал понять: "Подождите... чуть-чуть. Потерпите".

В самом деле, пусть девицы и сулят наибольшие наслаждения, это еще не значит, что следует пренебречь меньшими радостями. Девушек он решил оставить на десерт.

Нингобль и Шилба отступали по Темному Переулку, Фафхрд следовал за ними... и наконец, потерял терпение. Несколько умерив естественный трепет, он нервно воззвал:

- Ну и зачем вы стараетесь заставить меня преследовать вас, ждете что ли, пока все мы утонем в Великом Соленом Болоте? Зачем я вам понадобился? Какой смысл во всем этом?

Но обе фигуры под капюшонами уже остановились, насколько это было видно в свете звезд и отблесках света из нескольких окон наверху. И Фафхрд успел заметить, что остановились они на какой-то миг прежде, чем он закричал. Обычный трюк этих чародеев... Почему-то им нравилось, когда он ощущал собственную неловкость! В темноте Фафхрд закусил губу. И вечно так получается!

- О мой благородный сын... - начал Нингобль самым

приторным жреческим тоном, семь его глаз не вились теперь еле различимыми клубками света во тьме, они застыли на месте, горя ровным и ласковым светом, словно Плеяды в конце лета, тающие в зеленом тумане, вздымающемся над озером синего купороса в едкой дымке соляной кислоты.

- Я спрашиваю, в чем дело? - уже совершенно невежливо перебил его Фафхрд. Он уже был обличен в своем нетерпении и мог в известной мере пренебречь остальными приличиями.

- Давайте представим себе гипотетический случай, - невозмутимо продолжал Нингобль. - Предположим, о мой благородный сын, что в некоей вселенной есть некий муж и его вселенной угрожает сила, исполненная мерзейшего зла, исходящая из другой вселенной или целого ожерелья вселенных. И этот храбрый муж горит желанием защитить собственную вселенную... Он считает свою жизнь пустяком и более всего желает посоветоваться с очень мудрым добродетельным и общительным дядюшкой, которому известно все, что связано с этой предположительной ситуацией...

- Пожиратели угрожают Ланхмару! - вдруг выпалил Шилба сухим и трескучим, словно дерево, голосом так неожиданно, что Фафхрд едва не вздрогнул и, насколько нам известно, Нингобль тоже.

Переждав мгновение, чтобы не произвести неправильного впечатления, Фафхрд перевел взгляд на Шилбу. Глаза его уже привыкали ко мраку, и он видел уже много больше, чем у входа в переулочек, но в крошечной тьме под капюшоном Шилбы все равно не различил ни единой детали.

- Кто такие пожиратели? - спросил он.

Ответил ему, однако, Нингобль.

- Пожиратели - это купцы из купцов во множестве вселенных... Они настолько совершенны в своем умении торговать, что продают только всякую дрянь. В этом есть глубокая необходимость, ведь пожиратели постоянно должны напрягать все свое хитроумие, чтобы совершенствовать методы торговли, поэтому у них нет времени остановиться даже на минутку и задуматься о ценности того, чем торгуют. На самом деле они даже не осмеливаются задуматься об этом, чтобы не утратить своей ловкости, но эта ловкость велика столь, что товары их не встречают соперника, да-да, равного соперника среди лучших товаров всего множества вселенных... Ты внимательно слушаешь?

Фафхрд с надеждой поглядел на Шилбу, на этот раз тот воздержался от лаконичных замечаний. Северянин кивнул Нингоблю.

Маг продолжал, семь его глаз, судя по движению зеленых огоньков, начали дергаться.

- Как ты вправе заключить, в распоряжении пожирателей находится вся могущественнейшая магия, по крохам накопленная во всех вселенных, а штурмовыми группами командуют чародеи, изощренные во всех методах боя, будь то битва разумов, чувств или вооруженных тел.

Метод пожирателей прост: они открывают лавку в новом для них мире и залучают к себе храбрейших из проходивцев, хитроумием своим превышающих прочих, - воображения у них хватает, и после легкого внушения те отдают им все сами.

А когда храбрейшие уже поработаны, пожиратели приступают к прочему населению: они продают, и продают, и продают всякий мусор и в обмен получают добрый товар и огромные деньги.

Нингобль шумно и не без тени уважения вздохнул.

- Все это крайне плохо, о мой благородный сын, - объявил он, гипнотически кружа огоньками-глазами под капюшоном, - правда, такое довольно естественно во вселенных, где заправляют боги вроде наших. Да-да, все это достаточно естественно и, быть может, терпимо. Но... - он сделал паузу, - худшее еще впереди! Пожиратели не только рвутся к власти надо всеми существами во всех вселенных - вне сомнения, потому, что они вечно боятся, что кто-нибудь однажды задаст им всегда неприятный вопрос об истинной стоимости вещей, - но и стремятся, чтобы все их покупатели находились в состоянии рабской покорности. Пожиратели внушают им такое состояние духа, в котором те в состоянии лишь тупо удивляться и покупать весь тот хлам, который они им предлагают. Отсюда, конечно, следует, что однажды покупателям нечем станет платить пожирателям за их мусор, но подобные мелочи их не беспокоят. Быть может, они всегда уверены, что в состоянии прибрать к рукам новую вселенную. Возможно, так оно и есть.

- Чудовищно! - оценил слова мага Фафхрд. - Но чего же достигают пожиратели всеми этими дикими торговыми вылазками, всей этой безумной торговлей? Чего они добиваются на самом деле?

- Все пожиратели стремятся лишь к одному: нажиться и вырастить себе подобных детей, которые тоже станут наживаться, а еще они соперничают друг с другом в наживе (кстати, Фафхрд, нет такого города - Внажив?). А потом пожиратели любят размышлять о своей великой миссии во множестве вселенных - они всегда утверждают, что услужливые покупатели покорнее служат богам, - и пожаловаться, что вечные хлопоты о наживе изматывают их разум и расстраивают желудок. Кроме того, каждый из пожирателей тайне копит, собирает и прячет навеки прекраснейшие творения рук и разума истинных мужчин и женщин (истинных чародеев и демонов тоже), чтобы они никогда более не радовали ничей глаз - купленные ими за пустяковую цену, оплаченные бросовым товаром или же - к этому они вечно стремятся - вовсе ничем.

- И в самом деле чудовищно! - повторил Фафхрд. - Вообще в купцах всегда есть мерзкая тайна, но хуже этих-то не представить. Однако какое отношение все это имеет ко мне?

- О мой благородный сын, - отозвался Нингобль, к благоговению в его голосе примешалась некоторая доля разочарования, - ты вновь заставляешь меня обращаться к предположениям. Давай вернемся тогда к мысли о том смельчаке, вселенной которого угрожает ужасная участь, ведь для него жизнь - пустяк. Кстати, ты не забыл о мудром дядюшке этого храбреца, чьим советам отважный неуклонно следует...

- Пожиратели открыли лавку на Площади Мрачных Удовольствий! - Шилба перебил собрата столь резко и твердо, что на этот раз Фафхрд действительно вздрогнул. - Сегодня ты должен разгромить их форпост!

Слегка поразмыслив, Фафхрд проговорил нерешительным тоном:

- Полагаю, оба вы отправитесь вместе со мной и чародейными мечами и щитами прикроете меня в этом опаснейшем, по моему разумению, деле, обеспечив тыл. Мне же суждено играть роль ударного полка.

- О мой благороднейший сын. - В голосе Нингобля теперь звучало глубочайшее разочарование; маг отрицательно качнул головой, так что все его глаза запрыгали под капюшоном.

- Ты должен сделать все сам! - проскрипел Шилба.

- Без всякой помощи? - возмутился Фафхрд. - Нет!

Нанимайте на эту работу другого. Пусть в дело лезет этот самый безрассудный храбрец, который вечно следует советам коварного дядюшки, столь же безмолвно и покорно, как эти покупатели, что, по вашим словам, приобретают у пожирателей всякую чушь. Пусть он идет в эту лавку, а с меня - хватит! Хватит, говорю.

- Оставь нас, трус! - кисло подытожил Шилба.

Но Нингобль только вздохнул и извиняющимся тоном проговорил:

- Предполагалось, что в этом приключении у тебя будет напарник, Серый Мышелов. Но, к несчастью, он слишком поторопился явиться на встречу с моим коллегой и сейчас уже завлечен в лавку пожирателей, где, вне сомнения, глубоко погряз в их тенетах, если уже не пропал вовсе. Так что поверь - твое благосостояние нас заботит и желания перегружать тебя сольными походами у нас не было. Однако, мой благороднейший сын, если ты по-прежнему твердо намерен...

Фафхрд испустил вздох еще более глубокий, чем только что его наставник.

- Ну хорошо, - ворчливо отозвался он, признавая собственное поражение. - Я это сделаю, надо же кому-то доставать серого дурачка из чародейского огня или заклятой воды - во что бы он там ни влился. - Но что мне делать? - Он погрозил указательным пальцем Нингоблю: - Пожалуйста, обойдемся только без этих "благороднейший сын"...

Нингобль умолк. А потом произнес:

- Ориентируйся сам, по обстановке.

А Шилба добавил:

- Опасайся Черной Стены.

- Подожди-ка, у меня есть для тебя кое-что. - Нингобль протянул ему полоску лоскутьев в ярд длиной, она была зажата в длинном рукаве одеяния, и понять, какого рода конечность удерживает ее, было решительно невозможно.

Пренебрежительно фыркнув, Фафхрд взял тряпку и, скомкав, засунул в кисет.

- Поосторожнее, - предупредил его Нингобль. - Это Плащ-Невидимка, великая редкость, поэтому маги износили его. Не одевай его, пока не окажешься возле лавки пожирателей. У него есть два небольших недостатка: прежде всего он не в силах полностью укрыть тебя от искусного мага, если тот почувствовал твое присутствие и предпринял со-

ответствующие меры. И смотри, чтобы все обошлось без твоей крови, плащ ее не укроет.

- И у меня есть дар! - промолвил Шилба, извлекая из черной дыры под капюшоном, столь же укрытой рукавом рукой, как и у Нингобля, нечто слегка засеребренное в темноте слово...

Словно паутина.

Шилба встряхнул ее, будто чтобы согнать паука... или двух.

- Вот тебе Повязка Истинного Зрения, - сказал он, протягивая ее Фафхрду. - В ней ты увидишь все именно таким, каково оно на самом деле! Не повязывай ее, пока не придешь к этой лавке. Не смей и думать испробовать прямо сейчас, если ты ценишь собственную жизнь и разум.

Фафхрд принимал повязку не без трепета, кончики пальцев даже покалывало. Он склонялся к тому, чтобы выполнить инструкции чародея. В этот самый миг ему было совсем не до истинного облика Шилбы-без-глаз-на-лице.

Серый Мышелов приступил к чтению: в руках его была интереснейшая из всех этих книг, великий компендиум тайных знаний, начертанный астрологическими и геомантическими знаками, значения которых словно сами запрыгивали в ум.

Чтобы дать отдых глазам или скорее чтобы не проглотить книгу одним духом, он заглянул в девятиколенную медную трубку. Взору его открылась сцена, которая могла быть лишь голубой башней небес, вокруг которой бабочками порхали ангелы, а кучка избранных героев вкушала отдых после долгого подъема к высотам, критически взирая свысока на богов, муравьями копошившихся многими ярусами ниже.

От этого зрелища тоже следовало отдохнуть, и он глянул вверх: меж прутьями алого металла - не сплав ли с кровью - в самой дальней от входа клетке сидела девица, самая соблазнительная, самая стройная, самая светловолосая и темноглазая из всех них. Она стояла на коленях, опершись на пятки и слегка откинувшись назад. На ней была красная бархатная туника, золотистые волосы ее были столь густы, что плотной пеленой закрывали лоб и верхнюю часть лица, почти до пухлых губ. Тоненькими пальчиками одной руки она время от времени раздвигала эти шелковистые пряди и

игриво поглядывала на Мышелова. В другой клетке золотые кастаньеты гремели в мерном ритме, перебиваемом иногда резким стаккато.

Мышелов как раз размышлял, не повернуть ли раза два золотую с рубинами рукоять возле, что была у его локтя, когда впервые заметил блестящую стену в задней части магазина. Что это может быть? - задал он сам себе вопрос. Крошечные алмазики - числом словно морского песка, - вправленные в дымчатое стекло? Черный опал? Черный жемчуг? Или стусившийся во тьму лунный свет?

Что бы там ни было, завораживал этот блеск совершенно, и Мышелов быстро отложил книги, отметил девятиколенной подозрительной трубкой весьма привлекательные странички, посвященные дуэлям, - речь шла об универсальной защите и пяти ее ложных вариантах, а еще о трех видах Тайного Выпада - и, погрозив пальцем очаровательной блондинке в красном бархате, быстро отправился к задней стене магазина.

Приближаясь к Черной Стене, он вдруг заметил, что навстречу ему идет серебристый призрак или, может быть, серебряный скелет, но тут же понял, что перед ним предстает его собственное темное и прекрасное отражение, блестящий материал стены несколько льстил ему. Серебряные ребра, сперва привидевшиеся ему, оказались серебряными застежками на его же собственной куртке. Глупо ухмыльнувшись собственному изображению, он протянул палец, чтобы только дотронуться до протянутого ему блестящего пальца, и - о чудо! - рука его углубилась в стену, не ощутив ничего, кроме разве что легкого зябкого холодка, сулящего негу, словно свежие простыни.

Он поглядел на утонувшую в стене собственную руку, и - второе чудо! - она оказалась отлитой из чудесного серебра, будто бы чешуйчатого с поверхности. И хотя была то его собственная рука - ведь он в любой миг мог стиснуть ее в кулак, - рубцы на ней куда-то подевались, и она казалась чуть уже, а пальцы чуть вытянулись, словом, в какой-то миг рука стала изящнее.

Он шевельнул пальцами, и ему показалось, будто это стайка серебристых мальков промелькнула там за стеной!

Забавная идея, подумал он, под крышей дома на бок поставить бассейн с водой и входить в вертикальную водную гладь спокойно и изящно, не прибегая к этой шумной и требующей силы возне - нырянию!

И как очаровательно, что бассейн этот наполнен не холодной и мокрой водой, а лунным светом, темной сутью его. Той субстанцией, что преобразует и делает прекрасным... подобно косметике, так сказать, грязевые ванны без грязи. И Мышелов решил немедленно же предаться плаванию в этом бассейне, но тут взгляд его коснулся длинной высокой черной кушетки у другого края черной стены; возле нее был небольшой высокий столик, уставленный разными яствами, был там и хрустальный кувшин, а рядом с ним кубок из того же материала.

Вдоль стены он направился к накрытому столу; куда более симпатичное, чем он сам, отражение его послушно следовало за ним, не отставая ни на шаг.

Некоторое время рука его еще бороздила стену, потом он извлек ее, чешуи мгновенно исчезли, привычные шрамы вернулись на свое место.

Кушетка оказалась узким высоким черным гробом, устланном стеганым черным сатином, в одном конце его грудой громоздились черные подушки. Гроб сулил и покой и отдых, манил к себе, но не столь властно, как Черная Стена, по-своему; для развлечения лежащего в гроб на черном сатине покоилась стопка небольших черных книжек, ждала огня и черная свеча.

Небольшой эбеновый столик за гробом был заставлен черными кушаньями. На вид, а потом попробовав и пригубив, Мышелов узнал кое-что: тонкие ломтики очень черного ржаного хлеба с покрытой зернами мака корочкой, намазанные черным маслом; угольно-черные полоски мяса; кусочки прожаренной телячьей печенки, sprysнутые черными соусами и вольно переложенные каперсами; желе из чернейшего винограда; трюфели, нарезанные тончайшими ломтиками и зажаренные до черноты; маринованные каштаны и, конечно же, спелые оливки и черные рыбы яйца - икра экзотических рыб. Черный напиток, запузырившийся в бокале, оказался крепким портером, смешанным с искристым илтмарским вином.

Он решил, что пора позаботиться о себе и подкрепить силы внутреннего Мышелова, того самого, что в слепой жажде метался между губами его и животом, прежде чем приступить к погружению в Черную Стену.

Вновь на Площади Мрачных Удовольствий Фафхрд вступал осторожнее, длинный доскут Плаща-Невидимки он едва ухватил мизинцем и большим пальцем левой руки; переливающуюся паутинку Повязки Истинного Зрения он держал еще более деликатно - за краешек, теми же пальцами правой руки. Все-таки полной уверенности, что на прозрачном шестиграннике не осталось ни одного паука, у него не было.

Напротив он заметил яркий зев лавки, которая, как только что объяснили ему, и была форпостом несущих смертельную угрозу пожирателей. Перед лавкой толпился народ, люди сходились и расходились, хриплым шепотом обменивались мнениями и предположениями.

Единственное, чего Фафхрд не мог разглядеть на таком расстоянии, так это хозяина в красной феске, красных туфлях и объемистых шароварах, теперь уже не дурачившегося, а застывшего, опершись на длинную щетку, возле двери под тройной аркой.

Круговым движением левой руки Фафхрд набросил на шею Плащ-Невидимку. Истрепанная полоса поверху, по обеим сторонам груди спустилась на куртку из волчьей шкуры, даже на половину не доставая до широкого пояса, с которого свисали длинный меч и короткий топорик. Тело его при этом совсем не исчезло для глаз, и он засомневался, действует ли плащ. Как и многие тавматурги, Нингобль, не колеблясь, раздавал бесполезные талисманы и не из вредности, просто чтобы поднять настроение. Так что Фафхрд смело зашагал к магазину.

Рослый широкоплечий северянин был грозен на вид... вдвойне грозен в этом варварском облачении и при оружии посреди сверхцивилизованного Ланхмара, а потому успел привыкнуть уже к тому, что простой люд уступал ему дорогу; ему даже в голову не приходило, что все может быть иначе.

Он был потрясен. Все эти клерки, замызганные бандиты, судомойки, второразрядные куртизанки, просто сами собой уступавшие ему дорогу, - правда, последние при этом зазывно виляли бедрами, - теперь шли прямо на него, так что северянину приходилось вилять, уклоняться, останавливаться, иногда даже отступать, чтобы ему не отдалили носки сапог или не врезались прямо в живот. И в самом деле, один жирный напористый пузан едва не смахнул па-

утинку с его лица; глядя теперь через нее на освещенную дверь, он видел, что пауков на ней или совсем нет, или же они вовсе крохотные.

Ему пришлось уделить столько внимания не желающим видеть ланхмарцам, что на лавку даже и глянуть было некогда, пока он не очутился у самой двери. Но прежде чем поглядеть на нее как следует, он ощутил, что голова его склонилась так, что левое ухо коснулось плеча, а паутинка Шилбы легла на его глаза.

Прикосновение ее напоминало прикосновение любой другой паутины, в которую можно, не заметив, влететь лицом, если пройти на рассвете меж двух близких кустов. Вокруг слегка зарябило, словно он глядел через тонкую сетку, вычерченную на хрустале. А затем рябь эта исчезла, а с нею и ощущение легкого прикосновения, и зрение Фафхрда стало нормальным, по крайней мере так показалось ему самому.

Оказалось, что вход в лавку пожирателей завален хламом, причем самого отвратительного вида: тут были старые кости, тухлая рыба, требуха с бойни, прогнившие саваны, неровно сложенные, плохо переплетенные необрезанные тома, битые стекла и черепки, разбитые ящики, громадные вонючие листья, покрытые пятнами плесени, пропитанные кровью тряпки, изношенные и грязные набедренные повязки; по всему этому ползали черви, сновали сороконожки, бегали тараканы и копошились мокрицы - не говоря уже о куда более неприятных созданиях.

Всю эту кучу мусора венчал собой гриф, потерявший почти все перья от какой-то птичьей экземы. Фафхрд решил было, что птица подохла, но подернутый белой пленкой глаз внезапно открылся.

Единственным предметом, который еще можно было купить посреди всей этой грязи, была высокая черная железная статуя. Размером, должно быть, повыше человека, она изображала зловещего вида воина с меланхоличным взглядом. Опершись на двуручный меч, фигура высилась на квадратном пьедестале возле двери и скорбно взирала на площадь.

Статуя едва не пробудила в нем какое-то воспоминание - недавнее, как ему показалось, - но в памяти его был непонятный пробел, и он не стал пытаться что-либо припомнить. В подобных налетах все определяла безжалостная быстрота. Он ослабил петлю, на которой висел топор, бес-

шумно выхватил Серый Жезл и бочком, стараясь не наступить в копошащуюся грудку мусора, вошел в лавку редкостей.

Вдоволь насытившись вкусной черной снедью и ударяющим в голову черным питьем, Мышелов подошел к Черной Стене и по плечу погрузил в нее правую руку. Он помахал ею, наслаждаясь охватившей ее мягкой прохладой, дивясь тонким серебряным чешуям и сверхчеловеческой их привлекательности. То же самое он проделал со своей правой ногой - ну прямо танцор, разминающийся перед выступлением в баре. А потом тихо и глубоко вздохнул и... шагнул прямо в Черную Стену.

Очутившись в лавке, Фафхрд первым делом увидел полки с теми же самыми роскошно переплетенными книгами и ряды поблескивающих медных подозрительных труб и хрустальных линз; обстоятельство это опровергало теорию Нингобля, гласящую, что пожиратели распродают только мусор.

Увидел он и восемь великолепных клеток из поблескивающего самоцветами металла, сверкающие цепи, на которых они были подвешены к потолку, уходящие к рукояткам, украшенным самоцветами.

В каждой из них оказалось по великолепно окрашенному пауку, покрытому белыми или темными волосками; все они были величиной с невысокого человека и время от времени помахивали длинными суставчатыми когтистыми лапами, тихо открывая и закрывая при этом клыкастые жвала, каждый из них следил за Фафхрдом восемью исполненными внимания глазами, словно драгоценные камни поблескивавшими в два ряда по четыре.

Пусть паук паука поймает, подумал Фафхрд о собственной паутине и удивился, не понимая смысла собственных слов.

Далее он быстро обратился к более практическим сторонам дела, но едва успел задать себе вопрос, а не следует ли, не сходя с места, перебить всех весьма дорогих на взгляд пауков, годящихся в ловчие звери какой-нибудь императрице джунглей, - еще одно противоречие с Нингоблевой теорией мусора! - как из глубины магазина до его ушей донесся слабый всплеск.

Ему сразу же представился Мышелов, наслаждающийся ванной, - Серый сибарит обожал роскошествовать в горячей мыльной воде с отдушкой из ароматических масел - потому Фафхрд сразу и поспешил в сторону всплеска, не раз оглянувшись вверх и через плечо.

Он как раз проходил мимо последней клетки, паука в ней был симпатичнее прочих, когда заметил книжку, заложенную гнутой подозрительной трубой... Мышелов именно так и закладывал книги, которые читал, - обычно он делал это кинжалом.

Фафхрд остановился и открыл книгу. Ослепительно белые листы были девственно чисты. Он приблизил свое неопутимо занавешенное паутиной око к подозрительной трубе. Взгляду его открылась сцена, явно возможная лишь в дымном, озаренном кровавыми отблесками, надире вселенной - в аду. Темные дьяволы сороконожками сновали повсюду, прикованный цепями люд с надеждой взирал вверх, падшие корчились в кольцах черных змиев, с клыков которых сочились яд, а из поздрей вырывалось пламя.

Отбросив книгу и трубку, он сразу же услышал громкое быстрое бульканье, словно цепочка пузырьков вырвалась на поверхность воды. Моментально обратившись к сумрачным глубинам лавки, он наконец заметил переливающуюся перламутровым блеском Черную Стену и серебряный скелет с глазами-брильянтами, погружавшийся в нее. Однако этот драгоценнейший ходячий костяк - еще одно опровержение теории Нингобля! - не полностью погрузился в стену, одна рука его торчала оттуда и была при этом вовсе не костяной или серебряной, не казалась белой, бурой или розовой костью, а была обычной человеческой рукой из плоти, покрытой обычной кожей.

Рука углублялась в стену, и Фафхрд прыгнул вперед - быстрее в своей жизни он и не шевелился - и схватил ладонь мгновением раньше, чем она исчезла под черной поверхностью. Он-то знал, что тащит за руку друга, пятерню Мышелова он узнал бы повсюду. Он потянул сильнее, но Мышелов словно увяз в черном плавуне. Тогда Фафхрд положил Серый Жезл, обеими руками ухватился за запястье собрата, уперся попрочнее в неровные плиты каменного пола и могучим рывком вырвал Мышелова из стены.

Появившийся из стены с черным всплеском серебряный скелет мгновенно перевоплотился в пустоглазого Серого Мы-

шелова, даже не поглядевшего на спасителя и друга, - описав дугу, спасенный головой вперед нырнул прямо в черный гроб.

Но не успел Фафхрд извлечь своего товарища из очередного мрачного переплета, как сзади послышались шаги и в лавку, к некоторому удивлению Фафхрда, вошла высокая черная железная статуя. Забыла она про свой пьедестал или просто сошла с него, но двуручный меч оказался при ней, и она размахивала им, кидая яростные черные взгляды, подобные железным дротикам во все тени, уголки и закоулки.

Черный взгляд миновал Фафхрда, даже не останавлившись, но на Сером Жезле, что лежал на полу, задержался. При виде длинного меча статуя заметно вздрогнула, оскалила черные зубы и сузила черные глаза. Теперь глаза ее вовсю разили железом, она резкими зигзагами заматалась по лавке, широко размахивая темным мечом, словно косой. В этот миг голова Мышелова вынырнула из гроба, он огляделся одурелым взглядом, вяло поднял руку, помахал статуе и негромким и лукавым дурашливым голосом заголосил:

- Иоо-хоо!

Статуя остановилась, перестала косить мечом и не без презрения, но слегка озадаченно уставилась на Мышелова.

Поднявшись на ноги в черном гробу и пьяно пошатываясь, Мышелов полез в свой кисет.

- Эй, раб! - с пьяной веселой слезливостью выкрикнул он. - Твои товары вполне годятся. Беру девушку в красном бархате. - Он извлек из кошелька монетку, повнимательнее разглядел ее и бросил статуе. - Вот тебе деньги. И еще девятиколенную подзорную трубу. Вот еще монета. И "Гронов большой компендиум экзотических знаний" - и еще монета. Да, и еще за ужин... очень вкусно, да! - Бросив пятой увесистой медной монетой в черного металлического демона, он блаженно ухмыльнулся и, откинувшись на спину, исчез из виду. Стеганный черный сатин зашуршал, принимая его.

Пока Мышелов бросал четыре монеты из пяти, Фафхрд успел решить, что сейчас не время пытаться понять причины бессмысленного поведения приятеля и куда более уместно использовать обстановку, чтобы снова овладеть Серым Жезлом. Это он и сделал в тот оставшийся миг, но черная статуя была начеку, если только она и отвлекалась перед этим.

Едва Фафхрд прикоснулся к мечу, взгляд статуи метнулся к Серому Жезлу, и она толкнула ногой, резким металлическим тоном провозгласив: "Ха!"

Меч явно стал невидим, как только Фафхрд взял его, черная статуя не следила за его перемещениями по комнате своими железными глазами, но положила собственный грозный клинок, выхватила длинную и узкую серебряную трубу и приложила ее к губам.

Фафхрд подумал, что лучше атаковать немедленно, пока статуя не вызвала подкрепление. Он ринулся к ней, широко замахнувшись Серым Жезлом для удара, рубанул прямо по шее и едва удержался на ногах, чуть не отбив себе руку.

Статуя дунула, но вместо ожидаемого сигнала тревоги, из трубы на Фафхрда пыхнуло облачко белого порошка, мгновенно закрывшего все перед глазами не хуже густейшего из туманов Хлала.

Задыхаясь и кашляя, Фафхрд отступил. Дьявольский туман быстро рассеивался, белый порошок сыпался на пол с неестественной быстротой, и он видел теперь достаточно, чтобы атаковать вновь. Но теперь и статуя явно видела его; глядя ему в лицо, она снова сощурилась, металлическим голосом выкрикнула: "Ха!" - и покрутила над головой мечом, словно заводясь перед битвой.

Фафхрд заметил, что и руки его, и ладони покрыты густым слоем белого порошка, явно липнувшего повсюду, кроме глаз, вне сомнения защищенных повязкой Шилбы.

Железная статуя, размахнувшись, ударила. Фафхрд отразил удар меча собственным оружием, рубанул в свой черед и встретил защиту. Битва теперь начинала приобретать облик обычного поединка на длинных мечах, разве что отличие заключалось в том, что от каждого удара на Сером Жезле появлялась щербинка, на чуть более длинном мече статуи отметин, напротив, вовсе не оставалось. Кроме того, если выпадом Фафхрду удавалось пробить защиту соперника, неминуемо оказывалось, что гибкое тело ускользало в сторону невероятно быстрым и ловким движением.

Фафхрду бой этот казался - по крайней мере в тот миг - самым яростным, безнадежным и изматывающим поединком за всю его жизнь, поэтому он едва подавил в себе раздражение и обиду, когда Мышелов вновь возник из своего гроба и положил локоть на обитый черным сатином борт, подпер кулаком подбородок и весь разулыбался, глядя на

сражающихся... Время от времени он принимался дико хотать и выкрикивать какую-то неуместную чушь, вроде:

- Фафхрд, ты не забыл про тройной выпад номер два с половиной... он так хорошо описан в этой книге!

- Можешь прыгнуть и лечь, для таких положений разработан особый удар!

Иногда он покрикивал на статую:

- Эй ты, жулик, не забывай мести прямо перед ним!

Уступая одной из яростных и внезапных атак Фафхрда, статуя врезалась спиной в стол с остатками трапезы Мышелова, ее способности и предвиденья явно ограничивались лицевой стороной, куски черной пищи, белые черепки, хрустальные вазочки разлетелись по полу.

Мышелов снова высунулся из гроба и игриво пригрозил пальцем:

- Придется тебе подмести за собой, - выпалил он и захлебнулся от смеха.

Вновь отступив назад, статуя толкнула черный гроб. Мышелов лишь дружески похлопал черного демона по плечу и крикнул:

- А ну, за дело, клоун! Щеткой его, щеткой! Отряхни с него пыль!

Но худший момент наступил, пожалуй, во время короткой паузы, пока бойцы, задыхаясь, невидящими глазами взирали друга на друга, когда Мышелов игриво помахал ближайшему из гигантских пауков, и снова издал этот безумный вопль:

- Июо-хоо! - добавив лишь: - Дорогая, я наведаюсь к тебе после этого цирка!

С растущим отчаянием отбивая четырнадцатый или пятнадцатый удар, способный раскроить ему голову, Фафхрд с горечью подумал: вот что случается, если берешься выручать малорослых безумцев, что будут покатываться со смеху, увидев собственную бабушку в медвежьих лапах. Паутинка Шилбы явила мне Серого в его истинной сути.

Сперва Мышелов было прогневался, когда его сладостное оцепенение в черных сатиновых глубинах оказалось нарушенным, но, разглядев, что творится, просто не мог отвести глаз от невероятно смешной сценки.

Без паутинки Шилбы Мышелову казалось, что перед ним в своей красной феске и красных туфлях с загнутыми носами пляшет свихнувшийся привратник, вовсю колотящий Фаф-

хрда щеткой, северянин же, казалось ему, словно вылез из бочонка муки. Только узкая полоска у глаз Фафхрда казалась свободной от белой пыли.

Но непередаваемо смешной эту сценку делало то, что белый, как мельник, Фафхрд серьезнейшим образом изображал движения и чувства, как при смертельно опасном поединке, отбивая удары щетки, словно кривую саблю или даже широкий двуручный меч. Щетка взметалась вверх, и Фафхрд удивительно правдоподобным оценивающим взглядом странно затененных глаз вглядывался в нее. Потом щетка с размахом опускалась, и Фафхрд, изгибаясь всем телом, якобы из последних сил, отражал ее, изображая даже отступление, словно его отбрасывало назад.

Мышелов и не подозревал до сих пор, что Фафхрд одарен талантом актера, пусть он и действовал сейчас, пожалуй, несколько механически, все-таки истинной драматической гениальности ему недоставало, и потому Мышелова разбирал смех.

Тогда-то щетка, наконец, задела плечо Фафхрда, и на нем выступила кровь.

Получив в конце концов рану, Фафхрд понял тщетность своих надежд - утомить эту черную статую он не сумеет, пусть железная грудная клетка и вздымается, словно мехи, - и решил перейти к решительным действиям. Он снова ослабил петлю на своем боевом топорике и, едва наступила пауза - оба бойца, разом перехитрив друг друга, отступили, - выхватил его и метнул прямо в лицо противника.

Но черная статуя даже не попыталась отбить снаряд или уклониться... Она просто еле заметно крутнула головой.

Серебристой кометой с деревянным хвостом топорик промелькнул мимо черного лица, облетел узкую голову и направился обратно к Фафхрду, будто бумеранг, пожалуй, даже быстрее, чем был послан.

Но время словно остановило для Фафхрда свой бег, он успел отклониться и поймать топорик левой рукой возле собственной щеки.

Тут мысли его понеслись едва ли не быстрее действий. Он припомнил, что противник его, не пропустивший ни одного удара спереди, спиной наткнулся на стол и на гроб. Он заметил уже, что смеха Мышелова не слышно с дюжину ударов меча, и поглядел на него: еще не до конца стряхнув с себя оцепенение, побледнев, с протрезвевшим лицом, Мы-

шелов в ужасе глядел на кровь, стекающую по руке Фафхрда.

Поэтому беспечно и весело, в той мере, насколько это ему удалось, Фафхрд крикнул:

- Эй, клоун! Развлекись-ка, присоединяйся к нам! Вот тебе мухобойка. - И Фафхрд перебросил топорик Мышелову.

Даже не поглядев, удачным ли оказался его бросок, - а быть может, просто не осмелясь на это - северянин собрал последние силы и обрушился на статую, по дуге погнав ее спиной к гробу.

Не изменив дурацкой оцепенелой гримасы, Мышелов вытянул руку и в самый последний момент ухватил за рукоять топорик.

Едва черная статуя отступила к гробу и приготовилась к сокрушительной контратаке, Мышелов склонился вперед и с дурацкой ухмылкой резко рубанул топориком по черной макушке.

Железная голова лопнула, будто кокосовый орех, но не развалилась. Глубоко увязший в ней топорик Фафхрда словно в миг превратился в железо, почерневшая рукоять его вырвалась из руки Мышелова - статуя выпрямилась и застыла.

Мышелов горестно смотрел на раскроенную голову, словно ребенок, не знающий, что ножи режут.

Потом статуя свела руки на груди, положив их на рукоять меча, уперев острие его в землю как посох, и словно бы собиралась опереться на него, но не смогла и, не стибаясь, с грохотом рухнула на пол.

Едва металл зазвенел о камень, белые вспышки озарили Черную Стену, осветив лавку словно дальняя молния, - в глубине ее железо гроыхнуло по базальту.

Уложив в ножны Серый Жезл, Фафхрд выволок Мышелова из черного гроба, битва отняла у него все силы, - даже приподнять своего невысокого друга он был не в состоянии, - и крикнул прямо на ухо:

- Вперед! Беги!

И Мышелов помчался к Черной Стене. Фафхрд перехватил его за кисть и, волоча за собою, направился к двери.

Гром стихал, позади слышался нежный и ласковый посвист.

Белые огни полыхали по Черной Стене за ними - теперь они стали ярче, словно к ним приближалась гроза.

Ослепительная вспышка впереди неизгладимо впечатала в память Фафхрда милое зрелище: гигантский паук в самой дальней клетке, прижавшись к кроваво-красным прутьям решетки, не отводил от них глаз. У него были бледные ноги, бархатистое красное тело и маска с восемью угольно-черными глазами, обрамленная густыми золотистыми волосами, пара зубчатых жвал золочеными ножницами выстукивала ритм словно кастаньетами.

Вновь прозвучал зазывный посвист. И его тоже как будто бы издавал золотисто-алый паук.

Но еще более странным для Фафхрда было слышать ответ на него Мышелова, которого он волок за собой за руку:

- Да, дорогая, иду! Пусти меня, Фафхрд! Пусти к ней! Один лишь поцелуй! Ах, какая милашка!

- Прекрати, Мышелов, - с натугой рявкнул Фафхрд, не останавливаясь. - Это же гигантский паук!

- Смахни паутину с собственных глаз, Фафхрд, - с мольбой и невпопад отвечал Мышелов. - Какая женщина, - простонал он. - Такой мне более и не увидеть... к тому же я заплатил за нее. Ми-и-лая!

Тут рокот грома поглотил и его слова, и свист, если он только раздавался. Вокруг запылали зарницы, стало светлее, чем днем, новый удар грома сотряс и пол и лавку, Фафхрд вытащил Мышелова из двери под тройной аркой, опять запылало, загремел гром.

Яркая вспышка выхватила из темноты полуобернутые пепельно-бледные лица ланхмарцев, удиравших от непонятной грозы, разразившейся прямо под крышей и угрожавшей вырваться наружу.

Фафхрд обернулся. На месте арки оказалась ровная стена.

Лавка редкостей исчезла из мира Нихвона.

Усевшись на влажную брусчатку, оставленный Фафхрдом Мышелов горестно бубнил:

- Секреты времени и пространства! Знания богов! Тайны Ада! Мистерии Черной Нирваны! Золотисто-красное небо! Пять монет канули ни за что!

Фафхрд стиснул зубы. Недавний гнев и возбуждение слились в нем в могучую уверенность.

Он воспользовался паутинкой Шилбы и лохмотьями Нингобля лишь в чужих интересах. А теперь он употребит их для себя. Уж теперь он внимательно разглядит своего Мы-

шелова и всех остальных. И свое собственное отражение тоже. Но прежде всего он до самой сердцевины рассмотрит чародейские душонки Шилбы и Нингобля!

Тут над головой его послышалось тихое "Ш-ш-ш-г!"

Обернувшись, он ощутил, как что-то исчезло с его шеи, как слегка закололо глаза.

На миг в них зарябило, и нечетко, словно через толстые стекла, он увидел черную физиономию, подернутую паутиной, которая полностью закрывала рот, ноздри и глаза.

Но вспышка угасла, и лишь две склоненные головы в капюшонах взирали на него со стены сверху. Кто-то хихикнул.

А потом обе головы в капюшонах исчезли, и остались только край крыши, небо да звезды и пустая стена.

КОГДА МОРСКОГО ЦАРЯ НЕТ ДОМА

Перевод
Ю. Соколова

© перевод на русский язык,
Соколов Ю.Р., 1992

Раздевшись до набедренной повязки, Серый Мышелов ящерицей распластался на бушприте шлюпа "Черный кладоискатель", так что мешочек с амулетами раскачивался прямо под подбородком, и заглянул в зиявшую в море дыру. Жаркое солнце нещадно жгло загорелую спину - на небе не было ни облачка, но под ложечкой он ощущал холодок от трепета перед невероятным.

Внутреннее Море вокруг было недвижно, словно озерцо ртuti в подвале замка чародея. С трех сторон, с юга, востока и севера, до безграничного горизонта ни вблизи, ни поодаль не было видно даже легкой ряби. Ничто не колебало водную гладь и у подножия отвесного и бесконечного кремowego утеса, выраставшего из моря в полете стрелы к западу. Сам же утес был не ниже трех добрых полетов стрелы. Мышелов и Фафхрд взбирались на его вершину только накануне и сделали там ужасающее открытие.

Мышелову было о чем подумать. И прежде всего о печальной истине: они заштиливали здесь, к западу от Ул-Храспа, последнего на всем побережье цивилизованного... или нецивилизованного - как посмотреть - места почти без еды и питья (бочонок бренди с обоюдного согласия был оставлен на самый крайний случай). Мог бы подумать и о соблазнительных песнях, что доносились с моря последней ночью: тихие женские голоса подражали то шипению волн на песке, то их мелодичному всплеску о скалы, то ропоту взбешенного прибоя, ударяющего в заледенелые скалы. Мог бы осмыслить и безумие, охватившее вчера после полудня Фафхрда: громадный северянин вдруг принялся тупо бубнить о том, что, дескать, и под водой нетрудно отыскать себе девуку, и даже стал расчесывать бороду, чистить коричневую куртку из шкур выдры и надраивать приличествующие мужчине украшения, чтобы достойным образом предстать перед подводными девами и пробудить в них желание.

И еще: он все твердил, дескать, одна старинная симоргийская легенда гласит, что на седьмой день седьмой луны седьмого года Семеричного цикла Морской Царь отправляется на другой конец земли, предоставляя под водой зеленокожим женам, светящимся белизной, и наложницам в нежных серебристых чешуйках свободу, и те всякий раз пытаются отыскать себе возлюбленных... Подтверждение тому Фафхрд находил в видениях и прочих оккультных знаках и уверял, что находятся они как раз над дворцом Морского Царя... накануне того самого дня.

Тщетно пытался Мышелов напомнить другу, сколько дней им уже не приходилось видеть даже рыбешки, не говоря о девицах, что поблизости нет ни островка, ни пляжа для общения с русалками, сулящего им солнечные ванны, соблазнительные для подводных королей, и что ни вблизи, ни вдали не маячит ни единого черного потрепанного ветрами пиратского суденышка, в трюмах которого могли бы таиться прекрасные пленницы - терминологически это как раз и соответствовало бы словам "под водой", - и что из краев, располагавшихся за обманчивым каменным занавесом, ожидать женщин и вовсе не следует, и что - если уж подытожить - с борта "Черного кладоискателя" уже много недель ни с правого, ни с левого борта не видали даже женской тени. На это Фафхрд с несокрушимой уверенностью отвечал, что подводные девы ожидают их внизу и готовят для них волшебный канал, или туннель, в воде, по которому их могут навестить и мужи, дышащие воздухом, и что Мышелову следует побыстрее привести себя в порядок, дабы не опоздать, когда их позовут.

Мышелов подумал тогда, что причиной всему жара, ослепительное солнце и совершенно естественные потребности истомившегося в долгом плавании морехода, а потому немедленно извлек из сундука широкополую шляпу и снежные очки с узкими прорезями. К великому облегчению Мышелова, с наступлением ночи Фафхрд провалился в глубокий сон, но тогда-то и принялись смущать его самого эти иллюзии... или реальность... - сладкое пение сирен.

Да, конечно же, Мышелов мог бы задуматься надо всем этим и особенно над пророческими изречениями Фафхрда, холодея под лучами жаркого солнца на бушприте "Черного кладоискателя", но дело в том, что яшмовое это чудо теперь

было так близко, что, казалось, протяни руку - и коснешься гладкого края.

Однако ко всем диковинкам и чудесам неплохо подступать не сразу. Что мы и сделаем.

Поверхность Внутреннего Моря вокруг шлюпа не колыхалась и не вздымалась, на ней не было даже малой волны, даже крохотной ряби, но ровной она тоже не была. Там и тут по ней были разбросаны небольшие воронки, похожие на неглубокие блюдца, казалось, что это следы, оставленные лапками почти невесомых и невидимых водяных жуков, хотя на поверхности воды нельзя было выделить шести, четырех и даже трех "оспин" подряд. Более того, в центре каждой оспины виднелся уходящий вглубь неширокий, сужающийся воздушный столбик, подобный тому крохотному водовороту, что иногда появляется в наполненной до краев золотой ванне самой Королевы Востока, если извлечь пробку из днища этого роскошного сосуда (или из сливной дыры в скромной ванне, сработанной из материалов попроще, доступных и вполне рядовым особам). Правда, вода вокруг них не кружилась, и сами столбики были не узловатыми, а прямыми клинками рапир с невидимыми неглубокими гирдами, которые пронзали недвижные воды вокруг "Черного кладоискателя". Или же могло казаться, что невидимки-лилии на прозрачных прямых стебельках со всех сторон окружили шлюп.

А теперь представьте себе такое неглубокое блюдце с воздушным столбом посредине, увеличенное в размере настолько, что чаша расплылась в добрый полет копыа, а стержень стал уже не в ноготь, а фута в четыре; представьте себе шлюп, опустившийся носом к середине этого блюдца, и застывший возле центра; представьте, наконец, слегка опустившийся вниз бушприт корабля, оказавшийся прямо над центральным столбом или воздушным колодцем; и представьте невысокого загорелого до черноты мужчину, разлегшегося на бушприте в серой набедренной повязке, придерживаясь за ограждения передней палубы пальцами ног... и вы в точности представите себе положение, в котором оказался Серый Мышелов!

Оказаться в положении Мышелова над разверзшимся в воде вертикальным туннелем - штука потрясающая сама по себе, подобные картинки способны вытеснить все прочие мысли из головы мужчины (и из женской головки тоже!).

Здесь, в полете стрелы от кремового скалистого занавеса вода была зеленоватой, очень прозрачной, но дна не было видно. Накануне они промеряли глубину - она оказалась от десяти дюжин до дюжины дюжин футов. И теперь вниз, в эту толщу, колодцем уходила прямая труба, гладкая, словно стекло. Мышелов вполне мог бы поверить, что дело обстоит именно так, и воду на краю колодца заморозили или не замутив отвердили иным путем. Правда, при малейшем шуме, если Мышелов негромко покашливал, мелкая рябь кольцами все-таки разбегалась в стороны.

Какая сила не давала морской воде всем весом своим немедленно сокрушить хрупкое на взгляд сооружение, Мышелов не только не понимал, но даже и представить не мог.

Но и глядеть вниз было бесконечно увлекательно. Проникавший в морские глубины свет окрашивал стенки зеленым, круглая стена, удаляясь, начинала выкидывать странные штуки. Ну вот, глядит Мышелов сбоку на трубу и видит, как подплывает к ней толстая рыбина длиной в руку и начинает тыкаться носом. Форма-то рыбины была довольно знакомой, только узнать ее он все же не мог. Тогда перевешивает он голову на другую сторону, и в прозрачной воде у трубы видит, что рыбина-то раза в три длиннее его самого... и что это - акула. Тут Мышелов поежился и подумал, что изогнутая стенка, должно быть, действует вроде уменьшительной линзы, похожей на те, которыми пользуются иные из художников Ланхмара.

Пожалуй, в конце концов Мышелов решил бы, что вертикальный туннель в воде просто иллюзия, порожденная пеклом и самовнушением, надел бы очки и залепил уши воском, чтобы не слышать более пения сирен, и, быть может, нарушил бы неприкосновенность закупоренного бочонка с бренди да отправился бы после этого спать, но прочие обстоятельства заставляли его держаться поближе к реальности. Прямо к бушприту была привязана усеянная узлами веревка, уходившая вниз прямо по центру трубы, канат был натянут и постанывал от напряжения, и из этой дыры посреди моря время от времени вырывались клубы черного дыма (Мышелов и кашлял-то, когда они попадали ему в лицо). Наконец, не последним было и то, что далеко внизу красным угольком рдел факел, казавшийся теперь не более свечи, а возле него за дымом угадывалось обращенное кверху крохотное из-за расстояния лицо Фафхрда.

Мышелов привык принимать на веру реальность всего, во что бывал замешан Фафхрд, в особенности физически. Почти семифутовый северянин был слишком осязаем, чтобы его можно было представить себе связанным с какими-то иллюзиями.

Восстановить цепь событий, связывающих реальность существования веревки, дыма и Фафхрда глубоко в колодеце, было достаточно просто. На рассвете шлюп сам по себе тронулся в путь между оспинами на воде, хотя ни ветра, ни течения не было. Почти сразу он перевалил через край, скользнул вниз и замер, словно бушприт и колодец притягивались друг к другу двумя полюсами магнита. Потом, пока Мышелов оглядывался, выбивая зубами дробь, Фафхрд заметил уходящий вглубь канал и с довольным видом спустил веревку в глубину него, а затем принялся собираться, готовясь к любви и войне одновременно. Он напоядил шевелюру и бороду, надушил волосатую грудь и подмышки, натянул синюю шелковую рубашку под куртку из шкур выдры, надел все свои ожерелья из серебряных пластин, броши и кольца, прицепил к поясу длинный меч и топор, зашнуровал ботинки.

Потом он зажег от жаровни длинный тонкий факел - смолистую сосновую ветвь, и, когда огонь запылал, невзирая на все возражения и крики Мышелова, на все его толчки и протесты, отправился на бушприт и полез в колодец. Факел он держал большим и указательным пальцами правой руки, другими же тремя пальцами и всей левой уцепился за веревку. Только тогда он заговорил, призывая Мышелова приготовиться и поспешить за ним следом, если только он, Мышелов, истинный мужчина с горячей кровью, а не какой-то там ящер.

Мышелов стал готовиться: разделся почти донага - он подумал, что ему наверняка придется нырять за Фафхрдом, когда дыра эта сама поймет невероятность собственного существования и схлопнется, - и принес на переднюю палубу свой меч Скальпель и кинжал Кошачий Коготь в чехле из промасленной тюленьей кожи - на случай акул. А потом просто улегся на бушприт, как мы уже видели, чтобы следить за медленным спуском Фафхрда, позволив изумлению овладеть собой.

Наконец он опустил голову и негромко окликнул друга:

- Фафхрд, дна еще нет? - И поморщился, когда по стенкам трубы побежала мелкая рябь.

- Что ты сказал?

Ответный рык Фафхрда, усиленный трубой, вырвался из нее, словно снаряд, и едва не сдул Мышелова с бушприта, но что было страшнее - вопль этот погнал по стенкам волны такой величины, что они едва не перекрыли колодец, во всяком случае сузили его с четырех до двух или трех футов, бросив фонтан брызг в лицо Мышелову, вздули чашу, будто резину и, отразившись от нее, отправились обратно вглубь.

От ужаса Мышелов закрыл глаза, но когда открыл их снова, колодец был на прежнем месте, а громадная-рябь на стенках уже затухала.

Лишь чуть громче, чем в первый раз, не без яда в голосе Мышелов крикнул вниз:

- Фафхрд, не повторяй этого!

- Что?

На этот раз Мышелов был готов - но видеть эти зеленые волны, стягивающие канал и несущиеся вниз и вверх с быстротой летящей стрелы... Он твердо решил впредь не звать друга, но именно в этот миг Фафхрд заговорил голосом куда более подходящим по громкости - возникшие кольца были теперь не выше, чем в кулак.

- Иди сюда, Мышелов! Это легко! Придется только прыгнуть с последних шести футов!

- Фафхрд, не прыгай! - мгновенно отозвался Мышелов.
- Лезь обратно!

- Я уже прыгнул..! Я на дне. Ох, Мышелов...

В голосе Фафхрда вдруг послышался такой трепет и возбуждение, что Мышелов немедленно откликнулся:

- Что? Что - "Ох, Мышелов"?

- Удивительно! Потрясающе! Невероятно! - Голос снизу на этот раз был едва слышен, словно Фафхрд оказался за одним-двумя коленами трубы.

- Что там, Фафхрд? - потребовал ответа Мышелов, и на этот раз уже его собственный голос поднял заметные кольца.

- Не уходи, Фафхрд! Что там?

- Все! - раздался на этот раз уже не столь тихий ответ.

- А девушки? - осведомился Мышелов.

- Целый мир!

Мышелов вздохнул. Он понял: наконец настал тот момент, когда внешние обстоятельства и внутренние побужде-

ния требовали действий, когда любопытство и изумление перевешивали осторожность, когда искушение и предвкушение становились настолько сильными, что оставалось только поддаться им, иначе пропадает всякое уважение к себе.

К тому же по долговому опыту он знал, что единственным способом извлечь Фафхрда из теней, в которых он иногда увязал, можно было, только самому отправившись за надутым щеголем с мечом на боку.

Поэтому, легко поднявшись, Мышелов прицепил к нижнему поясу оружие в чехлах из тюленьей шкуры, привязал уложенный петлями небольшой узловатый линь со скользящей удавкой на одном конце, убедился, что люки шлюпа надежно прикрыты, а огонек в жаровне не представляет опасности, коротко и небрежно отбарабанил молитву ланхмарским богам и спустился с бушприта в зеленый колодец.

Там было прохладно, пахло рыбой, дымом, помадой Фафхрда. Оказавшись внутри, Мышелов старался не касаться его стеклянистых стенок. Он чувствовал, что, если даже слегка тронет их, чудесная водяная кожица разорвется и вода охватит его - так тонет намашенная игла на поверхности налитой до краев чаши, если тронуть ее пальцем. Он торопливо спускался, почти не используя ног, перебирая руками от узла к узлу, и молился, чтобы его не качнуло, а если такое случится, чтобы он мог справиться с качкой. Ему пришло в голову, что следовало попросить Фафхрда придержать снизу конец веревки, если, конечно, это возможно, а прежде всего предупредить приятеля, чтобы тот не вздумал кричать, пока Мышелов спускается. От мысли, что эти ужасные водяные кольца могут сдавить его, просто невозможно было отвязаться. Но поздно. Любое слово теперь лишь вызовет ответный рык северянина.

Таким образом, борясь с никак не исчезающим страхом, Мышелов начал замечать окружающее. Этот зеленый мир не был мертв. Вокруг была жизнь, пусть и не очень обильная: тонкие полоски водорослей; почти невидимые медузы, окаймленные светящейся бахромой; летучими мышами перепархивали с места на место крошечные темные скаты; небольшие серебристые рыбки скользили и металась вокруг, некоторые из них в синих и желтых полосах и черных крапинах лениво ссорились над объедками, утром выброшенными с "Черного кладонска", - Мышелов признал их

по крупной бледной бычьей кости, которую Фафхрд старательно обглодал, прежде чем выбросить за борт.

Глянув наверх, он едва не задохнулся от ужаса. Темный корпус шлюпа, усеянный жемчужинками пузырей, оказался над ним раз в семь выше, чем он судил по счету узлов. Поглядев прямо вверх, он увидел, что рассеченный бушпритом кружок густо-синего неба не столь уменьшился в размерах и бушприт пока ободряюще толст.

Мышелов продолжал свой быстрый спуск. Кружок над головой посинел и стал меньше, превратился в кобальтово-синюю тарелку, а переливчато-синее, цвета фазаньего пера, блюдо - в странную ультрамариновую монетку, из которой опускалась веревка, - Мышелову показалось, что на ней замерцала звезда. Серый отпустил ей губами несколько поцелуев, подумав, как похожи они на последние пузыри утопающего. Свет стусился, цвета вокруг поблекли, темно-бордовые водоросли стали серыми, рыбы потеряли желтые кольца, собственные руки Мышелова посинели, словно у утопленника. Теперь он начал смутно различать дальние черты морского дна, к его удивлению столь же далекие, как и висящий над головой шлюп. Хотя прямо под ним дно тонуло в какой-то странной дымке, и лишь где-то вдали он мог различить скалы и ребристые полосы песка.

Руки и плечи его болели. Ладони жгло. Чудовищно жирный групер подплыл поближе к трубе и принялся кружить вокруг нее. Мышелов угрожающе поглядел на него, и громадная рыба завалилась на бок, открывая невероятных размеров пасть в форме полумесяца. Увидев острые словно бритва зубы, Мышелов понял, что перед ним или акула, или кто-то из ближайших родственников акульего племени, уменьшенный трубой. Зубы сомкнулись уже отчасти в трубе, в считанных дюймах от его бока. Но, к радости Мышелова, водяная "пленка" не разорвалась, хотя он не мог отделаться от странного впечатления, что при "укусе" в трубу попало немного воды. Акула чуть отплыла, но осталась кружить неподалеку, и Мышелов не стал более дерзить взглядом.

Тем временем рыбий запах сгустился, дым, должно быть, тоже. Не желая того, Мышелов закашлялся, вверх и вниз по трубе побежали кольца. Он попытался подавить не успевшее сорваться с губ проклятие, и в этот миг почувствовал, что под пальцами ног веревки более нет. Отцепив от пояса прихваченный кусок, он спустился еще на три

узла, затянул удавку над вторым снизу узлом и продолжил спуск.

Перебрав руками раз пять, он ощутил под пальцами холодный ил, с облегчением разогнул затекшие ладони и сердито, но негромко позвал друга и только потом огляделся.

Он стоял внутри обширного, но невысокого воздушного шатра, устланного густым бархатистым ковром ила, над головой свинцовым блеском отсвечивал потолок, вода снизу не была гладкой, и то здесь, то там из нее вниз зловеще выпирали бугры. У подножия трубы воздушный шатер был высотой футов в десять. Поперечник его казался по меньшей мере раз в двадцать больше, хотя, насколько далеко уходили края, трудно было даже представить из-за неровности крыши, а также оттого, что плохо было видно, где именно она смыкалась с илом, да и проникавший сверху серый свет не позволял заглядывать далее двух дюжин ярдов, к тому же там и сям видлись кольца дыма, которые время от времени неторопливо втягивались в трубу.

Какие сказочные "шесты" удерживали над головой вес океанской воды, Мышелову было понятно не больше, чем природа той силы, что не давала трубе захлопнуться.

С легким отвращением вдыхая дым и усиливающийся запах рыбы, Мышелов со свирепым прищуром оглядывал шатер. Наконец там, где тьма казалась гуще всего, он заметил тусклый красный огонек, а чуть погодя появился и сам Фафхрд. Чадающий огонек факела, сторевшего едва ли до половины, освещал северянина, ноги его были до бедер в иле, левой рукой он нежно прижимал к себе сочившуюся водой горсть блестящих предметов. Он пригнулся, и потолок над его головой пузырем обвис вниз.

- Эй, тупоголовый! - приветствовал его Мышелов. - Погаси свой факел, пока мы не задохнулись. Без него лучше будет видно. Ну и нескладеха, слепит себя дымом, чтобы похуже видеть!

Мышелову казался вполне очевидным лишь один способ погасить факел - воткнуть его в жидкую грязь под ногами, но улыбающийся с отсутствующим видом Фафхрд, имел совершенно иные намерения. Под опоздавший страдальческий вопль Мышелова он небрежно ткнул горячей палкой в водянистый свод.

С громким шипением вниз ударил клуб пара. На миг Мышелову показалось, что сбылись худшие его опасения,

так как сердитая струя воды прямо от факела ударила Фафхрду в шею. Однако когда пар рассеялся, стало ясно, что море не намерено следовать примеру струи, по крайней мере немедленно. Теперь над головами их надулся зловещий волдырь, с него стекала струйка не толще стерженька птичьего пера, сразу же размывшая крохотный кратер в толще ила под ногами.

- Не делай этого больше! - скомандовал Мышелов в глупой ярости.

- Этого? - невинно осведомился Фафхрд, прикасаясь пальцами к своду рядом с сочащимся водой волдырем. И снова ударила сердитая струйка, превратившись немедленно в капель... Теперь с потолка рядом, будто женские груди, свисали два волдыря.

- Да-да, именно этого, - выдавил Мышелов тонким и отстраненным голосом, едва сдержав себя, чтобы очередная вспышка его гнева не привела Фафхрда к новым, еще более безрассудным поступкам.

- Ну хорошо, не буду больше, - заверил его северянин, - хотя, - добавил он, задумчиво поглядев на две тонкие струйки, - такой капелью эту полость не наполнить и за год.

- Кто говорит здесь о годах? - огрызнулся Мышелов. - Олух! Железный чурбан! Зачем ты наврал мне? "Здесь все, целый мир!" Ты так говорил? И что я нахожу здесь? Ничего! Пятачок вонючего ила под нависшей водой! - И Мышелов в ярости топнул ногой, лишь отчаянно забрызгавшись при этом. Одутловатая рыбка с фосфоресцирующими усами, выставившись из грязи, неодобрительно поглядела на него.

- Таким вот топотом, - мягко сказал Фафхрд, - ты мог бы раздавить череп принцессы в шапочке из серебряной филигрании. Так ты говоришь - ничего? А вот погляди-ка, Мышелов, какое сокровище я выловил на вонючем, по-твоему, пятачке.

И он приблизился к Мышелову, осторожно ступая по илу шипастыми подошвами сапог и ласково поглаживая правой ладонью блестящие штучки, придерживаемые левой рукой.

- Эй, гляди, - сказал он, - вот самоцветы и безделушки, которые я выудил из ила, хотя искал нечто вовсе иное.

- Что же иное, пустая башка? - резко спросил Мышелов, не отрывая голодных глаз от блестящих безделушек.

- Дорогу же, - отвечал Фафхрд ворчливо, словно Мышелов должен был знать, что он имеет в виду. - Дорогу из какого-нибудь закоулка этого шатра к девицам Морского Царя - ведь эти вещички с намеком. Погляди-ка сюда, Мышелов. - И он слегка приоткрыл изогнутую левую руку и кончиками пальцев деликатно извлек металлическую маску во все лицо.

В тусклом сером свете трудно было сказать, золотая она или серебряная, оловянная или просто бронзовая... Широкие волнистые полосы на ней, оставленные ярь-медянкой или илом, напоминали сине-зеленые слезы или струйки пота. А было это лицо женственным, благородным, всезнающим, больше того - соблазнительным, любящим и жестоким и невыразимо прекрасным. Жадно и сердито Мышелов выхватил маску, и она рассыпалась в его руке. Остался лишь гордый лоб с отверстиями глаз, куда более трагичными, чем просто глаза.

Мышелов отшатнулся, ожидая от Фафхрда карающего удара, но в тот же миг он заметил, что северянин повернулся в сторону и, вытянув вперед руку, жестом корабельного сигнальщика указывает пальцем вперед.

- А ты прав, Мышелов! - радостно воскликнул Фафхрд. - Не только дым факела, но и само пламя его слепило меня. Смотри! Вот и дорога!

Взгляд Мышелова последовал за рукой приятеля. Теперь, когда дым слегка рассеялся и оранжевые лучи не слепили глаза, в сочащемся сверху сером свете стали заметными светящиеся пятна на иле и подыхающие в нем морские твари.

Дно светилось вовсе не пятнами. Прямо под колодцем, под самой веревкой, начиналась широкая желто-зеленая светящаяся полоса, уводившая в малозаметный уголок воздушного шатра и терявшаяся в нем.

- Не ходи туда, Фафхрд, - попросил Мышелов. Но северянин уже, словно во сне, широким шагом прошел мимо. Рука его, укрывавшая сокровища, постепенно раскрывалась, и добытые из ила предметы один за другим посыпались в него обратно. Подойдя к светящейся тропе, он направился по ней, твердо ступая шипастыми сапогами.

- Не ходи туда, Фафхрд, - повторил Мышелов с безнадёжностью в голосе, едва ли не повизгивая. - Не ходи туда... Там таится смерть в виде какого-нибудь спрута. А пока мы

еще можем взобраться наверх и унести с собой твою добычу...

Но ноги уже несли его следом за Фафхрдом, и он уже склонялся, поднимая - теперь уже куда осторожнее, чем маску, - те предметы, что ронял его друг. Впрочем, усилия не стоили труда, как тут же понял Мышелов. Заманчиво поблескивавшие ожерелья, тиары, филигранные чаши для нежных грудей, броши с громадными булавками весили не больше и были не толще сухого листа. Пальцам Мышелова явно не хватало деликатности, свойственной Фафхрду, и все вещи от его прикосновения рассыпались.

Северянин обернул к нему сияющее лицо, отражающее блаженство неземного видения. Едва последняя призрачная безделушка соскользнула с его руки, он сказал:

- Мышелов, все это - ничто, маска и все остальное - только изглоданные морем призраки сокровищ. Но что сулят они, о Мышелов!

Тут он снова повернулся вперед и согнулся под свинцовым пузырем, выдававшимся из крыши.

Мышелов в последний раз оглянулся назад, вдоль светящейся тропки к малому кружку света, в центре которого виднелась узловатая веревка. Два ручейка капли сочились из двух ран в потолке, теперь они как бы окрепли, капли при падении расплескивали ил. И Мышелов последовал за Фафхрдом.

По другую сторону пузыря свод снова поднимался более чем на высоту человеческого роста, но стенки заметно сузились. Скоро они шли уже по туннелю со свинцовым сводом и светящейся желто-зеленой полосой под ногами. Туннель немного вилял то вправо, то влево, поэтому трудно было понять, как далеко он ведет. Время от времени Мышелову казалось, что он слышит слабые стоны и свист, эхом доносящиеся откуда-то. Переступив через едва попятившегося крупного краба, он заметил руку мертвеца, выступавшую из светящегося ила, его указательный палец показывал как раз туда, куда они шли.

Полуобернувшись, Фафхрд серьезно шепнул:

- Согласись, Мышелов, здесь есть какое-то колдовство!

И Мышелов подумал, что более неуместного замечания ему еще не приходилось слышать. Он совсем приуныл. О детских жалостливых просьбах к Фафхрду нечего было и думать - он знал, что остановить приятеля можно только

дракой, а потасовка, когда кто-нибудь из них непременно врежется в водяную стенку туннеля, была ему явно не по вкусу. Конечно же, сам он всегда мог повернуть назад, но...

Монотонно хлюпая ногами по илу, Мышелов еще более расстроился, когда подумал о тяжести нависшей над головой воды. Он ступал, будто вес всех кораблей на земле навалился ему на спину. Воображению его рисовалось, как внезапно обрушивается этот туннель. Он вобрал голову в плечи, ему хотелось рухнуть на колени и, обхватив голову руками, ожидать ужасного конца.

Море впереди слегка побелело, и Мышелов понял, что подводный туннель приближается к кремовому занавесу скал, на который они с Фахрдом взбирались накануне. Воспоминание об этом слегка подбодрило его, быть может, потому, что совпадало направление пути - в обоих случаях им следовало подниматься.

Подъем был сложен, хотя бледные скалы были прочны и надежны, но опор для ног и карнизов было немного, и им то и дело приходилось пользоваться веревкой и загонять в стену крючья там, где не было другой опоры, но они так надеялись отыскать наверху воду и дичь - в такой дали они находились от Ул-Храспа с его охотниками. Наконец, задыхаясь, они добрались до вершины, мышцы ныли, оба уже готовы были броситься на землю, чтобы отдохнуть, оглядывая травянистый ландшафт, усеянный чахлыми деревцами, характерными для этого уединеннейшего из полуостровов, простиравшегося на юго-восток между Внешним и Внутренним морями.

Но они обнаружили... ничто, хуже чем ничто, если такое возможно. Вожденная вершина оказалась скалистым гребнем по большей части не шире трех футов, а иногда и уже. С другой стороны скала уходила вниз еще более круто, на самом деле она даже была глубоко подрезана снизу, почти с середины, и от подножия головокружительного обрыва к горизонту простиралась мешанина скал, пены и волн.

Так они обнаружили, что, распростершись, жмутся к скалам горной преграды, тонкой полоской, ленточкой, отделявшей Внутреннее Море от того, что, как они поняли, следовало считать Внешним Морем, проевшим себе дорогу через полуостров, но еще не до конца. Насколько хватал глаз, и по одну и по другую сторону все было одинаково,

хотя, по мнению Мышелова, хребет утолщился в направлении на Ул-Храсп.

От удивления Фафхрд расхохотался, приступы хохота этого великана заставили Мышелова ругнуться про себя из опасения, что производимое голосом сотрясение может выбросить их из острой, как лезвие ножа, седловины, в которой они находились. И в самом деле он настолько разгневался на неуместный хохот, что просто вскочил и в ярости запрыгал на узкой каменной ленте, вспоминая тем временем слова Шилбы: "Человек, сознает он это или нет, всегда балансирует меж двух пропастей на тонком канате, у которого нет ни конца, ни начала".

Выразив таким образом каждый на собственный лад потрясение и ужас, они уже осмысленней взгляделись в пенистое море внизу.

Прибой и множество выступающих скал свидетельствовали о небольших глубинах, Фафхрд даже предположил, что при низких приливах дно обнажается. Его знание лунных фаз говорило ему, что в этой части света в эту пору приливы высокие. Среди скал особенно выделялась одна, будто толстый столб высилась она в двух полетах стрелы от скального барьера и была высотой с четырехэтажный дом. По спирали ее охватывали карнизы, казавшиеся, по крайней мере отчасти, делом рук человека. В расширявшемся основании в пене мелькал странный, обрамленный водорослями прямоугольник, пересеченный крестом, более всего напоминавший большую прочную дверь... хотя куда могла вести такая дверь и кто мог ею пользоваться было трудно и предположить.

Потом, поскольку ни на этот вопрос, ни на другие ответа не было, а дичи и пресной воды на узкой каменистой полоске тоже не приходилось искать, они вернулись назад к Внутреннему Морю и к "Черному кладонискателю", хотя теперь крючья в скалу загоняли не без трепета - как бы не завалить и не обрушить всю стену...

- Смотри, скалы! - Предупреждающий крик Фафхрда вывел Мышелова из задумчивости, и в мгновение ока он спустился с кремового гребня скалы к ее источенному волнами подводному подножию.

Прямо перед ними из серого водяного потолка туннеля необъяснимо торчали три массивных каменных выступа. Поежившись, Мышелов проскользнул за них, как, должно

быть, и Фафхрд, но тут же заметил, что каменные выступы отовсюду стискивают туннель... Он и в самом деле стал теперь иным: не узким ходом в воде с илистым полом, а каменистым, уходящим в прочные скалы. Светлое пятно воды таяло позади, но естественное свечение подводной жизни в этой морской пещере почти заменяло свет дальнего солнца, ясно очерчивая каменистый пол, на котором тут и там яркими красками пестрели полосы, огоньки, усики и кольца вокруг глаз на разных задыхающихся рыбах и ползучих тварях.

Мышелов понимал, что теперь они, быть может, проходят под ширмой-скалой, на которую вчера поднимались, и что туннель уводит их в покрытое бурунами Внешнее Море. Здесь не ощущалось ни давящей тяжести волн, ни магии, которой так и сочились стенки водяного хода. И все же мысль о том, что оставшийся сзади колодец, воздушный шатер или туннель может обрушиться и поглотить их, не отступала. Но там, под многофутовым водяным сводом, он хотя бы мог надеяться, что, устремившись к поверхности, донырнет до нее, даже увлекая за собой громоздкого друга. Здесь же их положение оказывалось безнадежным.

Туннель, правда, стал уходить вверх, но не столь круто и быстро, чтобы Мышелов мог чувствовать себя спокойным. Более того, судя по всему, выйти на поверхность он мог лишь среди хаоса скал и пены, который они вчера созерцали сверху. Воистину, казалось Мышелову, выбирать им уже не из чего. Уныние и обреченность овладели им с новой силой, пожалуй, близкой к отчаянию, но и желание стряхнуть с себя эти чувства было не меньшим, и он стал представлять себе веселейшую таверну из всех, которые он знал в Ланхмаре, - большой серый погреб, залитый светом факелов, где лилось и пенилось вино, стучали кружки, звенели монеты, ревели громкие голоса, клубился дым коромыслом, обнаженные девицы извивались в сладострастных танцах.

- О, Мышелов..!

Глубокий, исполненный чувства шепот Фафхрда и вдруг упершаяся в грудь рука остановили Мышелова. И Серый даже не понял, вернулся ли его дух обратно на дно Внешнего Моря или же просто его уводящее от действительности воображение претерпело фантастическое изменение.

Они стояли у входа в громадный подводный грот, многими ступенями и террасами подымавшийся к невидимому

потолку, с которого каскадами лилось серебристое сияние, подобное лунному свету, только раза в три ярче. В гроте сильно воняло рыбой, как, впрочем, и во всем туннеле, на дне повсюду лежали задыхающиеся рыбины, угри и маленькие осьминоги; стены между свисающими шпалерами водорослями и их серебристо-зелеными вуалями, гроздьями облилепили моллюски, большие и крошечные, а уютные ниши и сводчатые проходы образовали потоки воды и песка.

Серебряный туман сгущался на террасах не равномерно, а какими-то вихрями и волнами. Первая из трех террас оказалась в самом центре, ровная полоса и несколько невысоких ступеней отделяли ее от горла туннеля. На самой террасе стоял широкий каменный стол, опущенный по сторонам водорослями, ножки его были инкрустированы моллюсками, но пятнистая мраморная крышка была отполирована до исключительной гладкости. На краю стола оказалась большая золотая чаша, возле нее - три золотых кубка.

За первой террасой вздымался второй марш неровных ступеней, тонувших в угрожающей тьме, теснящей лестницу с боков. Повыше, над областями тьмы, свет облюбовал вторую и третью террасы. Та, что была справа, со стороны Фафхрда, скажем так, потому что он стоял ближе к правой стенке туннеля, сверкала перламутром, переливчатая крыша аркой вздымалась над нею, образуя как бы гигантскую раковину, из пола жемчужинами выступали округлости, похожие на горки атласных подушек. Терраса со стороны Мышелова была чуть пониже. Позади нее волнистыми прядями ниспадали свекольно-бурые водоросли, уютно лежащиеся на пол, словно мягкая мебель. Между этой парой террас новая череда неровных ступеней уводила вверх, во мрак.

Мелькавшие тени, странное поблескивание, какие-то темные дуновенья - все указывало на то, что в темных нишах что-то таится, но и в отношении террас сомневаться не приходилось. На верхней террасе, ближе к Фафхрду стояла высокая пышная красавица, золотые волосы ее были уложены в какое-то подобие раковины, одеяние ее из золоченой рыболовной сети обтягивало бледно-зеленую кожу. Между пальцами у нее виднелись зеленоватые перепонки, а, когда она повернулась, сбоку на шее стали видны узкие щели жабер.

Со стороны Мышелова оказалось создание изящнейшее

и непередаваемо женственное, серебристая плоть ее явно переходила в серебряные чешуйки на плечах, спине и бедрах, слегка прикрытых фиалкового цвета кисеи, расчесанные надвое короткие темные волосы были откинута с невысокого лба серебристым гребнем.

Кем была третья фигура, скрючившаяся за столом, дряхлая и древняя, жилистая от старости, облаченная в черный плащ или в какое-то другое черное одеяние, сразу понять было трудно. Куст темно-рыжих, словно ржавчиной покрытых волос толщиной со среднюю веревку торчал во все стороны, перепонки и жабры были куда более заметны.

На каждой из женщин была металлическая маска, по форме и виду напоминавшая ту, изъеденную морем, что Фафхрд разыскал в иле. На первой она была золотой, на второй - серебряной, на третьей - из потемневшей, покрытой зелеными пятнами бронзы.

Две первые женщины стояли спокойно, словно со стороны наблюдая за происходящим. Жилистой морской ведьме не стоялось на месте - ее так и трясло, хотя она только переминалась с ноги на ногу. В обеих руках у нее было по короткому кнуту, перепонки снаружи прикрывали стиснутые костяшки, кнутах этими она подгоняла и раскручивала с полдюжины быстро вращавшихся на полированной крышке стола предметов. Что они собой представляли, сказать было трудно, разве что все они были овальными. Судя по тому, что при всем том они казались еще и полупрозрачными, это были небольшие кольца или блюдца, сплошными предметами они быть не могли. Отливая серебром, зеленью и золотом, они быстро вращались и одновременно неслись по столь запутанным и пересекающимся орбитам, что в подернутом дымкой воздухе оставляли за собой светящийся след. Едва хоть один из предметов замедлял свое вращение и его истинная форма начинала проступать, и она тут же двумя-тремя ударами хлестко подгоняла его; если же волчки слишком приближались к краю стола, или к золотой чаше, или могли столкнуться, она уверенными движениями снова направляла их путь... Время от времени с невероятной ловкостью она подхлестывала каждый из предметов, так что он подскакивал в воздух, а потом приземлялся, не замедляя вращения и оставляя за собой тающий серебряный след.

Эти-то крутящиеся предметы и испускали свист и пре-

рывистые стоны, которые Мышелов слышал еще издали, из туннеля.

Наблюдая теперь и слушая, Серый убедился - отчасти потому, что серебристые трубчатые траектории над столом напоминали воздушный колодец, в который они спускались по веревке, и туннель, по илистому дну которого пришлось им так долго шлепать, - что эти-то кружащиеся предметы и лежат в основе магии, что открыла перед ними путь в глубины Внутреннего Моря и держала его открытым. И едва только кружение это прекратится, и колодец, и шатер, и туннель обрушатся, а воды Внутреннего Моря по скалистому ходу стремительно ринутся в этот грот.

Действительно, жилистая подводная ведьма поглядела на Мышелова так, словно уже долгие часы трудилась за этим столом и, что было куда более уместным, могла еще подгонять свои волчки не меньшее время. Признаков утомления она не обнаруживала, разве что ритмично вздымалась и опадала ее плоская грудная клетка, да посвистывало дыхание за маской, да пульсировали жаберные щели.

Теперь она, казалось, впервые заметила их, Мышелова и Фафхрда, и, не замедляя движений, обратила к ним свою бронзовую маску с красными веревками на покрытом зелеными пятнами лбу и поглядела на них... голодными, похоже, глазами. Внимательно разглядев обоих приятелей, она дважды кивнула назад, за спину, словно указывая им дорогу. И тогда зеленая и серебристая королевы безмолвно пригласили героев.

Это пробудило и Мышелова и Фафхрда от оцепенения, и они дружно отреагировали. Проходя мимо стола, Мышелов почуял запах вина и остановился, чтобы взять по золотому кубку себе и другу. Каждый осушил чару, хотя содержимое отливало зеленою, потому что запах-то был правильный, и вино отдавало пламенной терпкостью.

Мышелов заглянул в чашу, зелена вина в ней не было, она до краев была наполнена кристально чистой жидкостью, которая могла оказаться водой, а могла ею и не быть. На жидкости плавала модель, едва с палец длиной, - черный кораблик. От носа его вглубь уходила тонкая воздушная трубка.

Но времени вглядываться не было, Фафхрд уже двинулся в тень, направо, а Мышелов за ним, налево. И тогда из полумрака перед Серым выступили два бледно-голубых во-

ина, вооруженных ножами с волнистым краем. Судя по косичкам и походке в раскачку, это были матросы, хотя оба были наги и, вне сомнения, мертвы... Об этом свидетельствовал мертвенный цвет кожи, к тому же они словно не замечали толстого слоя ила под ногами, и глаза их были обращены к Мышелову выпученными белками, зрачки тоненькими полумесяцами выглядывали из-под ресниц... к тому же их носы, уши и прочие выступающие части тела были несколько, скажем, пожеваны рыбами. Позади них с громадной саблей ковылял колченогий кривоногий гном с чудовищных размеров головой и жабрами, настоящий ходячий эмбрион. Громадные, блюдечками, глаза его тоже закатились, как у покойника, отчего Мышелов вовсе не почувствовал себя бодрее, а наоборот, выхватил Скальпель и Кошачий Коготь из чехла тюленьей кожи - все трое уверенно окружили его и преградили ему путь, едва он попытался обойти их.

Возможно, было не так и плохо, что в тот миг Мышелову некогда было отвлекаться на друга. Ожидавшее Фафхрда темное пятно густыми чернилами растекалось по стене, и едва северянин переступил его границу, миновав гребнистую скалу величиной со стоящего человека, отделявшую его от Мышелова, из глубины этой мглы восстали из своего логова восемь гигантских змеев - толстых, извивающихся, усеянных кратерами-присосками щупалец спрута - чудовищного осьминога. Шевеление словно высекло в нем внутренние искры: чудовище засветилось пурпурным цветом с желтыми полосами, явив перед Фафхрдом зловещие, громадные, словно блюдца, глаза, жестокий клюв его был не меньше носовой оконечности перевернутой байдарки, и что было совершенно уж невероятно - в каждом из щупалец его было зажато по блестящему широкому мечу.

Ухватившись за свой собственный меч и топор, Фафхрд отшатнулся от вооруженного спрута и прислонился спиной к гребенчатой скале. Гребни оказались краями раковины, мгновенно защемившими сзади его куртку из выдры.

В яростном желании жить северянин описал своим мечом широкую восьмерку, едва не задев в нижней петле пол, в то время как верхняя петля словно щит оградила его. Этот двухлепестковый цветок из стали успел отразить четыре клинка из восьми, с которыми не без опаски подступал к нему осьминог. И когда морское чудовище потянуло вперед

конечности для очередного удара, Фафхрд успел взмахнуть топориком, что держал в левой руке, и отсек ближайшее щупальце.

Противник его громко затрубил и ударил сразу всеми мечами. Какой-то миг казалось, что защита Фафхрда окажется пробитой, но тут топорик снова раз-другой метнулся из центра образованного мечом щита, и еще одно щупальце упало вниз, а с ним и меч. Тогда осьминог отступил подальше и выпустил из трубки огромное черное облако вонючих чернил, под покровом которого он мог бы подобраться к северянину. Но пока черное слепящее облако еще подкатывало к Фафхрду, он успел запустить в чудовищную голову топором. И хотя черный туман поглотил топор, едва тот вырвался из руки, тяжелое оружие явно нашло свою цель и попало в жизненно важную точку, осьминог побросал оставшиеся мечи, к счастью, пролетевшие мимо, и щупальца его задержались в предсмертных конвульсиях.

Выхватив небольшой нож, северянин полоснул по своей куртке и шагнул вперед, оставив одежду моллюску. Презрительным жестом он как бы предложил тому отобедать, если блюдо придется по вкусу, и обернулся поглядеть, как идут дела у приятеля. Покрытый зелеными струйками крови (ничего особенного, две небольшие ранки на плече и на ребрах), Мышелов как раз перерубал последние сухожилия на конечностях троих своих кошмарных противников. Иного способа обездвигнуть их не оставалось, любые, самые смертельные раны не замедляли их движений - из ран не вытекало ни капли крови, какого бы там цвета она у них ни была.

С легким омерзением он мельком улыбнулся Фафхрду, и они дружно повернулись к верхним террасам. Теперь стало ясно, что Серебряная и Зеленоватая хотя бы в одном отношении были истинными королевами: вид двух страшных схваток не испугал их, они и не думали бежать, как поступили бы всякие обычные женщины. И теперь они протянули руки навстречу героям. Золотая и Серебряная маски не могли улыбаться, но тела их словно смеялись. И когда приятели двинулись вверх из тени к свету, ранки Мышелова из зеленых превратились в красные, а фиолетовая рубаша Фафхрда приобрела вовсе чернильный оттенок, им уже казалось, что ничего прекраснее женщин с перепонками между пальцев и с тоненькими жаберными дугами на шее быть не

может. Свечение на верхних террасах несколько померкло, но на нижней все было по-прежнему, и шеститоновая музыка волчков как-то подбадривала... Оба героя вступили в то темное пышное царство, где исчезают все мысли о ранах, а любые воспоминания, даже о веселейших кабачках и подвалах Ланхмара, тают как сны, и Море, жестокая прародительница и нежная любовница наша, отдает все долги.

Беззвучное могучее сотрясение, словно шевельнулась скалистая плоть земли, вернуло Мышелова в чувство. Почти одновременно жужжание одного из волчков превратилось в высокий визг и закончилось звоном. Серебряный свет в гроте запульсировал, отчаянно заметался. Вскочив на ноги и глянув вниз вдоль лестницы, Мышелов увидел неизгладимую картину: морская ведьма-чернокнижница с ржавой головой дико подхлестывала свои беснующиеся волчки, скакавшие и прыгавшие над столом серебристыми горностаями, а со всех сторон, но главным образом из туннеля, к ней стремительно неслись летучие рыбы, скаты, длинные черные ленты угрей, все угольно-черные и с разверстыми крошечными ртами.

В этот миг Фафхрд ухватил его за плечо и развернул, указывая на лестницу. Серебристая вспышка молнии на мгновение осветила наверху громадную, обросшую по краям водорослями дверь, накрест пересеченную балками. Мышелов энергично кивнул - это значило, что он все понял, и это, должно быть, та самая дверь, которую они вчера видели с вершины скалистой ленточки, разделявшей моря. Удовлетворенный тем, что приятель последует за ним, Фафхрд метнулся вверх по ступеням.

Но в мыслях у Мышелова было нечто другое, и он бросился в противоположную сторону навстречу зловещему влажному и вонючему ветру. Вернувшись назад через дюжину вспышек молнии, он заметил, как и Зеленая и Серебряная королевы подошли к круглым черным туннелям в скале по обе стороны террасы и исчезли.

Приятели вместе сняли поперечины с покрытой водорослями двери и потянули за массивные ржавые засовы. Дверь вздрогнула, словно от могучего тройного удара, как будто некто трижды ударил ее длинным кольчужным плащом. Вода хлынула из-под двери и через приоткрывшуюся щель. Мышелов оглянулся, подумав, что неплохо бы отыскать другой путь к спасению... и увидел увенчанный белой пеной

водяной столб, почти до половины высоты грота бьющий из уходящего во Внутреннее Море туннеля. Тогда-то померк озарявший пещеру серебристый свет.

Фафхрд сумел распахнуть одну створку громадной двери. Зеленая пена окатила их колени и отступила. Осилив течение, они пробились наружу, громадная дверь захлопнулась за ними от притока нахлынувшей воды. Они оказались среди прибоя, вокруг пенились и кружили волны, под ногами была громадная, гладкая, плоская галька, годящаяся великанам "печь блины" на воде. Мышелов повернул к берегу, отчаянно скосился на молочно-белый утес в двух полетах стрелы впереди, сомневаясь, что до него можно добраться во вздымавшемся приливе.

Но Фафхрд глядел в море. Мышелов почувствовал, что его вновь ухватили за плечо, развернули и потащили, на этот раз к карнизу, изгибающемуся вдоль скальной башни, в подножии которой находилась дверь, из которой они только что вышли. Он оступался, падал на колени, резал их, но его безжалостно влекли вверх. Он понимал, что у Фафхрда есть все основания для подобного грубого обращения и, не сопротивляясь, изо всех сил мчался за ним по вздымавшемуся вверх крутому карнизу. На втором обороте он осмелился бросить взгляд на море и припустил наверх по краю головокружительного обрыва еще сильнее.

Вода отклынула с каменистого пляжа внизу, кое-где на нем задержались лишь ключья пены, но со стороны Внешнего Океана с ревом и грохотом подступала чудовищная волна высотой с половину башни, на которую они поднимались... Громадная белая стена, в которой мелькали коричневые и зеленые пятна обломков, — такие волны словно чудовищных всадников рассылают по морю могучие землетрясения. За этой волной виднелась другая, повыше, за ней третья, еще выше.

Когда крепкая башня затряслась и качнулась от могучего удара первой гигантской волны, друзья оказались уже выше на три оборота. В тот же миг обращенная к скалам дверь в подножии распахнулась изнутри, и пенистый желтоватый поток воды, прошедшей по пещере из Внутреннего Моря, хлынул наружу, теряясь в волнах. Гребень волны чуть зацепил Фафхрда и Мышелова за лодыжки, не слишком помешав им, даже не замедлив бега. То же было со второй и третьей волнами, хотя в промежутке между волнами друзья

поднимались еще на оборот. А потом пришла четвертая волна, за нею пятая, уже не достигавшие величины третьей. Добравшись до плоской вершины, приятели бросились наземь, вцепившись в еще содрогающиеся скалы и украдкой поглядывая на берег. Фафхрд с удивлением заметил, что Мышелов зажимает в уголке рта небольшую черную сигару.

После удара первой волны кремовая стена задрожала, по ней зазмеились трещины. Вторая волна разнесла ее на обломки, которые рухнули в третью в целой туче брызг, вытеснив столько соленой воды, что отраженная волна едва не затопила верхушку башни. Грязный гребень ее лизнул пальцы на ногах Мышелова и Фафхрда. Башня содрогнулась и заколебалась, но устояла. Высоких волн больше не было. Друзья по спирали спускались вниз, догоняя отступавшее море, укрывающее теперь дверь в подножии башни. Они снова поглядели на сушу, поднятый катастрофой туман развеивался.

На протяжении, пожалуй, полумили тонкий каменный занавес обрушился до самого основания. Обломки его исчезли под волнами, а через брешь высокие волны Внутреннего Моря устремились во Внешнее, гася остатки волн, порожденных землетрясением. На широкой этой реке из тумана вынырнул "Черный кладоискатель" и направился прямо к скале, предоставившей им убежище.

Фафхрд суеверно чертыхнулся. С волшебством, направленным против него, он был знаком, но дружественная магия всегда его возмущала.

Едва шлюп приблизился, они нырнули в волны, несколькими быстрыми гребками пересекли их, взобрались на борт, выправили курс мимо скалы, а затем, не теряя времени, принялись сушиться, одеваться, готовить горячее питье. Вскоре они глядели друг на друга поверх дымящихся кружек, наполненных грогом.

- Теперь, когда мы оказались в другом океане, - начал Фафхрд, - при попутном западном ветре мы достигнем Номбрульска за какой-нибудь день.

Мышелов кивнул и улыбаясь поглядел на приятеля. Наконец он произнес:

- Ну, старый друг, неужели тебе больше нечего сказать мне?

Фафхрд нахмурился.

- Ну, есть одна вещь, - отвечал он, несколько смутив-

шись. - Скажи мне, Мышелов, - а твоя девица снимала маску?

- А твоя? - вопросом же ответил тот, испытующе глядя на друга.

Фафхрд нахмурился.

- Хорошо, к делу, - ворчливо сказал он. - Что же это было? Мы потеряли мечи и прочее барахло, и ни за что?

Мышелов ухмыльнулся, вынул из уголка рта черную сигару и вручил ее Фафхрду.

- Вот зачем я возвращался, - сказал он, прикладываясь к грогу. - Я подумал, что без этой штуки нам не вернуть свой корабль. И, кажется, я не ошибся.

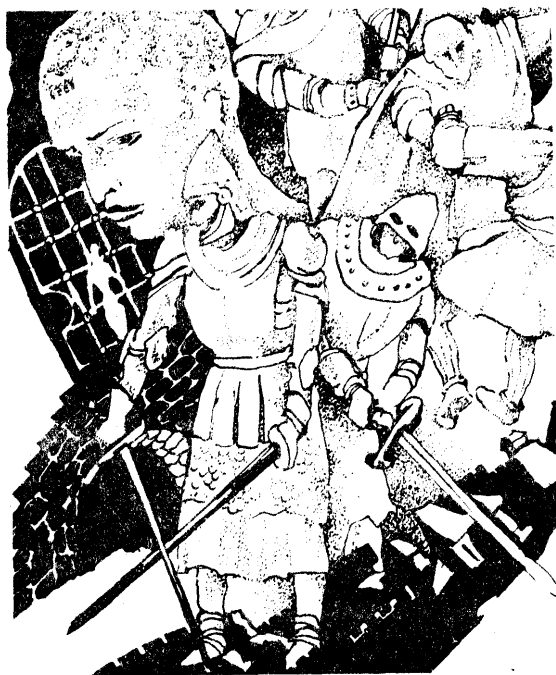
Сигара оказалась крошечной моделью из черного дерева, зубы Мышелова оставили глубокие следы возле кормы... "Черного кладоискателя".

ПЕЧАЛЬ ПАЛАЧА

Перевод
К. Королева

С перевод на русский язык,
Королева К.М., 1992

*И было небо, серое от века.
И была земля, далекая от века.
И был некто, печальный от века.*

Восседая на своем скромном, выложенном черными подушками троне, что стоял в одном из многочисленных залов замка, расположенного в самом сердце Страны Теней, принц Смерть покачал головой, потер бледные, с синевой виски и поджал лиловые с серебристым отливом губы. Он был облачен в кольчугу и перепоясан черным, отделанным тускло сверкающими маленькими серебряными черепами ремнем, к которому прицеплен был обнаженный клинок.

Хотя принц Смерть владычествовал всего лишь над миром Нихвона, проблем у него хватало. За двадцать последних ударов сердца ему предстояло задуть фитили множества человеческих жизней. Да, стук сердца принца Смерть разносился под землей гулом свинцового колокола, и в каждом ударе было что-то от вечности, однако длились они, увы, все же не так долго, как хотелось бы. Вот уже осталось девятнадцать. А Повелители Неизбежности, которым покорялся принц Смерть, еще не получили своей дани.

Посмотрим, что мы имеем, подумал принц. Внешне он был совершенно спокоен, ничто не выдавало его озабоченности. Так, сто шестьдесят крестьян и дикарей, двадцать кочевников, десяток воинов, двое нищих, шлюха, купец, священник, аристократ, ремесленник, король и двое героев. Вроде бы все сходится.

За три удара сердца он выбрал из общего числа сто девяносто шесть человек и наслал на них погибель. Крошечные ядовитые демоны в их телах объединились в неудержимые орды. У кого-то оторвался и закупорил венозный сосуд тромб, у кого-то в конце концов не выдержала хрупкая стенка артерии; ползун по скалам внезапно поскользнулся на неизвестно откуда взявшемся комке грязи; кто-то по-

встречался с наученной укусить гадюкой, кому-то повезло наступить на скорпиона.

Нарушив суровые правила собственного поведения, принц Смерть позволил себе слегка позабавиться с королем. На крохотную долю секунды он погрузился в размышления об участи нынешнего правителя Ланхмара, главного города одноименной страны в мире Нихвона. Правитель был мягкосердечным человеком с ученым складом ума, любил понастоящему только семнадцать своих котов, однако зла не желал в Нихвоне никому и то и дело отбирал у Смерти добычу, прощая злодеев, примиря враждующие семейства, посылая обозы и ладьи с зерном в голодающие провинции, выпуская на волю зверушек, подкармливая голубей и покровительствуя изучению медицины и иных добрых наук. Он был для подданных холодным родником в жаркий день; жил в мире спокойствия и мудрости, который сам по себе влагал в ножны мечи, разжимал кулаки и сглаживал морщины на насупленных лбах.

Тем не менее именно в это мгновение, повинуясь велению принца Смерть и исполняя его хитроумный, не до конца ему самому понятный замысел, по запястью монарха Ланхмара скользнули острые коготки любимого королевского кота, которые ревнивый племянник монаршей метрессы накануне вечером смазал быстродействующим ядом редкой змеи из тропических джунглей Клиша.

Однако с оставшейся четверкой, а в особенности - с двумя героями, принц Смерть намеревался расправиться так, как подскажет ему вдохновение. В тот же миг перед его мысленным взором предстал Литкил, Безумный Герцог земли Ул-Храсп. Стоя на высоком балконе, герцог любовался схваткой троих вооруженных ятаганами с зазубренными лезвиями берсерков с севера с четырьмя полупрозрачными демонами, которые размахивали кинжалами и боевыми топорами. Подобные кровавые зрелища доставляли Литкилу громадное удовольствие. По чистой случайности в этой схватке сошлись почти все воины из того десятка, который обрел на гибель принц Смерть.

Припомнив, как верой и правдой служил ему долгие годы Литкил, принц Смерть на долю мгновения заколебался. Но даже лучшим из слуг приходится со временем давать расчет, и потом, ни в одном из миров, о которых доводилось слышать принцу, - и уж, конечно, не в Нихвоне - не ощущалось

недостатка в палачах-добровольцах, в том числе таких, кто был кровожаден по натуре, кто не знал усталости и кто был склонен к немислимым извращениям.

Поэтому, не тратя времени даром, принц Смерть мысленно окликнул одного из четверки демонов, последнего в строю. Повинуясь зову, тот поднял голову. Его зияющий пустотами глазниц череп повернулся к Литкилу, и прежде чем двое стражников, что стояли по бокам от Безумного Герцога, успели заслонить своего господина щитами, занесенный для удара топор демона раскрыл Литкилу лоб и переносицу.

Литкил еще не рухнул на камень балкона, стражники не наложили еще на тетивы стрелы, чтобы отомстить убийце, обнаженная рабыня, которую обещали в награду гладиатору-победителю - правда, зачастую получать трофей оказывалось некому, - еще не набрала в грудь воздуха для истошного вопля, а волшебный взор принца Смерть уже переместился в иное место. Его манил Хорбориксен, цитадель Короля Королей. Там принц, мельком оглядев Большой Золотой Дворец, отыскал грязную мастерскую, где лежал на убогом тюфяке изможденный старик, которому больше всего на свете хотелось, чтобы холодный утренний свет, который проникал внутрь сквозь оконца и прорехи в крыше, не затмил бы серебристого сверкания паутин, что причудливыми арками и сводами нависли над его головой.

Этот старик, которого звали Горекс, был искуснейшим кузнецом Хорбориксена, а быть может, и всего Нихвона, создателем множества мудреных приспособлений. Однако минувший год утомил его, и он потерял всякий интерес к работе и к жизни вообще, ибо его правнучку Изафем, последнюю в их роду, незаменяемую помощницу, дивную красавицу с миндалевидными очами, едва достигшую брачного возраста, похитили евнухи из гарема Короля Королей. Горн кузнеца давно остыл, инструменты покрылись пылью, а сам он отдался скорби.

Он пребывал в такой печали, что принц Смерть вынужден был немного разбавить собственным мрачным юмором желчь, которая вяло и тоскливо текла по стариковским жилам; и Горекс, на миг пресполивившись радости, безболезненно отошел, обретя покой паутин.

Что ж, от аристократа и от мастера-ремесленника удалось

избавиться в два счета, стоило лишь пару раз прищелкнуть длинными гибкими пальцами. Остаются только герои.

И двенадцать ударов сердца.

Принц Смерть был убежден, что, хотя бы из-за любви к искусству, уход героев со сцены жизни следует обставлять со всей возможной пышностью. Лишь одному герою из пятидесяти можно позволить умереть от старости во сне - да и то ради смеха. А потому, как полагал принц, нужно прибегать к соответствующему волшебству, забыв на время о реальности, которая гонится разве что для низших существ. В течение целых двух ударов сердца он прислушивался к своим холодным мыслям, потирая виски перламутровыми пальцами. Затем его мысли обратились к некоему Фафхрду, варвару с романтическим характером, который тем не менее, будучи пьяным вдрызг или трезвым как стеклышко, одинаково крепко стоял на ногах и быстро соображал, и к его давнему товарищу Серому Мышелову, самому, пожалуй, ловкому вору во всем Нихвоне, который в зависимости от настроения то превозносил себя до небес, то потешался над собой, тоже доходя до крайности.

Мимолетное замешательство, испытанное принцем сейчас, было куда сильнее, чем в случае с Литкилом. Фафхрд с Мышеловом служили принцу Смерть преданнее и разнообразнее Безумного Герцога, кровавые забавы которого наложили свою печать на его лицо. Да, варвар-северянин и низкорослый воришка с кривой улыбкой и заломленными бровями были теми пешками, что не раз помогали принцу Смерть завершить партию с победным для себя исходом.

Однако в величайшей из партий участь всех без исключения пешек - быть сброшенными с доски в коробку, пускай даже они прошли через все поле и стали королем или королевой. Напомнив себе об этом, принц Смерть, который знал, что и его со временем ожидает кончина, отбросил колебания и принялся за дело с быстротой, которая не могла сравниться ни с полетом стрелы, ни с падением звезд.

Мельком взглянув на юго-запад, где находился огромный, озаренный утренним светом город Ланхмар, и убедившись, что Фафхрд с Мышеловом мирно спят в развалюхе под крышей таверны, где обычно искали приюта неудачливые торговцы, - на Стенной Улице, близ Болотных Ворот, принц Смерть перенесся на залитый кровью двор замка Литкила.

Как и всякий истый художник, он предпочитал пользоваться подручным материалом.

Литкил все еще падал. Рабыня кричала. Самый могучий из берсерков с искаженным яростью лицом, выражение которого мог изменить лишь полный упадок сил, только что отсек голову убийце герцога. А с галереи на отомстившего за Литкила воина обрушился град стрел. Это было нечестно и несправедливо, но принц Смерть обожал подобные шуточки.

Однако теперь он прибегнул к колдовству, и берсерк исчез. Стрелы пронзили воздух. Принц Смерть тем временем, по-прежнему заботясь об экономии материала, перевел взор обратно на Хорбориксен и заглянул в довольно большую комнату с высокими зарешеченными окнами в гареме Короля Королей. Обстановка комнаты была немного странной: кузнечный горн, ванна для закалки, две небольшие наковальни, пара или тройка молотов и множество других инструментов для работы по металлу. В углу громоздились металлические слитки.

Посреди комнаты, разглядывая себя в полированном серебряном зеркале, стояла стройная девушка не старше шестнадцати лет. Из одежды на ней были лишь четыре филигранных украшения. Наготу ее подчеркивало то, что с тела ее были удалены все волосы, за исключением ресниц, а на те места, где они были, чья-то рука нанесла зеленую с голубым татуировку. Миндалевидные глаза девушки метали молнии.

Вот уже семь лун томилась Изафем в одиночном заключении за то, что посмела расцарапать лица любимейшим наложницам Короля Королей, близняшкам Илтмар. По правде сказать, Король Королей не особенно рассердился, скорее наоборот: царапины на лицах придавали наложницам особую привлекательность в глазах пресыщенного монарха. Однако порядок - прежде всего; вот почему Изафем наказали, поочередно вырвали все волоски и разрисовали тело.

Король Королей был рачительным правителем и в отличие от многих других властелинов требовал от своих жен и наложниц, чтобы они занимались полезным делом, а не убивали время за болтовней, купаньями, сплетнями и ссорами. И поскольку Изафем это дело было хорошо знакомо, ее определили в кузницу.

Девушка думала не о работе, не о безделушках, выко-

ванных ее руками, не о двенадцати лунах в гареме, семь из которых она провела в одиночестве, и даже не о том, что Король Королей до сих пор ни разу не навестил ее - хотя бы для того, чтобы поблагодарить за прекрасные изделия из металла. Что касается мужчин, то пока Изафем общалась только с евнухами, которые обучали ее искусству эротики, - она с трудом удерживалась от того, чтобы не впеститься дикой кошкой в их пухлые рожи, а в глаза плевала, едва лишь предоставлялась возможность, - иставляли в кузнечном деле. Все их советы девушка высокомерно не принимала во внимание.

Нет, вся ее изобретательность, подстегиваемая дикой ревностью и безумным желанием вырваться на свободу, направлена была на другое.

Всматриваясь в собственное отражение в серебряном зеркале, Изафем внимательно изучала филигранные украшения на своем стройном, но сильном и мускулистом теле. Эти украшения - две нагрудных чашечки и два наголенника - чудесно оттеняли ее зеленую с голубым татуировку.

Устремленный в зеркало взгляд девушки поднялся над плечом, задержался на безволосом разрисованном темени и остановился на серебряной клетке, в которой сидел на жердочке сине-зеленый попугай с холодной злобой в глазах. Птица в клетке постоянно напоминала Изафем о ее собственном незавидном положении.

Единственная странность филигранных украшений заключалась в том, что нагрудные чашечки, плотно облегавшие соски, заканчивались острыми шпильками, а наголенники на высоте колена увенчаны были эбеновыми ромбиками величиной с палец.

Украшения не слишком бросались в глаза; шпильки имели зеленовато-голубой оттенок, словно под цвет татуировки.

Изафем разглядывала себя с лукавой, одобрительной улыбкой. Улыбка принца Смерть была еще лукавей, а холодного одобрения в ней было больше, чем во взоре любого из евнухов. Миг - и девушка исчезла из комнаты. Прежде чем сине-зеленый попугай успел разразиться испуганным криком, принц Смерть покинул гарем Короля Королей.

Осталось всего лишь семь ударов сердца.

Возможно, в Нихвоне обитали боги, о существовании которых не было известно даже принцу Смерть; боги, которые время от времени находили удовольствие в том, чтобы

всячески мешать ему. Или, быть может, Случай ничуть не менее силен, чем Неизбежность. Как бы то ни было, этим утром северянин Фафхрд, который обычно храпел до полудня, проснулся с первым проблеском рассвета и, взяв в руку свой клинок Серый Жезл и слегка пошатываясь, вышел из развалюхи, где они ночевали с Мышеловом, на крышу таверны. Там, размахивая обнаженным мечом, нагой варвар принялся практиковаться в отражении ударов невидимого противника. Он наступал и увертывался, притоптывал ногой, испуская порой боевой клич и ни капельки не заботясь об усталых купцах, сон которых столь немилосердно нарушил. Сперва Фафхрд замерз, ибо город окутывала холодная утренняя дымка, которую ветер пригнал с Великого Соленого Болота, но вскоре разогрелся и даже вспотел, а движения его, поначалу неуклюжие, стали молниеносными и уверенными.

Если не считать криков Фафхрда, утро в Ланхмаре выдалось спокойным. Не звонили колокола, хранили молчание гулкие гонги, ожидая, когда настанет пора оплакивать уход доброго правителя города. Новость о том, что семнадцать его котов заключены до суда каждый в отдельную камеру, еще не успела распространиться среди горожан.

Серый Мышелов тоже пробудился до рассвета, хотя это было не в его привычках. Он лежал, свернувшись калачиком на горе подушек и закутавшись в серый шерстяной плащ. Нет-нет да и протягивал руку, брал с низенького столика кубок с кислым вином, отпивал из него и вновь погружался в мрачные воспоминания о злых и нечистоплотных людях, которых ему доводилось встречать. Он попробовал не обращать внимания на шумные упражнения Фафхрда, но, чем крепче он цеплялся за сон, тем упорнее тот норовил сбежать.

Фафхрд принял третью позицию и выбросил руку с мечом вперед, вниз и чуть-чуть вправо, так что острие клинка оказалось направленным по касательной вверх, и тут перед ним из воздуха материализовался берсерк с пеной у рта и налитыми кровью глазами. Пока варвар приходил в себя от изумления, призрак взмахнул ятаганом, который напоминал скорее несколько скованных в единое целое кинжалов с широкими лезвиями. На кончике ятагана дымилась свежая кровь. Удар был нацелен Фафхрду в шею. Северянина выручило тренированное тело. Почти машинально он весь собрался, встал в кварту и отразил удар. Ятаган берсерка

просвистел над его головой с таким звуком, будто быстро провели стальным прутком по железной оgrade - клинок варвара пересчитал по очереди зубцы ятагана.

Затем в игру вступил рассудок. (Обычно берсерки, сражаясь, впадали в неистовство и на какое-то время теряли разум.) Не успел берсерк замахнуться для повторного удара, как Серый Жезл, описав круг против часовой стрелки, отсек ему боевую руку. Кисть с зажатым в ней ятаганом упала к ногам варвара. Фафхрд знал, что, имея дело с одержимым воином, нужно сперва обезоружить - или обезручить? - его, а уж потом пронзать ему сердце. Кстати сказать, последнее не заняло у северянина много времени.

Между тем Мышелов ошарашенно разглядывал возникшую из ничего посреди развалюхи, в которой они с Фафхрдом коротали ночь, обнаженную девушку. Он чувствовал себя так, словно внезапно воплотилась в реальность одна из его наиболее смелых эротических фантазий. Раскрыв рот, он наблюдал, как красotka с улыбкой на устах делает шаг к нему, пригибается и отводит руки назад, так что филигранная цепочка, которая поддерживала ее нагрудные чашечки, натягивается до предела. Зеленые миндалевидные глаза девушки зловеще сверкали.

Жизнь Мышелову спасла его давняя антипатия: он терпеть не мог, когда на него наставляли что-либо острое, будь то тонюсенькая игла или якобы смертоносные шпильки на чудесных серебряных нагрудных чашечках, под которыми скрываются прелестные грудки. Он откатился в сторону в тот самый миг, когда выстрелили с одновременным щелчком маленькие, но тугие пружинки и отравленные шпильки с глухим стуком вонзились в стену, возле которой он лежал секунду назад.

Мгновенно вскочив на ноги, Мышелов бросился к девушке. То ли рассудок, то ли интуиция подсказали ему, что она неспроста тянется к двум черным ромбикам, которые венчали ее наголенники. Опередив красотку, он вытащил из-за филигранных украшений пару стилетов и швырнул их за мятый тюфяк Фафхрда.

Потом он ногами обхватил ноги девушки так, чтобы она не могла ударить его в пах. Левой рукой зажал ее голову - после тщетных попыток ухватить красотку за волосы пришлось прищемить ей пальцами ухо, правой - стиснул оба ее запястья и в конце концов ухитрился, применяя, когда

требовалось, силу, утихомирить воинственную незнакомку, как она ни брыкалась, ни царапалась и ни плевалась. Грудь у нее оказались очень маленькие, но прелесть их от этого была не меньшей.

В дверном проеме, озадаченно мотая головой, возник Фафхрд и — застыл как вкопанный. И где только, черт его возьми, Мышелов раздобыл столь лакомый кусочек? Ну да ладно, его это не касается.

— Прошу прощения, — извинился он. — Пожалуйста, продолжайте.

Захлопнув дверь, Фафхрд задумался над тем, как ему избавиться от трупа берсерка. Задача была несложной: Фафхрд спихнул мертвеца с крыши, и тот рухнул в огромную кучу мусора, которая почти перегородила Аллею Привидений. Затем варвар подобрал ятаган, оторвал от него сжатую в кулак руку и отправил ее следом за телом. Хмуро поглядев на обгащенное кровью лезвие оружия, которое собирался оставить себе на память, он пробормотал:

— Чья кровь?

(Что касается Изафем, то избавляться от нее подобным образом никто и не думал. Впоследствии, излечившись от безумия и немного пообрев к людям, она выучилась бегло говорить по-ланхмарски и открыла собственную кузнечную мастерскую на Медном Дворе, на задворках улицы Серебряных Дел Мастеров. Там она изготавливала чудесные украшения, приторговывая из-под полы всякими штучками вроде колец с отравленным шипом.)

Между тем принц Смерть, для которого время протекало иначе, чем для людей, осознал, что в запасе у него осталось лишь два удара сердца. Легкий восторг, который он испытывал, наблюдая, как двое избранных им героев стараются избежать уготованной им ловушки, — еще принцу доставляла некоторое удовольствие мысль, что во вселенной могут найтись неизвестные и неподвластные ему силы, — уступил место отвращению, когда палач понял, что на артистизм и отстраненность времени уже нет. Значит, ему придется закончить дело самому. По совести говоря, подобный исход был не в его вкусе: *deus ex machina** всегда представлялся ему неудачной и лживой выдумкой.

* Бог из машины (лат.), искусственная, неправдоподобная развязка, случайное лицо, благоприятно влияющее на исход события. — *Прим. перев.*

Следует ли ему сразить Фафхрда с Мышеловом собственной рукой? Нет, они перехитрили его и по справедливости - если она существует на свете - добились некоторой отсрочки. К тому же его рукой будет двигать раздражение или даже гнев. А принц Смерть, несмотря на известную склонность к лукавству, предпочитал честную игру.

Издав едва уловимый вздох, принц перенесся в королевскую караульную Большого Золотого Дворца в Хорбориксене. Двумя мгновенными ударами он лишил жизни двоих благородных и ни в чем не повинных рыцарей. Прежде он сталкивался с ними лишь мимоходом, но тем не менее отвел им уголок в своей безграничной и непогрешимой памяти. Это были родные братья, которые принесли обет безбрачия и поклялись выручить из беды хотя бы одну прекрасную даму. Сняв с их плеч столь тяжкое бремя, принц Смерть возвратился в свой замок в самом сердце Страны Теней, где ему предстояло предаваться печальным мечтаниям до тех пор, пока вновь не пробьет его час.

Двадцатый удар сердца раскатился по подземелью похоронным звоном.

ПРИМАНКА

Перевод
К. Королева

© перевод на русский язык,
Королев К.М., 1992

Сверянину Фафхрду грезилась необъятная куча золота.

Серый Мышелов с юга был хитрее и сообразительнее своего товарища, а потому вообразил себе груды самоцветов. Еще не пересбрав мысленно до конца даже те из камней, которые отливали желтым, он уже понял, что его переливчатые сокровища куда ценнее тускло поблескивающего драгоценного металла Фафхрда.

Как ему удалось подглядеть грезы Фафхрда, Мышелов не знал. Такое вообще-то под силу разве что колдунам вроде покровителей Фафхрда и Мышелова - Шилбы-без-очей-на-лице и Нингобля Семиглазого. Быть может, они и в самом деле тут замешаны?

Воины одновременно открыли глаза и уселись на постелях, причем Мышелов на какую-то долю секунды опередил Фафхрда.

Внимание их приковало к себе нечто, стоявшее в проходе между ложами.

Весило это нечто фунтов, пожалуй, восемьдесят, а ростом было четыре фута восемь дюймов. Длинные и прямые черные волосы, белоснежная кожа, фигурка изящная, как у самого красивого шахматного короля, вырезанного из цельного лунного камня. Выглядело нечто лет на тринадцать, однако губы кривились в усмешке семнадцатилетней самолюбленной девчонки, а в блестящих бездонных глазах таился холод Ледяного Века.

Само собой разумеется, никакой одежды на девушке не было.

- Она моя! - воскликнул Мышелов, как обычно быстрее товарища сообразивший, что к чему.

- Нет, моя! - крикнул Фафхрд почти в тот же миг, однако слово "нет" в его возгласе свидетельствовало, что он неволь-

но признает первенство Мышелова или по крайней мере что он и не надеялся опередить друга.

- Я принадлежу себе самой и никому больше, кроме, быть может, двоих-троих полудемонов, - сообщила девушка, впрочем, одарив воинов обольстительной улыбкой.

- Я буду драться с тобой из-за нее, - сказал Мышелов.

- Согласен, - отозвался Фафхрд, исторопливо вынимая из ножен свой Серый Жезл.

Мышелов схватился за Скальпель.

В этот момент за спиной девушки материализовались из воздуха две личности. Роста в них было в каждом никак не меньше девяти футов, и головами они упирались в потолок. С кончиков их заостренных сверху ушей свисала паутина.

Тот, что был ближе к Мышелову, черный как сажа, обнажил клинок, выкованный из очень темного металла.

В руках другого из незваных гостей, белого как снег, сверкнул длинный серебристый меч. Как показалось Фафхрду, выкован он был из стали и покрыт оловом.

Противник Мышелова, вознамерившись, видно, не затягивать дело, нанес мощный удар. Мышелов парировал его в первой позиции, и острие клинка демона рыскнуло в сторону. Крутанув мечом, Мышелов отсек черному чудищу голову, которая с отвратительным стуком упала на пол и покатилась.

Белый демон атаковал Фафхрда выпадом снизу. Северянин, ловко вывернув свой меч, сумел отразить удар. Вражеский клинок просвистел на волосок от правого виска Фафхрда.

Досадливо толкнув ножкой, обнаженная девушка растворилась в воздухе, исчезла - должно быть, напрямик отправилась в ад.

Мышелов собрался было вытереть меч о простыни, но, обнаружив вдруг, что это ни к чему, пожал плечами.

- Не повезло тебе, приятель, - произнес он с деланным сочувствием, - не получилось у тебя позабавиться с такой симпатичной крошкой на куче золота.

Фафхрд, хмурясь, разглядывал лезвие меча, на котором не было ни кровинки.

- Мне жаль тебя, лучший из друзей, - ответил он. - Ты

ведь, верно, воочию уже представил, как вы с ней возитесь на твоей груди самоцветов. Белоснежная девичья кожа, матовое сверкание камней - ну, не прелесть ли?

- Катись ты подальше со своими сожаленьями! - огрызнулся Мышелов. - Скажи лучше, откуда тебе известно про самоцветы?

- Откуда? - переспросил Фафхрд, потом призадумался и наконец проговорил: - Наверно, оттуда же, откуда ты узнал про мое золото.

В этот миг обезглавленные трупы демонов растворились в воздухе вместе с отрубленными головами.

- Знаешь, Мышелов, по-моему, тут не обошлось без сверхъестественных сил, - задумчиво, растягивая слова, проговорил Фафхрд.

Мышелов вскинул голову.

- А может, нам с тобой просто померещилось, великий ты мудрец? - скривив губы в усмешке, поинтересовался Мышелов.

- Вряд ли, - возразил Фафхрд, - погляди, оружие-то вон оно, валяется.

- Пожалуй, ты прав, - признал Мышелов, бросив косой взгляд на клинки на полу. - Сдается мне, у старьевщика нам неплохо за них заплатят.

Зазвонил Большой Колокол Ланхмара, который было слышно даже сквозь каменные стены. Двенадцать ударов - полдень, время, когда могильщики вонзают в землю лопаты.

- Запоздалый знак, - объявил Фафхрд. - Теперь мы знаем, откуда взялись те демоны - из Царства Теней, прибежища всех мертвецов.

- Точно, - согласился Мышелов. - Принц Смерть, неутомимый мальчишка, снова попытался заполучить нас к себе.

Фафхрд плеснул в лицо холодной водой из стоявшего возле стены большого таза.

- Что ж, - пробормотал он, - приманка была хоть куда. Откровенно говоря, я не знаю лучшего средства разжечь аппетит перед завтраком, чем вид цветущей девушки, хотя бы чуть обнаженной.

- Ну да, - отозвался Мышелов, крепко зажмурив глаза и растирая лицо ладонью, на которую предварительно капнул светлого бренди. - Конечно, девчушка была для тебя лакомым кусочком. Ты ведь обожаешь молоденьких девиц, развратник этакий!

Фафхрд бросил умыться.

Наступила тишина.

- Так кто, ты сказал, развратник? - невинно справился Фафхрд.

БУМ-ПАМПАМПАМ- БИМ-БАМ-БОМ

Перевод
К. Королева

Х перевод на русский язык,
Королев К.М., 1992

Как-то раз, когда все молекулы материального мира и импульсы коллективного бессознательного* вырвались на свободу, так что на мгновение стало возможным проникнуть из прошлого в будущее или куда-то еще, в студии свободного художника Саймона Гру собрались шестеро великих интеллектуалов.

Среди них был Толли Б. Вашингтон, барабанщик из джаз-банда. Постукивая пальцами по полой африканской деревяшке, он размышлял над композицией, которую думал назвать "Дуэт для гидравлического молота и свистящего водопроводного крана".

Там были также Лафкадио Смитс, художник по интерьеру, и Лестер Флегиус, специалист по промышленному дизайну. Они вели между собой весьма интеллектуальную беседу, однако мысли первого из них занимал броский рисунок для ультрамодных обоев, а второго - принципиально новый способ рекламы товаров.

Еще в студии присутствовали психиатр-клинист Гориес Джеймс Макинтош и антрополог Норман Сейлор. Потягивая виски, Гориес Джеймс Макинтош мечтал о временах, когда появятся такие психологические тесты, с помощью которых возможно будет куда полнее, нежели сегодня, проанализировать душевное состояние того или иного пациента. Норман же Сейлор курил трубку и ни о чем определенном не думал.

Помещение, где располагалась студия, поражало своими размерами. Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку произведения Саймона Гру обычно требовали пространства. На полу студии расстелен был холст; высокие и крепкие подмоги едва ли не упирались в потолок.

Холст был девственно чист, если не считать слоя молоч-

* Коллективное бессознательное - система установок и типичных реакций, которые исподволь определяют жизнь индивида, источник общечеловеческой символики, в том числе мифов, сновидений; термин, введенный Карлом Г. Юнгом. - *Здесь и далее прим. перев.*

но-белой грунтовки, на нем не было ни пятнышка краски. Саймон Гру разгуливал по подмостям, перешагивая через двадцать семь банок краски и девять кистей, восьми дюймов каждая. Он готовился к самовыражению - к творческой, если хотите, самореализации. Вот-вот он окунет кисть в банку, поднимет ее над правым плечом и - с размаху опустит вниз. Шлеп! Звук получится такой, словно шелкнули кнутом, и огромное пятно краски расплзется по белоснежному холсту. Пятна лягут на полотно одно за другим, образуя случайный, произвольный, спорадический и, следовательно, абсолютно свободный узор, который призван стать основой будущего рисунка, а также определить форму и ритм множества последующих шлепков и, может быть, даже прикосновений кисти к холсту.

Услышав, что шаги Саймона Гру участились, Норман Сейлор поднял голову - причем безо всякой задней мысли. Разумеется, он был хорошо осведомлен о привычке Саймона забрызгивать краской не только полотно, но и всех присутствующих. Именно поэтому на нем был потертый твидовый костюм, который он носил в бытность спортивным инструктором, выцветшая рубашка и старые теннисные туфли. Шляпу Норман предусмотрительно положил так, чтобы за ней не пришлось далеко тянуться. Кресло его, равно как и кресла четырех других интеллектуалов, придвинуто было к стене, ибо холст, над которым трудился Саймон, был велик даже по собственным меркам художника.

Раскаживая по подмостям, Саймон Гру испытывал радостное возбуждение, доступное лишь тому, кто творит в свободной манере Василия Кандинского, Роберта Мазервелла и Джексона Поллока*. В добрых двадцати футах под ним распростерся выбеленный на совесть, до блеска, холст. В подобные моменты Саймон частенько думал о том, как хорошо, что раз в неделю к нему в студию приходят друзья. Когда с тобою рядом пятеро могучих умов, атмосфера студии прямо-таки насыщается флюидами интеллектуальности. Саймон счастлив был слышать ритмическое постукивание Толли, неразборчивое бормотание Лафкадио и Лестера, бульканье виски в бутылке, что была в руках у Гориеса; он счастлив был наблюдать за клубами табачного дыма из

* Крупнейшие художники-авангардисты.

трубки Нормана. В ожидании поцелуя Вселенной все его существо превратилось в чистую табличку.

Между тем приближался миг, когда вырвутся на свободу все молекулы материального мира и импульсы коллективного бессознательного.

Барабаны по своей африканской деревяшке, Толли Б. Вашингтон испытывал нечто вроде дурного предчувствия. Одним из его предков в седьмом колене был дагомейский шаман; кстати, шаман у них в Африке - то же, что у нас интеллектualan со склонностью к искусству и психоанализу. Так вот, если верить тщательно оберегаемой от посторонних семейной легенде, этот самый прапрапрапрадед Толли узнал где-то дикарское заклинание, способное "обуздать" весь мир; однако он бесследно исчез, прежде чем сумел воспользоваться заклинанием или передать его потомкам. Толли не без скепсиса относился к разговорам о колдовских способностях дикарей, но время от времени, особенно подыскивая новую мелодию, все же задумывался с легким сожалением о постигшей его семейство утрате. Так и теперь: сожаление, возникшее из предчувствия, охватило его, и мозг Толли словно последовал примеру существа Саймона.

Настал миг высвобождения.

Схватив кисть, Саймон окунул ее в банку с черной краской. Обычно он использовал черный цвет для завершающего мазка, если использовал вообще, но сейчас ему почему-то захотелось пойти наперекор себе.

Руки Толли внезапно взметнулись в воздух; кисти бес- сильно поникли, словно у марионетки. Наступила драматическая пауза. А потом его пальцы громко и решительно отбарабанили:

- Бум-пампампам-бим-бам-бом!

Взмах руки Саймона - и на холст хлынул поток краски, которая зашлепала по полотну, в точности повторяя ритм фразы Толли.

Заинтригованные схожестью звуков, ощущая, что волосы у каждого на затылке встали дыбом, пятеро интеллектуалов поднялись из своих кресел и воззрились на холст, сам же Саймон делал это с подмостей с видом Бога после первого дня творения.

Большое черное пятно на холсте представляло собой точную копию фразы Толли. Звук обрел видимость, музыка трансформировалась в изображение. Большая закругленная

клякса означала "бум". Изящное звездообразное пятнышко - "пампампам". Дальше шло уменьшенное подобие "бум", то есть "бим". Крупная клякса в виде погнутого наконечника копья, уступавшая размерами "бум", но более выразительная, знаменовала "бам". Последним было пятнышко совершенно неопишуемой формы, которое тем не менее удивительно подходило под "бом".

Все большое пятно целиком напоминало музыкальную фразу, как один близнец - другого, возвращенного в иных условиях, и зачаровывало взгляд не хуже первобытного символа, обнаруженного в кроманьонской пещере рядом с рисунками бизонов. Шестеро интеллектуалов не в силах были отвести взоры от холста, а когда им это все-таки удалось, занялись делами, связанными с картиной. В головах же их тем временем возникали разнообразные проекты, один сносшибательнее другого.

Разумеется, у Саймона и мысли не было о продолжении работы. Ему требовалось время, чтобы переварить и всесторонне проанализировать свое удивительное достижение.

Ему на подмостки передали широкоугольный фотоаппарат, и Саймон сделал несколько снимков. В темной комнате по соседству со студией негативы тут же были проявлены и отпечатаны. Уходя из студии, каждый из шестерых приятелей имел в кармане хотя бы одну фотографию. Они улыбались друг другу так, словно владели великой гайной. По дороге домой каждый то и дело извлекал из кармана свой фотоснимок и жадно его разглядывал.

При встрече на следующей неделе им нашлось, что обсудить. Толли воспользовался новой фразой, играя джем-сейшн* в узком кругу и выступая в прямом эфире по радио. Импровизации растянулись на целых два часа, а когда Толли показал коллегам-музыкантам фотографию того, что они играли, те буквально завязжали от восторга. Радиопередача тоже была успешной: у Толли появился новый толстосум-спонсор.

Горнес Макинтош добился феноменального успеха, применив фотоснимок пятна в качестве "кляксы Роршаха"**. Одна из его пациенток, "звезда" экрана, разглядела в пятне своего воображаемого ребенка от кровосмесительной связи

*. Джем-сейшн - импровизация в исполнении джазовых музыкантов.

** Клякса Роршаха - разновидность теста в психоанализе.

и за единственный сеанс рассказала гораздо больше, чем за предыдущие сто сорок. Кроме того, Макинтошу удалось сломать еще два ментальных барьера*, а трое кататоников** в психиатрической лечебнице, увидев фотографию, вскочили на ноги и пустились в пляс.

Лестер Флегиус с некоторой запинкой сообщил о том, что он использовал, по его словам, "слабое подобие пятна" для привлечения внимания публики к новой рекламе из серии "Промышленный дизайн для дома".

Лафкадио Смитс, который имел большой опыт заимствования идей у Саймона Гру, бесстыдно заявил, что воспроизвел пятно в виде узора на белье. Это белье уже с руками отрывают в пяти художественных салонах города, а трое девочек в его, Лафкадио, берлоге вовсю строчат новое. Он приготовился к взрыву негодования со стороны Саймона, собираясь предложить тому полюбовную сделку с учетом процентов от процентов, но свободный художник никак не прореагировал на нахальство Смитса. Его словно одолевали какие-то неотвязные думы.

Дело заключалось в том, что картина не продвинулась дальше того первого пятна.

Улучив момент, Норман Сейлор заговорил об этом с Гру.

- Меня словно что-то не пускает, - признался тот с облегчением. - Стоит мне взять в руки кисть, как я начинаю бояться, что испорчу рисунок, и на том все кончается. - Он помолчал. - А еще я попробовал рисовать на маленьких листах бумаги. Пятна, которые получаются, выглядят зеркальными отражениями большого! Такое впечатление, что ничего иного я изобразить не способен. - Саймон нервно рассмеялся. - Что ты насчет всего этого скажешь, Норман?

Антрополог покачал головой.

- Я изучаю пятно, пытаюсь определить его место в континууме примитивных знаков и универсальных символов сна. С наскака тут не разберешься. Что же касается твоего... э... воображаемого барьера, я бы посоветовал тебе замазать пятно новым. У нас есть фотографии, так что мы ничего не потеряем.

С сомнением кивнув, Саймон посмотрел на левую руку

* Ментальный барьер - ограниченное представление об объектах, свойствах и отношениях в реальном мире.

** Кататоник - человек, находящийся в состоянии ступора.

- и быстро схватил ее правой, дабы унять подергивание кисти в знакомом ритме.

Если на встрече друзей через неделю после знаменательного события можно было говорить об энтузиазме, то через две недели энтузиазм сменился эйфорией. Мелодия Толли породила новое направление в музыке - драм-н-дрэг*, которое обещало составить серьезную конкуренцию рок-н-роллу. Самого же барабанщика пригласили принять участие в телевизионной передаче. Единственная сложность состояла в том, что новых тем у музыкантов не возникало. Мелодия драм-н-дрэга была построена на повторах или в лучшем случае переработках первоначальной фразы. Со странной неохотой Толли упомянул также, что отдельные стилиги начали приветствовать друг друга притоптываньем в ритме бум-пампампам-бим-бам-бом.

Излечив нескольких считавшихся неизлечимыми и годными разве что для лоботомии** больных, Гориес Макинтош произвел сенсацию в медицинских кругах. Коллеги со степенями докторов медицины перестали, обращаясь к нему, подчеркнуто выделять "мистер", а кое-кто даже, выпрашивая у него копию карты ТМВКР (теста Макинтоша на восприятие кляксообразного рисунка), именовал его "доктором". Ему прочили место заместителя главного врача той самой клиники, где он работал в должности рядового психиатра. Правда, он рассказал друзьям, что некоторые пациенты взяли себе в привычку играючи колотить друг дружку, бормоча при этом нечто вроде "трам-тамтамтам-трам-там-там". Все шестеро интеллектуалов отметили сходство в поведении больных Гориеса и пижонов Толли.

Первый из "привлекателей внимания" Лестера Флегиуса (разумеется, в форме пятна) начал действовать сразу же по внедрении: в штаб-квартиру фирмы его заказчика в тот же день позвонил добрый десяток директоров и президентов родственных компаний, и всех их очень и очень интересовал привлекатель. Лафкадио Смитс сообщил, что арендовал еще одно помещение, открывает филиалы по изготовлению платьевых тканей, шелковых галстуков, абажуров и обоев и по уши увяз в судебных разбирательствах с несколькими крупными фирмами. И вновь Саймон Гру удивил Смитса

* Drum-n-drag - барабань и тащись (англ.).

** Лоботомия - пересечение лобной доли мозга.

тем, что не закричал "держи вора" и не потребовал приличествующей компенсации. Свободный художник казался еще более отстраненным, чем неделю назад.

Перейдя из жилой половины его квартиры в студию, друзья поняли причину меланхолии Саймона.

Пятно выглядело так, словно ему вздумалось почковать-ся. Со всех сторон его окружало множество меньших по размеру пятен. Цветовая гамма, надо сказать, подобрана была безупречно. Однако каждое из пятнышек, будь оно хоть вполтину меньше первого, оставалось все-таки точной его копией.

Лафкадио Смитс поначалу не поверил, что Саймон рисовал эти пятна в своей излюбленной манере - свободным махом кисти с подмостей. Даже когда Саймон продемонстрировал ему, что при всем желании столько раз скопировать пятно попросту невозможно, Лафкадио, будучи искушен в придании серийным изделиям вида ручной продукции, по-прежнему отказывался верить собственным глазам.

Тогда Саймон устало взобрался на подмости и не глядя потряхнул кистью над холстом. На полотне возникли очередные копии большого пятна, и Лафкадио вынужден был признать, что с рукой Саймона случилось нечто загадочное и даже пугающее.

Гориес Джеймс Макинтош покачал головой и пробормотал что-то насчет "стереотипного принудительного поведения на творческом уровне".

- Правда, - добавил он, - слишком уж оно стереотипное.

Немного позже Норман Сейлор вновь подсел к Саймону, а потом имел долгую конфиденциальную беседу с Толли Б. Вашингтоном, за время которой выудил у последнего всю подноготную его прапрапрапрадедушки. Когда же Нормана спросили о том, как продвигаются его собственные исследования, антрополог ограничился просты. пожатием плеч. Однако, прежде чем разойтись, он дал друзьям совет.

- Как правильно заметил Гори, эта клякса склонна к воспроизводству. В ней присутствует какая-то незавершенность, которая настойчиво требует повторения. Посему было бы неплохо, если каждый из нас, почувствовав, что пятно все сильнее овладевает им, попробовал бы отвлечься - заняться делом, которое не имело бы почти ничего или вообще ничего общего с тираническими изображением и звуком. Играйте в шахматы, нюхайте духи, сосите леденцы, смот-

рите в телескоп на Луну, уставьтесь на искру света во мраке и попытайтесь опустошить мозг - словом, что-нибудь в этом духе. Попробуйте противостоять принуждению. Быть может, кому-то из нас повезет натолкнуться на противоядие - отыскать свой хинин для новой малярии.

Если кто-то из них и упустил сперва зловещую нотку предостережения в совете Нормана, ему вполне хватило последующих семи дней, чтобы осознать тревожность ситуации. Очередная встреча шестерых интеллектуалов была исполнена параноидального величия и граничащего с истерией отчаяния.

Выступление Толли по телевидению имело грандиозный успех. Он захватил с собой в телестудию снимок пятна и, хотя, как он уверял, вовсе не собирался этого делать, показал его после своего соло на барабанах ведущему передачи и соответственно всей зрительской аудитории. В результате на телевидение обрушился шквал писем, телеграмм и телефонных звонков; в частности, одна женщина из городка Смоллхиллз в Арканзасе в своем письме благодарила Толли за то, что он явил ей "чудесный образ Божий". От подобных заявлений делалось как-то не по себе.

Драм-н-дрэг превратился в национальное и даже международное поветрие. Приветствие с притопом и прихлопом стало общепринятым среди быстро растущей армии поклонников Толли и теперь включало в себя мощный хлопок по плечу на слог "бам". (Тут, предварительно отхлебнув виски, в беседу вмешался Гориес Джеймс Макинтош. Он поведал о том, что в его лечебнице происходит то же самое, причем в удар на "бам" вкладывают зачастую всю силу. Пациенты устроили нечто вроде хоровода, так что пришлось применить крутые меры; двоих отправили в изолятор.) Газета "Нью-Йорк таймс" получила сообщение от своего корреспондента в Южной Африке, где говорилось, что полиция разогнала толпу студентов Кейптаунского университета, которые во все горло распевали: "Дум-дамдамдам-дим-драмдом!" Как удалось выяснить корреспонденту, эта фраза представляет собой антирасистский клич на пиджин-африкаанс.

И музыкальная фраза, и большое пятно все чаще попадали в сводки новостей - либо сами по себе, либо в связи с событиями, которые заставляли Саймона и его друзей то усмехаться, то нервно вздрагивать. Жители городка в Индиане не знали, куда деваться от нового развлечения моло-

дежи, получившего название "барабанной субботы". Один телерадиокомментатор заметил, что среди персонала студии последним писком моды считаются так называемые "карточки-кляксы"; носят их в сумочках или нагрудных карманах, чтобы при необходимости можно было легко и быстро достать. Как утверждалось, эти карточки - незаменимое средство в борьбе со скукой, тоской и внезапными приступами гнева. В списке вещей, украденных из частного дома, фигурировала "недавно купленная льняная портьера в разводах"; хозяйка дома заявила, что ей не нужны все остальные вещи, но она умоляет вернуть портьеру, "потому что она успокаивает моего мужа". Студенты поголовно носили пятнистые плащи, притопы и прихлопы стали чем-то вроде церемониального действия на любом драм-н-дрэговом концерте. Английский прелат отслужил службу, предав анафеме "оглушительное американское сумасшествие с его калечением душ". В интервью прессе Сальвадор Дали загадочно обронил: "Время пришло".

Запинаясь и перемежая слова икотой, Горисес Макинтош сообщил о том, что в его лечебнице творится сущий ад. Дважды за прошедшую неделю его выгоняли с работы и с триумфом восстанавливали в должности. В государственной же больнице то запрещали вечеринки с хороводами, то разрешали вновь - по просьбам медицинского персонала. Копии карт ТМВКР оказались в руках практикующих врачей, и те начали применять их взамен электрошоковых процедур и транквилизаторов. Группа прогрессивных психиатров, именовавших себя "младотурками"*, утверждала, что ТМВКР представляет собой наиболее серьезную угрозу классическому психоанализу Фрейда со времен Альфреда Адлера**, и ссылаясь вдобавок на безумные пляски средних веков***. Горисес закончил свой рассказ тем, что боязливо огляделся и прижал к груди бутылку с виски.

Лафкадио Смитс казался встревоженным ничуть не меньше Макинтоша, хотя говорил совсем о другом. Один из его цехов был ограблен, а второй подвергся нападению сатаниста из Гринич Виллидж, который кричал, что пятно, дескать,

* Младотурки - организация турецкой молодежи, выступавшая в начале XX в. за "великую Турцию".

** Адлер Альфред - австрийский психолог, создатель так называемой индивидуальной психологии.

*** Очевидно, имеются в виду средневековые эпидемии чумы.

есть не что иное, как незаконно используемый даосский* волшебный символ темных сил. Кроме того, Лафкадио завалили анонимными письмами с угрозами; он полагал, что это дело рук подпольного наркосиндиката, который считал карточки-кляксы его, Смитса, изобретением и воспринимал их как конкуренцию героину и другим более слабым наркотикам. Зубы Лафкадио выбили дробь, когда Толли сообщил, что его поклонники носят выпускаемые Смитсом галстуки и рубашки в разводах.

Лестер Флеггус известил друзей о том, что номеров дорогого и солидного научного журнала, в которых был напечатан его привлекатель, не найти днем с огнем; экземпляры этого журнала заинтересованные личности похищают из контор и частных домов или попросту выдирают из них страницы с привлекателем.

Из запертого на ключ кабинета Нормана Сейлора на третьем этаже университетского здания исчезли оба фотоснимка большого пятна, а огромная копия его, нарисованная черной водостойкой краской, появилась на дне плавательного бассейна в женском спортзале.

Продолжая обмениваться новостями, шестеро интеллектуалов пришли к единодушному заключению, что глубоко обеспокоены тем, какую власть приобрели над ними музыкальная фраза и пятно краски, а также тем, что ни у кого из них не вышло последовать совету Нормана. Играя в воскресенье в одном баре, Толли зациклился на треклятой фразе на полных десять минут, словно иголка звукоснимателя в канавке грампластинки. Особенно ему не понравилось то, что аудитория как будто и не заметила случившегося. По словам Толли, если бы не лопнула кожа барабана, люди так и сидели б, пока он не скончался бы от изнеможения.

Сам Норман, пытаясь отвлечься шахматами, разгромил своего противника в блице (когда делают ходы, не раздумывая) - и все благодаря тому, что переставлял фигуры в ритме "бум-пампампам...". Должно быть, сказал он, ритм партии задавало ему подсознание: во всяком случае последний ход он сделал на "бом", передвинул пешку, а перед тем, на "бам", провел шах ферзем. Лафкадио, решив приготовить что-нибудь вкусненькое, обнаружил, что смешивает салат в такт все той же мелодии ("... И пусть его

* Даосизм - китайская религиозная система.

мешает безумец, как говорится в старинном испанском рецепте", - закончил он свой рассказ с истерическим смешком.) Лестер Флегиус думал отрешиться от навязчивого мотива в компании спиритуалистки, которую любил на протяжении вот уже десяти лет - причем исключительно платонически. Однако, целомудренно обнимая ее при встрече - единственная вольность, какую они себе позволяли, - он понял вдруг, что выстукивает на ее спинке "бум-пампам-пам...". Фиби вырвалась из его объятий и закатила ему полновесную оплеуху. Сильнее всего ужаснуло Лестера то, что оплеуха изумительно точно совпала по времени с "бам".

Саймон Гру, который всю неделю не покидал студию и лишь слонялся, дрожа с головы до ног, от окна к окну в старом и грязном халате, задремал в кресле и увидел кошмарный сон. Ему приснилось, что он стоит на развалинах Манхэттена, прикованный цепями к каменным обломкам (прежде чем заснуть, он связал себе руки шарфом, чтобы они не слишком сильно дергались), а перед ним бесконечной вереницей проходят люди со всей Земли и распевают ненавистный мотив; а над их головами - "словно на советских парадах", прибавил Саймон - колышутся громадные плакаты с изображением большого черного пятна. А следом ему привиделось, как стартуют с Земли космические корабли, унося заразу к планетам, что обращаются вокруг иных звезд.

Едва Саймон кончил, Гориес Макинтош медленно поднялся на ноги, помахивая в воздухе бутылкой с виски.

- Вот оно! - процедил он сквозь зубы с отвратительной ухмылкой. - Вот что произошло со всеми нами! Мы не в силах изгнать его из мыслей и из мышечной памяти. Психосоматическая зависимость!

Неторопливой походкой он пересек пространство, отделявшее его от сидевшего напротив Лестера.

- Со мной случилось следующее. Ко мне пришел пациент; в глазах его блестели слезы, и он сказал: "Помогите мне, доктор Макинтош". Поскольку заболевание его было очевидным, я не сомневался, что смогу выполнить его просьбу. Я встал из-за стола, подошел к нему, - Гориес остановился рядом с Лестером, держа бутылку над плечом дизайнера, - нагнулся и крикнул ему в ухо: "Бум-пампампам-бим-бам-бом!".

Норман Сейлор решил, что настал его час. Предоставив Лафкадио с Толли успокаивать Гориеса, который, впрочем,

покорно уселся на место, излив, очевидно, в мгновенной вспышке душу - по крайней мере на время, - антрополог вышел в центр круга, образованного креслами друзей. Дымящаяся трубка, твердая линия подбородка, дымчато-серый твидовый костюм - он выглядел весьма внушительно, хотя и прятал за спиной крепко стиснутые руки, в одной из которых держал трубку.

- Ребята, - сказал он решительно, - по большому счету мои изыскания еще не закончены, но то, что я знаю на данный момент, позволяет заявить, что мы имеем дело с первичным символом, то есть с символом, который есть сумма всех символов. В нем заключено все - рождение и смерть, любовь и убийство, божественное подобие и одержимость демонами, словом, вся жизнь, причем до такой степени, что стоит вам только увидеть, услышать или воспроизвести его, как у вас попросту пропадает желание жить дальше.

В студии воцарилась тишина. Пятеро интеллектуалов устали на Нормана, который покачивался с носков на пятки с видом заправского профессора колледжа; однако некоторая напряженность позы свидетельствовала о том, какие он прилагает усилия, чтобы удержать руки в состоянии неподвижности.

- Как я сказал, изыскания мои еще не закончены, но времени продолжать их уже не осталось. Мы должны действовать на основании тех фактов, которые имеются у нас на сегодня. Вкратце суть проблемы состоит в следующем. Во-первых, следует допустить, что человечество обладает коллективным бессознательным, которое уходит на тысячи лет в прошлое, равно как, насколько мне известно, и в будущее. Это коллективное бессознательное можно изобразить как бескрайнее черное пространство, через которое иногда могут с трудом проходить радиосигналы. Во-вторых, следует допустить, что музыкальная фраза и большое пятно были переданы нам по, так сказать, "внутренней радиосвязи" человеком, который жил сто с лишним лет назад. У нас есть все резоны считать этим человеком прямого предка Толли по мужской линии, а именно - его прапрапрапрапрадеда. Он был шаманом. Он жаждал могущества. Он провел жизнь в поисках заклинания, которое подействовал бы на весь мир. Мы вправе заключить, что он в конце концов нашел его, но смерть помешала ему воспользоваться

им или хотя бы воплотить в изображение или звук. Вы только представьте себе его чувства!

- Норм прав, - мрачно кивнул Толли. - Мне говорили, что упрямства и подлости у него было в избытке.

Норман мотнул головой, требуя, чтобы его не прерывали. На лбу его выступили бисеринки пота.

- Мы приняли передачу - в первую очередь, разумеется, Толли, а через него Саймон, - потому что наше ушестеренное восприятие вошло на какой-то миг в контакт с коллективным бессознательным, а еще потому, что "отправитель" страстно желал передать свое знание кому-либо из потомков. Мы не в силах точно определить местопребывание "отправителя". Человек с научным складом ума скажет, пожалуй, что предок Толли есть частичка пространственно-временного континуума, а для религиозного человека он либо в раю, либо в аду.

- Скорее уж последнее, - перебил Толли. - Это место как раз для него.

- Пожалуйста, Толли, не перебивай, - попросил Норман. - Где бы он ни был, мы должны верить, что в природе существует контрзаклинание или негативный символ - Ян, так сказать, для нашего Инь*, - и что предок Толли хочет нам его передать, хочет остановить поток безумия, который с нашей помощью захлестнул мир.

- Тут я с тобой не соглашусь, Норм, - вновь вмешался Толли, отчаянно мотая головой. - Если старикан затеял какую-нибудь пакость, он ни за что не отступится, пока не доведет дело до конца, особенно если знает, что ему можно помешать. Я же говорил: у него в избытке было подлости и...

- Толли, помолчи ради всего святого! В новых условиях характер твоего предка мог измениться, или, быть может, он повинуется каким-то высшим силам. Во всяком случае наша единственная надежда заключается в том, что он обладает контрзаклинанием и пожелает передать его нам. А чтобы передача прошла успешно, нам нужно воссоздать обстановку, которая была в студии во время первого "сеанса связи".

---

* Ян и Инь - в древнекитайской мифологии и натурфилософии светлое и темное начала, практически всегда выступающие в парном сочетании. Ян - мужское начало, небо, солнце; Инь - женское начало, смерть, тьма.

Лицо его исказилось гримасой боли. Разжав руки, он выставил их перед собой. Трубка упала на пол. Несколько секунд Норман смотрел на волдырь от ожога на одной из ладоней, потом снова стиснул руки - Лафкадио изумленно моргнул - и продолжил свой монолог:

- Ребята, действовать надо незамедлительно. Воспользуемся тем, что у нас под рукой. Вы должны беспрекословно меня слушаться. Толли, я знаю, что ты "завязал", но можешь ли ты раздобыть "травки"? Отлично. Нам понадобится ее столько, чтобы хватило на две-три дюжины порций. Гори, будь добр, принеси с собой какой-нибудь гипнотический стишок... Нет, памяти твоей я не доверяю, и потом, могут потребоваться копии. Лестер, Гори не сломал тебе ключицу своей бутылкой? Тогда отправляйся с ним и проследи, чтобы он выпил как можно больше кофе. А на обратном пути купите несколько связок чеснока и дюжину красных железнодорожных фонарей. Да, прихватите еще пару упаковок с монетами. Чуть не забыл: позвони своей спиритуалистке и как хочешь уговори ее присоединиться к нам. Ее талант может нам здорово помочь. Лаф, слетай к себе и тащи сюда фосфоресцирующую краску и черные бархатные портьеры, которые вы с твоим бывшим рыжебородым приятелем - я все про тебя знаю! - использовали, когда изображали из себя чернокнижников. А мы с Саймоном пока обставим студию. Ну что ж...

По лицу его прошла судорога, вены на лбу и жилы на шее чудовищно набухли, руки задрожали мелкой дрожью. То, с чем Норман так долго сражался, постепенно одолевало его.

- Ну что ж... Бум-пампампам-бим-дон *отсюда!*

Через час в студии пахло так, словно в ней развели костер из эвкалиптовых сучьев. Окна были занавешены портьерами с кабалистическими знаками. Свет снаружи, пробивавшийся сквозь портьеры, вкупе с потолочным высвечивал призрачные очертания фигур: Саймона - на подмостках, пятерых других интеллектуалов - в креслах вдоль стены. Все шестеро курили сигареты с "травкой", усердно, втягивая в себя кисловатый дымок. В их опустошенных марихуаной мозгах по-прежнему раздавались последние

строки ригмароля* Гори, прочитанные звучным басом Лестера Флегиуса.

У противоположной стены расположилась в гордом одиночестве Фиби Солтонстолл. Она отказалась от марихуаны, заявив: "Спасибо, я всегда ношу с собой свой собственный пейоти**". Она лежала с закрытыми глазами на трех небольших подушках. Ее плиссированная греческая туника саваном белела в полумраке.

Комнату по периметру опоясывала проведенная на высоте половины человеческого роста тускло светящаяся линия; не считая мест пересечения стен, она описывала еще шесть тупых углов. Норман заявил, что линия эта представляет собой топологический эквивалент пресловутой пентальфы, или магического пятиугольника. Над каждой дверью висели едва различимые связки чеснока; на полу перед дверьми рассыпаны были серебряные монеты.

Норман щелкнул зажигалкой, и к шести рдеющим огонькам сигарет прибавился язычок голубого пламени. С хриплым возгласом "Время близится!" антрополог быстро зажег фитили двенадцати железнодорожных фонарей, которые были укреплены в расстеленном на полу холсте.

В алых отблесках фонарей люди выглядели сущими бестелесами. Фиби пошевелилась и застонала. Сверху, из плотных облаков дыма под потолком, донесся кашель Саймона.

- Вот оно! - воскликнул Норман Сейлор.

Фиби тоненько вскрикнула. Ее спина выгнулась словно от электрошока.

Выражение крайнего изумления и боли появилось на лице Тельяферио Букера Вашингтона, как будто его укололи булавкой или прижгли ему кожу раскаленной кочергой. Решительно взмахнув руками, он отбарабанил на своей африканской деревяшке короткую фразу.

Среди клубов дыма возникла вдруг рука с зажатой в ней восьмидюймовой кистью, с которой сорвался огромный стусок краски. Он шлепнулся на холст со звуком, который был точной копией выбитой Толли фразы.

В студии закипела лихорадочная деятельность. Руки в плотных перчатках выдернули фонари из гнезд и окунули их в заранее приготовленные ведра с водой. Были раздер-

* Ригмароль - здесь гипнотический стих.

** Пейоти - галлюциноген, получаемый из бесшипного кактуса.

нуты портьеры, распахнуты окна и включены два электрических вентилятора. Находившегося в полубморочном состоянии Саймона, который поскользнулся на последней перекладине лесенки и едва не упал, поймали и оттащили к окну. Он без сил рухнул на подоконник, и его вывернуло наизнанку. С Фиби Солтонстолл обошлись вежливее: ее отнесли ко второму окну и положили возле него. Гори проверил ее пульс и успокаивающе кивнул.

Затем пятеро интеллектуалов приступили к рассмотрению холста. Спустя минуту-другую к ним присоединился Саймон.

Ярко-красное пятно разительно отличалось ото всех предыдущих и было точной копией новой музыкальной фразы.

Насмотревшись на кляксу, интеллектуалы занялись ее фотографированием. Действовали они систематически, но без огонька. Если им и случалось взглянуть на холст, они вели себя так, словно не видели, что там изображено. И им вовсе неинтересны были черно-белые снимки нового пятна с засветленным фоном, которые они рассовали по карманам.

Внезапно от окна послышалось шуршанье портьеры. Фиби Солтонстолл, про которую за работой совсем забыли, приняла сидячее положение и огляделась. Во взгляде ее сквозило отвращение.

- Отведите меня домой, Лестер, - проговорила она тихим и ясным голосом.

Толли, который собрался было выйти из студии, остановился на пороге.

- Знаете, - сказал он озадаченно, - никак не могу поверить, что старикан набрался духу сделать то, что сделал. Может, ей известно, что заставило его...

Норман взял Толли за руку и приложил палец к губам. Вместе они вышли из комнаты; Лафкадио, Горисес, Лестер и Фиби последовали их примеру. Все пятеро мужчин наравне с Саймоном выглядели, точно пьяницы после продолжительного запоя, завершившегося приступом белой горячки.

Аналогичный эффект отмечался повсеместно по мере распространения новой музыкальной фразы и нового пятна. Контрзаклинание побеждало на всех фронтах. Всякий, кто видел его или слышал, повторял его один только раз (воспроизводил, показывал - в общем, распространял) и тут же забывал, причем первые фраза и пятно также бесследно

улетучивались из памяти. Чувство принуждения и одержимости исчезало начисто.

Драм-н-дрэг незаметно скончался. Опустились сумочки и карманы, в которых прежде хранились карточки-кляксы; врачи перестали использовать в работе ТМВКР 1 и 2. Больные в психиатрических лечебницах прекратили водить хороводы. Кататоники обрели былую неподвижность. "Младотурки" вернулись к борьбе с применением транквилизаторов. Изменилась мода: на смену плащам в кляксах пришли плащи со спиралевидными полосами зеленого и фиолетового цветов. Сатанисты и воротилы подпольного наркобизнеса могли спать спокойно, ибо им снова угрожали лишь Господь Бог да Министерство финансов. Кейптаун обрел заслуженный покой. Пятнистые рубашки, галстуки, платья, абажуры, обои, льняные портьеры - все это кануло в прошлое. О "барабанных субботах" никто словно и слыхом не слыхивал. Второй привлекатель внимания Лестера Флегиуса не привлек ничего интереса.

Большое полотно Саймона было выставлено в одной из галерей, однако даже критики обошли его молчанием - разумеется, если не считать злопыхательских выпадов вроде "последняя громоздкая работа Саймона Гру вполне соответствует по своей невыразительности той блеклости, которая присуща краскам, пошедшим на ее создание". Посетители галереи бросали на картину изумленный взгляд и проходили дальше - подобное отношение к современной живописи встречается довольно часто.

Равнодушие критиков и публики объяснялось просто. Среди множества одинаковых пятен на картине было одно, ярко-красного цвета, которое на самом деле являлось отрицанием всех символов или, другими словами, пустым символом - точная копия барабанной фразы, которая была отрицанием и завершением печально знаменитого мотива, которая прозвучала в алом полумраке, выбитая пальцами Толли и повторенная плепками краски, сорвавшейся с кисти Саймона; фраза, которая умиротворяла и останавливала что угодно (по понятным причинам она приводится здесь лишь однажды): "бам-пампампам-бом-бах".

Шестеро интеллектуалов сохранили обычай еженедельных встреч. Они вели себя так, словно ничего не произошло; правда, Саймон переменял манеру. Теперь он ползал по холсту с закрытыми глазами и прикладывал к полотну вы-

мазаные краской ладони. Потом на смену ладоням пришли ступни ног. Порой он приглашал друзей принять участие в процессе творения и даже выдавал им сабо, выписанные из Голландии специально для этой цели.

Прошло несколько месяцев. Как-то раз Лестер Флегиус привел с собой гостью - Фиби Солтонстолл.

- Мисс Солтонстолл вернулась из кругосветного путешествия, - объяснил он. - Она рассказала мне, что наш совместный эксперимент серьезно отразился на ее здоровье и ей была рекомендована полная перемена обстановки. К счастью, это все уже в прошлом.

- Да, я абсолютно здорова, - подтвердила Фиби, улыбаясь в ответ на участливые вопросы.

- Кстати, - проговорил Норман, - в тот миг, когда вашему здоровью был нанесен урон, не получили ли вы какого-либо сообщения от предка Толли?

- Получила, - ответила она.

- И чего же старикан вам наговорил? - нетерпеливо справился Толли. - Наверняка всяких гадостей.

- Да, - согласилась Фиби, мило покраснев. - Он был настолько груб, что у меня язык не повернется повторить его слова целиком. Должно быть, дикость его гнева и не- передаваемые видения, в которых выразилась его ярость, так повлияли на мой рассудок, что я заболела.

Она помолчала.

- Я не знаю, откуда он говорил со мной, - сказала она задумчиво. - Мне показалось, что там было тепло, очень тепло, хотя, вполне возможно, на мое восприятие повлиял жар, исходивший от железнодорожных фонарей.

Морщины на ее лбу разгладились.

- Само послание было коротким. Вот оно: "Дорогой потомок, меня заставили положить этому конец. Нас тут начало лихорадить тоже".

ДЫМНЫЙ ПРИЗРАК

Перевод
К. Королева

© перевод на русский язык,
Королев К.М., 1992

Мисс Миллик подивилась тому, что могло случиться с мистером Рэнном. Диктуя, он то и дело отпускал весьма странные замечания. Так, утром он быстро повернулся к ней и спросил:

- Мисс Миллик, вы когда-нибудь видели призраков?

На что она, нервно хихикнув, ответила:

- Когда я была маленькой, то ничуть не сомневалась, что в шкафу в моей спальне живет существо в белых одеждах, которое стонет по ночам. Разумеется, это была лишь детская выдумка. Я была ужасной трусихой.

А он сказал буквально следующее:

- Я имел в виду иных призраков, призраков из современного нам мира - тех, у кого лица запачканы сажей, а сердца стучат подобно паровым молотам, тех, которые обитают на угольных складах и бродят ночами по опустевшим конторам. Одним словом, настоящих призраков, а никак не книжных.

И она не нашлась с ответом.

Раньше он таким не был. Может, он шутит - нет, не похоже. Неужели, подумалось мисс Миллик, он добивается ее внимания? Она знала, что мистер Рэн женат и что у него маленький ребенок, но ведь мечты - личное дело каждого, тем более что они помогали девушке отвлечься. И тут мистер Рэн задал очередной неожиданный вопрос.

- Мисс Миллик, вы не задумывались над тем, как должен выглядеть современный призрак? Попробуйте представить. Лицо с нечеткими, расплывчатыми чертами, в выражении которого смешались воедино голод и затравленность безработного, нервическое беспокойство человека, не имеющего в жизни цели, судорожное напряжение задерганного столичного труженика, опасливый гнев забастовщика, жесткий оппортунизм штрейкбрехера, агрессивное убожество нищего, тщательно скрываемый страх обывателя и несчетное множество других эмоций. И все они находят друг на друга, образуя нечто вроде набора полупрозрачных масок.

Мисс Миллик вздрогнула.

- Ужасно, - проговорила она. - Кошмарное, должно быть, зрелище.

Она испытующе поглядела на шефа. Не сходит ли он с ума? Ей вспомнилось, что она что-то такое слышала об

отклонениях в поведении мистера Рэна, когда тот был еще ребенком, но забыла, что именно. О, были бы у нее силы, она посмеялась бы над его словами или просто осведомилась, что произошло. А так - обхватив поудобнее пальцами зажатые в левой руке карандаши, девушка принялась механически обводить стенографические закорючки в своем блокноте.

- Да, мисс Миллик, именно так должен выглядеть наш призрак или, выражаясь иначе, витализированная проекция, - продолжал мистер Рэн, скупно улыбаясь. - Будучи порождением реального мира, он неминуемо вберет в себя всю его мерзость и порочность, все его сложности и нерешенные проблемы. И он будет грязным, грязным с ног до головы. Мне кажется, в нем не найти белизны или прозрачности; он не любит кладбищ и не стонет. Он лишь бормочет нечто неразборчивое и хватает вас за рукав, точно больная и раздражительная обезьяна. Что ему нужно от человека, мисс Миллик? Жертвы? Поклонения? Или просто страха? И как вы избавитесь от его приставаний?

Мисс Миллик нервно хихикнула. Мистер Рэн стоял у пыльного окна, и она не могла разобратъся в выражении его пухлощекоего лица - обычного лица нормального тридцатилетнего мужчины. Он внимательно разглядывал нависший над городом смог, основным источником которого служили железнодорожные мастерские и металлургические заводы. Когда он заговорил снова, голос его был еле слышен.

- Разумеется, будучи нематериальным, он бессилен причинить вам физический вред. Поначалу бессилен. Нужно обладать особой чувствительностью, чтобы увидеть его или хотя бы осознать его присутствие. Однако со временем он начнет вмешиваться в ваши дела, заставит вас сделать то и не даст сделать этого. Являясь проекцией сознания, он тем не менее постепенно обретет реальность. Он даже может подчинить себе какой-нибудь к тому предрасположенный человеческий мозг. И тогда он окажется в состоянии вредить кому и как угодно.

Мисс Миллик поежилась и принялась просматривать записи, следуя совету, вычитанному ею в одной книге: если в разговоре возникла пауза, займитесь своим делом. В комнате царил полумрак, и девушке подумалось, что хорошо бы мистер Рэн попросил ее включить свет. Кожа у нее зудела и чесалась, словно к ней пристала сажа.

- Наш мир прогнал, мисс Миллик, - заметил мистер Рэн от окна. - И потому суеверия развиваются в нем с новой силой. Призраки, или кто они там, выходят на сцену, обещая эпоху страха. Однако людей им не переплюнуть.

- Но, - диафрагма мисс Миллик конвульсивно сжалась, вынудив девушку бессмысленно хихикнуть, - но ведь призраков не бывает!

Мистер Рэн отвернулся от окна.

- Разумеется, их не бывает, мисс Миллик, - произнес он громко и наставительно, как будто это она завела разговор о призраках. - Их существование опровергнуто наукой, психиатрией и здравым смыслом.

Она наклонила голову и скорее всего покраснела бы, если бы не была так растеряна. Мышцы ее ног распрямились, и она встала, хотя вовсе не собиралась этого делать.

Девушка провела ладонью по краю письменного стола.

- Ой, мистер Рэн, смотрите, что я нашла. - Она показала ему большое пятно на столешнице. В голосе ее слышалось шутливое неодобрение. - Неудивительно, что бумага всегда грязная. Вам надо поговорить с уборщицами. Они убирают у вас кое-как.

Она ждала ответной шутки. Но шеф отступил на шаг, и лицо его затвердело.

- Вернемся к вопросу о почтовых привилегиях второго уровня, - бросил он и возобновил диктовку.

Когда секретарша ушла, он вскочил, потер пальцем пятно на столешнице, посмотрел на черный след на коже и озабоченно нахмурился. Выдвинув ящик, он извлек оттуда тряпку, торопливо вытер стол, скомкал тряпку и швырнул обратно. Кстати сказать, в ящике уже валялись три или четыре измазанных сажей тряпки. Затем он подошел к окну и стал вглядываться в надвигающиеся сумерки, задерживая взгляд на дымовых трубах и цистернах для воды.

- Типичный невроз, да еще с галлюцинациями, - бормотал он себе под нос; его усталый, выхолощенный голос заставил бы мисс Миллик вздрогнуть. - Все то же проклятое душевное расстройство, только в новой форме. Иного объяснения и быть не может. Но до чего же реально! Даже сажа как настоящая. Нет, надо показаться психиатру. Вряд ли я сегодня смогу войти в фуникулер...

Его голос оборвался. Он потер глаза, и на него нахлынули воспоминания.

Все началось как раз с фуникулера. Он привык к тому, что, когда до отказа набитый вагончик делает поворот, взору открывается мир крыш - тусклый и печальный мирок толя, просмоленного галечника и задымленного кирпича. Проржавевшие оловянные трубы со странными, конической формы шляпками напоминали заброшенные посты подслушивания. В целом эти крыши ничем не отличались от десяти тысяч других однообразных городских крыш. Однако он всегда видел их в подступающих сумерках: то ли в призрачном полумраке, то ли обгаренными грязно-алыми отблесками заката, то ли наполовину скрытыми за пеленой дождя, то ли испещренными черноватым снегом. Они представлялись ему необычно унылыми, едва ли не прекрасными в своем уродстве, но отнюдь не живописными, кошмарными и вместе с тем наводящими на мысли о высоком. И подсознательно они начали символизировать для Кейтсби Рэна известные стороны того века страхов и несбывшихся надежд, в котором ему привелось жить, безумного века ненависти, тяжелой промышленности и мировых войн. Ежедневный осмотр крыш стал неотъемлемой частью его жизни. Разглядывал он их лишь под вечер, ибо утром, по дороге на работу, обычно садился на другую сторону и тут же с головой погружался в чтение газеты.

Как-то вечером - дело было поздней осенью - он заметил на третьей от эстакады крыше черный бесформенный мешок. Не то чтобы он задумался над этим; факт просто отложился в его памяти. На следующий день он обнаружил, что допустил неточность: мешок лежал на крыше ближе к эстакаде, чем ему показалось накануне. Внешний вид мешка, его цвет и грязные пятна вокруг говорили о том, что, как ни странно, он набит угольной пылью. Правда, его прижало ветром к ржавому вентилятору; значит, внутри не угольная пыль, а что-то еще - быть может, палые листья. Кейтсби слегка удивился, осознав, что ожидает следующего взгляда на таинственный мешок с некоторой тревогой. Мешок внушал ему подозрения, особенно когда он вспоминал выпуклость с одного его бока, которая создавала впечатление, будто из-за вентилятора выглядывает неправильной формы голова. Опасения Рэна оказались не напрасными: на третий вечер мешок переместился на ближайшую к эстакаде крышу. Он лежал на дальней ее стороне, словно только что перевалился через низкий кирпичный парапет.

Потом он исчез. Кейтсби встревожило испытанное им чувство облегчения, ибо дело представлялось слишком незначительным, чтобы хоть сколько-нибудь из-за него переживать. Подумаешь, эка невидаль причуды воображения! Ну, привиделось ему, что какой-то предмет подползает по крышам к эстакаде, ну и что? Обычные шуточки воображения. Так думал Кейтсби, стараясь не вспоминать о том, что его воображение никак нельзя назвать обычным. Всю дорогу от станции до дома он размышлял о том, куда мог подеваться мешок. Ему лишь показалось или на самом деле к ближнему, обнесенному парапетом краю крыши тянулся едва заметный грязный след? На мгновение перед мысленным взором Рэна возникла малоприятная картина: черное горбатое существо, притаившееся в засаде за парапетом. Он поспешно выбросил эти мысли из головы.

Следующим вечером, почувствовав, как вагончик притормаживает перед поворотом, он было решил не смотреть на крыши, но возмущился собственному малодушию и кинул быстрый взгляд за окно. Когда он повернулся обратно, лицо его было блее мела. Времени взглянуть как следует не хватило, и потому он не был уверен, действительно ли заметил очертания головы над парапетом. Ерунда, сказал он себе. Даже если там и вправду что-то было, этому наверняка существует разумное объяснение, и нет никакой необходимости рассуждать о галлюцинациях или о сверхъестественном. Завтра он постарается присмотреться повнимательнее, и все, без сомнения, выяснится. Если понадобится, он сам заберется на ту крышу - хотя он не имел представления, где ее искать, и вовсе не желал потворствовать глупым страхам.

Шагая от станции к дому, он всю дорогу нервничал. Ночью ему снились кошмары; мысль о таинственном мешке не исчезла и с пробуждением и продолжала преследовать его целый день. Именно тогда он начал отпускать якобы шуточные замечания относительно природы сверхъестественных сил, которые так ошеломили мисс Миллик. Еще в тот день он понял, что терпеть не может грязи и сажу. Чего бы он ни касался, все представлялось ему донельзя грязным; он обнаружил вдруг, что протирает свой письменный стол с настойчивостью старой дамы, которая преисполнена страха перед микробами. Ему подумалось, что дело не в том, что его кабинет внезапно превратился в свинарник; нет, грязь

всегда была тут, просто раньше он не обращал на нее внимания. Однако нервозность его все возрастала. Задолго до того, как вагончик приблизился к повороту, он стал всматриваться в полумрак, твердо решив не упустить ни единой детали.

Должно быть, он вскрикнул - сидевший рядом мужчина с любопытством поглядел на него, а женщина впереди обернулась и окинула суровым взглядом. Сознывая, что бледен как смерть, и не в силах унять дрожь, он вызывающе посмотрел на них, стараясь обрести вновь начисто утерянное чувство безопасности. Они были ничем не примечательными людьми, обычными попутчиками с безликими физиономиями. Но что произойдет, если он поделится с кем-нибудь из них увиденным? Одутловатое, перекошенное тряпичное лицо, покрытое слоем угольной пыли, вялые движения пухлой руки, которые явно имели целью привлечь его внимание, которые словно напоминали ему о будущей встрече... Рэн невольно покрепче зажмурил глаза. Мысленно он уже перенесся в завтрашний вечер. Он вообразил себе, как движется по эстакаде вагончик, освещенный изнутри и битком набитый пассажирами, как с крыши здания прыгает к нему призракное чудовище, как прижимается к окошку, оставляя на нем пятна мокрой угольной пыли, ужасное лицо, как скребут по стеклу огромные когти...

Кое-как Рэну удалось отвертеться от встревоженных распросов жены. Утром он переборол себя и записался на вечер на прием к психиатру, которого рекомендовал ему один из друзей. Принять это решение было нелегко, ибо Кейтсби питал вполне обоснованное отвращение ко всякого рода психическим отклонениям, тем более что посещение психиатра напоминало об эпизоде в прошлом, который он предпочитал не обсуждать даже с женой. Однако решившись на подобный шаг, Рэн почувствовал облегчение. Психиатр, сказал он себе, наверняка мне поможет. Он словно наяву услышал слова врача: "Ничего особенного, всего лишь нервное расстройство. Но на всякий случай обратитесь к окулисту - вот вам его адрес; а еще я выпишу вам таблетки, которые следует принимать по две штуки каждые четыре часа, запивая водой". Кейтсби немного успокоился, и предстоящая беседа с психиатром почти перестала его пугать.

Но с наступлением дымных сумерек нервозность возвратилась к нему, и он изводил мисс Миллик загадочными

фразами до тех пор, пока не сообразил, что наводит страх только на самого себя.

Настороженно поглядывая на массивные и мрачные силуэты административных зданий в центральной части города, он подумал, что надо бы держать воображение в узде. Весь день напролет он занимался тем, что создавал неосредневековую космологию суеверий! Нет, так не годится. Внезапно он понял, что простоял у окна гораздо дольше, чем ему казалось: стеклянная дверь в его кабинет была темной и из-за нее не доносилось ни звука. Должно быть, мисс Миллик и все остальные давно разошлись по домам.

И тут выяснилось, что Рэну не нужно этим вечером опасаться поворота эстакады. Открытие ужаснуло его, ибо сопровождалось кошмарным зрелищем: на крыше дома напротив, четырьмя этажами ниже его окна, он увидел то самое существо. Оно проползло по галечнику и, мельком поглядев на Кейтсби, растворилось в темноте.

Торопливо собравшись, он направился к лифту, изо всех сил пытаясь не поддаться панике и не побежать. Галлюцинации и психоз средней тяжести начали представляться ему не таким уж страшным диагнозом. Психиатр оставался его последней надеждой.

- Значит, вам кажется, что вы становитесь все более нервным и... как вы изволили выразиться... психованным, - заключил доктор Триввик. На его губах играла самодовольная улыбка. - Заметили ли вы какие-либо симптомы? Головные и прочие боли? Расстройство желудка?

Кейтсби покачал головой и провел языком по губам.

- Сильнее всего я нервничаю, когда еду на фуникулере, - пробормотал он.

- Понятно. Это мы еще обсудим. Но сначала расскажите мне, что такое произошло с вами в детстве. Вы упомянули, что, быть может, именно там кроются истоки вашего невроза. Как вам известно, ранние годы жизни являются критическими для формирования манеры поведения индивида.

Кейтсби внимательно изучал желтые отражения ламп на темной полированной поверхности стола. Левая его рука машинально поглаживала густой ворс обивки на ручке кресла. После недолгой паузы он поднял голову и взглянул в карие глаза-щелочки Триввика.

- Пожалуй, с трех до девяти лет, - заговорил он, тща-

тельно подбирая слова, - я был, если здесь можно употребить это слово, экстрасенсом.

Выражение лица доктора не изменилось.

- Да? - спросил он вежливо.

- Иными словами, мне приписывали способность видеть сквозь стены, читать письма, не распечатывая конвертов, и книги, не раскрывая их, фехтовать и играть в пинг-понг с завязанными глазами, находить потерянные вещи и читать мысли, - произнес Кейтсби на одном дыхании.

- Вы в самом деле могли все это? - совершенно безразлично справился доктор.

- Не знаю. Вряд ли, - отозвался Кейтсби; давние воспоминания придали живости его голосу. - Многие подзабылось. По-моему, что-то я и вправду мог, но они вечно подзуживали меня. Моя мать, она... ну, интересовалась что ли психическими феноменами. Меня, так сказать, выставляли напоказ. Вроде бы я видел то, что недоступно было никому другому; под моим взглядом самые непроницаемые предметы словно становились прозрачными. Но я был совсем маленьким и потому не в состоянии был оценить свои способности с точки зрения науки.

Рэну вспомнились темные комнаты, серьезные и любопытные лица взрослых. Он сидит в одиночестве на деревянном стуле с прямой спинкой, который установлен на небольшом возвышении. Его глаза завязаны черным шелковым платком. Настойчивые, настырные вопросы матери. Шепот, судорожные вздохи изумления. Его ненависть к происходящему, разбавленная стремлением скорее стать взрослым. Затем - ученые из университета, эксперименты, контрольный экзамен... Воспоминания захватили Рэна, и на мгновение он забыл причину, по которой делится ими с посторонним человеком.

- Если я понял, ваша мать пыталась использовать вас в качестве медиума для общения с... э-э... иными мирами?

- Да, пыталась, но у нее ничего не вышло. В общении с мертвецами от меня не было никакого проку. Все, что я мог - вернее, все, что мне казалось, что я мог, - это видеть реально существующие трехмерные предметы в ином, чем другие люди, ракурсе. Я видел то, что другим мешали увидеть расстояние, темнота или препятствия. Мать постоянно разочаровывалась во мне.

Он вновь услышал ее ласковый, убеждающий голос:

"Попробуй еще разок, милый. Кэти была твоей тетушкой. Она любила тебя. Попробуй услышать, что она говорит...". А он отвечал: "Я вижу женщину в голубом платье. Она стоит с другой стороны дома, где живет Дик". Мать продолжала уговаривать: "Конечно, милый, конечно. Чо это не Кэти. Кэти теперь дух. Попробуй снова. Ну, еще разок, для мамы".

Голос доктора вернул его в ярко освещенный кабинет.

- Вы говорили о научной точке зрения, мистер Рэн. Попытался ли кто-нибудь исследовать ваши способности?

Кейтсби оживленно закивал головой.

- Да. Когда мне исполнилось восемь лет, мною заинтересовались двое молодых психологов из университета. Поначалу они отнеслись ко мне с недоверием, и, помню, я вознамерился доказать им, что они ошибаются. Даже теперь я отчетливо припоминаю, как исчезли из их голосов нотки вежливого высокомерия и сарказма. Наверно, они заподозрили обман и потому добились у моей матери позволения проверить мои способности в заданных условиях. Они подвергли меня множеству тестов, которые произвели на меня большое впечатление, особенно на фоне кустарных спиритических сеансов матушки. В итоге выяснилось, что я - ясновидящий; по крайней мере таково было их заключение. Они ставили на мне эксперимент за экспериментом и собирались продемонстрировать мои способности экстрасенса на собрании психологического факультета. Тогда-то впервые в жизни я забеспокоился, а получится ли у меня. Не знаю, быть может, они слишком многого от меня требовали, но, как бы то ни было, когда пришла пора экзамена, у меня ничего не получилось. Все вдруг утратило прежнюю прозрачность. В отчаянии я начал придумывать и лгать и, в конце концов, с треском провалился. Экспериментаторам моим тоже, надо полагать, здорово досталось.

Ему вновь послышался резкий голос бородатого мужчины - одного из присутствовавших на собрании: "Вас провели, Флаксмен. Вас одурачил ребенок. Меня очень беспокоит то, что вы вели себя как самые обыкновенные шарлатаны. Господа, я настоятельно прошу вас забыть об этом огорчительном эпизоде. О нем никто не должен узнать". Вспомнив испытанное им чувство вины, Рэн моргнул. Однако в то же время он ощутил прилив бодрости и неожиданную легкость на душе. Высвобождение долго подавлявшихся воспомина-

ний изменило его восприятие. Происшествие на эстакаде фуникулера начало обретать свою, судя по всему, истинную природу, превращаясь постепенно в причудливые галлюцинации, вызванные нервной усталостью и чрезмерной внушаемостью рассудка. Врач, подумалось Рэню, без сомнения, разберется в запутанных подсознательных причинах, каковы бы они ни были. Он быстро покончит с болезнью Кейтсби, как покончил с его детскими переживаниями, которые теперь представлялись довольно нелепыми.

- С того дня, - продолжал рассказ Рэн, - я бросил демонстрировать якобы имеющиеся у меня способности. Матушка попыталась было возбудить против университета дело. Со мной случился нервный срыв, затем мои родители развелись, и по решению суда я остался с отцом. Он делал все, чтобы я забыл о той поре. Мы много путешествовали, занимались физкультурой и общались с нормальными, душевно здоровыми людьми. Со временем я поступил в бизнес-колледж, окончил его и работаю в рекламном агентстве. Однако, - Кейтсби помолчал, - когда появились все эти симптомы, я призадумался, нет ли здесь связи. Вопрос не в том, был ли я в самом деле ясновидящим. Скорее всего я подсознательно усвоил наставления матушки - да так хорошо, что сумел обмануть даже тех молодых психологов. Но не кажется ли вам, что мое нынешнее состояние может отчасти объясняться тревожениями детства?

Несколько секунд доктор молча разглядывал Рэна с профессиональной гримасой легкого недовольства.

- А нет ли между вашими тогдашними и нынешними переживаниями более... э... тесной связи? Не обнаружили ли вы, что снова начали... э... видеть? - спросил он.

Кейтсби слотнул. Он ощущал нарастающее желание выговориться, но начать было трудно; к тому же его смутила пронизательность доктора. Он заставил себя собраться с мыслями. Виденное на крыше существо замаячило перед его мысленным взором с пугающей реальностью. Но слова не шли на язык.

Вдруг он заметил, что врач глядит куда-то ему за плечо. С лица Триввика исчезла всякая краска, а глаза-щелочки широко раскрылись. Доктор вскочил, подбежал к окну, распахнул его и высунулся наружу.

Кейтсби поднялся. Доктор захлопнул окно и проговорил, слегка задышавшись:

- Надеюсь, я не обеспокоил вас. Я увидел лицо... э... воришки-негра; он стоял на пожарной лестнице. Должно быть, я напугал его, ибо он моментально удрал. В общем обычная история. Докторам частенько докучают такие *voeuurs**... Вроде любопытного Тома**.

- Негр? - переспросил Кейтсби, облизывая губы.

Доктор нервически рассмеялся.

- Наверно, хотя сперва мне почудилось, что это белый в черной маске. Понимаете, в лице не было ни капельки коричневого. Оно было абсолютно черным.

Кейтсби приблизился к окну. На стекле виднелись грязные пятна.

- Все в порядке, мистер Рэн. - В голосе врача слышалось нетерпение, словно он изо всех сил старался обрести профессиональное спокойствие. - Вернемся к нашему разговору. Я спрашивал вас, не начали ли вы, - он скривил губы, - снова видеть то, чего не видят другие.

Ураган мыслей в мозгу Рэна утих.

- Нет, ничего подобного со мной не произошло. Знаете, пожалуй, я пойду. Я отнял у вас слишком много времени.

Доктор сделал попытку остановить его, но Кейтсби не обратил на жест Триввика никакого внимания.

- Я позвоню вам, когда узнаю результаты обследования. Откровенно говоря, вы сняли тяжкий груз с моих плеч. - Он натянуто улыбнулся. - Доброй ночи, доктор Триввик.

Душевное состояние Кейтсби Рэна никак нельзя было назвать обычным. Он присматривался к каждой тени, вглядывался в переулки и подвальные окна домов, то и дело бросал косые взгляды на изломанную линию крыш, но едва ли сознавал при этом, куда направляется. Он шел, куда несли ноги, отгоняя одолевавшие его мысли. Свернув на освещенную фонарями улицу, где было много людей, высотных зданий и сверкающих реклам, он почувствовал себя в относительной безопасности. А спустя какое-то время обнаружил, что стоит в полутемном холле здания, где на одном из этажей помещалось его агентство. И тут он сообщил, что не может идти домой, не может допустить, чтобы

* Любители подглядывать (франц.).

** Любопытный Том - персонаж средневековой английской легенды о леди Годиве, который пытался подглядывать за ней и в наказание ослеп.
- Прим. перев.

его жена и ребенок увидели то же самое, что привелось лицезреть доктору Триввику.

- Приветствую вас, мистер Рэн, - сказал ночной лифтер, коренастый мужчина в голубом комбинезоне, отодвигая респетчатую дверь и пропуская его в старомодную кабину. - Я и не знал, что вы теперь работаете по ночам.

Кейтсби машинально вошел в лифт.

- Куча дел, - пробормотал он. - Надо их поскорее закончить.

Скрипнув, кабина остановилась на верхнем этаже.

- Вы надолго, мистер Рэн?

Он с отсутствующим видом кивнул. Кабина лифта ушла вниз. Рэн нащупал в кармане ключи, торопливо миновал комнату сотрудников и вошел в свой кабинет. Его рука потянулась было к выключателю, но задержалась на полпути; Кейтсби подумал, что два освещенных окна на фоне погруженного во мрак здания яснее ясного укажут его местонахождение тому, что ползает по стенам и прижимается к стеклам. Поэтому он пододвинул кресло к стене и уселся в него, не сняв плаща, - лицом к окну.

Долгое время он сидел без движения, прислушиваясь к звуку собственного дыхания и к шумам с улицы, - металлическому скрежету трамвая, отдаленному громоханию фуникулера, слабым крикам и еле слышным гудкам. Ему вспомнилась шутка, которую он позволил себе в разговоре с мисс Миллик, и она показалась ему горькой правдой. Он сознавал, что не в состоянии мыслить связно и критично, но мысли словно по своей воле приходили ему в голову и располагались в мозгу, и в их движении было что-то от неумолимости обращения планет.

Постепенно представление о мире в его мозгу изменилось. Это был уже не мир материальных атомов и свободного пространства, а мир, в котором существовали и перемещались, повинаясь своим непонятным законам и непредсказуемым импульсам, бестелесные сущности. Новая мысленная картина мира высветила с ужасающей четкостью общие проблемы, которые всегда приводили Кейтсби в замешательство и тревожили его и от которых он старался спрятаться: неизбежность ненависти и войны, дьявольские машины, которые извратили лучшие человеческие побуждения, стены своенравного непонимания, что разделяют людей, вечная жизнь жестокости, невежества и жадности. Они выглядели

теперь необходимыми составными частями картины, а суеверие превратилось в подобие мудрости.

Затем он вернулся мыслями к себе и припомнил вопрос, заданный им мисс Миллик: "Что ему нужно от человека? Жертвы? Поклонения? Или просто страха? И как вы избежите от его приставаний?". К сожалению, этот вопрос перестал быть чисто риторическим.

Оглушительно зазвонил телефон. Рэн снял трубку.

- Кейт, я тебя обыскала, - взволнованно проговорила жена. - Никак не предполагала, что ты на работе. Что ты там делаешь? Мне не по себе.

Он пробормотал что-то насчет дел.

- Ты скоро приедешь? - спросила жена. - Мне беспокойно. Ронни чем-то напуган и боится засыпать. Представляешь, он показывает на окно и все твердит: "Черный дядя, черный дядя". Видно, ему приснилось что-то нехорошее. Мне страшно, Кейт. Приезжай. Ты меня слышишь?

- Да. Сейчас выхожу, - ответил он, встал, захлопнул за собой дверь, нажал на кнопку лифта и взглянул в шахту.

Призрак глядел на него из теней тремя этажами ниже, прижавшись тряпичным лицом к железной решетке. Завидев Рэна, он начал подниматься; движения его были странно неуклюжими, но быстрыми. За площадку до Кейтсби он на мгновение исчез.

Вспомнив, что не закрыл свой кабинет на ключ, Рэн бросился туда, запер за собой дверь и отступил к противоположной стене, вжавшись в простенок между каталожными шкафами. Зубы его выбивали дробь. Он услышал скрип поднимающегося лифта. За матовым стеклом двери возник чей-то темный силуэт, частично скрыв собой причудливо выглядевшее с изнанки написанное на двери название агентства. Затем дверь открылась.

Вспыхнула большая круглая лампа под потолком, и Кейтсби увидел, что на пороге, держа руку на выключателе, стоит мисс Миллик.

- Ой, мистер Рэн, - пробормотала она с глупым видом, - я не знала, что вы тут. Кино кончилось, и я пришла, чтобы кое-что допечатать. Я не... но свет не горел! Что вы...

Он глядел на нее во все глаза. Ему хотелось закричать, схватить ее в объятия и говорить, говорить. Он понял, что ухмыляется самым дурацким образом.

- Ой, мистер Рэн, что с вами? - спросила она встрево-

женно, оборвав глупый смешок. - Вы больны? Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Мотнув головой, он выговорил:

- Нет, спасибо, я уже ухожу. Мне тоже надо было кое-что доделать.

- Но вы плохо выглядите, - сказала секретарша, делая шаг к нему. Он подумал, что она, должно быть, наступила где-то на улице в грязь - ее туфли на высоких каблуках оставляли черные следы.

- Нет, вам и в самом деле плохо. Вы такой бледный! - верещала она точь-в-точь как полная энтузиазма, но отнюдь не опыта медсестра. Внезапно лицо ее просветлело. - У меня в сумочке есть то, что непременно вам поможет. Это средство от расстройства пищеварения.

Она принялась шарить в своей раздутой прямоугольной сумке. Рэн заметил, что, открывая сумку одной рукой, девушка машинально закрывает ее другой. Внезапно прямо у него на глазах мисс Миллик разогнула толстую металлическую застежку сумочки, словно та была из станиоли, словно ее пальцы превратились в стальные клещи.

Память немедленно и услужливо подсказала ему слова, с которыми он обращался к мисс Миллик днем. "... он бессилен причинить вам физический вред. Поначалу бессилен... Однако со временем он начнет вмешиваться в ваши дела, овладеет доступным ему сознанием. И тогда он окажется в состоянии вредить кому и как угодно". Холодный страх сжал ему сердце. Он крадучись шагнул к двери.

Но мисс Миллик опередила его.

- Не ждите, Фред, - крикнула она. - Мистер Рэн решил еще немного задержаться.

Дверь кабины с грохотом захлопнулась. Лифт скрипнул. Стоя на пороге, девушка обернулась к Кейтсби.

- О, мистер Рэн, - проворковала она, - я просто не могу сейчас отпустить вас домой. Я убеждена, что вы сильно нездоровы. Вы ведь можете упасть в обморок на улице! Посидите здесь, пока не почувствуете себя лучше.

Скрипенье лифта стихло. Рэн застыл посреди кабинета. Следуя за цепочкой следов мисс Миллик, его взгляд добрался и до нее самой, преграждающей выход. Зародившийся внутри него вопль рвался наружу.

- О, мистер Рэн, - продолжала секретарша, - вы ведете

себя так, словно у вас помешательство. Полежите, отдохните. Давайте я помогу вам снять плащ.

Накативший на Кейтсби страх был куда сильнее испытанного им прежде. Когда девушка сделала шаг к нему, он повернулся и бросился в кладовку. Там находилась вторая дверь в коридор.

- О, мистер Рэн, - услышал он, возясь с замком, - у вас наверняка припадок. Вы должны позволить мне помочь вам.

Дверь наконец распахнулась. Он вылетел в коридор и сломя голову понесся вверх по лестнице. Лишь оказавшись наверху, он сообразил, что стоит перед тяжелой стальной дверью на крышу. Он откинул щеколду.

- О, мистер Рэн, не убегайте. Я иду за вами.

Под ногами Кейтсби захрустел гравий. Облака на темном ночном небе едва приметно розовели в сверкании неоновых рекламных надписей. Из далекой фабричной трубы вырвался призрачный язык пламени. Рэн подбежал к парапету. От сияния уличных фонарей у него закружилась голова. Двое шедших по тротуару людей казались черными кляксами на сером асфальте. Кейтсби обернулся.

Существо стояло в дверном проеме. Из голоса его начисто исчезла озабоченность. Оно заговорило с наигранной веселостью, заканчивая каждое предложение нелепым смешком.

- Ой, мистер Рэн, зачем вы забрались сюда? Мы совсем одни. Я ведь могу столкнуть вас вниз.

Существо шагнуло к нему. Он отступал до тех пор, пока не ударился пяткой о низкий парапет. Не сознавая ни что, ни почему он это делает, Рэн упал на колени. К нему приближалось лицо, в которое он не смел взглянуть, лицо, на котором отразилась вся злоба, все грехи мира. Страх разрушил барьер в мозгу, и губы Рэна шевельнулись:

- Я повинуюсь тебе. Ты мой бог. Ты властвуешь над человеком, его животными и машинами. Ты правишь моим городом и всеми другими поселениями. Я признаю тебя.

Очередной смешок, еще ближе.

- О, мистер Рэн, раньше вы говорили по-другому. Вы и в самом деле так думаете?

- Мир в твоей власти, и ты волен поступать с ним, как пожелаешь, сохранить или уничтожить, - ответил Кейтсби раболопно. Слова как будто сами собой выстраивались в торжественные, литургические конструкции. - Я признаю

это. Я буду поклоняться тебе и приносить тебе жертвы. В дыму, саже и пламени я буду вечно славословить тебя.

Ответа не последовало. Он поднял голову. Смертельно бледная мисс Миллик пьяно раскачивалась из стороны в сторону. Глаза ее были закрыты. Девушка пошатнулась, и Рэн подхватил ее. Колени его подломились, и они вдвоем рухнули на крышу.

Через некоторое время девушка зашевелилась, забормотала что-то, глаза ее приоткрылись.

- Пошли вниз, - выговорил он, пытаясь поставить ее на ноги. - Вам нехорошо.

- У меня ужасно кружится голова, - прошептала она. - Видно, со мной случился обморок. Мне приходится недоедать, и потом, я так сильно нервничала в последнее время, из-за войны и всего прочего. Ой, мы на крыше! Это вы вынесли меня на свежий воздух? Или я пришла сама, не соображая, что делаю? Какая я глупая! Мама рассказывала мне, что в детстве я частенько ходила во сне.

Кейтсби повел девушку вниз. Она поглядела на него.

- Ой, мистер Рэн, - проговорила она, - у вас на лбу большое грязное пятно. Позвольте, я его вытру.

Мисс Миллик вытерла ему лоб своим носовым платком. Внезапно она покачнулась. Кейтсби поддержал ее.

- Я в порядке, - сказала она. - Правда, мне очень холодно. Что случилось, мистер Рэн? У меня что, был приступ слабости?

Он подтвердил ее предположение.

Позднее, по пути домой, сидя в пустом вагончике, он размышлял о том, как долго может чувствовать себя в безопасности. Вопрос был чисто практический. Природное чутье подсказывало ему, что на какое-то время тварь оставила его в покое. Но потребует ли она большего, когда вернется? Посмотрим. Надо только не угодить в психиатрическую лечебницу. Ему следует вести себя крайне осторожно, потому что дело касается не только его, но и Хелен с Ронни. Он задумался над тем, сколько еще мужчин и женщин видели подобных тварей.

Вагончик притормозил и знакомо задержался. Кейтсби взглянул на крыши у поворота эстакады. Они выглядели совершенно обычно, словно то, что выделяло их из общего ряда, на время пропало.

И ТОГДА ДЖО БРОСИЛ КОСТИ...

Перевод
К. Кузнецова

© перевод на русский язык,
Кузнецов К.Э., 1992

Джо Слаттермил вдруг понял, если он тотчас же, сию минуту не выйдет из дома, что-то изнутри разнесет его голову на части и осколки черепа шrapнелю сметут все то, что еще как-то держало его разваливающееся жилище - карточный домик из больших листов фанеры, пластика и картона, посреди которого на удивление ослpвательно и твердо возвышалась печь с очагом, духовками и дымоходом. Она доходила Джо до подбородка, была по меньшей мере вдвое длиннее, а ревущее пламя заполняло ее очаг от края до края. Над очагом ряд печных заслонок прикрывал духовки - Жена Джо занималась выпечкой хлеба, и это отчасти пополняло их доход. Выше, так, чтобы Матери не дотянуться, а Мистеру Пузану уже не допрыгнуть, висела длинная, во всю стену, полка с семейными реликвиями. Но все, что было на ней не из камня, стекла или фарфора, давно усохло от жара и походило то ли на мячи для гольфа, то ли на высушенные человечесьи головы. С краю сгрудились плоские бутылки из-под джина, выпитого Женой. Совсем под потолком красовалась старая цветная репродукция. Она висела так высоко и была покрыта таким слоем сажи и копоти, что за ними в каком-то сигарообразном силуэте с трудом угадывались то ли горбатое китобойное судно, врезавшееся в штормовую волну, то ли космический корабль в облаке пронизанной солнечным светом космической пыли.

Не успел Джо втиснуть ступни в башмаки, как его Мать поняла, куда он настроился.

- Не иначе, баклуши бить собрался, - пробормотала она осуждающе. - Полные карманы монет, там ведь и на хозяйство тоже - нет, чтоб истратить на что-то путное...

И она снова принялась жевать индюшатину, правой рукой отщипывая от тушки в раскаленной жаровне волокнистые ломтики, а левой прикрывая еду от не сводившего с нее желтых глаз Мистера Пузана - кота со впалыми боками и нервно подрагивающим драным хвостом. В своем застиранном платье цвета подгоревшей индейки Мать Джо напоминала продавленный коричневый портфель, а ее пальцы походили на уловатые сучья.

Жена Джо, возвышавшаяся возле печи, скорее всего подумала то же самое, ибо криво улынулась через плечо,

и, прежде чем она закрыла заслонку, Джо успел заметить два длинных, тонких батона и пышный круглый каравай. Жена была тощей как смерть и болезненно куталась в фиолетовую шаль. Не глядя, она протянула костлявую, в ярд длиной руку к ближайшей бутылке с джином, сделала изрядный глоток и снова ухмыльнулась. Джо понял ее без слов: пойдешь и будешь играть, напьешься и свалишься в канаву, притащишься домой и поколотишь меня, а тогда угодишь в кутузку. Память высветила, как последний раз он сидел в грязной камере и она пришла к нему - в лунном свете он видел желто-зеленые синяки, которыми украсил ее впалое лицо - и как, пошептавшись с ним через крохотное заднее оконце, просунула ему между прутьев полпинты.

Джо и сам знал наверняка, что на этот раз будет все то же самое - если не хуже, - но тем не менее встал, в его глубоких карманах глухо звякнуло, и шагнул прямо к двери.

- Пожалуй-ка схожу я на горку, разомну-ка кости, туда и обратно, - пробормотал он, покрутив при этом узловатыми, согнутыми в локтях руками на манер велосипедных педалей, показывая, что он вроде бы пошутил.

Он вышел, помедлив сразу прикрыть за собой дверь, а когда захлопнул ее, почувствовал себя глубоко несчастным. В былые годы Мистер Пузан выскочил бы следом - затеять драку с котами или поглазеть на кошек, что сидят на заборах и крышах. А теперь вот предпочел остаться дома, чтобы шипеть у огня, таскать индюшатину и увертываться от метлы, ссориться и мириться с женщинами. Никто не последовал за ним, слышались лишь чавканье и прерывистое дыхание Матери, звон опустевшей бутылки, возвращаемой на полку, да скрип половиц у него под ногами.

Из бездонной глубины опрокинутой ночи светили морозные звезды. Некоторые, похоже, двигались, отмечая раскаленными добела ракетными двигателями пути космических кораблей. А раскинувшийся внизу городок Айронмайн выглядел так, будто все его огни разом задули и он улегся спать, предоставив свои улицы и площади невидимым призракам и ветру.

Джо по-прежнему был окутан пыльно-сухим ароматом высушенного до звона дерева за спиной, ощущая и слыша прикосновение к ногам ломких от дневного зноя трав. Ему пришлось в голову, что где-то там, глубоко внутри него, Джо, кто-то долгие годы устраивал все таким образом, чтобы и

он сам, и его дом, и Жена, и Мать, и Мистер Пузан подошли к своему концу все вместе. И как это все до сих пор не сгорело как спичка от кухонного жара - истинная загадка природы... Джо привычно ссутулился и зашагал, но не вверх, в гору, а вниз, по грязной дороге вдоль заброшенного Кипарисового кладбища в Ночной Город.

Ветер был легкий, но как-то необычно переменчивый и неутомонный, словно им забавлялись гномы. Он с шумом раскачивал чахлые деревья за смутно белеющей в свете звезд подвыпившей кладбищенской оградой, и казалось, что кипарисы трясут бородами из покрывающего их испанского мха. Джо почувствовал, что духам, как и ветру, неведом покой, что им все равно: то ли где-нибудь кого-нибудь пугать, то ли плыть по ночному небу в скорбно-распутной компании таких же теней. Временами среди деревьев мерцали тусклые красно-зеленые глаза вампиров, подмигивая, будто большие светляки или огни ковыляющих среди звезд ракет. Тоска не исчезала, напротив, становилась все глубже, и хотелось сойти с дороги, найти себе уютный склеп или местечко под покосившимся крестом, свернуться калачиком и лежать там долго-долго, чтобы убедить своих домочадцев, будто он им изменил. Он подумал: "Вот только трякну кости, только метну их и отправлюсь на покой". Но пока он так размышлял, распахнутые, повиснув на одной петле, ворота заброшенного кладбища остались далеко позади.

Поначалу Ночной Город показался ему вымершим, как и остальной Айронмайн, но постепенно он разглядел тусклые, как мутные глаза вампиров, огоньки - только мигающие чаще, в такт рваной, как если бы предназначенной для дергающихся в танце муравьев, чуть слышимой джазовой мелодии. Джо шагал по пружинящему тротуару, с грустью вспоминая о тех днях, когда пружины пели у него в ногах и он ввязывался во всякую драку как дикий кот или марсианский песчаный паук. Бог мой, сколько лет прошло с тех пор, когда он последний раз по-настоящему дрался или ощущал в себе силу. Чуть слышная поначалу музыка понемногу нарастала, и вот она уже лязгает, как капкан для медведя гризли, и грохочет, как слоновья полька. Тусклый свет превратился в вакханалию газовых факелов, мертвенно-голубых ртутных ламп и трепетных неоновых трубок. И все это буйство хохотало над звездами, среди которых пробирались космические корабли.

Затем Джо разглядел трехэтажный фасад, полыхающий всеми цветами дьявольской радуги, с бледно-голубыми огнями святого Эльма наверху. В центре были видны широкие двустворчатые двери, из-за них наружу вырывался яркий свет. Над входом золотистыми завитками пламени без усталости, раз за разом высвечивалось: "Игорный дом", а рядом сатанински-багровыми буквами загоралось: "Азартные игры".

Итак, новое заведение, о котором все так долго судачили, наконец-то открылось! Впервые за весь вечер Джо Слаттермилл ощутил в себе биение жизни и слегка щекочущее нервы возбуждение.

Тряхну-ка стариной, подумал он. Бессознательным движением оправил свой сине-зеленый рабочий комбинезон, похлопал по карманам, чтобы еще раз услышать звон монет, расправил плечи и с пренебрежительной ухмылкой толкнул дверь так, будто нанес удар заклятому врагу.

Помещение было просторным, как городская площадь, а бар был длиной с железнодорожный вагон. Сгустки мрака, стиснутые между залитыми светом зелеными игорными столами, имели форму песочных часов, внутри которых перемещались официантки и девушки-менялы, похожие на белоногих ведьм. Вдали, рядом с эстрадным помостом, виднелись обнаженные танцовщицы, чьи фигуры тоже походили на песочные часы, но уже светлые. Игроки, толстые и скобоченные, напоминали грибы. Их головы давно полисели от мучительных переживаний, которые вызывают шлепок карты, движение костяного кубика или оборот рулеточного шарика, в то время как головы девиц легкого поведения походили на заросли чертополоха.

Выкрики крупье и шорох карт звучали мягким, но уверенным стаккато, как перемежающиеся удары щеток и палочек по барабану, и казалось, что каждая частица заведения вибрирует в этом ритме.

Возбуждение Джо нарастало, и вдруг что-то пробежало по телу, как порыв ветра, предвещающий ураган: легкое дуновение предчувствия, которое - он это знал - может превратиться в торнадо уверенности. Все мысли о доме, о Жене, о Матери моментально испарились, а Мистер Пузан преобразился в молодого беспашашного кота, ступающего мягкими упругими лапами по самому краю его сознания. И эта упругость вдруг перешла в его собственные ноги, и он напряг от удовольствия мышцы.

Джо окинул помещение холодным оценивающим взглядом; его рука как бы сама по себе поднялась и отделила стакан с выпивкой от проносимого мимо, слегка подрагивающего подноса. Наконец он нашел то, что искал. Это был, как он предположил, игорный стол Номер Один. Похоже, там собрались все Большие Грибы. Такие же лысые, как и остальные, но выше ростом, они торчали над столом как поганки. В промежутке между ними, по ту сторону стола, Джо увидел еще более высокую фигуру в длинном темном пиджаке с поднятым воротником и в темной шляпе с опущенными полями, надвинутой на глаза так, что был виден лишь треугольник бледного лица. Джо, преисполненный надежд и подозрений, шагнул напрямик к свободному месту.

По мере того как он приближался и белокожие девушки с блестящими волосами уступали ему дорогу, подозрения его все больше и больше подтверждались, а надежды росли и крепились. По одну сторону стола сидел человек - самый толстый из когда-либо встреченных Джо. Сигара во рту, серебристый жилет и как минимум восьмидюймовой ширины золотистый галстук с жирной надписью "Мистер Кости". Напротив Мистера Кости стояла девушка-меняла, единственная, на которой Джо задержал взгляд, - совершенно голая, перечеркнутая пополам своим подносом, заставленным сверкающими башенками золотых и агатовых фишек. Рядом с ней замерла девушка-крупье, выше, костлявее и еще более длиннорукая, чем его Жена. Весь ее наряд ограничивался парой длинных белых перчаток. Женщина что надо - если вам, конечно, по вкусу кости, обтянутые бледной кожей, и груди, похожие на китайские дверные ручки.

Рядом с каждым игроком стоял высокий круглый столик для фишек; один из них был пуст. Джо щелчком пальцев остановил ближайшую менялу серебра, отдал ей все свои замызганные доллары и, получив взамен такое же количество светлых фишек, ущипнул ее за левый сосок - на счастье. В ответ она игриво щелкнула зубами возле его руки.

Джо неторопливо, но и не теряя времени, шагнул вперед, небрежно высыпал свои скромные капиталы на свободный столик и занял место у игорного стола. Кости держал Большой Гриб - второй справа от него. Сердце Джо - только сердце - екнуло. Потом он медленно поднял глаза и посмотрел на игрока напротив.

Элегантный пиджак - мерцающая колонна из черного

атласа с пуговицами из черного янтаря; поднятый воротник из матово-черного бархата и бархатная же шляпа с широкими опущенными полями и шнурком из черного конского волоса вместо тесьмы. Рукава пиджака - атласные колонны поменьше, а на концах - изящные кисти рук с длинными ухоженными пальцами, то беспокойными, то замирающими каждый сам по себе.

Но вот лица игрока Джо по-прежнему разглядеть не мог - лишь гладкий лоб без единой бисеринки пота, брови, как обрезки шляпного шнура, да худые аристократические щеки и тонкий, но слегка приплюснутый нос. Цвет лица не был таким уж белым, как показалось Джо вначале: в нем была слабая, еле заметная коричневатая примесь, как у начинающей стареть слоновой кости или у венецианского мыльного камня.

Позади игрока стояли разнаряженные люди - мужчины и женщины, - неприятней которых Джо еще в жизни не видывал. С первого взгляда было ясно, что каждый из этих расфуфыренных, напомаженных парней держит под полкой револьвер, а в боковом кармане выкидной нож, а каждая девушка в придачу к змеиному взгляду носит за подвязкой стилет, а в ложбинке между грудями, под блестящим шелком - хромированный пистолетик, отделанный перламутром. Но все они, и Джо это ясно видел, были просто пижоны, а вот человек в черном, их хозяин, - опасен по-настоящему. Из тех, тронув кого, жив не будешь. Только коснись рукава - и независимо от того, насколько легко и уважительно это прикосновение, в мгновение ока будешь зарезан рукой, опережающей мысль, а может, тебя убьет само прикосновение, словно вся его одежда заряжена невероятным количеством электричества. И Джо, еще раз посмотрев на удлиненное лицо, решил, что прикасаться к игроку в черном он, пожалуй, не станет.

Ибо были еще и глаза - самая выразительная часть лица. Всем большим игрокам присущи темные, затененные, глубоко посаженные глаза, но эти сидели так глубоко, что в глазницах не было видно ни малейшего блеска. Они были непроницаемы. Они были бездонны - два черных колодца.

Но Джо из колен этим не выбьешь, хотя поначалу он изрядно струхнул. Нет, наперекор испугу он пришел в восторг. Его подозрения полностью оправдались, а надежды расцветали пышным цветом.

Да, наверняка это один из тех истинно стоящих игроков, которые посещают Айронмайн не чаще, чем раз в десятилетие, спускаясь из Большого Города на речных пароходах, бороздящих темные воды подобно роскошным кометам и рассыпающих косматые хвосты искр из высоких как секвойи труб с вычурно украшенными верхушками из листовой стали, или прилетают на серебристых лайнерах, чьи джозы сверкают как брильянты, а ряды иллюминаторов похожи на рой астероидов. И кто знает, не прилетали хотя бы некоторые из них действительно с других планет, где ночная жизнь ускоряла свой бег, бередя души ощущением риска и восторгом.

Да, это был именно тот человек, против которого Джо просто рвался применить все свое умение. Он уже ощущал легкое прикосновение *силы* к своим замершим пальцам.

Джо опустил взгляд на стол. Стол был с необычно глубокими бортиками, шириной в человеческий рост и раза в два длиннее. Обтянут он был не зеленой, как обычно, а черной материей - будто чей-то гигантский гроб. Было в этом столе что-то очень знакомое, но что именно Джо вспомнить не удавалось. Дно стола поблескивало мельчайшими искорками, будто было усыпано алмазной пылью, и когда Джо наклонился и заглянул через край, его кольнуло сумасшедшее ощущение, что это вовсе не стол, а колодец, пронизывающий Землю насквозь, а искорки - это звезды на той стороне, видимые даже при дневном свете, как из глубокой шахты. И что проигравшийся дотла человек, закружись у него от расстройства голова, может свалиться туда и будет падать вечно то ли в преисподнюю, то ли в какую-то бездонную черную вселенную. От всего этого мысли Джо разметались, и он почувствовал внизу живота холодный тугой клубок страха. Как сквозь вату, он услышал рядом слова:

- Бросай, Большой Дик!

И кости, выкатившиеся откуда-то справа, закружились волчком в центре стола - так, что Джо не мог их толком разглядеть, пока они не остановились. И тут его взгляд надолго приковала их необычная форма. Кубики из слоновой кости были непривычно велики, имели закругленные углы и ребра, а темно-красные очки на гранях сверкали как настоящие рубины, располагаясь так, что каждая грань напоминала маленький череп. Например, выпавшая сейчас "семерка" (Большой Гриб справа от Джо не добрал три очка

до нужной "десятки") состояла из "двойки" - двух злобно скошенных рубиновых глазок и "пятерки" - тех же двух глаз, носа посередине и двух точек, образующих зубы.

Длинная тонкая рука в перчатке белой коброй метнулась вперед, подобрала кости и положила их на край стола прямо перед Джо. Он набрал побольше воздуха, взял со своего столика одну фишку и совсем было положил ее рядом с костями, но тут до него дошло, что здесь эти вещи делаются как-то иначе, и он вернул ее обратно, хотя ему и хотелось изучить ее повнимательней. Фишка была на удивление легкая, цвета топленых сливок, и на поверхности на ощупь чувствовался какой-то знак, не видимый глазу. Джо не удалось определить осязанием, что же это за знак, но прикосновение дало свой результат - рука его буквально затрепетала от переполнившей ее силы.

Тогда он быстро скользнул взглядом по лицам игроков, не пропуская и главного из них напротив, и тихо произнес:

- Ставлю денни, - подразумевая, конечно же, светлую фишку, то есть доллар.

Все Большие Грибы возмущенно зашипели, а луноподобное лицо толстого Мистера Кости побагровело, когда он повернулся и стал призывать на помощь выпшибал.

Но тут Большой Игрок поднял вверх черную атласную руку с мраморной кистью ладонью вниз. Шипение моментально прекратилось, а Мистер Кости остыл быстрее, чем метеор, врезавшийся в глыбу космического льда.

Тихим вежливым голосом, без малейшего намека на недовольство, человек в черном сказал:

- Ставка принята, господа игроки.

И это было решающим подтверждением мыслей Джо. Настоящие великие игроки всегда истинные джентльмены и снисходительны к бедным.

- Не робейте, - обратился к Джо один из Больших Грибов голосом с легкими нотками вежливой издевки.

И тогда Джо взял кости...

С тех самых пор, когда он впервые ухитрился поймать два яйца одной тарелкой, обыграть в шары весь Айронмайн и бросить шесть кубиков от детской азбуки так, что они выстроились на ковре словом "мамуля", о Джо пошла слава, как о человеке, обладающем невероятной меткостью броска. Он мог в полумраке шахты с пятидесяти футов попасть кусочком железной руды в голову крысы, а иногда забав-

лялся тем, что кидал куски породы в то место, откуда они откололись, и те, попав точно в цель, как бы прилипали к стене на несколько секунд. Если бы ему довелось когда-нибудь работать в космосе, он безусловно смог бы управиться сразу с шестеркой лунных скиммеров одновременно или устраивать слалом в гуще колец Сатурна. Ну а единственным отличием между бросанием камней и метанием костей было то, что кости должны еще отскочить от бортика стола - что делало все это еще более увлекательным.

Гремя зажатыми в кулаке кубиками, он почувствовал, что рука и кисть налились *силой*, как никогда раньше.

Бросил он быстро и низко - так, чтобы кости легли прямо перед ассистенткой в белых перчатках. Необходимая "семерка" сложилась, как он и рассчитывал, из "тройки" и "четверки". Красные точки образовали тот же рисунок, что и на "пятерке", только у каждого черепа было по одному зубу, а у "тройки" к тому же не хватало носа. Что-то вроде детских черепов. Он выиграл пенни, то есть доллар.

- Ставлю два цента, - объявил Джо Слаттермил.

Теперь он для разнообразия выбросил одиннадцать очков, "шестерка" была похожа на "пятерку", только зубов было три; этот череп смотрелся лучше всех прочих.

- Ставлю никель без одного.

Эту ставку разделили, обменявшись насмешливыми взглядами два Больших Гриба.

Теперь нужно было выбросить "четверку", что Джо и сделал. "Единица" и "тройка", причем "единица" с ее единственной точкой, смещенной к краю, все равно каким-то образом походила на череп, череп циклопа-лилипута.

По ходу дела он выиграл еще немного, с отсутствующим видом выбросив весьма необычным способом три "десятки" подряд. Ему все хотелось рассмотреть, каким образом девушка-крупье подбирает кости. Он не мог отделаться от впечатления, что ее пальцы проскальзывают под кубиками снизу. В конце концов он понял, что это ему не мерещится: хотя кости и не могли пройти сквозь мерцающую алмазами поверхность, рука в белой перчатке была на это способна.

И Джо снова представил себе дыру размером с игровой стол, пронизывающую Землю насквозь. Это значило, что кости падали и вертелись на абсолютно прозрачной поверхности, непроницаемой для них, и только для них... а может, наоборот: руки девушки-крупье - это единственное, что

может пройти сквозь нее, и тогда образ проигравшегося игрока, совершающего Большой Прыжок в колодец, рядом с которым глубочайшая шахта Земли, не больше чем оспинка - всего лишь бред?

Джо хотел удостовериться наверняка. Он не желал иметь лишние неприятности, если в решающий момент игры у него закружится голова.

Он сделал еще несколько ничего не значащих бросков, время от времени бормоча для правдоподобия что-то вроде:

- Ну давай же, Малыш Джо, ну давай...

Наконец он приступил к осуществлению своего плана. Он исполнил очень сложный бросок, так чтобы кости отлетели от противоположного бортика и вернулись обратно; чуть-чуть подождал, чтобы дать игрокам увидеть очки - две "двойки" - и, выбросив вперед левую руку, схватил кости на долю секунды раньше ассистентки.

Уф-фф! Ни разу в жизни Джо еще не приходилось терпеть, не дрогнув ни единым мускулом, такую адскую боль - даже когда оса ужалила его в шею в тот самый момент, когда Джо первый раз запустил руку под юбку своей жеманной, капризной и легко меняющей решения будущей жены. Сейчас ему показалось, что пальцы и тыльная сторона кисти побывали в раскаленном горне. Немудрено, что на ассистентке белые перчатки. Небось, асбестовые. Хорошо хоть догадался побереечь правую руку, мрачно подумал Джо, искося разглядывая вздувающиеся волдыри.

Он вспомнил то, о чем ему долбили еще в школе и что наглядно подтвердила потом Двадцатимильная шахта, недра которой жутко раскалены, и эта дыра в игорном столе, должно быть, втягивала этот жар, поэтому игрок, прыгнувший в нее, сгорит, не пролетев и пары сотен ярдов, а его прах вылетит где-нибудь в Китае.

Вдобавок к волдырям вновь зашипели Большие Грибы, а Мистер Кости открыл в крике похожий на расколотый арбуз рот.

И еще раз поднятая рука и мягкий голос Большого Игрока спасли Джо.

- Объясните ему, Мистер Кости.

- Ни один игрок не может брать кости со стола! - проревел тот. - Только моя ассистентка! Правила заведения!

Джо ответил ему коротким кивком и холодно сказал:

- Ставлю дайм без двух, - и, когда ставка была принята,

выиграл кон. После этого он немного подурачился, выкидывая лишь "пятерки" и "семерки", выжидая пока боль в руке не утихнет, а нервы не успокоятся. Все это время ощущение силы ни на секунду не терялось. Рука была как никогда твердой, а то еще и тверже.

Примерно в середине этой интермедии Большой Игрок чуть заметно, но с уважением склонил голову в сторону Джо, потом прикрыл свои бездонные глаза и повернулся, чтобы взять длинную черную сигарету у самой хорошенькой и самой злобной на вид девушки из своей свиты. Учтивость даже в мелочах, подумал Джо, это тоже признак магистра игры, в которой правит случай. Свита Большого Игрока производила, конечно, должное впечатление, хотя от взгляда Джо не ускользнуло, что один человек явно выпадает из общего ряда. Одетый в живописные лохмотья юноша с чахоточным румянцем, лихорадочным взором и всклокоченной шевелюрой поэта.

Когда Джо посмотрел на выющийся из-под черной шляпы дымок, ему внезапно показалось, что то ли огни над столом потускнели, то ли само лицо Большого Игрока стало темнее. У Джо мелькнула шальная мысль, не темнеет ли у того кожа от жара - как обкуриваемая пенковая трубка. От этой мысли ему стало почти смешно: уж чего-чего, а жара-то здесь хватало, в этом убеждал его собственный плачевный опыт, но ведь весь он вроде бы находился под столом.

Впрочем, все эти соображения, как обычные, так и не укладывающиеся в сознании, не ослабляли первого впечатления, что человек в черном очень опасен и задевать его не стоит. Даже если бы какие-то сомнения и возникли, то их тут же рассеяло происшествие, от которого у Джо по спине побежали мурашки.

Большой Игрок с аристократической небрежностью положил руку на бедро стройной девушки, у которой он брал сигарету, и стал слегка его поглаживать. И тут поэт с глазами, позеленевшими от ревности, метнулся к нему дикой кошкой и всадил длинный блестящий кинжал в черную атласную спину...

Джо так и не понял, как такой удар мог не поразить цель; но Большой Игрок, не убирая руки с пухлого бедра, сделал неувимое движение свободной левой рукой - будто распрямилась стальная пружина. Было непонятно, воткнул ли он в горло юноши нож или ударил по нему ребром

ладони, применил ли марсианский прием "двойной палец" или просто коснулся его, но парень замер, словно в него выстрелили из бесшумного слоновьего ружья или невидимого лучевого пистолета, и рухнул на пол. Подлетели два чернокожих и утащили тело. И никто не обратил на происшедшее ни малейшего внимания. Очевидно, подобное здесь было в порядке вещей.

Джо был слегка выбит из колеи и чуть было не исполнил бросок "выстрел Дианы" раньше, чем задумывал.

Пульсирующая боль в руке наконец-то утихла, нервы натянулись как новые гитарные струны, через три кона он выкинул "пятерку", набрал нужное количество очков и по-прежнему стал освобождать столики игроков от фишек.

Он последовательно сделал девять бросков, выкинув семь "семерок" и два раза по "одиннадцать", подняв ставку с единственной фишки до четырех с лишним тысяч долларов. Никто из Больших Грибов из игры не вышел, но некоторое беспокойство проявлять они стали, а кое-кто начал даже вытирать со лба пот. Большой Игрок пока еще ни разу не участвовал в игре, но его бездонные глазницы с интересом следили за происходящим.

А потом в голову Джо пришла шальная мысль. Никто не смог бы его побить сегодня, это-то он знал твердо, но если он будет продолжать повышать ставки, пока не обчистит весь стол, то так и не увидит, как же демонстрирует свое искусство Большой Игрок. Кроме того, следовало ответить любезностью на любезность, оправдать репутацию джентльмена.

- Снимаю сорок один доллар без никеля, - объявил он. - Ставлю пенни.

На этот раз шипения не последовало, а луноподобное лицо Мистера Кости не омрачилось. Джо поймал взгляд Большого Игрока. Тот смотрел на него не то удивленно, не то с грустью, будто размышляя о чем-то.

Джо немедленно сорвал банк, выкинув "вагон" - две "шестерки", - довольный тем, что выпали самые симпатичные черепа, и кости перешли к Большому Грибу.

- Знал, когда остановиться, - со злобным удивлением пробормотал один из Грибов.

Игра оживленно пошла вокруг стола, но никто не зарывался, и крупных ставок не было: "бросаю "пятифон""", "ставлю "десятку""", "Эндрю Джексон", "ставлю тридцать зеле-

них"... Джо то и дело делал ставки, при этом выигрывал больше, чем проигрывал, и к тому времени, когда кости дошли до Большого Игрока, у него уже было за семь тысяч долларов - вполне приличная сумма.

Большой Игрок долго держал кости на своей неподвижной как у статуи ладони, сосредоточенно глядя на них, однако на его лбу не появилось ни морщинки, ни бисеринки пота. Он пробормотал:

- Ставлю две "десятки", - и, сжав пальцы и погремев кубиками, как семечками в сухой тыкве, небрежно бросил их к краю стола.

Такого броска Джо не доводилось видеть ни разу в жизни. Кости, не переворачиваясь, скользнули по воздуху, опустились у бортика и встали как вкопанные, показывая "семерку".

Невозможно передать, какое это было разочарование для Джо. Его собственные броски требовали быстрого расчета типа: "тройкой" вверх, "пятеркой" к северу, два с половиной оборота в воздухе, падение на вершину шесть-пять-три, отскок и три четверти оборота вправо, падение на ребро один-два, пол оборота назад и три четверти влево, "пятеркой" на стол, два раза перевернуть - выходит "двойка", - и все это для одного только кубика и довольно-таки простого, без выкрутасов броска.

По сравнению с этим техника Большого Игрока была на редкость, на удивление, до крайности проста. Джо мог бы повторить такой бросок без малейшего труда, это было бы упрощенным вариантом его прежних развлечений с кусками руды. Просто он никогда не помышлял, что такими вот детскими фокусами можно заниматься за игорным столом. Это было бы слишком просто и испортило бы всю прелесть игры.

Кроме того, такой трюк мог и не пройти. По всем правилам, о которых Джо когда-либо слышал, это был самый сомнительный бросок. Всегда оставалась вероятность, что та или другая кость встанет на ребро, одновременно касаясь днища и бортика, или не коснется бортика вообще, не говоря уж о том, что обе кости должны отлететь обратно хотя бы на долю дюйма.

Однако, насколько острые глаза Джо могли оценить, обе кости лежали абсолютно горизонтально и вплотную прилегли к бортику. Более того, все игроки приняли этот бросок,

а разделившие ставку человека в черном Большие Грибы выплатили деньги. Надо полагать, заведение имело собственное мнение насчет этого правила, и Джо решил, что без лишней надобности лезть со своим уставом в чужой монастырь не стоит. И Мать и Жена не раз ему демонстрировали, что это лучший способ нарваться на неприятности.

Да и в деньгах, покрывших выигрыш, доли Джо не было.

Голосом, подобным шуму ветра на Кипарисовом кладбище, Большой Игрок возвестил:

- Ставлю сотню. - Это была крупнейшая на сегодня ставка, десять тысяч долларов, и то, как Большой Игрок это сказал, заставляло думать, что имел он в виду нечто большее. Сразу стало как-то тише: на джазовые трубы надели сурдинки, выкрики крупные стали доверительней, карты падали мягче, и даже шарики рулетки, кружась по своим орбитам, старались трещать поменьше. Вокруг стола Номер Один скапливалась молчаливая толпа. Команда Большого Игрока бесшумно оцепила его двойным полукругом, оберегая от случайных толчков. Эта ставка, подумал Джо, на тридцать фишек больше его кучки. Три или четыре Больших Гриба обменялись знаками, прежде чем разделить ее.

Большой Игрок выкинул еще одну "семерку" тем же плоским броском.

Поставил сотню и выиграл.

И еще раз.

И еще.

Все это в высшей степени заинтриговало, но и разочаровало Джо. Было что-то несправедливое в том, что Большой Игрок выигрывает огромные ставки столь примитивными механическими бросками. Что за интерес играть, если кости ни разу не перевернулись ни в воздухе, ни на столе? Так мог бы бросать разве что робот, причем запрограммированный не лучшим образом. Джо, естественно, пока не отваживался рисковать своими фишками, но, если дело и дальше пойдет так же, отказаться от игры будет невозможно. Два Больших Гриба, покрывшись испариной, уже отползли от стола, признав поражение, но их места никто не занял. Скоро оставшиеся Грибы не смогут покрыть очередную ставку, и Джо придется решать: либо пожертвовать своими фишками, либо выйти из игры, а вот этого сделать он просто не мог - в его правой руке, подобно прикованной молнии, рвалась на волю сила.

Джо все ждал и ждал, когда кто-нибудь еще подвергнет сомнению броски Большого Игрока, но никто этого так и не сделал. Он вдруг почувствовал, что, вопреки всем усилиям сохранить невозмутимость, лицо его стало краснеть.

Слегка приподняв левую руку, Большой Игрок остановил ассистентку, собравшуюся поднять кубики. Черные жерла его глаз нацелились на Джо, который из всех сил старался смотреть прямо в них, пытаясь уловить там хоть малейший проблеск. И неожиданно в него закралось подозрение - столь страшное, что по спине пробежал холодок...

Тем временем Большой Игрок с удивительной доброжелательностью и миролюбием прошептал:

- Господа, у искусного игрока напротив возникли сомнения относительно правильности последнего броска, хотя, будучи джентльменом, он и не говорит этого вслух. Лотти, карточный тест.

Высокая как призрак ассистентка с кожей цвета слоновой кости вынула откуда-то из-под стола игральную карту и, презрительно сверкнув маленькими белоснежными зубками, швырнула ее Джо. Он поймал закружившуюся картонку и оглядел ее. Это была самая тонкая, жесткая, гладкая и блестящая карта из всех, которые он когда-либо держал в руках. Да еще к тому же и джокер - если это вообще хоть что-нибудь значило. Он лениво бросил карту обратно, и ассистентка очень мягко опустила ее ребром вдоль бортика на лежащие там кости. Карта остановилась в углублении, образованном закругленными гранями кубиков и бортиком стола, демонстрируя отсутствие зазора между ними.

- Удовлетворены? - спросил Большой Игрок. Джо почти непроизвольно кивнул. В ответ Большой Игрок учтиво поклонился. Девушка-крупье самодовольно ухмыльнулась, раздвинув тонкие губы маленького рта, и выпрямилась, белые груди, похожие на китайские дверные ручки, качнулись в сторону Джо. Небрежно, почти со скучающим видом Большой Игрок вернулся к прежней тактике: ставка в сто долларов - простая "семерка". Большие Грибы быстро снижали и один за другим отползали от стола. Мухомору с необычайно розовым лицом задыхающийся гонец принес довольно круглую сумму, но это не помогло, и он только потерял свои сотни. На столике же Большого Игрока башенки светлых и черных фишек вырастали в небоскребы.

Джо все больше и больше бесился и боялся. Он всмат-

ривался в падающие у бортика кости, не то как стервятник, не то как спутник-шпион, но повода для повторного карточного теста не возникало, а оспаривать правила заведения было уже поздно. Его выводило из себя, по сути сводило с ума, сознание того, что, попади только кости ему в руки еще раз, и он расправится и с этой черной колонной, и с ее аристократизмом. Он клял себя на все лады за идиотский, тщеславный, просто самоубийственный жест, когда он добровольно передал кости по кругу.

Вдобавок ко всему Большой Игрок принялся еще буравить Джо этими своими глазами, похожими на угольные шахты. Он сделал три броска подряд, даже не глядя на кости и на бортик. Это было уж слишком. Он вел себя так же скверно, как Жена и Мать Джо - те тоже все смотрели, и смотрели, и смотрели.

Под пристальным взглядом этих глаз, которые вовсе и не были глазами, Джо пришел в дикий ужас. Сверхъестественный ужас - вдобавок к полной уверенности, что Большой Игрок смертельно опасен. С кем же, спрашивал и спрашивал себя Джо, меня угораздило этим вечером связаться? Любопытство боролось с ужасом, а от ужаса рождались любопытство и непреодолимое желание заполучить в руки кости и победить. Волосы на его голове встали дыбом, все тело покрылось гусиной кожей, а сила вибрировала в руке, как локомотив, остановленный стоп-краном, или ракета, рвущаяся со стартовой площадки.

При этом Большой Игрок оставался все тем же: черный атласный пиджак, элегантная шляпа с опущенными полями, учтивость, вежливость, смертельная непреклонность. По сути самым паршивым было то, что единственным темным пятном в его восхитительных манерах, оставившим у Джо неприятный осадок, являлись механические броски. Теперь он просто вынужден на чем-то поймать противника, используя любые технические средства.

Безжалостное истребление Больших Грибов завершилось, и их места заняли рати Мухоморов. Но и тех скоро осталось лишь трое. Заведение выросло до размеров Кипарисового кладбища, до размеров Луны. Джаз смолк, смех утих, стало не слышно ни шарканья ног, ни хихиканья девушек, ни звона стаканов и монет. Казалось, все собрались вокруг стола Номер Один и молчаливыми рядами следят за игрой.

Все это угнетало - посторонние взгляды и необходимость

постоянно следить за падением кубиков, чувство несправедливости и презрения к себе, и дикие надежды, и любопытство, и страх - особенно два последних момента.

Казалось, что Большой Игрок - по крайней мере те части его тела, которые были видны, - темнеет все больше и больше. На мгновение Джо поймал себя на мысли: а не ввязался ли он в игру с африканским колдуном, с которого постепенно сходит грим?

Весьма скоро наступил момент, когда два последних Мухомора не смогли покрыть очередную ставку. От Джо требовалось либо поставить из своей жалкой кучки десятидолларовую фишку, либо выйти из игры. После невероятных колебаний он выбрал первое.

И потерял "десятку".

Мухоморы присоединились к толпе наблюдающих.

В Джо вонзился взгляд бездонных глазниц. Раздался шепот:

- Ставлю вашу горстку.

Джо ощутил постыдное желание признать себя побежденным и сбежать домой. Во всяком случае шесть тысяч долларов произведут должное впечатление как на Мать, так и на Жену.

Но мысль о смехе толпы, мысль о том, что он будет жить, зная, что имел возможность и не использовал пусть весьма хлипкий последний шанс, для него была просто невыносимой.

Он кивнул.

Большой Игрок метнул кости, и Джо склонился над столом, забыв и про его бездонность, и про свое головокружение, следя только за исходом броска, словно орел или космический телескоп.

- Удовлетворены?

Джо знал, что следовало бы сказать "да" и уйти с очень-очень гордо поднятой головой - это было бы совсем по-джентльменски; но тут он напомнил себе, что никакой он вовсе не джентльмен, а работяга, вкалывающий до седьмого пота чумазый горняк, который лихо швыряет самые разные предметы.

Было весьма вероятно, что учитывая окружение, сказать "да", в том числе и опасно, но тут он спросил себя: а какого ляда ему, презренному смертному, жалкому подкаблучнику, чего-то еще и опасаться?

А кроме того, одна из костей лежала, усмехаясь рубиновым ртом, не доходя на волос до бортика стола.

Это было самым тяжким решением в жизни Джо.

- Нет, - сглотнув ком, удалось сказать ему. - Лотти, карточный тест!

Ассистентка осклабилась и изогнулась словно кобра, готовая к смертельному плевку. Но Большой Игрок поднял палец, и она бросила в Джо картой, однако так низко и замысловато, что та на мгновение исчезла под черной материей и лишь потом влетела в руку Джо - горячая и потемневшая. Он швырнул ее назад.

Вонзив в Джо оравленный кинжал усмешки, девушка опустила карту вдоль бортика стола, и та после секундной задержки все же провалилась.

Поклон и шепот:

- У вас зоркий глаз, сэр. Кость, несомненно, не долетела до бортика. Мои искренние извинения и... ваша очередь, сэр.

От вида кубиков, лежащих перед ним, Джо чуть не хватил удар. Все терзавшие его чувства достигли предела, когда он сказал:

- Ставлю все, что есть.

- Принимается, - ответил Большой Игрок, и Джо, подчиняясь какому-то дикому, неудержимому порыву, схватил кости и швырнул их прямо в лишенные блеска полуночные глаза Большого Игрока.

Они влетели в глазницы и загремели внутри черепа, словно крупные семечки в недосушенной тыкве.

Выбросив руки в стороны - чтобы никто из окружения не набросился на Джо, - Большой Игрок помотал головой и выплюнул кости на стол. Они упали в самом центре - одна опустилась нормально, а вторая прислонилась к первой и встала на ребро.

- Кость на ребре, сэр, - вежливо, как будто ничего не случилось, прошептал Большой Игрок. - Извольте повторить ход.

Джо машинально погромел кубиками, отходя от потрясения. После секундного колебания он решил, что хотя теперь и ясно, кто перед ним, но за свои деньги он еще поборется.

Где-то в уголке мозга гнездились любопытство: а на чем же, интересно, держатся кости этого живого скелета? Со-

хранились связки или они стянуты проволокой? Силовые поля? Или это кальциевые магниты, и тогда понятно, откуда берутся смертельные электрические разряды.

Кто-то кашлянул в тишине огромного помещения. Истерично вскрикнула женщина. С высоты голого живота девушки-менялы с подноса упала монетка и с музыкальным звоном покатилась по полу...

- Молчание! - приказал Большой Игрок и незаметным для глаза молниеносным движением сунул руку за борт фрака и тут же извлек ее обратно. На черном крепе стола мягко заблестел короткоствольный серебряный револьвер.

- Следующий, кто издаст хотя бы звук, когда мой глубоко уважаемый соперник будет бросать, - будь то последняя черная проститутка или вы, Мистер Кости, - получит пулю в лоб.

Джо учтиво поклонился, чувствуя, что выглядит немного по-шутовски, и решил, что начнет с простой "семерки", состоящей из "шестерки" и "аза". Он бросил кости, и на этот раз, судя по движению черепа, Большой Игрок проследил за их полетом внимательным взором глаз, которых у него не было.

Кости отскочили, перевернулись в последний раз и остановились. Невероятно! Джо увидел, что впервые за всю свою игровую жизнь допустил ошибку... или во взгляде Большого Игрока тайлась сила, большая, чем в его, Джо, правой руке. "Шестерка"-то ладно, легла как надо, но вот "единица" перевернулась лишний раз, и на верхней грани кубика рубиново загорелась еще одна "шестерка".

- Игра окончена! - погребальным басом возвестил Мистер Кости.

Большой Игрок поднял сухую коричневую руку.

- Необязательно, - прошептал он.

Черные глазницы уперлись в Джо, как жерла осадных орудий.

- Джо Слаттермил, есть еще кое-что, что можно было бы поставить на кон, конечно, если вы пожелаете. Ваша жизнь.

При этих словах толпа взорвалась издевательским хохотом, насмешками и визгливыми выкриками. Выражая общее настроение, Мистер Кости проревел, покрывая общий шум:

- Да какую цену может иметь жизнь этого ничтожества? От силы два цента, и то обычных!

Большой Игрок накрыл ладонью блестящий револьвер, и весь смех - как обрезало.

- Цену знаю я, - прошептал он. - Джо Слаттермил, со своей стороны я рискну выигрышем за сегодняшний вечер, а в придачу поставлю весь мир и все, что там ни найдется. Ваша ставка - жизнь и бессмертная душа. Ход ваш. Довольны?

Джо уже было хотел пойти на попятную, но тут до него стала доходить вся драматичность ситуации. Отказаться от центральной роли в этом спектакле и отправиться с рухнувшими надеждами к Жене, Матери и удрученному жизнью Мистеру Пузану в свой полуразвалившийся Дом? А может быть, подбодрил он себя, во взгляде Большого Игрока и нет никакой силы, а просто он, Джо, сам допустил единственную и непоправимую ошибку? А кроме того, он склонен был считать, что Мистер Кости оценил его жизнь гораздо точнее, нежели Большой Игрок.

- Ставлю, - сказал он.

- Лотти, подайте кости!

Джо изо всех сил напряг мозг. *Сила* победно взревела в его правой руке, и тогда Джо бросил кости...

На стол они не упали. Они поднырнули вниз, по какой-то немыслимой траектории взметнулись вверх и, словно рубиновые метеоры, врезались в лицо Большого Игрока, прямо в глазницы, где и замерли, поблескивая красными точками "азов".

Глаза змеи.

Все насмешливо смотрели на Джо, а потом послышался шепот:

- Джо Слаттермил, кости вылетели за пределы стола.

Большими и средними пальцами обеих рук Большой Игрок достал кости из глазниц и небрежно бросил их на одетую в белую перчатку ладонь Лотти.

- Да, Джо Слаттермил, кости вылетели за пределы стола, - повторил он спокойно, - а вы теперь можете застрелиться, - и он дотронулся до серебряного пистолета. - Или перерезать себе горло, - он достал из-под полы кривой кинжал с золотой насечкой и положил его рядом с пистолетом. - Или отравиться - к оружию прибавился флакон с черепом и скрещенными костями на этикетке. - Или мисс Распутница зацелует вас до смерти, - он подтолкнул вперед самую хорошенькую и самую злобную девушку. Она выгнула спи-

ну, одернула короткую фиолетовую юбчонку и одарила Джо провоцирующей улыбкой, раздвинув карминные губки и обнажив длинные белые клыки.

- Или еще, - добавил Большой Игрок, со значением кивнув в сторону затянутого черным крепом стола, - можете выбрать Большой Прыжок.

- Выбираю Большой Прыжок, - ровным голосом произнес Джо.

Он поставил правую ногу на опустевший столик для фишек, левую - на край стола, наклонился вперед... и неожиданно, оттолкнувшись от бортика стола, тигром бросился через стол и вцепился в горло Большого Игрока, утешая себя мыслью, что до него парнишка-поэт мучился недолго.

Когда он пролетал над серединой стола, в мозгу его отпечаталась моментальная фотография того, что в действительности было там, внизу, но он не успел этого осознать, ибо в следующий миг врезался в Большого Игрока.

Жесткое ребро коричневой ладони по-каратистски, со стремительностью молнии ударило его в висок... и коричневые пальцы тут же рассыпались, словно были созданы из воздушного теста. Левая рука Джо утонула в груди Большого Игрока - кроме пиджака там ничего не было, - а правая вцепилась в череп под широкополой шляпой и разнесла его на куски. Не встретив сопротивления, Джо рухнул на пол, сжимая в руках черные лохмотья и коричневые осколки.

Он тут же вскочил и попытался ухватить горсть фишек со столика Большого Игрока. Как назло, под руку не подвернулось ни золота, ни серебра, поэтому он сунул в левый карман брюк горсть светлых фишек и рванул к выходу.

И в тот же миг на нем повисли все обитатели игорного дома. Сверкали ножи, клыки, отливающие медью костяшки пальцев.

Его били, пинали, рвали на куски и топтали каблуками. Какой-то черномазый с налитыми кровью глазами нахлобучил ему на голову золоченую трубу. Кто-то старался ткнуть ему в глаз сигарой. Лотти, шипя и извиваясь как белый удав, пыталась одновременно его задушить и выколоть ножницами глаза. Распутница, выскочив словно чертик из коробочки, плеснула ему в лицо едкой кислотой из широкогорлой квадратной бутылки. Мистер Кости всаживал в него пулю за пулей из серебряного пистолета. Джо зарезали,

ослепили, пристрелили, разодрали на куски, искрошили в капусту, переломали все конечности.

Но почему-то все это не имело никакой силы. Это было похоже на драку с призраками. Было похоже, что вся команда, даже вместе взятая, не способна его одолеть. Наконец он почувствовал, как множество рук поднимают его, проносят сквозь дверь и бросают на тротуар. Но даже и это не было больно. Не больнее, чем ободряющее похлопывание по плечу.

Он перевел дыхание, перевернулся на спину и осторожно пошевелился. Ничего особенного. Он встал и огляделся. Заведение было темно и молчаливо, как могила, как Плутон или как весь остальной Айронмайн. Когда же глаза его привыкли к свету звезд и изредка проплывающих по небу кораблей, он увидел, что дверь, через которую его вынесли, закрыта на ржавый железный засов.

Он стоял и смотрел прямо перед собой, а потом вдруг обнаружил, что жует что-то хрустящее и вкусное, как хлеб, который его Жена пекла для постоянных покупателей. И память тут же вернула картину, увиденную им, когда в тигрином прыжке он пролетал над черной пропастью стола. Он увидел высокую стену пламени, заполнявшую всю поверхность стола, а за ней - удивленные лица его Жены, Матери и Мистера Пузана. Он посмотрел на то, что сжимал в правой руке и от чего откусывал и жевал - это был кусок черепа Большого Игрока, и вид его напомнил Джо тот каравай, который Жена сажала в печь, когда он уходил. И он понял волшебство, которое она совершила, разрешив ему отлучиться ненадолго, чтобы почувствовать себя хотя бы наполовину мужчиной... и вернуться домой с обожженными пальчиками...

Он выплюнул все, что оставалось во рту, и бросил осколки хрустящего черепа на дорогу.

Из левого кармана он достал светлую фишку. Большинство их раскрошилось в драке, но вот эта уцелела. Оттиснутый на ней знак был крестом. Джо механически поднес ее ко рту и надкусил. Вкус был нежный и восхитительный. Он съел всю фишку и почувствовал прилив сил. Похлопал себя по туго набитому карману. Итак, у него достаточно провизии на дорогу.

Он развернулся и напрямик отправился домой, правда, длинным путем - вокруг света.

А Я ПОЙДУ ДАЛЬШЕ...

Перевод
А. Безуглого

с перевод на русский язык
Безуглый А.Ю., 1992

Часто под вечер Маот охватывает беспокойство, и она отправляется туда, где черная земля сливается с желтым песком, и стоит, глядя в пустыню, пока не поднимется ветер.

А я сижу, прислонившись спиной к тростниковой ограде, и гляжу на Нил. Не то чтобы Маот молодеет, просто она тоскует по полям. Их обрабатываю я, а она отдает всю себя стаду. Каждый день она уводит овец и коз пастись все дальше.

Долгое время я наблюдал за переменами. Одно поколение сменяло другое, скудели поля, приходило в негодность орошение - тем более участились дожди. И становились проще жилища - пока не превратились просто в шатры с тростниковой изгородью вокруг. И каждый год какая-то семья собирала свои стада и отправлялась на запад. Почему я должен быть так крепко привязан к этим несчастным остаткам цивилизации, я, который видел, как рабы фараона Хеопса разбирали на блоки великую пирамиду?

Я часто удивляюсь, почему не становлюсь молодым. Для меня это такая же тайна, как и для бронзовокожих крестьян, которые благоговейно падают ниц, когда я прохожу неподалеку.

Я завидую тем, кто становится молодыми. Я жажду отбросить всю свою мудрость и ответственность и ринуться навстречу любви, навстречу волнению, от которого перехватывает дыхание, навстречу этим беззаботным годам, пока не настанет конец.

Но я по-прежнему остаюсь тридцатилетним бородачом и ношу овечью шкуру точно так же, как прежде носил камзол или тогу, и постоянно испытываю желание помолодеть и никогда не имел возможности его осуществить.

Мне кажется, что я был таким всегда. Хотя почему - ведь я даже не могу вспомнить свое воскресение, в то время как все помнят свое.

Маот проникательная женщина. Она не требует от меня исполнения всех ее желаний, но, вернувшись домой, садится подальше от очага и напевает про себя отрывки какой-то

тревожащей песни и подводит брови зеленой краской, чтобы стать для меня еще более желанной, и любым способом старается заразить меня своим беспокойством. Днем она отрывает меня от напряженной работы и показывает, какими становятся наши овцы и козы.

Среди нас нет больше молодых. С приближением юности или чуть раньше они уходят в пустыню. Даже беззубые, высохшие старики восстают из своих могил и, пренебрегая припасами, что были с ними, собирают свои стада, берут жен и ковыляют на запад.

Я запомнил первое воскрешение, свидетелем которого стал. Это было в дымной стране машин и постоянных перемен. Но то, о чем я собираюсь рассказать, случилось в тихом уголке, где все еще оставались маленькие фермы, узкие дороги, простая жизнь.

Там жили две женщины, Флора и Элен. Не могу вспомнить точно, но, кажется, это произошло несколько лет спустя после их собственного воскрешения. Судя по всему, я был их племянником, хотя не уверен в этом наверняка.

Они стали навещать старую могилу на кладбище в полумиле от города. Я помню маленькие букетики цветов, которые они уносили с собой, возвращаясь домой. Я видел, что они были чем-то опечалены.

Шли годы. Их визиты на кладбище участились. Однажды, сопровождая их, я заметил, что истершаяся надпись на надгробии проступает яснее и четче. Моложе становились их лица. "Джон, любимый муж Флоры..."

Флора часто плакала по ночам, а Элен с печальным лицом расхаживала по комнате. Приходили родственники, говорили что-то успокаивающее, но слова, казалось, только усиливали их горе.

В конце концов надгробие стало совсем новым, и нежные, зеленые стебли травы исчезли в сырой коричневой земле. Казалось, этих знаков дожидались их смутные неосознанные чувства. Флора и Элен справились со своим горем, посетили священника, могильщика и врача, сделали необходимые приготовления.

Холодным осенним днем, когда свернувшиеся коричневые листья взлетели на деревья, процессия двинулась - пустой катафалк, темные молчаливые автомобили. На кладбище мы встретили двух мужчин, они стояли, деликатно отвернувшись от свежерытой могилы. Потом, пока Флора

и Элен горько рыдали, а священник произносил положенные слова, длинный узкий гроб подняли из могилы и понесли к катафалку.

Дома крышку гроба сняли, и мы увидели Джона, забальзамированного старика, которого впереди ждала долгая жизнь.

На следующий день, повинаясь тому, что, казалось, было вечным ритуалом, они вынули его из гроба, могильщик вытянул из его вен едкую жидкость и ввел красную кровь. Потом они уложили его в постель. Прошло несколько часов напряженного ожидания, и кровь начала свою работу. Когда у него вырвалось первое дыхание, Флора села рядом с ним на кровать, обняла его и прижала к себе.

Но он был еще очень болен, ему нужен был отдых, и потому взмахом руки доктор приказал ей выйти из комнаты.

Я тоже должен был испытывать счастье, однако, помнится, в тот момент во всем происходящем я ощущал что-то нездоровое. Может быть, когда в нашей жизни впервые случаются большие кризисы, мы всегда чувствуем себя подобным образом.

Я люблю Маот. Скитаясь по свету, я любил сотни женщин, но это не влияет на искренность моей привязанности к ней. В их жизни я входил не так, как обычно это делают любовники, - восстав из могилы или в пылу какой-то ужасной ссоры. Я - вечный скиталец.

Маот знает, во мне есть что-то странное. Но она не позволяет, чтобы это "что-то" мешало ее попыткам заставить меня исполнять ее желания.

Я люблю Маот и в конце концов уступаю ей. Но сначала я задержусь немного на берегу Нила, взгляну в последний раз на его великолепие.

Мои самые первые воспоминания даются мне тяжелей всего, но изо всех сил я стараюсь в них разобраться. Я чувствую, копни я чуть глубже, и мне явилось бы мучительное понимание происходящего. Но, кажется, я никогда не буду способен сделать необходимое усилие.

Эти воспоминания беспорядочно возникают из тьмы и страха. Я гражданин большой страны, где-то там, далеко отсюда, я безбород и ношу уродливые, сковывающие движения одежды; однако ни мой возраст, ни облик ничем не отличаются от сегодняшнего. Страна эта в сотню раз больше Египта, но она лишь одна из многих. Все народы мира

известны друг другу, Земля - это шар, а не плоскость, она плывет сквозь усыпанную островами солнц бездну, а не накрыта усеянной звездами чашей.

Повсюду машины, а новости облетают вокруг света как простой крик. Повсюду изобилие, о котором и не мечтали, возможности, не имеющие себе равных. Однако люди несчастны. Они живут в страхе. Если я не ошибаюсь, в страхе перед войной, которая вот-вот разразится и уничтожит какой-то вражеский город. В страхе от опасности, которая исходит не с Земли, а со звезд. Отравленные облака. Смертоносные светлячки светящейся пыли.

Но хуже всего было оружие, о котором еще только жодили слухи. Месяцами, которые казались вечностью, мы стояли на грани этой войны. Мы знали - ошибки уже совершены, бесповоротные шаги сделаны, последние шансы утрачены. Мы только ждали самого события.

Похоже, для нашего отчаянья и ужаса существовали особые причины. Как будто бы и до этого происходили мировые войны, и мы отчаянно старались их предотвратить, обещая себе, что уж это-то - последняя. Но такого я еще не помню. Вполне возможно, что надо мной, да и над всем миром, всегда нависала тень подобных катастроф, всеобщей гибели.

Несутся месяцы, и вдруг чудесным, невероятным образом война начинает стихать. Напряжение ослабевает. Тучи рассеиваются. Все суетятся - конференции, планы... Ну а так же надежды на долгожданный мир.

Но тянется он недолго. Вспыхнувшая вскоре резня связана с именем Гитлера. Забавно: и как это имя пришло мне в голову после стольких тысячелетий? Его армии развернулись веером по континенту.

Но их успех недолог. Их разгромили, и Гитлер предан забвению. В конце концов он остался в памяти мелким смутьяном.

Снова краткий миг мира и спокойствия, потом не такая свирепая война, как предыдущие, которая также сменяется затишьем.

И так далее...

Иногда я думаю - и следует помнить об этом, - что когда-то время текло в другом направлении и что из отворачивания к нескончаемым войнам оно повернуло вспять, повторяя уже пройденный путь. Что наши сегодняшние жизни

- лишь возврат вспять, но возврат по спирали. Большое отступление.

В таком случае время может повернуть еще раз. Возможно, у нас будет еще один шанс преодолеть барьер.

Хотя нет... Мысль исчезла в ряби нильской воды.

Сегодня еще одна семья покидает долину. Все утро они тащились вверх по песчаному ущелью. А теперь, подойдя к краю желтых утесов - возможно, чтобы бросить прощальный взгляд, - они отчетливо видны на фоне утреннего неба. Вертикальные черточки - люди, горизонтальные - животные.

Маот смотрит, стоя за моей спиной. Но она молчит. Она во мне уверена.

Утесы снова опустели. Скоро люди забудут о Ниле, исчезнут беспокойные призраки воспоминаний.

Смысл нашей жизни - в забвении. Точно так же как ребенок исчезает в утробе матери, так и великие идеи исчезают в голове гения. Сначала они повсюду. Они окружают нас, словно воздух. Затем они редеют, не все уже знают о них. А потом приходит великий человек, забирает идеи себе, и они становятся его тайной. Остается лишь тревожное убеждение, что исчезло что-то стоящее.

Я видел, как Шекспир не написал великих пьес. Я наблюдал, как у Сократа не рождались великие мысли. Я слышал, как Иисус не произнес великих слов.

Есть надпись, высеченная на камне, она кажется вечной. Я возвращаюсь через несколько веков, нахожу ее той же, только чуть поновее, и думаю: может, хоть она уцелеет? Но однажды приходит резчик и деловито стесывает буквы, пока не остается ровный камень.

Теперь только он знает, что там было написано. А когда он становится молодым, знание исчезает навсегда.

И так во всем. Наши жилища становятся новее, и мы разбираем их, а материалы незаметно растаскиваем по карьерам и шахтам, лесам и полям. Наша одежда новее, и мы ее снимаем. Мы обновляемся сами, обо всем забываем и слепо тычемся в поисках мамы.

Теперь все люди ушли. Замешкались лишь я да Маот.

Я не понимал, что все это настанет так быстро. Теперь, когда конец близок, Природа, похоже, заторопилась. Предполагаю, что тут и там вдоль Нила отставших еще хватает, но мне нравится думать, будто мы последние, кто видит

исчезающие поля, последние, кто смотрит на реку, сознавая, что она символизировала когда-то, прежде чем наступит забвение.

В нашем мире выигрывают побежденные. После второй войны, о которой я говорил, в моей стране за морями долгое время царил мир. Среди нас в это время жили примитивные племена, люди, которых называли индейцами. Забитые и презираемые, они обитали в тех краях, где их заставляли жить. Мы даже не задумывались о них. Мы бы подняли на смех того, кто сказал бы, что у них хватит сил принести нам вред.

Но среди них вдруг вспыхнула искра восстания. Они организовали банды, вооружились луками и ружьями и вышли на тропу войны.

Мы бились с ними, не придавая схваткам особого значения, борьба тлела нескончаемо. Индейцы упорствовали, все продолжалось, они устраивали засады, совершали набеги.

Однако мы по-прежнему считали все это настолько незначительным, что нашли время заняться междоусобной гражданской войной. Результаты оказались плачевными. Черную часть населения обратили в рабов, которые тяжело трудились на плантациях и в поместьях.

Индейцы превратились в грозную силу. Шаг за шагом они вытеснили нас за реки и равнины Среднего Запада, за лесистые горные хребты на восток.

Какое-то время мы удерживались здесь на побережье, в основном благодаря поддержке заокеанского островного государства, которому отдали свою независимость.

Произошло ободряющее событие. Всех негров-рабов собрали вместе и погрузили на корабли, потом их отправили к берегам южного континента, где одних освободили, а других сдали на руки воинственным племенам.

Но давление индейцев, иногда поддерживаемых союзниками, все возрастало. Город за городом, поселок за поселком, поселение за поселением - все наши ставки были биты. Мы погрузились на корабли и отправились за море. После чего индейцы стали на удивление миролюбивы, так что, похоже, последние суда спасались бегством не от физического страха, а от мистического ужаса перед зелеными молчаливыми лесами, поглотившими их дома.

На юге ацтеки подняли свои обсидиановые ножи и кремневые мечи и выгнали... помнится, их называли испанцами.

Еще через столетие о западном континенте забыли, остались лишь смутные, призрачные воспоминания.

Растущая тирания и невежество, постоянное противоборство на границах, восстания покоренных, которые в свою очередь становились угнетателями, - вот из чего состояла следующая историческая эпоха.

Однажды я подумал, что поток времени повернул вспять. Появились сильные и организованные люди, римляне, которые подчинили себе почти весь мир.

Но эта стабильность оказалась недолговечной. Еще раз те, кем управляли, поднялись против правителей. Римлян изгнали и из Англии, и из Египта, и из Галлии, и из Азии, и из Греции. На опустошенных полях поднялся Карфаген, чтобы бросить успешный вызов римскому могуществу. Римляне нашли убежище на родине, утратили влияние в мире, выродились, растворились в дымке миграций.

Их побуждающие к деяниям помыслы на одно славное столетие возгорелись в Афинах, но исчезли, не выдержав собственной тяжести.

После этого упадок продолжался с неизменным постоянством. Больше я уже не обманывался.

Кроме этого последнего случая...

Из-за того, что страна эта была напоена солнцем, была полна храмов и мавзолеев, привержена традициям, спокойна, я подумал, что Египет устоит. Бег неменяющихся веков подтвердил мои надежды. Я думал, что, если мы не достигли поворотного пункта, то по крайней мере остановились.

Но пришли дожди, обломки рухнувших храмов и мавзолеев вернулись в каменоломни, а традиции и спокойствие уступили место неустойчивости кочевой жизни.

Если поворотный пункт и существует, то наступит, лишь когда человек останется один на один с животными.

А Египет исчезнет, как и все остальное.

Завтра мы с Маот отправляемся. Согнали стадо. Скатали шатер.

Маот пышет юностью. Она очень мила.

В пустыне будет неуютно. Скоро мы обменяемся последним самым нежным поцелуем, и она по-детски прижмется ко мне, а я буду за ней приглядывать, пока мы не отыщем ее мать. Или, может быть, однажды я брошу Маот в пустыне, и мать найдет ее сама.

А я пойду дальше...

Источники

Leiber F. III Met in Lankhmar: в сб.: Nebula Award Stories Six. — New York: 1976.

Leiber F. Swords Against Death. — New York, 1970.

Leiber F. When the Sea King's Away: *Fantastic Science Fiction Stories*. — May 1960.

Leiber F. The Seadness of the Executioner: в сб.: Flashing Swords!/ed. Lin Carter. — New York: 1970.

Leiber F. The Bait: в сб.: Whispers II. — New York: 1973.

Leiber F. Rump-titty-titty-tum-tah-tee: в сб.: Leiber F. The Seeret Songs. — London, 1968.

Leiber F. Smoke Chost: в сб.: Leiber F. The Seeret Songs. — London, 1968.

Leiber F. Gona Roll the Bones: в сб.: Dangerous Visions/ed. H. Ellison. — New York: 1967.

Leiber F. The Man Who Never Grew Young: в сб.: The Dark Side. — London: 1966.

Содержание

От издателя.....	5
ВЕСЕЛЫЙ ГОРОД ЛАНХМАР	
<i>Перевод К. Королева .....</i>	7
КЛИНКИ ПРОТИВ СМЕРТИ	
<i>Перевод Ю. Соколова.....</i>	59
КОГДА МОРСКОГО ЦАРЯ НЕТ ДОМА	
<i>Перевод Ю. Соколова.....</i>	267
ПЕЧАЛЬ ПАЛАЧА	
<i>Перевод К. Королева .....</i>	293
ПРИМАНКА	
<i>Перевод К. Королева .....</i>	305
БУМ-ПАМПАМПАМ-БИМ-БАМ-БОМ	
<i>Перевод К. Королева .....</i>	311
ДЫМНЫЙ ПРИЗРАК	
<i>Перевод К. Королева .....</i>	331
И ТОГДА ДЖО БРОСИЛ КОСТИ...	
<i>Перевод К. Кузнецова.....</i>	349
А Я ПОЙДУ ДАЛЬШЕ...	
<i>Перевод А. Безуглого .....</i>	373
Источники	382

Литературно-художественное издание

МАСТЕРА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Фриц Лейбер

КЛИНКИ ПРОТИВ СМЕРТИ

Сборник фантастических произведений

Составитель

Ариадна Георгиевна Белевцева

Ведущий редактор А.Г. Белевцева

Редактор М.А. Харузина

Художник Н.В. Любешкина

Художественный редактор Н.Е. Иванова

Технический редактор Л.П. Бирюкова

Компьютерная верстка И.А. Савостьянова

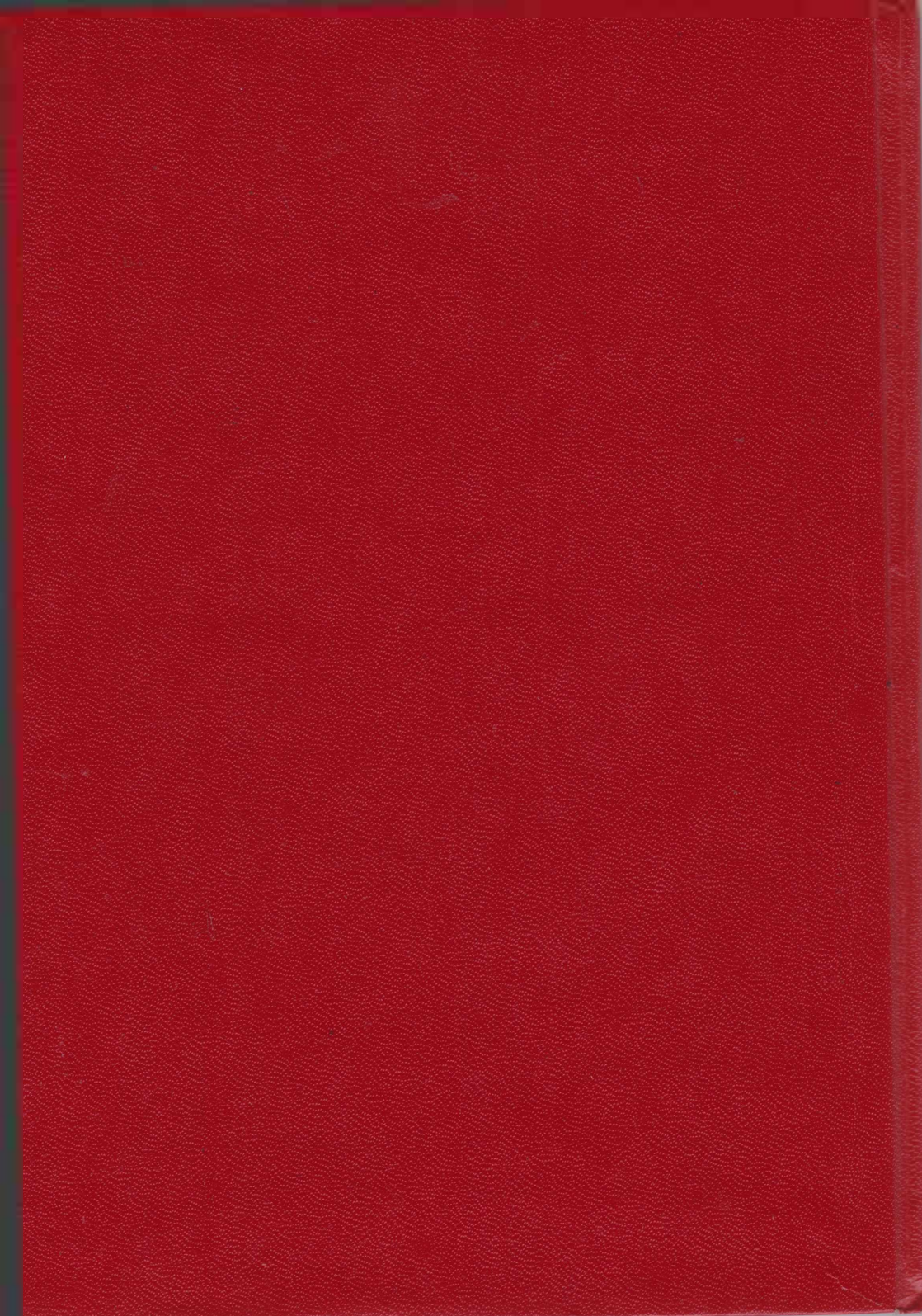
Корректор Н.А. Мистрюкова

Подписано к печати 25.09.92. Формат 60×88/16. Бумага
типографская. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Объем 24 п. л.
Усл.-печ. л. 22. Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 35 тыс. экз. С 12. Заказ № 1999.

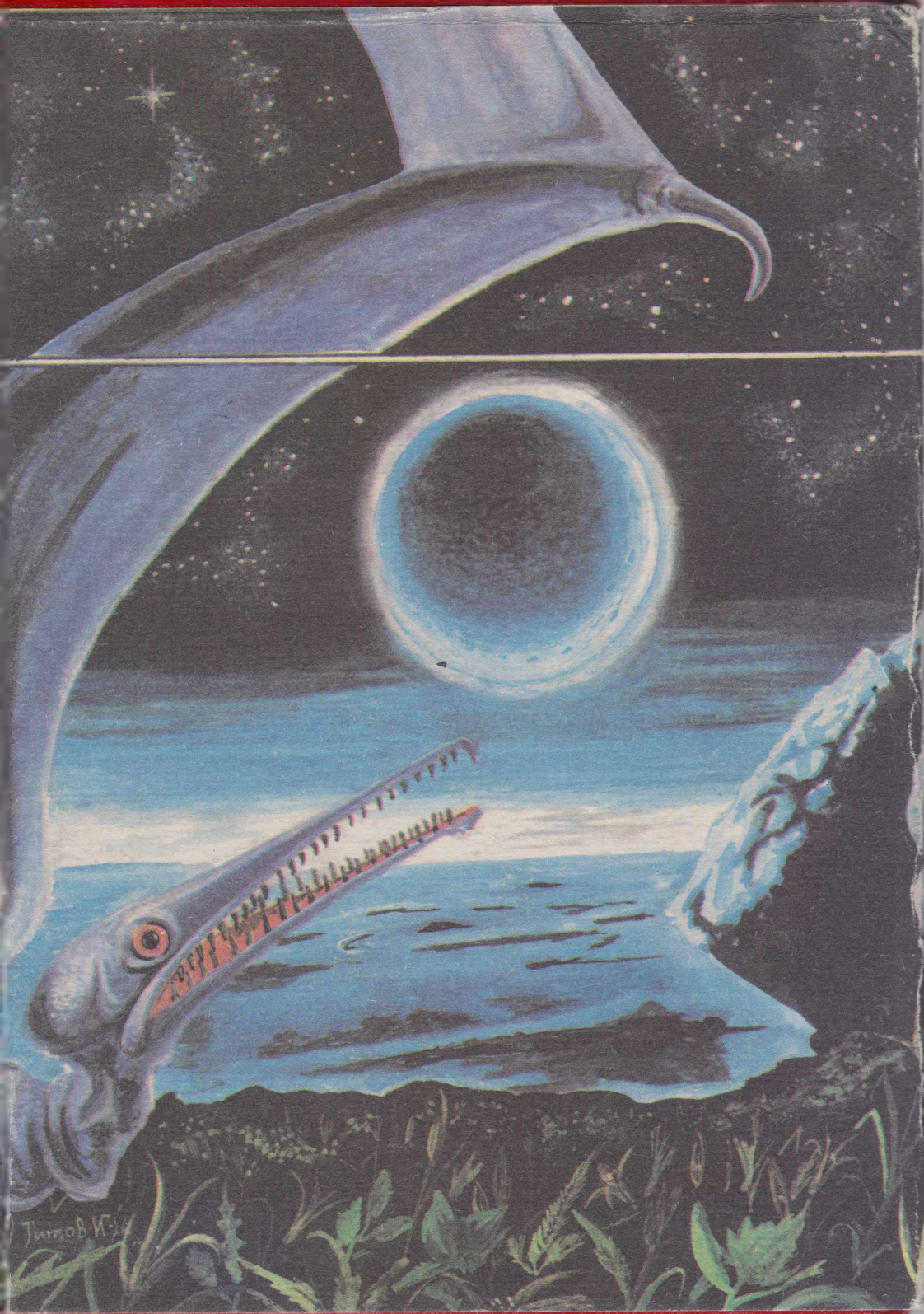
Издание подготовлено совместно с МП «Бином» и АО «Эгос»
ТОО ФЭЯ. 121357, Москва, а/я 236.

Московская тип. № 4 Министерства печати и информации РФ
129041, Москва, Б. Переяславская, 46

JAMES B. W.